

СОЧИНЕНІЯ
ИММОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ III.

СЛОВА ПРИ ПОСЪЩЕНІИ ПАСТВЪ. — ПОУЧЕНІЯ НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ. —
СЛОВА И РЪЧИ КЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

ИЗДАНИЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА•ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Гостинный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1873.

109093.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется
Октября 20 дня 1872 года.

Цензоръ Архимандритъ *Геласій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ III ТОМА.

СЛОВА ПРИ ПОСЪЩЕНИИ ПАСТВЪ.

	стр.
Слово при вступленіи на паству Вологодскую	3
Слово при второмъ служеніи, по вступленіи на паству Вологодскую. . .	8
Слово сказанное въ тюремной Вологодской церкви	12
Слово при посъщеніи паствы	17
Слово при посъщеніи паствы	21
Слово при посъщеніи паствы	25
Слово при посъщеніи паствы	29
Слово при посъщеніи паствы	34
Слово при посъщеніи паствы	39
Слово при посъщеніи паствы	43
Слово при прощаніи съ паствою Вологодскою	51
Слово при вступленіи на паству Харьковскую	55
Слово при обзорѣннѣ епархіи	64
Слово при посъщеніи паствы	67
Слово при посъщеніи епархіи	71
Слово при первомъ посъщеніи города Изюма.	75
Слово при обзорѣннѣ епархіи	80
Слово при первомъ посъщеніи города Чугуева	84
Слово при посъщеніи епархіи	89
Слово при посъщеніи епархіи	95
Слово при первомъ посъщеніи города Купенска.	100
Слово при первомъ посъщеніи города Сумъ	105
Слово при посъщеніи паствы	109
Слово при первомъ посъщеніи города Старобѣльска	114
Слово при посъщеніи паствы	118
Слово при посъщеніи епархіи.	122
Слово при посъщеніи паствы	125
Слово при обзорѣннѣ епархіи	128

	стр.
Слово при посѣщеніи паствы	131
Слово при первомъ посѣщеніи города Лебедина.	136
Слово при посѣщеніи паствы.	140
Слово при посѣщеніи паствы.	142
Слово при посѣщеніи паствы.	147
Слово при посѣщеніи паствы.	152
Слово при посѣщеніи паствы.	155
Слово при посѣщеніи паствы.	159
Слово при посѣщеніи паствы.	164
Слово при посѣщеніи паствы.	167
Слово при посѣщеніи паствы.	170
Слово при посѣщеніи паствы.	177
Слово при обзорѣннѣ епархіи.	181
Слово при посѣщеніи епархіи	185
Слово при посѣщеніи паствы	189
Слово при посѣщеніи паствы.	192
Слово при посѣщеніи епархіи	196
Слово при обзорѣннѣ епархіи	200
Слово при обзорѣннѣ епархіи	205

ПОУЧЕНІЯ НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ.

Слово по случаю крестнаго хода.	211
Слово по случаю обратнаго крестнаго хода	215
Слово по случаю крестнаго хода	218
Рѣчь при срѣтеніи на Холодной горѣ	222
Рѣчь при второмъ срѣтеніи на Холодной горѣ	223
Рѣчь среди крестнаго хода.	224
Слово по случаю крестнаго хода, вновь учрежденнаго, съ иконою Богома- тери Ахтырскія, въ Святотроицкіи монастырь.	226
Слово по случаю крестнаго хода.	229
Слово по случаю крестнаго хода.	233
Слово по случаю крестнаго хода изъ г. Херсона въ с. Касперовку, съ ико- ною Богоматери касперовской	236
Слово по случаю обратнаго крестнаго хода изъ Херсона въ с. Касперовку, съ иконою Богоматери касперовской.	238
Слово предъ началомъ крестнаго хода въ память основанія города Одессы.	240
Слово по случаю крестнаго хода	242
Слово по случаю новоучрежденнаго крестнаго хода изъ г. Херсона въ г. Ни- колаевъ	245
Слово по случаю крестнаго хода.	248

СЛОВА И РѢЧИ КЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Рѣчь ихъ императорскимъ высочествамъ, государямъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ	253
---	-----

Рѣчь войскамъ н-й дивизіи 4-го пѣхотнаго корпуса, по совершеніи, на Одесской соборной площади, напутственнаго молебствія, предъ походомъ въ Крымъ	255
Рѣчь резервнымъ войскамъ 10-й дивизіи, послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ ихъ въ Крымъ	257
Рѣчь Греческому баталіону, послѣ напутственнаго молебствія, предъ отправленіемъ его изъ Одессы въ Севастополь	259
Рѣчь отряду Болгарскому послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ его изъ Одессы обратно къ берегамъ Дуная	262
Рѣчь Смоленскому ополченію, при встрѣчѣ его, предъ совершеніемъ молебствія по сему случаю	265
Рѣчь Московскому ополченію, при встрѣчѣ его, послѣ молебствія	267
Рѣчь Дунайскому казачьему войску, при освященіи знамени, высочайше пожалованнаго ему за отличіе	269
Слово защитникамъ Севастополя, при врученіи имъ св. иконъ, присланныхъ имъ въ благословеніе изъ разныхъ мѣстъ Россіи	271
Слово по случаю врученія иконы святителя Николая, Стрѣлковому полку императорской фамиліи, присланной для того отъ Ея императорскаго величества, благочестивѣйшей государыни императрицы Маріи Александровны	273
Слово при освященіи Георгіевскихъ крестовъ, высочайше назначенныхъ въ награду отличившимся при отраженіи англо-французскаго флота отъ береговъ одесскихъ	275
Наставленіе сестрамъ крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, по изреченіи ими клятвеннаго обѣта на свое служеніе	278
Рѣчь сестрамъ крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, при возложеніи на нихъ крестовъ	281
Рѣчь новымъ сестрамъ крестовоздвиженской общины для служенія раненымъ воинамъ, при возложеніи на нихъ крестовъ	284
Наставленіе студентамъ академіи, по окончаніи ими курса и по объявленіи ученыхъ степеней и должностей	287
Наставленіе новопостриженнымъ монахамъ изъ студентовъ Академіи сказанное послѣ литургіи	290
Слово игуменіи Анатоліи, по случаю возложенія на нее золотаго наперснаго креста	292
Слово по случаю постриженія одной изъ сестеръ въ монахини	295
Слово къ монахинѣ Емилии, по постриженіи ея въ монашество	298
Слово воспитанникамъ второй Харьковской гимназіи	321

СЛОВА
ПРИ
ПОСЪЩЕНІИ ПАСТВЪ.

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА ПАСТВУ ВОЛОГОДСКУЮ *).

Миръ вамъ! (Лук. 24, 36).

ри всей употребительности сего святаго привѣтствія, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, и при всемъ желаніи моемъ, чтобы миръ Божій всегда водворялся въ сердцахъ и душахъ вашихъ, я не осмѣлился бы теперь употребить сихъ евангельскихъ словъ въ привѣтствіе, еслибъ мнѣ надлежало произнести ихъ къ вамъ отъ моего собственнаго лица. Ибо кто я, чтобъ мнѣ изрекать миръ и благословеніе цѣлой Церкви, которая, кромѣ другихъ преимуществъ, красуется цѣлымъ соборомъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, по всѣмъ предѣламъ ея почивающихъ нетлѣнными и чудотворными мощами своими? Не паче ли мнѣ самому должно предать себя молитвамъ сей Церкви, и отъ нихъ ожидать мира душѣ моей, и благословенія служенію моему? Но я уже сдѣлалъ сіе при самомъ вступленіи моемъ въ предѣлы паствы вологодской: а между тѣмъ, я прихожу къ вамъ, братіе, съ тѣхъ святыхъ горъ, откуда возсіялъ свѣтъ вѣры для всей земли отечественной, — изъ нѣдръ той Церкви, которая достойно и праведно именуется матерію всѣхъ Церквей россійскихъ. Приходя изъ такого мѣста, отъ такой Церкви, какъ не принести съ собою нѣкоего дара духовнаго? — И я, оставляя святой градъ, прилежно молилъ о томъ всѣхъ святыхъ Божіихъ, тамъ нетлѣнно почивающихъ. Дерзая о ихъ-то предстательствѣ у престола Божія, о ихъ богатствѣ духовномъ, я отверзаю те-

* Сказанное въ вологодскомъ успенскомъ соборѣ.

перъ уста мои, чтобы отъ лица Церкви кievской изречь миръ и благословеніе Церкви вологодской. Миръ вамъ и благодать отъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, Троицы единосущной и нераздѣльной, которая равно исповѣдуются и славятся на югѣ и сѣверѣ, востокѣ и западѣ, вездѣ просвѣщаетъ, всѣхъ и все животворитъ и спасаетъ. Миръ вамъ и благословеніе отъ пре-благословенной Дѣвы Маріи, Матери Божіей, нерукотворенное изображеніе коей благоговѣнно созерцалъ и лобызалъ я въ самоизбранномъ Ею для себя домѣ на земли—святой и чудотворной Лаврѣ Печерской! Миръ вамъ и благословеніе отъ собора Архангеловъ и Ангеловъ, имени коихъ посвящена обитель, въ которой обиталъ я доселѣ! Миръ вамъ и благословеніе отъ св. великомученицы Варвары, нетлѣннымъ мощамъ коей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ благочестно предстоялъ я! Миръ вамъ и благословеніе отъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ Антонія и Θεодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ, у подножія коихъ я совершалъ послѣднее служеніе предъ путешествіемъ къ вамъ! За молитвами толикихъ и такихъ предстателей у престола благодати, я дерзаю надѣяться, что мое желаніе вамъ мира и благословенія не будетъ однимъ празднымъ привѣтствіемъ, что благодать Божія дѣйствительно осѣнитъ души и сердца ваши.

И одно ли прошедшее и оставленное мною ободрять меня? Когда обзираю мысленно паству вологодскую, то мнѣ кажется, что я изъ одного рая духовнаго переселился въ другой, подобный. Куда ни посмотрю, вездѣ вижу цѣлые лики святыхъ. Воззрю ли на востокъ? Тамъ Прокопій Устюжскій отводитъ молитвами своими каменную тучу, висящую надъ Устюгомъ; тамъ Θεодосій Тотемскій среди сланыхъ источниковъ открываетъ новый неизсякаемый кладезъ соли духовной, и самъ содѣлывается солию земли Тотемской, спасающею отъ гніенія души и сердца. Обращусь ли къ западу? Здѣсь обитель св. Павла Обнорскаго, св. Корнилія и Арсенія Комельскихъ высятся яко твердыни духовныя въ прибѣжище и оплотъ воиновъ Христовыхъ, въ отраженіе враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Посмотрю ли на сѣверъ? Тутъ, среди волнъ на скалѣ каменной, вижу несокрушимѣе всѣхъ скалъ и камней раку святаго благовѣрнаго князя Іоасафа, преподобныхъ Петра и Василія. Приникну ли къ югу? — Тамъ почиваютъ, или лучше сказать, стоятъ на стражѣ духовной святыя основатели Церкви вологодской — священномученики Герасимъ, Іона и Питиримъ. Осмотрюсь ли кругомъ себя? — Се Ди-

митрій Прилуцкій! се Галактіонъ Спасокаменскій! се Герасимъ Кіевскій! се, въ самомъ храмѣ семъ, Антоній Вологодскій!

Огражденные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ святыми ходатаями и заступниками, *имѣя*, скажемъ словами Апостола, *облегающъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1) вѣры и упованія, можемъ ли не благодушно выйти на лежащій намъ и вамъ подвигъ спасенія?—Быть не можетъ, чтобы святыя угодники оставили насъ своею помощію, коль скоро мы будемъ обращаться къ нимъ за нею съ усердною молитвою, и будемъ идти неуклонно по святымъ стопамъ ихъ. А мы будемъ дѣлать сіе, будемъ и сами идти и васъ вести туда же, куда шли и дошли они.

Что же намъ именно должно дѣлать для сего? Въ чемъ должно состоять наше служеніе среди васъ? Чего въ правѣ ожидать и требовать отъ насъ вы? Чего должно желать отъ васъ намъ?—Когда я предлагалъ самъ себѣ сіи вопросы, то всякій разъ слышалъ въ отвѣтъ сіи слова Апостола: *той* (Господь Іисусъ) *далъ есть овы убо апостолы, овы благовѣстники, овы пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, къ созиданію тѣла Церкви Христовой* (Еф. 4, п. 12). То есть, братіе мои, пастыри Церкви, по свидѣтельству Апостола, даются для того, чтобы руководить насъ на пути къ вѣчному спасенію, чтобы служить намъ при духовномъ возрожденіи нашемъ въ жизнь вѣчную, чтобы назидать насъ въ вѣрѣ, любви и упованіи христіанскомъ, чтобы охранить насъ отъ соблазновъ міра и навѣтовъ духа злобы, чтобы врачевать недуги души и язвы совѣсти нашей, чтобы содѣлывать насъ благодатію Христовою живыми храмами Духа Святаго, чтобы готовить насъ въ мирѣ къ переходу въ міръ высшій и лучшій. —

Итакъ, вотъ предметъ дѣятельности и цѣль служенія нашего у васъ: мы должны быть вашими отцами духовными и пастырями, вашими духовными судіями и посредниками, вашими духовными наставниками и руководителями, вашими духовными врачами и утѣшителями; должны заступать у васъ мѣсто Апостоловъ Христовыхъ и самаго великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа.

Еслибы смотрѣть при семъ случаѣ на скудость своихъ силъ, на недостатокъ всѣхъ человѣческихъ средствъ, то намъ при настоящемъ случаѣ сто разъ надобно было бы воскликнуть съ Апостоломъ: *кто къ симъ доволенъ* (2 Кор. 11, 16)? Сто разъ над-

лежало бы сказать съ Моисеемъ ко Господу: *избери могуща иного, егोजе послеши* (Исх. 4, 15).

Но Тотъ, Кто далъ своей Церкви пастырей и учителей, провидѣлъ нашу немощь и заранѣе сдѣлалъ все для восполненія нашихъ недостатковъ. Въ книгахъ пророческихъ и апостольскихъ столько свѣта, что его станетъ для озаренія всѣхъ заблуждающихъ, для прогнанія всякой тьмы; въ таинствахъ христіанскихъ столько силы и дѣйственности, что ихъ достаточно для укрѣпленія всѣхъ немощствующихъ духомъ, для исцѣленія всякой язвы совѣсти. Кромѣ сего, всемогущій Спаситель нашъ всегда самъ среди Церкви своей, и невидимо — силою и благодатию, и видимо — Тѣломъ и Кровію своею. Здѣсь же, между нами, всегда Духъ истины, коего Онъ, вознесшись на небо, послалъ намъ отъ Отца, *да будетъ съ нами во вѣкъ*, да наставляетъ насъ на всякую истину, да облакаетъ насъ силою свыше, да утѣшаетъ насъ во всякой скорби и обстояніи. Послѣ сего, намъ остается только пользоваться тѣмъ, что въ такомъ избыткѣ давно уготовано, остается быть слугами и строителями таинъ Божіихъ, оказывая вѣрность и усердіе въ домостроительствѣ спасенія нашего.

И мы торжественно, предъ лицемъ сего престола благодати, на коемъ невидимо возсѣдигъ самъ Царь славы, обѣщаемъ Ему и вамъ сію вѣрность и сіе усердіе. Вы не услышите отъ насъ ничего, кромѣ того, что содержится въ словѣ Божіемъ, что провѣщано для нашего спасенія Пророками и Апостолами. Будемъ преподавать истины спасенія во всей ихъ простотѣ и чистотѣ, не лѣстя слуху и привычкамъ, не поддѣливая слова Божія подъ вкусъ вѣка сего, не ища *отъ чловѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ инѣхъ* (1 Сол. 2, 6). Не будемъ жалѣть ни времени, ни силъ, ни трудовъ, только бы совершать свое дѣло и достигнуть цѣли. Нужно ли будетъ возвѣстить горе безчувственнымъ и нераскаяннымъ, — мы возвысимъ съ Пророкомъ, яко трубу, гласъ свой, окружимъ себя грозою Синая и Хорива. Нужно ли будетъ ободрить и утѣшить отчаянныхъ, — мы сдѣлаемся, подобно Апостолу, *тихи*, какъ кормилица у колыбели дитяти. Постараемся, по примѣру св. Павла, *быть всѣмъ вся, да всяко нѣкія приобрящеть* (1 Сол. 2, 7).

Вотъ наше намѣреніе и обѣты! Сердцевѣдецъ видитъ, что они исходятъ изъ глубины души, Ему преданной, отъ сердца, жаждущаго вашего спасенія. Ничто не уклонитъ насъ съ нашего пути, не заслонитъ священной цѣли, къ коей стремимся. Мы единожды и навсегда предали себя въ волю Его Всемогущаго, все-

цѣло посвятили себя на служеніе Ему и дѣлу вашего спасенія; для сего готовы положить самую душу свою.

Раскрывая такимъ образомъ предъ вами душу и сердце свое, мы надѣмся, что и вы воскрылитесь новою ревностію къ дѣлу спасенія вашего, новымъ усердіемъ къ Церкви Божіей; что вы приложите все вниманіе къ тому, что будетъ возвѣщаемо вамъ, примете благодушно все, что почтено будетъ нужнымъ сдѣлать для усиленія между вами вѣры и любви во Христвѣ. Надѣмся, что вы будете искать въ наставленіяхъ нашихъ не словъ красивыхъ, а духа и силы евангельской; что вы безъ огорченія услышите самыя обличенія, когда они будутъ нужны. Наконецъ, мы надѣмся, что вы будете воспомоществовать намъ вашими молитвами: ибо если пастыри должны быть свѣтильниками для паствы, то молитвы о нихъ пасомыхъ должны быть елеемъ для сихъ свѣтильниковъ.

Вотъ наши желанія и наши надежды въ отношеніи къ вамъ!— Другаго ничего не желаемъ и не ищемъ.

Итакъ, призвавъ Господа на помощь, соединимся всѣ въ одномъ святомъ намѣреніи и пойдемъ дружно всѣ къ единой общей цѣли — нашего спасенія. Быть не можетъ, чтобы Господь не благословилъ сего союза, не подалъ намъ благодати служить вашему спасенію, а вамъ—воспользоваться симъ служеніемъ ко благу душъ вашихъ.

Господи Іисусе, единый истинный и вѣчный Пастыреначальникъ душъ и сердець! Ты самъ благоволилъ обѣщать въ словѣ Твоемъ: *еще чесо просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю. Просите и дастся вамъ* (Іоан. 16, 23). Се мы всѣ просимъ у Тебя единаго: прими всѣхъ насъ подъ Твое великое пастыреначальство, и буди нашимъ Вождемъ и Наставникомъ, а мы всѣ люди Твои, и овцы пажити Твоея, отнынѣ и до вѣка. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ВТОРОМЪ СЛУЖЕНІИ, ПО ВСТУПЛЕНІИ НА ПASTY PADOГOДСКИМЪ *).

Можетъ быть, для нѣкоторыхъ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ, что мы, не осмотрѣвшись еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ семъ, поспѣшили на служеніе сюда, къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждаго: но для насъ это было естественно. Ибо на пастыряхъ Церкви лежитъ долгъ пецись не о живыхъ только, но и объ умершихъ; и о послѣднихъ, если можно, болѣе, нежели о первыхъ: ибо живые могутъ и должны пецись о своемъ спасеніи и сами; а умершимъ кто можетъ оказать помощь, кромѣ св. Церкви? Молитвы о нихъ и безкровная жертва за нихъ, — вотъ ихъ единственное прибѣжище! — Посему-то мы, памятуя долгъ свой къ живымъ и мертвымъ, и совершивъ его, по возможности, въ прошедшее служеніе въ отношеніе къ первымъ, нынѣ поспѣшили сюда для принесенія молитвъ за послѣднихъ, желая скорѣе преподать такимъ образомъ нѣкое утѣшеніе духовное и почившимъ о Господѣ братіямъ нашимъ.

На свои ли слабыя молитвы уповая, говоримъ мы такимъ образомомъ? Нѣтъ, молимся ли мы о живыхъ, или мертвыхъ, наше упованіе Тотъ, кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Безъ Его всесильной помощи, самъ по себѣ, кто дерзнетъ стать между землею и небомъ? Кто можетъ явиться предъ лице правды Божіей даже съ единными собственными грѣхами? Но, облеченные силою заслугъ Христовыхъ, съ кровію завѣта вѣчнаго, на Голгоѣѣ

*) Сказанное въ вологодской кладбищенской церкви.

за всѣхъ насъ проліянною, мы дѣлаемся какъ бы всемогущи: смѣло приступаемъ къ престолу благодати, и воздѣваемъ руки о успокоеніи душъ усопшихъ братій нашихъ, здѣ почивающихъ.—

Какой великій соборъ ихъ долженъ быть теперь среди насъ! Меня пронизываетъ трепеть при мысли, что духовный взоръ ихъ устремленъ теперь на меня, и что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, жаждутъ услышать отъ меня слово спасенія!..

Но, усопшіе братія, научите меня, какимъ языкомъ долженъ я бесѣдовать съ вами! — Приму-ли голосъ наставника? Ваше поприще кончено; время наставленій прешло; и теперь вы лучше всѣхъ насъ сами видите, правду ли говорили намъ учителя Церкви, когда утверждали, что *едино есть на потребу* человѣка, и что нѣтъ никакой пользы, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а погубитъ душу свою. Начну ли говорить къ вамъ языкомъ утѣшителя? Но какъ дерзнуть ручаться за то, что происходитъ въ нашемъ мірѣ, который закрытъ отъ насъ непроницаемою завѣсою, гдѣ все не по нашему, хотя многое отсюда, гдѣ тысяща лѣтъ, яко день единъ и, можетъ быть, день единъ бываетъ яко тысяща лѣтъ!... Изреку однакоже, что внушаетъ мнѣ евангеліе и собственное сердце: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа да будетъ и со всѣми вами!—Да будетъ со всѣми! Ибо не всѣ ли вы сопровождаемы на мѣсто настоящаго покоя вашего молитвами и благословеніями св. Церкви? Не надъ всѣми ли вами возглашено разрѣшеніе отъ грѣховъ? Не у всѣхъ ли васъ въ рукахъ крестъ Христовъ?

О, возлюбленные, держитесь крѣпко, и непрестанно держитесь сего якоря спасенія! Доколѣ крестъ Христовъ въ рукахъ и въ сердцахъ вашемъ, какъ бы ни были крѣпки волны внутреннихъ и внѣшнихъ искушеній, никакая бездна не поглотитъ васъ. Живая вѣра въ Распятаго превозможетъ все, изведетъ отъ всего, управитъ во всемъ и ко всему. Всесильное ходатайство и смерть за грѣхи наши Сына Божія, дражайшаго Спасителя нашего — вотъ ваша сила, ваша пища, ваше утѣшеніе, ваше спасеніе! Стремитесь, сколько можете, горѣ, къ престолу благодати Его, стремитесь всѣми останками ума и сердца, всѣми силами совѣсти и чувства; а для успѣха въ семъ не озирайтесь вспять. Что вамъ въ землѣ, которую вы оставили навсегда? Что вамъ въ нашемъ мірѣ, который исчезъ для васъ невозвратно? Онъ, этотъ міръ, и теперь тотъ же, что былъ при васъ: также весь лежитъ во злѣ и мракѣ, также весь исполненъ неправдъ и соблазновъ; то же не-

вѣдѣніе путей живота, таже небреженіе о своемъ спасеніи, таже злоба и лукавство, таже нечистота, чувственность и страсти. — Вы испытали уже въ часъ смерти всю тщету земнаго и временнаго; видѣли, какъ ничто не помогаетъ человѣку въ день скончанія его: не озирайтесь же, возлюбленные, вспять къ немощнымъ и худымъ стихіямъ міра нашего; воздыхайте ко граду горнему и вѣчному, *ему же художникъ и содѣтель Богъ*. — Когда почувствуете благотворное вѣяніе молитвъ, несущихся изъ нашего міра о васъ ко престолу благодати, расправляйте въ то время и вы крылѣ духа своего вѣрою и порѣвайте всѣмъ существомъ его горѣ, въ объятія любви вѣчной! — А мы, какъ теперь и здѣсь призывали, такъ всегда и вездѣ будемъ призывать на васъ милосердіе Творца, и всепримиряющую силу заслугъ Христовыхъ! —

Что касается до васъ, братіе, здѣ стоящіе, то мы сами пришли сюда не столько учить, какъ учиться. Пойдемте вмѣстѣ на могилы братіи нашихъ и посмотримъ, что тамъ?

Что съ знатностію и славою, что съ мудростію и познаніями, что съ богатствомъ и роскошью? Увы, самый знатный здѣсь также снѣдь червей, какъ и послѣдній бѣднякъ; самый мудрый и краснорѣчивый также безгласенъ, какъ и малое дитя; кости у перваго изъ богачей лежатъ равно голы, какъ у того, кто всю жизнь не имѣлъ чѣмъ покрыть своей наготы; все изравнено, сглажено, стерто, обращено въ прахъ рукою смерти! — А мы гоняемся за всѣмъ симъ; въ этомъ полагаемъ задачу и цѣль жизни; на сіе самое тратимъ силы и здоровье; на это мѣняемъ нерѣдко совѣсть и душу. Ахъ, братіе мои, кто могъ ослабить насъ столь ужаснымъ образомъ? — Развѣ не предъ нами могилы братіи нашихъ? Развѣ мы созданы иначе, нежели они, и съ нами не сдѣлаетъ смерть того же, что сдѣлала съ ними? Зачѣмъ же мы вторяемъ одну и ту же ошибку? Зачѣмъ не поймемъ истинную цѣль жизни? не устремимся за единымъ на потребу?

Сіи и подобныя размышленія срѣтять насъ на могилахъ братіи нашихъ, срѣтять непременно, если только мы, ходя между сими могилами, не будемъ подобны тѣмъ памятникамъ, кои стоятъ надъ ними; если будемъ помнить, что лежащіе здѣсь на нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые на нѣсколько дней, были подобны намъ, ходили какъ и мы теперь здѣсь, нѣкоторые думали, а нѣкоторые, вѣроятно, и не думали, что имъ скоро лежать здѣсь; если притомъ перенесемъ мыслію къ своему послѣднему дню, вообразимъ какъ и насъ принесутъ на кладбище и опустятъ въ землю, какъ и надъ нами возвысится дерновый холмъ и ляжетъ надъ

гробный камень, какъ придетъ любимый нами человекъ и ороситъ слезою нашу могилу, а можетъ быть, и не придетъ никто, и одна св. Церковь, сія общая мать, не забудетъ насъ въ молитвахъ своихъ; и мы будемъ лежать въ землѣ до того страшнаго дня, когда всѣмъ надобно будетъ возстать и явиться на судъ страшный. Если вы въ подобныхъ мысляхъ проведете, братіе, краткое время вашего пребыванія здѣсь, то вы услышите поученіе, лучше коего никто не можетъ сказать вамъ.

И подобныя поученія слышать здѣсь вы можете всегда, какъ только захотите: ибо у живыхъ только языкъ измѣняется и становится иногда не похожъ самъ на себя, а у мертвыхъ всегда одинъ и тотъ же: могилы никому не польстятъ и не скажутъ неправды. Посему, когда почувствуете нужду въ наставленіи, спѣшите сюда; здѣсь проповѣдь всегдѣшняя: всегда услышите, что жизнь наша кратка и внезапно прерываема, что все на землѣ тлѣнно и ничтожно, кромѣ совѣсти и души безсмертной; что надобно отличать и обогащать себя тѣмъ, что вмѣстѣ съ душою переходитъ въ вѣчность, то-есть, дѣлами благими, что тотъ изъ насъ ужасный врагъ самъ себѣ, кто живетъ такъ, какъ бы ему никогда не умирать. Аминь.

СЛОВО

СЛАЗАННОЕ ВЪ ТЫРАНОИ РОДОГОДНОИ ЦЕРКВИ.

Въ темницѣ бѣхъ, и приидосте ко
Мнѣ (Матѣ. 23, 36).

Жели драгоценныя слова сіи принадлежатъ и нашимъ темницамъ, и мы, посѣщая узниковъ, посѣщаемъ чрезъ то самаго Господа и Спасителя нашего?—Не должно ли, напротивъ, относить сего изреченія къ тѣмъ исповѣдникамъ имени Христова, коими наполнены были темницы языческія во времена древнихъ гоненій на христіанство?— Или, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, кои, по запутанности обстоятельствъ и недалковидности правосудія человѣческаго, подвергаются заключенію въ темницы невинно?—

Воздадимъ каждому должное: признаемъ съ благоговѣніемъ, что св. исповѣдники вѣры особенно были достойны того, чтобы Начальникъ и Совершитель вѣры благоволилъ усвоить Себѣ самому ихъ темничное заключеніе. Не усомнимся исповѣдать и то, что подвергающіеся заключенію безъ вины, имѣютъ особенное право утѣшать себя тѣмъ, что самъ Господь и Спаситель раздѣляетъ съ ними узы ихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ не обинуясь, что слова Господа относятся ко всѣмъ заключеннымъ въ темницахъ, кто бы они ни были, такъ что гдѣ темница, тамъ невидимо и Онъ, Искупитель всѣхъ грѣшныхъ. Ибо, если душа, присутствуя во всемъ тѣлѣ, не только не отсутствуетъ отъ членовъ недугующихъ, но еще наиболѣе сочувствуетъ имъ: то можетъ ли душа таинственнаго тѣла Церкви—Господь нашъ оставить недугующіе члены сего тѣла, то есть, преступниковъ закона, каковы заключенные?—И что другое настоящій храмъ, какъ не

опытное доказательство того, что слова Спасителя: *въ темницѣхъ бѣхъ и приидосте ко Мнѣ*, относятся ко всѣмъ темницамъ? Вы слышали, что воспѣвалось, видѣли, что совершалось здѣсь: скажите, есть ли какое либо различіе въ совершаемомъ среди сего храма, на семъ престолѣ, противъ другихъ мѣстъ, противъ того, что совершается въ церквахъ, находящихся среди чертоговъ царскихъ? Также тайна и также жертва! тоже пречистое Тѣло, также пресвятая Кровь — Сына Божія, тѣже Херувимы и Серафимы, предстоящіе и служащіе вмѣстѣ съ нами Царю славы!

Итакъ, собравшіеся здѣсь нынѣ братія и сестры о Господѣ, если вы пришли сюда въ духѣ вѣры и любви, и отойдете отсюда въ духѣ смиренія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ; то вамъ не будетъ сказано на страшномъ судѣ: *въ темницѣхъ бѣхъ, и не посѣтити Мене*. Тѣмъ паче не скажутъ сего вамъ, братія и сотрудники, кои такъ благородно удѣляютъ время отъ трудовъ общественныхъ на служеніе здѣсь недугующему грѣхами человечеству. Благословенъ Господь, вложившій вамъ мысль на сей подвигъ любви и смиренія!—О, плоть и кровь не являютъ сего: это дыханіе Его всесвятаго Духа! Не ослабѣвайте же въ вашемъ подвигѣ и самоотверженіи, *еже имать издвоздаяніе велико*. Наступитъ день, когда, можетъ быть, вмѣсто всѣхъ прочихъ правъ и отличій нашихъ, одна сія жертва любви уцѣлѣетъ на вѣсахъ правды вѣчной.

Но, если мысль о пребываніи самого Спасителя въ темницахъ съ узниками должна располагать каждаго послѣдователя Христова смотрѣть на темницы съ нѣкимъ особеннымъ вниманіемъ и даже уваженіемъ, и стараться оказывать посильныя услуги заключеннымъ: то заключенные, кто бы ни были, тѣмъ паче должны имѣть въ сей мысли неизсякаемый источникъ назиданія и всегдѣшнее побужденіе къ признанію своихъ проступковъ, къ обращенію заключенія своего въ средство измѣнить себя на лучшее.—Господь премилосердый,—такъ долженъ разсуждать съ своею совѣстію каждый узникъ,—благоволилъ сказать—*въ темницѣхъ бѣхъ, и приидосте ко Мнѣ*: итакъ, Онъ преблагій не оставляетъ меня и въ темницѣ. Слава Его любви и милосердію! Доколѣ Онъ со мною, нѣтъ мѣста отчаянію; съ Нимъ Всемогущимъ я могу и въ темницѣ стяжать свободу духа, получить вѣчное спасеніе. Но кто заключилъ Его въ темницу?—Я, моими грѣхами и преступленіями! Какая ужасная неблагодарность! Онъ омылъ меня благодатію Духа Святаго въ крещеніи; Онъ питалъ меня Тѣломъ и Кровію своею въ таинствѣ причащенія; Онъ открылъ мнѣ входъ

въ царство небесное: а я, неблагодарный, будучи членомъ тѣла Его, заключилъ Его, въ лицѣ своемъ,—въ темницу; ради меня непотребнаго страждетъ пресвятое имя Его; ибо я христіанинъ, коему должно отличатся отъ невѣрующаго паче всего чистотою совѣсти и жизни... а я сталъ дѣлами своими хуже невѣрнаго!— Еврею, магометанину, идолопоклоннику простительнѣе грѣхъ; ибо онъ не знаетъ пути правды, не имѣетъ въ рукахъ Евангелія, не знаменуетъ себя крестомъ. Я имѣлъ все это, и впалъ въ такіа преступленія! — Чувствую мою вину, осуждаю свою прежнюю жизнь, даю обѣтъ жить впредь, какъ прилично христіанину. Пусть законъ караетъ меня: временное наказаніе, мною заслуженное и перенесенное, освободитъ меня отъ казни вѣчной. Лучше въ сей жизни все претерпѣть, только бы омытъ грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ. Что значатъ всѣ земныя наказанія предъ пламенемъ адскимъ? Посему, вмѣсто ропота, я благодарю Тебя, Господи, что Ты заплъ стопы мои на пути беззаконія, и предалъ меня въ руки правосудія. Теперь я имѣю всѣ средства исправиться и окончить жизнь въ покаяніи: а, укрывшись отъ правосудія, я безъ сомнѣнія продолжалъ бы идти далѣе во глубину золь, зашелъ бы въ такую пропасть, откуда нѣтъ возврата, умеръ бы во грѣхѣхъ и содѣлался бы жертвою ада! *Благо мнѣ, яко слирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ!*—

Такъ, или подобнымъ образомъ, должны размышлять сами съ собою вы, кои находитесь за сими забралами. Не для обличенія васъ пришли мы сюда, а чтобы преподать вамъ утѣшеніе и назиданіе. Видите сами, какъ святая вѣра, со всѣми таинствами своими, приблизилась къ вамъ: не удаляйтесь же и вы отъ нея; приблизьтесь къ ней вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ своихъ нравовъ. При всѣхъ грѣхопаденіяхъ вашихъ, вы имѣете еще всѣ средства къ тому, чтобы содѣлаться паки добрыми людьми и христіанами истинными; у васъ есть умъ, чтобы познать путь правды и отличать его отъ пути беззаконія, есть воля, чтобы избрать доброе и избѣгать злаго; есть совѣсть, чтобы возчувствовать свои грѣхи и возненавидѣть ихъ; есть очи, способныя плакать о содѣянномъ; есть уста, готовыя изрекать молитву и исповѣдь. Вспомните благоразумнаго разбойника, на крестѣ покаявшагося: онъ со креста пошелъ въ рай; что мѣшаетъ и вамъ подражать его святому примѣру? Спаситель и теперь простираетъ со креста руки ко всѣмъ кающимся: покайтесь и вы, и преидете отъ смерти въ животь!—

Но что слышу я? *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдаться имени Твоему!*—Кто вопіетъ столь жалкимъ воплемъ? Обремененный злодѣяніями преступникъ? нѣтъ! Обыкновенный узникъ? нѣтъ! Человѣкъ невинно страдающій въ темницѣ?—нѣтъ! По крайней мѣрѣ человѣкъ, находящійся въ темницѣ?—нѣтъ! Кто же это? Царь и пророкъ, мудрецъ и псалмопѣвецъ — св. Давидъ! Но, друже Божій, кто могъ заключить тебя въ темницу? И гдѣ сія темница, когда ты управляешь всѣмъ Израилемъ, когда кедровые чертоги твои такъ пространны, что могутъ вмѣстить всѣхъ жителей Иерусалима? На какое же заключеніе жалуешься ты? Откуда хочешь быть изведеннымъ?—Изъ темницы плоти моя, отвѣтствуетъ св. Давидъ, — той плоти, которая непрестанно мрачить, связуетъ, тѣснитъ и измождаетъ бессмертный духъ мой; той плоти, которая со всѣми желаніями моими влечетъ меня долу, приковываетъ къ землѣ, заставляетъ работать истлѣнію, не позволяетъ даже воздыхать свободно о горнемъ Иерусалимѣ. Чего не дѣлалъ я, чтобы растерзать узы моихъ грѣховныхъ навыковъ, возникнуть отъ рова страстей, изыти на широту свободы чадъ Божіихъ? Обращался за помощію къ мудрости и мудрымъ; совѣтовался съ умомъ и сердцемъ; постился и плакалъ; даже связывалъ себя клятвою не преступать закона правды; но тщетна надежда на мои собственные усилія; остается одна надежда на милость и всемогущество Того, кто единъ можетъ воссоздать сердце чистое, и обновить въ утробѣ моей духъ правый. И вотъ, я вопію къ Нему подобно послѣднему изъ преступниковъ: *изведи изъ темницы душу мою!* (Псал. 12, 3. ст. 7). Возьми меня изъ сего суетнаго и мятежнаго міра въ свѣтлыя обители твои, —туда, гдѣ живетъ одна чистота и правда, гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія. Или, по крайней мѣрѣ, облегчи благодатію своею тяжесть плоти моей, укроти всемогущимъ словомъ твоимъ бурю страстей, подаждь свободу сердцу и силу духу, да возмогу сразиться съ полчищемъ нечистыхъ помысловъ и страстей, и потомъ безпреткновенно до конца жизни ходить въ оправданіяхъ закона твоего. *Изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени твоему!*

Что мы должны заключить изъ сего молитвеннаго вопля царя Израилева? То, что у всякаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, есть свое заключеніе и своя темница; — что всѣмъ намъ не достаетъ свободы духа, не достаетъ и возможности освободиться отъ рабства грѣховнаго собственными силами, безъ всемогущей помощи свыше. Воспользуемся же симъ великимъ примѣромъ

и, выходя изъ сей темницы, обратимъ испытующій взоръ на самихъ себя, низойдемъ во глубину и мракъ своего внутренняго заключенія, и нашедъ тамъ томящійся въ оковахъ чувственности духъ нашъ, возревнуемъ о его освобожденіи, взывая подобно царю Израилеву къ великому Разрѣшителю всякихъ узъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдается имени твоему!* Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПЛСТВЫ *)

Уподобися царствіе небесное десятиль дѣвамъ, яже пріяша свѣтильники свои, и изыдоша въ срѣтеніе жениху (Мат. 25, 1—13).

Если есть какое мѣсто въ писаніи, которое вамъ всѣмъ должно знать наизусть, то это притча Спасителя о десяти дѣвахъ. Тутъ ваша судьба, настоящая и будущая; тутъ ваше спасеніе или ваше осужденіе. Почему я и беру сію притчу въ предметъ собесѣдованія съ вами.

Что изображаетъ она? Изображаетъ состояніе душъ, ожидающихъ пришествія небеснаго Жениха, ихъ приготовленіе къ срѣтенію Его, самую встрѣчу и неодинаковый приѣмъ ихъ Женихомъ, по причинѣ одновременности прихода и недостатка у нѣкоторыхъ брачныхъ принадлежностей. Такое изображеніе, явно, все клонится къ тому, чтобы показать намъ, какъ должно ожидать Жениха небеснаго, какъ исходить въ срѣтеніе Его, чѣмъ запастись и что имѣть для того, чтобы не остаться за дверьми чертога брачнаго. Теперь войдемъ въ самый составъ притчи.

Сколько было дѣвъ? десять. Всѣ онѣ были дѣвы, то есть души, уневѣстившія себя Господу; всѣ ожидали пришествия Жениха. И однакоже не всѣ допущены на бракъ Жениховъ: пятерымъ сказано: *не вѣль васъ!* Откуда такая разность въ жребіяхъ? Не отъ того ли, что сіи пять, недопущенныхъ, были юродивы? Но, онѣ были юродивы не по природѣ, а сами себя учинили такими. Когда бы захотѣли, и онѣ могли бы сдѣлать все то, что сдѣлано дѣвами мудрыми. Притча называетъ ихъ юро-

*) Сказанное въ вологодскомъ горнемъ успенскомъ женскомъ монастырѣ. Инокентій. Сочиненія. III.

ЗВН601

дивыми за ихъ безразсудныя дѣйствія, за то, что онѣ, стремясь къ цѣли, небрегли о средствахъ, безъ коихъ она не можетъ быть достигнута.

Что же помѣшало имъ войти на бракъ Жениховъ? Сонъ и недостатокъ ея въ свѣтильникахъ. Уснувши, онѣ не скоро проснулись; проснувшись, вмѣсто того, чтобы вдругъ идти на встрѣчу Жениха, пошли искать ея; такимъ образомъ пропущено время; пришли, когда уже были затворены двери, и потому остались за ними.

И мудрыя дѣвы не совершенно были свободны отъ сна: медленность прихода Женихова навела дремоту и на нихъ: *воздремашася вся, и спашу*. Но сонъ мудрыхъ дѣвъ былъ сонъ тонкій, нечуждый бодрствованія, сонъ, подобный тому, о коемъ говоритъ невѣста въ пѣсни Соломоновой: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. пѣсн. 5, 2). Платя дань немощамъ природы, и онѣ засыпали иногда, ослабляя свою духовную дѣятельность, повидимому, даже прекращали ее; но сердце ихъ бдѣло и было съ Жениховъ; душа ихъ всегда находилась намъ, гдѣ ея сокровище.—Притомъ у нихъ были готовы не одни пустые свѣтильники, но и елей дѣлъ благихъ. Посему, едва только раздался гласъ: *Женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе*: онѣ встали, и пошли на встрѣчу.

Нужно ли подробно изъяснять, что значитъ этотъ опасный сонъ, и что изображаетъ недостатокъ ея? Сонъ этотъ есть забвеніе нашей смерти и суда, насъ ожидающаго, есть преданіе себя плоти и міру и погруженіе въ чувственность, есть нерадѣніе о своей душѣ и прекращеніе дѣлъ благихъ. А недостатокъ ея есть недостатокъ чистой любви къ Богу и ближнему, которая одна можетъ поддерживать горѣніе въ свѣтильникѣ вѣры. Какъ душа погружается въ этотъ сонъ? Отъ мысли, какъ показываетъ притча, что Женихъ нескоро идетъ, и, можетъ быть, не придетъ. Съ одной стороны видятъ, что смерть еще далека, что потому, будетъ время покаяться и заняться дѣломъ спасенія; съ другой—видятъ прелесть міра и благъ его, чувствуютъ влеченіе къ нимъ своей грѣховной природы, и понижаютъ подъ симъ искушеніемъ; сначала предаются одной дремотѣ, одному ослабленію въ дѣлахъ своего званія, потомъ, мало-по-малу, засыпаютъ совершенно, теряютъ духовное сознаніе и чувство, земливаются, дѣлаются мертвыми духомъ и предаются дѣламъ тьмы. — Отчего небрегутъ во время запастись елеемъ? По той же самой причинѣ. Думаютъ, что еще будетъ время приобрѣсть его, или

занять у другихъ, какъ, вѣроятно, обольщали себя сею мыслию и юродивыя дѣвы. То есть, у кого занять? у святыхъ Божиихъ, какъ иногда думаютъ грѣшники. Ибо не часто ли бываетъ, что по упованію на молитвы какого либо угодника Божія, небрегутъ объ исправленіи своей жизни и нравовъ? Ставятъ предъ иконою свѣчи, служатъ молебны: а о томъ, чтобы освѣтить душу тѣми добродѣтелями, коими украшался угодникъ Божій, омыться тѣми же слезами покаянія, коими всю жизнь омывался онъ, о семъ и не думаютъ. Нѣкоторые до самаго прихода Жениха, до самой смерти своей, даже не знаютъ, есть ли елей въ ихъ свѣтильникахъ или нѣтъ. Имѣя свѣтильники, то есть содержа вѣру православную, ходя въ церковь, нося монашеское платье, выполняя наружно уставы монастырскіе, думаютъ, что симъ все сдѣлано. А какъ все сдѣлано, когда въ сердцѣ нѣтъ чистой, постоянной любви къ Богу и ближнему? когда въ немъ гнѣздится нечистота, любовь къ міру и страсти? Какъ все сдѣлано, когда обида какая либо огорчаетъ насъ такъ же, какъ и мірянъ, когда чувственность такъ же прельщаетъ, какъ и мірянъ? Ничего не сдѣлано, доколѣ мы не предадимъ навсегда всего существа своего Господу; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не содѣлаемся мертвы для міра и живы для одного Господа; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не готовы положить ради славы Его и изъ любви къ братамъ нашимъ самую жизнь.

Памятуйте сіе, возлюбленные, и блюдитесь сна грѣховнаго и нечувствія. Живущимъ въ мірѣ, обязаннымъ житейскими попеченіями, извинительнѣе, если иногда, утомленные самыми трудами жизни, воздремлютъ на стражѣ своего спасенія: а намъ что и помнить, о чемъ и думать непрестанно, какъ не о концѣ своемъ, не о судѣ страшномъ, не о мукахъ вѣчныхъ? Итакъ, отходя ко сну, говорите: не эта ли ночь, въ которую придетъ Женихъ и надобно исходить въ срѣтеніе Его со свѣтильниками? Вставъ отъ сна, говорите: не это ли день, когда въ послѣдній разъ освѣтитъ меня солнце, и я пойду мракомъ сѣни смертной? Осмотритесь кругомъ себя: сколько сестръ, съ коими вы жили, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ радовались и плакали, теперь уже тамъ, или въ чертогѣ, или за дверями чертога! И всѣмъ намъ предстоитъ тоже; смерть не останавливается, каждый годъ беретъ по нѣскольку: возьметъ и всѣхъ; всѣ ляжемъ во гробъ, покроемся землею, пойдемъ на судъ. Постараемся же заpastись елеемъ добрыхъ дѣлъ, доколѣ есть время. Пойдемъ заблаговременно къ продающимъ—къ обиженнымъ нами, и испросивъ про-

щеніе, получимъ елей мира и незлобія; пойдѣмъ къ бѣднымъ и нищимъ, и оказавъ имъ помощь, получимъ елей милосердія; оградимся постомъ и молитвою, и стяжемъ елей чистоты и цѣломудрія; будемъ какъ можно чаще имѣть предъ очами висѣщаго на крестѣ Спасителя нашего, и стяжемъ елей терпѣнія и преданности въ волю Божию. Капля по каплѣ, и составитъ полный свѣтильникъ, и мы не будемъ принуждены нѣкогда вопіять: *дадите намъ отъ елей вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ.* Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПИСТЫИ *)

Терпя потерпѣхъ Господа и внять ми, и услыша молитву мою, и возведе мя отъ рова страстей и отъ брениа тины и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста мои пѣснь нову, пѣніе Богу нашему. Узрятъ мнози, и убоятся, и уповають на Господа (Псал. 39, 1—4).

остигши къ вамъ путемъ новымъ и доселѣ непроходимымъ**), видѣвъ на семь пути, подобно древнему Израилю, острану себя сюду и сюду волны, и возшедши потомъ на скалу вашу, окруженную шумящимъ озеромъ, я невольно вчера привелъ себѣ на память сіи слова Давидовы, и теперь обращаю ихъ къ вамъ вмѣсто праздничнаго привѣтствія. Чтобы сіе привѣтствіе не показалось однакоже кому либо неяснымъ, воскресимъ въ памяти нашей обстоятельства жизни Давидовой, послужившія поводомъ къ произнесенію словъ вышеприведенныхъ.

Извѣстно, что царь и пророкъ, въ продолженіе своей жизни, подлежалъ множеству всякаго рода опасностей, и внѣшнихъ — отъ гоненій Саула, и внутреннихъ — отъ преслѣдованій того врага, который самого Саула сдѣлалъ изъ помазанника Божія человекомъ отверженнымъ. Спасаясь отъ преслѣдованій Саула бѣг-

*) Сказанное въ Бѣлавинской каменной пустынѣ, что на островѣ Кубенскаго озера, на память пр. Іоасафа Каменскаго, 1841 г. сентября 10 дня.

**) Вслѣдствіе чрезвычайной засухи, бывшей въ 1841 г., къ островѣ открылся сухой путь съ восточной стороны.

ствомъ, св. Давидъ не разъ обтекалъ горы и холмы іудейскіе, и одна изъ утесистыхъ скалъ послужила ему къ рѣшительному торжеству надъ гонителемъ (1 Цар. 26, 13). Сей-то случай, конечно, имѣлъ онъ въ виду, когда вдохновенною тростію писалъ благодарственную пѣснь: *на камень вознесе мя, вознесе главу мою*. Но у Давида была и другая скала, другой камень приближища, на которомъ спасался онъ отъ преслѣдованія духовнаго Саула, съ нимъ, какъ извѣстно, жестоко ратовавшаго,—а также отъ собственнаго *малодушія и отъ бури страстей*. Этотъ духовный камень былъ тотъ самый, изъ коего, по свидѣтельству Апостола, пили нѣкогда израильтяне въ пустыни воду жизни (1 Кор. 10, 4), камень, который Навуходоносоръ въ чудномъ сновидѣніи видѣлъ нѣкогда отторгшимся отъ горы — *безъ рукъ*, поразившимъ собою и обратившимъ въ прахъ истуканъ царствъ земныхъ, — ставшимъ потомъ въ гору велику и наполнившимъ собою всю землю (Дан. 2, 34 — 36). Камень, на коемъ стоитъ Церковь Христова, не бояся вратъ адовыхъ, на коемъ утверждаются и отъ коего піють воду жизни всѣ вѣрующіе, то есть— Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Если какой камень, то сей, безъ сомнѣнія, не забытъ былъ Давидомъ, когда отъ полноты благодарнаго сердца за оказанное благодѣяніе, онъ восклицалъ: *на камень вознесе мя: обыдохъ и пожрохъ жертву хваленія и воскликновенія!*

Видите теперь силу словъ Давидовыхъ, и почему они обращаются къ вамъ отъ меня вмѣсто праздничнаго привѣтствія? И вы вознесены на сугубый камень — чувственный и духовный; и подъ вами двѣ скалы—видимая и невидимая! Крѣпка скала видимая: сколько вѣковъ озеро борется съ нею, хочетъ опрокинуть ее и всегда возвращается вспять, такъ что вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола творческаго: *до сего дойдеши и не преjdeши: но въ тебѣ сокрушатся волны твоя*. Но стократъ крѣпче и несокрушимѣе скала невидимая, на коей утверждается внутренній человекъ вашъ. Что можетъ противъ Господа и Спасителя нашего, весь міръ съ его соблазнами, самъ князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воинствомъ?—Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайтесь, возвышайтесь, и сами, *яко каменіе живо, зиждитесь во храмъ духовенъ, въ святительство свято, возносити жертвы благопріятны Богу Іисусомъ Христомъ* (1 Пет. 2, 5). Доколѣ вы на семъ камени вѣры, до толѣ не страшны никакія волны искушеній, никакія бури стра-

стей: пошумятъ и пройдутъ; не дадутъ вѣншнему челоуѣку вашему нѣскольکو ночей спокойно уснуть, но не отнимутъ мира у духа; оторвутъ, унесутъ какой либо кусокъ земли, то есть, что было въ васъ земнаго и нечистаго, но не опровергнуть храмины спасенія, утвержденной на камени. Когда возшумитъ вокругъ васъ буря и свирѣпныя волны начнутъ бить въ стѣны обители вашей, помышляйте при семъ, что на морѣ житейскихъ попеченій свирѣпствуютъ еще большіе вѣтры (скольکو тамъ несчастій! скольکو потопленій! скольکو слезъ и стоновъ!) и, представляя вашу здѣсь духовную безопасность, повергайтесь съ благодарностію предъ Тѣмъ, кто извелъ васъ отъ рова страстей, отъ брєнія мірской тины и поставилъ на камени нозѣ ваши. А между тѣмъ памятуя, что среди бури и волненій всегда могутъ быть люди на озерѣ, васъ окружающемъ, въ эту минуту, можетъ быть борющіеся съ опасностію смерти, — воздѣвайтесь, какъ можно чаще, руки ваши къ небу и молитесь спасенію ихъ. — Да, возлюбленные, не напрасно скалѣ, васъ на себѣ носящей, повелѣно стать на самой срединѣ бурнаго озера; это значитъ, что св. обитель ваша съ ея крестоносными главами должна служить въ знаменіе спасенія и приобѣжища для всей страны окрестной, для всѣхъ погибающихъ тѣломъ и духомъ. Не забывайте сего божественнаго предназначенія! Да обрѣтаютъ у васъ всѣ притекающіе сюда приютъ радушный и благовременную помощь! А вмѣстѣ съ симъ да обрѣтаютъ они у васъ пристанище и покой душамъ своимъ! Давидъ за то, что вознесетъ быль на камень, приносилъ Господу, его вознесшему, въ жертву овновъ и тельцовъ; а вы за то же самое приносите недѣлностно жертву безкровную, молясь о мирѣ всего міра, о плавающихъ и труждающихся на озерѣ вашемъ, и объ отпущеніи грѣховъ тѣмъ, кои за симъ самымъ и приходятъ къ вамъ, особенно во дни святыхъ четыредесятницы. Да не исходитъ изъ таковыхъ никто ненаставленнымъ, неуравчєваннымъ, неутѣшеннымъ! Располагайте къ покаянію, и трогайте ихъ не столько словами, сколько слезами вашими. Такимъ образомъ безводная и неплодная скала ваша содѣлается благодатію Божіею, неизсякаемымъ источникомъ благословеній для цѣлой страны, и превзойдетъ плодоносіемъ духовнымъ всѣ нивы и вертограды мірскіе.

Что сказать вамъ, кои съ такимъ усердіемъ, не смотря на трудность пути, оставивъ дома и всѣ занятія свои, собрались сюда на праздникъ пустынный? По самому усердію вашему къ сему мѣсту видно, что шумъ міра не заглушилъ вашего слуха

духовнаго, что блага земныя не могутъ наполнить вашего сердца, что вы знаете цѣну уединенія и жизни отшельнической, и, можетъ быть, завидуете тѣмъ, кои обитаютъ здѣсь. Благословенно чувство, васъ сюда приведшее! Питайте святую тоску по небесномъ отечествѣ, укрѣпляйте ее всѣми средствами, а для сего, не оставляйте притекать подъ мирный кровъ сей святой обители. Но не скучайте, братіе, своимъ состояніемъ, и не мыслите, чтобы оно мѣшало вамъ быть истинными христіанами. Нѣтъ, св. праотцы всѣ жили въ супружескомъ состояніи; и однакоже Авраамъ заслужилъ имя отца вѣрующихъ. Моисей имѣлъ семейство, и однакоже былъ пророкъ, вождь народа Божія, чудотворецъ и другъ Божій. Надобно только, живя въ мірѣ, не порабощать духа міру, не прилѣпляться сердцемъ къ тлѣннымъ благамъ его, не забывать обязанностей евангельскихъ, удаляться грѣховъ и каяться въ тѣхъ, кои совершены волею или неволею: кто будетъ жить такимъ образомъ, тотъ и въ мірѣ получитъ спасеніе. Ибо отъ чего зависитъ спасеніе? Не отъ платья и одежды, не отъ мѣста и званія, а отъ вѣры и дѣлъ добрыхъ. Кто же не въ состояніи имѣть вѣру и творить добро? Тебѣ нельзя, напримѣръ, быть часто на службѣ Божіей? вмѣсто сего что ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію, и ты всегда будешь на службѣ Божіей. Закидываешь ли мрежи и проводишь ночь на озерѣ, или воздѣлываешь землю и проводишь день на полѣ: коль скоро ты дѣлаешь то и другое, призывавъ имя Господа Іисуса, оградивъ себя крестомъ, съ намѣреніемъ употребить добытое трудомъ на дѣло благое; то съ тобою Ангель-хранитель, съ тобою сама благодать Божія. То худо, если дѣла житейскія совершаются поязычески; съ ропотомъ и клятвою, съ корыстолюбіемъ и обманомъ, для похоти и прихотей: тогда подлинно губится душа и тѣло. Но кто велитъ совершить свое дѣло такимъ образомъ? Это зависитъ отъ насъ, какъ отъ насъ же зависитъ всѣ положенія и всѣ дѣла свои освящать молитвою.

Сими и подобными размышленіями утѣшайте и ободряйте себя, братіе, и будьте увѣрены, что царство небесное равно отверсто для всѣхъ, иноковъ и мірянъ, и что если въ мірѣ, — какъ иногда и въ обителяхъ иноческихъ, — погибаютъ, то отъ самихъ себя, погибаютъ не по недостатку средствъ ко спасенію, а потому что не пользовались ими, нерадѣли о душѣ своей. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПАСТЫРИ *).

реподобный отче Θεодосіе! Я твердо вѣрую, что ты, почивая здѣсь нетлѣнными мощами своими, никогда не оставляешь братію обители твоей безъ должнаго наставленія, — что не только она, но и всѣ притекающіе съ вѣрою къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ твоимъ, не отходятъ отъ тебя безъ тайнаго вразумленія въ душѣ и совѣсти. Но долгъ пастыря, лежащій на слабыхъ раменахъ моихъ, велитъ и мнѣ благовѣствовать слово истины.

Итакъ, благослови отверзть уста для собесѣдованія съ братією твоею и подкрѣпи слабое слово мое твоею крѣпкою молитвою.

Въ глубокую полночь достигъ я, братіе, обители вашей; и однако же засталъ васъ всѣхъ бдящими и усшедшими на срѣтеніе меня съ горящими свѣтильниками. О если бы всѣмъ намъ срѣтить такимъ образомъ того великаго Архіерея, *прошедшаго небеса*, который придетъ нѣкогда въ полунощи, и удостоится войти съ Нимъ въ свѣтлый чертогъ Его! И почему намъ и вамъ не имѣть сей благой надежды? Не для сего ли самаго вы притекли на обитаніе подъ кровъ сей святой обители? Не для сего ли оставили все, что имѣли и могли имѣть въ мѣрѣ? Не для сего ли произнесли святыя обѣты и облеклись во вся оружія Бо-

*) Сказанное въ тотемскомъ Θεодосіевомъ Спасомуриномъ монастырѣ, въ церкви, гдѣ почиваютъ св. мощи преподобнаго Θεодосія.

жия? Не для сего ли переносите всѣ трудности и подвиги житія иноческаго и постническаго? При столькихъ средствахъ не достигнуть цѣли? Отъ столькихъ жертвъ не получить плода? Послѣ столькихъ сраженій не заслужить вѣнца? Что можетъ быть, не говорю горестнѣе, — постыднѣе? Что скажутъ о насъ въ такомъ случаѣ святые угодники Божіи, коихъ имена мы носимъ, у подножія коихъ живемъ, по слѣдамъ коихъ пошли, молитвами коихъ ограждаемся и укрѣпляемся? Что скажетъ о насъ тогда самый міръ, нами оставленный, когда изъ среды его явятся люди, кои удостоятся войти въ свѣтлый чертогъ Жениха? Страшно, братіе, и подумать о семъ: но должно думать! Когда великіе подвижники до конца жизни нерѣдко бывали въ страхѣ за свое спасеніе: то намъ ли предаваться безпечности и самодовольству? Когда самъ св. Павелъ, восхищенный до третьяго неба, бывший еще во время земной жизни въ раю, говорить: *азъ себе не у польщилъю достигша* (Фил. 3, 13), то намъ ли возлечь спокойно на ложахъ своихъ въ томъ мнѣніи, что мы уже достигли? — *Забывая, по слову сего же Апостола, задняя, всегда простигатися въ предняя* — вотъ наше правило и наша обязанность! Каждый день мы должны начинать такъ, какъ бы еще ничего не было сдѣлано нами для своего спасенія; и каждый день оканчивать такъ, какъ бы намъ уже нельзя было дѣлать ничего болѣе. Горе тому, кто отъ гордости и самомнѣнія, или отъ нерадѣнія и хладности — все равно — воздремлетъ на стражѣ души своей. Врагъ спасенія нашего не упуститъ сего случая, не замедлитъ, во время нашей дремоты, унести оружіе духовное, постарается опутать, какъ Далида Сампсона, сѣтями чувственности духъ нашъ, набросить смертоносную петлю на выю, и повлечь за собою въ пропасть адскую. Сугубое горе тому, кто съ полнымъ сознаніемъ отвращаетъ очи отъ высокой цѣли святаго званія своего, и устремляется вспять, во Египетъ духовнаго рабства! О, возлюбленные, блюдитесь сего возвращенія вспять; а для сего поминайте чаще, по заповѣди самого Спасителя, жену Лотову. Что погубило ее и обратило въ столпъ сланный? Возрѣніе вспять на Содомъ погибающій. Этотъ погибающій градъ есть міръ лукавый и грѣшный, вами оставленный. И его ожидаетъ таже участь, какая постигла грады, преогорчившіе Господа, — огонь и жупель. Ангелы-хранители ваши извели васъ изъ суетъ житейскихъ, препроводили въ Сигоръ духовный, здѣшнюю богоспасаемую обитель: не озирайтесь же вспять, къ благамъ міра, вами оставленнымъ. Что вамъ въ нихъ? Вы и теперь, въ сей жизни, уже нашли блага луч-

шія — беззаботность отъ суеты мірской, свободу духа, покой душевный; но это одинъ залогъ благъ будущихъ. Тамъ, по свидѣтельству слова Божія, уготовано истиннымъ подвижникамъ то, чего око не видѣло, ухо не слышало, что не восходило на самое сердце человѣческое. Есть чего подождать, есть для чего потрудиться! А міръ, обольщающій настоящимъ, развѣ вдругъ даетъ, что обѣщаетъ? Когда потребуетъ поклоненія себѣ, онъ каждый разъ говоритъ: *сія вся дати ти*; но поклонись ему, и увидишь, какъ онъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ собственныхъ совершенствъ и, вмѣсто награды, пошлетъ пасти свинія. Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ лицу людей, посѣщающихъ вашу обитель: много ли увидите свѣтлой радости на семъ лицѣ, много ли довольства и мира душевнаго? Всѣ въздыхаютъ и стонутъ, — бѣдные и богатые, безславные и славные; всѣ приходятъ у васъ искать утѣшенія и отрады души и сердцу. Научитесь же, хотя изъ чуждаго, ежедневнаго опыта, познавать преимущество вашего состоянія и пользуйтесь имъ какъ должно.

Отъ чего наиболѣе всегда страдала и теперь страдаетъ жизнь иноческая? Отъ чего гибнуть нерѣдко труды долгодѣтніе. прежніе подвиги самоотверженія и набожности? Отъ невоздержанія. Рѣшиться прямо на дѣла неподобныя не могутъ многіе изъ самыхъ міролюбцевъ: инокъ тѣмъ паче защищенъ отъ того многими, даже внѣшними преградами. Но чувственность и плотоугодіе, особенно въ умѣренномъ видѣ, какъ это бываетъ сначала, кажутся невинными утѣшеніями плоти, даже нѣкимъ родомъ необходимаго подкрѣпленія силъ, тѣмъ паче слабости тѣлесной. Но потокъ чувственности, единожды открывшись въ душѣ, и незагражденный тотчасъ святымъ воздержаніемъ, подобенъ потокамъ горнымъ; стремится долу и растетъ, растетъ и ширится, ширится и свирѣпѣетъ, разсвирѣпѣвъ, все опровергаетъ и уноситъ съ собою. Что вначалѣ могло быть заграждено рукою младенца, противъ того тщетно силится стать потомъ и великанъ. О чемъ въ состояніи воздержанія и думать почиталось за грѣхъ, то въ состояніи невоздержанія, совершать считается едва не за добродѣтель. Не такъ ли низвергаются въ бездну грѣха иногда тѣ, кои подавали о себѣ самыя прекрасныя духовныя надежды, кои долго трудились, высоко взошли, и долго стояли на высотѣ?

Имѣя въ виду сіе, возлюбленные, никогда не слагайте съ себя святыхъ узъ воздержанія. А для сего поминайте чаще Лота и его злоключеніе. Примѣръ страшный! Живя въ Содомѣ, онъ былъ чистъ и удостоился посѣщенія ангельскаго; а достигши Си-

гора, палъ, какъ не падаютъ многіе изъ самыхъ грѣшниковъ. Отчего? оттого, что, живя въ Содомѣ, бдѣлъ надъ собою и ограждался постомъ; а пребывая въ Сигорѣ, забылъ на время святое воздержаніе. Если съ праведникомъ случилось такое ужасное паденіе отъ невоздержанія, то чего не сдѣлаетъ оно изъ насъ, слабыхъ и поплзновенныхъ ко грѣху? Но Лотъ загладилъ свое паденіе; а о насъ, единъ Богъ вѣдаетъ, можно ли сказать, что мы, паши, возстанемъ.

Впрочемъ, если бы кого и постигло искушеніе, не отчаявайся. Рана и сокрушеніе обратятся на главу врага, коль скоро покаешься и оставишь грѣхъ. Смирненіе есть наилучшая изъ добродѣтелей, а кому естественнѣе имѣть его какъ не падавшему? Этотъ драгоценный плодъ, то есть, смиреніе всегда можно пожинать послѣ самыхъ грѣхопадений. Не надобно только медлить въ безднѣ, должно тотчасъ вопіять о помощи, и дать себя извести изъ рова страстей. Мало ли у васъ помощниковъ и предстателей духовныхъ? Кромѣ благодати Божіей, никогда неоставляющей грѣшника, на сіе готовы всѣ святыя Ангелы и всѣ угодики Божіи, тѣмъ паче преподобный Феодосій, вашъ началовождь хранитель. Къ нему прибѣгайте, ему исповѣдайте грѣхи свои, него просите помощи: онъ не оставитъ чадъ своихъ!

Прочее же, братіе мои, елика суть честна, елика истина, елика праведна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте (Фил. 4, 8). Богъ же всякія благодати, возведый изъ мертвыхъ Пастыря овецъ великаго, кровію завета вѣчнаго, и призавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ (Евр. 13, 20), той насъ мало пострадавшихъ, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ (1 Петр. 5, 10), да оснуетъ, и да сокрушитъ сатану подъ ноги наши (Рим. 16, 20). Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПАСТЫ *).

Добро соль: аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится. Ни вочтоже будетъ кому, точію да изсыпано будетъ вонь и попираема челоуѣки. Имѣйте соль въ себѣ (Марк. 9, 50. Матѳ. 5, 13).

акъ богата и неисчерпаема сокровищница слова Божія! И какъ легко христіанскимъ проповѣдникамъ дѣлать свое дѣло! стоитъ только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братіе, что промыслъ, коимъ постоянно занимаетесь вы здѣсь, не изъ самыхъ обыкновенныхъ занятій и промысловъ.—Мнѣ хотѣлось однакоже преподавать вамъ наставленіе, по роду самыхъ занятій вашихъ. И вотъ, едва только я pomysлилъ о семъ, какъ представились мнѣ вышесказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ для васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, для приобрѣтенія изъ него соли духовной.

Добро соль. Итакъ, само слово Божіе похваляетъ предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солію, можно сказать, всю жизнь вашу.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унижить трудяща-

*) Сказанное въ тотемской пригородной, что на соляномъ заводѣ, церкви Воскресенія Господня.

гося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ обществу: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самый предметъ его всегдашнихъ занятій чистъ и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, по свидѣтельству самаго слова Божія. *Добро соль!* Чѣмъ добро? — тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ; — тѣмъ, что соль придаетъ въ устахъ человѣка всему вкусу и пріятность; — тѣмъ, наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохраненію слабыхъ вещей отъ порчи и глѣнія. Посему-то соль издревле служила у всѣхъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія. — Посему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моисея израильскому народу приносить Господу разныя жертвы; то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солію (Лев. 2, 13). Посему-то, наконецъ, Господь самихъ Апостоловъ своихъ сравнивалъ съ солію: *вы есте соль земли* (Мат. 5, 13).

Какъ не добро послѣ сего соль? И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою? Вы слышали, какія добродѣтели: чистота, постоянство и нетлѣніе. Старайтесь же имѣть ихъ, братіе, будьте и въ нравахъ и въ жизни чисты какъ соль, постоянны какъ соль, благопріятны всѣмъ, какъ соль, удалены отъ порчи и глѣнія, какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солію, и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ нравахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ свои прекрасныя качества? Посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтте сіе, и старайтесь благодушно переносить скорби и лишенія, неизбежныя въ жизни каждаго! это огонь, необходимый для нашего очищенія. Кто пользуется симъ огнемъ какъ должно, тотъ самъ становится чистою солію на трапезу Господню.

Добро соль: аще соль обуяеть, чинь осолится? нивочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ вонь и попираема челоувѣки.

Не смотря на добротность состава своего, соль, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять свои прекрасныя качества: становится несоленою и недѣйствительною. Нѣтъ ничего хуже такой обуявшей соли: она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредитъ той землі, на которую ее высыпать. Такъ бываетъ съ солію: такъ бываетъ и съ людьми. Если служители

алтаря престанугъ учить здраво, священнодѣйствовать со страхомъ Божиимъ; если не будутъ подавать примѣра благой жизни; то что они, какъ не соль обуявшая, и что остается сей соли, какъ быть высыпанною на всеобщее поправление? Если начальнику и приставнику работъ и трудовъ не будутъ оказывать справедливости въ требованіяхъ и воздаяніяхъ, не будутъ снисходить немощи и нуждамъ трудящихся, не будутъ служить имъ примѣромъ усердія къ Церкви Божіей, воздержанія и кротости; то что они, какъ не соль обуявшая? И куда годна сія соль, какъ не на то, чтобы ее изсыпать вонъ и попирать ногами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти наслушаются отъ васъ словъ срамныхъ, насмотрятся дѣлъ неподобныхъ; то что вы, какъ не соль обуявшая? Чѣмъ послѣ сего осолится юному поколѣнію и избыть ранняго растлѣнія нравовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣтьми, развращенными примѣромъ вашимъ? — *Нивочтоже будетъ, точію да изсыплется вонъ въ поправіе челоуѣко.ль.*

Илѣйте соль въ себѣ. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитесь постоянно надъ солію. Слышите ли? мало имѣть соль внѣ себя, полъ своими стопами и въ своихъ рукахъ; надобно, по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что это за соль внутренняя? — Въ тѣлѣ челоуѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, находятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ необходимая часть цѣлаго. Но сія соль не зависитъ отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, или не имѣть ея, хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ челоуѣческой природная соль: это самое выражаемъ мы, когда говоримъ, такой-то челоуѣкъ съ солію, въ его словахъ много соли; то есть, онъ остръ и уменъ; его слова замысловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой, — сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тлѣнія, а не рѣдко сама производитъ тлѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномысліи и шуткахъ зловредныхъ, въ кошунствѣ, пересудахъ и злорѣчіи.

Какую же соль заповѣдуется намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Апостоль Павель. *Слово ваше, говоритъ онъ, да будетъ солію благодати растворено* (Кол. 10, 8). Если слово должно быть растворено солію благодати, то и мысль; если мысль, то и умъ; если умъ, то и душа. Благодать, и только

она одна, своимъ дѣйствиємъ, своимъ огнемъ всеочищающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль естественную. У человѣка облагодатствованнаго Духомъ Святымъ все бываетъ растворено солию благодати — мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ, проникнутый сею солию, забываетъ свое тѣніе, какъ показываетъ примѣръ нетлѣнныхъ тѣлесъ св. угодниковъ Божіихъ.

Но намъ ли, подумаетъ кто либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ Святымъ? Развѣ у Него не достанетъ зиждительнаго огня для образованія во всѣхъ насъ соли благодатной? Кто теперь преподобный Θεодосій Тотемскій? Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на семъ же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ же дѣломъ, коимъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помѣшали же ему всѣ сіи, такъ называемые, черные труды, убѣдиться душею своею, паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія — утончить свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солию земли тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? Тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую обработывалъ онъ, непрестанно напоминала ему слова писанія, побуждала стараться о снисканіи тѣхъ благихъ качествъ, кои выражаетъ собою соль. Сидя у огня, на коемъ варилась соль, Θεодосій всегда преносился мыслию къ огню адскому и размышлялъ самъ съ собою такъ: «если огонь, который разведенъ моими слабыми руками, такъ нестерпимъ и ужасенъ; то каковъ долженъ быть огонь, возженный десницею Всемогущаго для грѣшниковъ? Если въ этомъ нашемъ огнѣ нельзя и полминуты пробыть безъ жестокаго мученія: то каково должно быть мученіе тѣхъ, кои ввержены будутъ во огонь вѣчный?» Такъ размышлялъ самъ съ собою преподобный, и страхомъ вѣчныхъ мукъ, спасалъ себя отъ всякаго поползновенія на грѣхъ.

Что мѣшаетъ, братіе мои, и вамъ всѣмъ имѣть подобныя мысли, и просиживая цѣлые дни и ночи надъ огнемъ, вмѣсто

того, чтобъ скучать отъ бездѣйствія, вспоминать объ огнѣ вѣчномъ, и вспоминая разсматривать себя и свою жизнь, нѣтъ ли въ ней такого, что неминуемо подлежитъ горѣнію въ немъ? Святій угодникъ Божій для того, конечно, и былъ на вашемъ мѣстѣ, дабы вамъ оставить примѣръ. Подражайте ему, и тогда огонь, почти неугасаемо горящій у васъ, будетъ производить глубокое дѣйствіе: образуя соль въ рукахъ вашихъ, онъ будетъ дѣйствовать къ образованію духовной соли внутри васъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВѢЩЕНІИ ПАСТЫРЯ *).

Прежде всего благодарю Господа, что даровалъ мнѣ быть въ вашемъ богоспасаемомъ градѣ и поклониться святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, въ немъ почивающихъ! Благодарю Господа, что сподобилъ меня воздѣть молитвенно къ Нему слабыя руки мои на томъ мѣстѣ, гдѣ воздѣвали ихъ святоупно преподобный Прокопій и Іоаннъ, Корнилій и Леонтій! Не малое преимущество, братіе, жить въ такомъ градѣ, у подножія святыхъ Божіихъ! Кто бы напримѣръ отвратилъ ужасную каменную тучу, висѣвшую нѣкогда надъ градомъ симъ, если бы въ немъ не было тогда св. Прокопія? Безъ сомнѣнія, и по успѣніи своемъ св. угодники не оставляютъ особеннымъ заступленіемъ своимъ тѣ мѣста, гдѣ почиваютъ нетлѣнными останками своими, и живушіе на сихъ мѣстахъ имѣютъ добрый залогъ упованія во всякой скорби и обстояніи.

Но, братіе мои, видимая близость къ намъ св. угодниковъ Божіихъ, толико полезная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ и отъ насъ особеннаго преспѣянія въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ христіанскихъ. Иначе мы подвергнемся гораздо большому осужденію, въ сравненіи съ другими, за нашу нечистоту и нечестіе, какъ имѣвшие предъ собою особенный примѣръ благочестія, особенное побужденіе быть истинными христіанами.

Итакъ, позвольте мнѣ, по долгу пастыря Церкви, войти съ

*) Сказанное въ Устюжскомъ Успенскомъ соборѣ.

вами въ разсмотрѣніе духовнаго состоянія вашего и для сего предложить любви вашей нѣсколько вопросовъ.

И во-первыхъ, храните ли вы въ чистотѣ драгоцѣнный залогъ вѣры, преданный каждому изъ насъ при святомъ крещеніи? Памятуете ли, что всѣ мы, кто бы мы были, есмы существа падшія, кои бывъ созданы невинными, украшены образомъ Божиимъ, поставлены въ рай сладости, предначлены къ безсмертію и блаженству вѣчному, не умѣли вознестись на высотѣ богоподобія, послушались совѣта змиаго, не вернулись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбилиси въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть? Памятуете ли, что для возстановленія насъ отъ сего ужаснаго паденія, для изведенія изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю сынъ Божій; облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, перенѣлъ всѣ роды бѣдности и поношеній, умеръ за насъ на крестѣ, сошелъ во адъ, и потомъ, воскресши изъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ и крестомъ крестомъ къ нашему спасенію? Памятуете ли, что сей возлюбленный и купитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто себя *иного Утѣшителя*, Духа пресвятаго, дабы Онъ пребывалъ въ насъ во вѣкъ, наставлялъ насъ на всякую истину, утѣшалъ насъ во всякой скорби;— что сей всеблагій Духъ просвѣщаетъ насъ въ Пророкахъ и Апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ Церкви, что Онъ обитаетъ благодатію своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистою и нераскаянною жизнью? Памятуете ли, что у всѣхъ насъ есть общаго матерью, — Церковь Христова, которая орождаетъ всѣхъ насъ водою и духомъ въ таинствѣ крещенія, питаетъ всѣхъ насъ словомъ Божиимъ и Тѣломъ и Кровію Христовою въ таинствѣ причащенія, врачуетъ души и совѣсти въ покаяніи и исповѣди, сопровождаетъ насъ въ самыя двери грѣха и разрѣшеніемъ и молитвами своими, что связанное или разрѣшенное служителями ея, вязуется или разрѣшается въ то же время на небѣ, и что всякъ, противящійся святымъ уставамъ Церкви, по сему самому, есть хуже мытаря и язычника? Памятуете ли наконецъ, что всѣ мы живемъ на землѣ на краткое время, что всѣхъ насъ ожидаетъ смерть и судъ, что настанетъ время, когда все видимое пройдетъ, всѣ умершіе возстанутъ, дабы воспріять по дѣламъ своимъ, и что тогда истинно покаявшіеся получаютъ блаженство нескончаемое, а нераскаянные подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ?

Вотъ сущность святой вѣры нашей! — Она высока и вмѣстѣ

открыта каждому, какъ сводъ небесный; глубока, неизчерпаема и вмѣстѣ доступна всякому, какъ море; неизслѣдима въ существѣ и вмѣстѣ благотворна для всѣхъ и вездѣ, какъ солнце. Храните, братіе, сію святую вѣру: за нее мученики пролили всю кровь свою; ей святые подвижники посвятили всю жизнь свою; для нея скитались въ горахъ и пропастьхъ земныхъ тѣ, коихъ по слову Апостола, не бѣ достоинъ весь міръ (Евр. п, 28). Стыдно и грѣшно будетъ намъ, если мы не сохранимъ сей святой вѣры теперъ, когда ничто не отвращаетъ отъ нея, а все побуждаетъ хранить ее въ цѣлости.

Соблюдая вѣру правую, стараетесь ли, братіе, жить по правиламъ сей святой вѣры? Вы знаете, чего требуетъ она отъ насъ,—чтобъ мы не любили міра, ни яже въ мірѣ, чтобы избѣгали похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, чтобы проводили жизнь въ цѣломудріи, благочестіи и правдѣ, чтобы были милостивы, кротки, великодушны, чтобы помышляли и исполняли, по слову Апостола, *вся елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика прехвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Такова ли наша жизнь, возлюбленные? Кого Богъ благословилъ дарами счастья, благодарить ли тотъ Бога, и употребляетъ ли сіи дары во славу Его и на пользу ближнихъ? Кого Богъ благословилъ несчастіемъ, смиряется ли тотъ подъ крѣпкую руку Божию, носитъ ли свой крестъ благодушно и пользуется ли имъ для очищенія и освященія души своей?—Отцы и матери, воспитываете ли дѣтей вашихъ въ страхъ Божіемъ, и подаете ли имъ примѣръ жизни святой и богоугодной? Чада и домочадцы, вознаграждаете ли своєю любовію и послушаніемъ родителямъ заботы и труды, для васъ подѣемлемые, услаждаете ли своимъ усердіемъ и нѣжностію ихъ старость и немощи?—Господа и властители, помните ли что и надъ вами есть Владыка, коему должны вы будете нѣкогда дать отчетъ въ участи подручныхъ вамъ, и не страдаютъ ли, они отъ вашей жестокости и вашихъ прихотей? Слуги и рабы, служите ли господамъ своимъ по-христіански, трудясь отъ души, а не предъ очами точію работающе? Знаете ли, что вы служите не чловѣкамъ, а Господу, который поставилъ васъ при рожденіи въ сіе состояніе, и что чѣмъ труднѣе жребій вашъ здѣсь, тѣмъ большая ожидаетъ васъ награда тамъ? Христіанство не уничтожаетъ различія званій и состояній земныхъ, но оно облагораживаетъ и освящаетъ ихъ всѣ. Христіанинъ превыше земныхъ отношеній; каждое званіе для него есть только переходъ къ одному званію

всеобщему, небесному. Тамъ все изравняется, все вознаградится сторицею; тамъ соединимся всѣ, и составимъ единое семейство Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сію высокую цѣль бытія нашего и зная, что въ будущее вѣчное царствіе Божіе не увидеть ничтоже нечистое, стараетесь ли, братіе, очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа, и украшать себя тѣми добродѣтелями, кои приличны наслѣдникамъ сего царствія? Бѣгаете ли отъ грѣха и соблазна, какъ язвы? Ищете ли дѣлъ благихъ, какъ сокровища? Стремитесь ли къ истинѣ? Любите ли правду? Услаждаетесь ли чистотою? Держитесь ли воздержанія? Храните ли кротость и смиреніе?

Господь премилосердый, вѣдый всю существа нашего немощь, преподалъ намъ наудѣйствительнѣйшее средство къ изглаженію самыхъ грѣхопаденій нашихъ: я разумѣю—покаяніе и исповѣдь. Пользуйтесь ли вы симъ драгоцѣннымъ средствомъ, какъ должно? И производить ли оно въ васъ то, что должно?—Пользуетесь ли? Мы ежедневно омываемъ лице и руки; почитаемъ за необходимое чистить платье, обувь и внутренность домовъ нашихъ: какъ же хотя разъ въ годъ не омыть души и сердца слезами покаянія? Не очистить совѣсти исповѣдію? Но покаяніе дѣйствительно тогда только, когда оно сопровождается истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ; исповѣдь сильна тогда только, когда мы не возвращаемся паки на тѣ грѣхи, въ коихъ пріяли отпущеніе. Итакъ, стараетесь ли избѣгать тѣхъ мрачныхъ и скользкихъ стремнинъ, въ коихъ падала и сокрушалась ваша добродѣтель? Принимаете ли всѣ мѣры къ тому, чтобы нѣжный ростокъ невинности, возникающій въ таинствѣ покаянія, былъ огражденъ и хранимъ отъ новыхъ бурь, отъ новой засухи и ожестенія грѣховнаго, отъ новаго наводненія потоками чувственности? Безъ сего вы будете возставать токмо для того, чтобы упасть снова и еще глубже, доколѣ не погрузитесь въ ту глубину злѣ и нечестія, откуда нѣтъ исхода.

Послѣдній вопросъ: помните ли, братіе, о своей смерти и приготавливаетесь ли, какъ должно, къ послѣднему часу вашему? Неминуемъ и грозенъ часъ сей; страшно разлученіе души отъ тѣла! Тогда все оставитъ насъ, все—что занимало, обольщало, радовало и печалило! Позади міръ и жизнь; впереди вѣчность и судьба! Одна вѣра, одни добрыя дѣла, одно покаяніе и сокрушеніе сердца пойдутъ за нами, и будутъ въ помощь намъ, если мы стяжали ихъ. Помните ли сіе, возлюбленные, и готовитесь ли къ переходу изъ суетнаго міра сего въ вѣчность? Если мы, пред-

принимая какой либо временный путь, заранѣе готовимся и обдумываемъ, какъ совершить его, гдѣ и въ какое время остановиться, что гдѣ сказать и что гдѣ сдѣлать; то не крайнее ли безразсудство—имѣть путь съ собою вѣчно, и не думать предварительно, какъ вступить въ нее, не стяжать надлежащаго запаса на безконечное странствованіе, не употребить всѣхъ силъ и средствъ на то, чтобы послѣдній грозный часъ не засталъ насъ внезапно—неготовыми? Ибо кто положилъ завѣтъ съ смертію? Кто можетъ сказать, что онъ увидитъ завтрашній день? Не поидетъ нынѣ же путемъ сей земли? Благо тому, кто живетъ такъ, что всегда готовъ окончить жизнь и предстать на судъ Божій! Но горе тому, кто потянулъ изъ виду послѣднюю цѣль бытія своего, кто поработилъ себя похоти и страстямъ, кто, имѣя еще возможность принести покаянiе во грѣхахъ своихъ и очистить ихъ вѣрою и слезами, не спѣшитъ воспользоваться средствами къ спасенію грѣшной души своей! Пройдетъ драгоцѣнное время милосердія,—и двери заворются! Начнетъ плакать и вопіять,—и никто не услышитъ! Да не постигнетъ сія страшная участь никого изъ васъ! — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВѢЩЕНІИ ПАСТЫ *).

реди пастырскаго странствованія моего, проповѣдуя въ разныхъ мѣстахъ слово Божіе, я всегда старался о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ возродить въ слушателяхъ моихъ печаль по Бозѣ и сѣтованіе о грѣхахъ своихъ, пробудить въ нихъ мысль и тоску по небесномъ отечествѣ. Ибо между опасностями жизни мірской самая главная та, что человѣкъ, преданный земнымъ заботамъ, самъ непримѣтно землеветъ и дѣлается нечувствительнымъ къ своему спасенію; забываетъ совершенно, для чего онъ созданъ и къ чему предназначенъ; живетъ какъ бы ему никогда ненадежало умирать и явиться предъ страшный судъ Божій. Имѣя въ виду сію опасность, я всегда, въ моихъ бесѣдахъ, непосредственно обращался къ душѣ и совѣсти моихъ слушателей; тотчасъ вступалъ въ брань съ міромъ и его соблазнами, и срывая съ сего врага личину его мнимыхъ прелестей, показывалъ все земное и временное во всемъ его ничтожествѣ. Здѣсь думаю, нѣтъ нужды говорить мнѣ такимъ языкомъ, обращаться къ симъ средствамъ убѣжденія. Ибо, кого я вижу предъ собою? Вижу многочисленный сонмъ женъ, кои несмотря на слабость своего пола, давно дерзнули сами вступить въ брань съ міромъ и доказали побѣду надъ нимъ уже самымъ удаленіемъ отъ него на вѣки, кои, по заповѣди евангельской, оставили все, чтобы воспріять благую часть Маріину и начать искать единого на потребу.

*) Сказанное въ устюжскомъ Іованно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ.

Такихъ слушателей къ чему побуждать? Отъ чего отвращать? Въ чемъ наставлятъ?—Вступивъ въ такой священный кругъ, не паче ли должно сорадоваться, благодарить Господа и славить? И мы, предстоя у престола сего, не оставили принести должную жертву хвалы и благодаренія за васъ, и васъ самихъ приглашаемъ какъ можно чаще, дѣлать тоже самое. Ибо безъ Его всесильной помощи, вы не только не разорвали бы узъ міра, на васъ лежавшихъ, но, можетъ быть, и не подумали бы разрывать ихъ когда либо. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли въ мірѣ людей, кои вполне чувствуютъ тяжесть своего мірскаго положенія; желали бы выдти и убѣжать изъ области духовнаго рабства, но не могутъ сдѣлать сего; сто разъ можетъ быть собирались, подобно древнимъ израильтянамъ, въ путь, и доселѣ сдѣять въ плѣну на рѣкахъ Вавилонскихъ; тоскуютъ и плачутъ о родномъ Иерусалимѣ, но остаются въ Вавилонѣ. Также было бы и съ вами—безъ особенной благодати Божіей къ вамъ. Памятуйте же, возлюбленные, благодѣнія Божіи, и пользуйтесь для своего спасенія преимуществами вашего званія и вашей свободы духовной.

Чего не достаетъ вамъ для спасенія? Міръ съ своими соблазнами не смѣетъ преступить за прагъ святой обители вашей; и если является кто здѣсь, то не въ видѣ грознаго владыки, требующаго отъ рабовъ своихъ жертвъ и поклоненія, а въ видѣ странника и пришельца, чтобъ послушать вашего богослуженія, поучиться вашимъ примѣрамъ. Церковь со всею святынею, со всѣми таинствами, со всѣми обѣтованіями своими такъ близка къ каждой изъ васъ, что вы всѣ, подобно преблагословенной Матери Божіей, живете подъ сѣнію дома Божія, а нѣкоторыя изъ васъ, подобно Ей, могутъ входить въ самое святое святыхъ.—Страждетъ ли какая либо сестра отъ старости, — руки младыхъ сестеръ готовы на услуги и помощь. Страждетъ ли какая либо сестра отъ младости, — уста и сердца сестеръ опытныхъ готовы на утѣшеніе и на молитву за нее. Приходитъ ли недугъ тѣлесный, — не далеко врачество и тѣлесное, если его требуютъ; а духовное всегда является, хотя бы его и не требовали почему либо. Приходитъ ли конецъ самой жизни, — не о чемъ думать и пещись, кромѣ души своей; спокойно можно закрыть глаза, бывъ увѣренною, что оставшіяся въ живыхъ сестры сдѣлаютъ все, что нужно, для поминовенія души отшедшей. Можно ли желать состоянія лучше сего тому, кто воистину ищетъ своего спасенія?

Но мы, помыслятъ при семъ нѣкоторыя изъ васъ, не можемъ, къ сожалѣнію, посвящать всего времени нашего Богу и молитвѣ;

должны трудиться и работать для снисканія себѣ хлѣба насущнаго: это заставляетъ иногда даже оставлять богослуженіе или стоять на немъ съ разсѣянною мыслию и думать о земномъ.

Такого разсѣянія мыслей надобно всячески избѣгать, возлюбленные. Но что виною его? Трудъ ли тѣлесный? Напротивъ, извѣстно, что праздность порождаетъ еще болѣе разсѣянія и земныхъ помысловъ. Среди труда, если мысль и обращается въ земномъ, то по крайней мѣрѣ около предметовъ труда, все еще довольно чистыхъ и невинныхъ, а тамъ, у праздности мысль любитъ парить и извиваться около предметовъ самыхъ чувственныхъ и нечистыхъ. Это разсѣянїе мыслей, на которое въ нашемъ состоянїи такъ часто жалуются, вообще сродно нашей падшей и нечистой природѣ; и доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бдѣніемъ и молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатію Божіею, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенія уму, ума духу, духа не заключимъ въ волю Божіею; дотолѣ, гдѣ бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разсѣянны и преданы мыслямъ земнымъ. А что касается собственно труда тѣлеснаго, то онъ самъ по себѣ, не только не вредитъ духовной жизни, а напротивъ, служитъ для нея помощію и оградю. Посему-то именно у древнихъ подвижниковъ благочестія время и дѣлилось всегда между занятіями духовными и трудомъ тѣлеснымъ. Духа праздности они почитали величайшимъ врагомъ духовной жизни, особенно родителемъ духа унынія; и потому молились первѣе всего о удаленїи его отъ себя, какъ это показываетъ молитва св. Ефрема, такъ часто повторяемая въ св. четьредесятницу. Посему же, безъ сомнѣнїя, самъ Господь и пречистая Матерь Его благоволили Своимъ примѣромъ въ поученїе наше, освятить трудъ тѣлесный. Ибо кто, думаете, доставлялъ пропитанїе Господу, когда Онъ жилъ, до тридцати лѣтъ въ дому Іосифовомъ, въ Назаретѣ? Архангелы и Ангелы? Нѣтъ, руки старца и древодѣля Іосифа и Его собственные! Чѣмъ послѣ молитвы и слова Божїа, занята была обыкновенно Матерь Божїа? Сотворенїемъ чудесъ? Изреченїемъ пророчествъ? Нѣтъ, обыкновенными дѣлами своего пола, трудами тѣлесными, плодомъ коихъ былъ и тотъ нешвенный хитонъ, который покрывалъ наготу Божественнаго Сына Ея предъ распятїемъ. Видите, кто трудился и работалъ! Намъ ли послѣ сего жаловаться на трудъ и думать, что онъ мѣшаетъ жизни духовной? Нѣтъ, если какая изъ сестеръ находится въ необходимости труда; та благодари за сіе Господа, который поставилъ ее въ состоянїе, подобное бывшему состоянїю

на землѣ Его собственному и Матери своей; а если какая сестра не находится въ сей необходимости, та ставь, какъ можно чаще, сама себя въ состояніе труда, дабы не лишиться мзды трудящихся, дабы избѣгнуть опасностей праздности, дабы не подпасть подъ строгое, но совершенно праведное изреченіе Апостола: *не трудивыйся, да не ясть!* Другое дѣло немощь тѣлесная и неспособность къ труду: когда замѣтите ее въ какой либо изъ сестръ, то спѣшите остановить трудящуюся; помогайте ей соединенными силами, кто отъ избытка, кто отъ усердія, дабы излишекъ труда, обременивъ тѣло таковой, не повредилъ и ея душѣ! Когда будете поступать такимъ образомъ; тогда все пойдетъ хорошо, и между вами не будетъ воздыханій отъ трудовъ.

Что еще сказать вамъ, возлюбленныя о Господѣ сестры? Не забывайте цѣли, съ коею пришли вы сюда; не забывайте обѣтовъ вами произнесенныхъ; не забывайте смерти и суда страшнаго! Никакія ограды не защитятъ насъ отъ нападеній врага, если мы не станемъ ограждать себя непрестанно именемъ Господа Іисуса, смиреніемъ и бдѣніемъ духовнымъ надъ своимъ сердцемъ; никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истинною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцевѣдцемъ грѣховъ своихъ. А учредить внутри насъ сего божественнаго служенія никто не можетъ, кромѣ самого Духа Святаго. Къ сему-то Пресвятому Духу обращайтесь какъ можно чаще съ молитвою о томъ. Онъ не только наставитъ васъ на всякую истину, но и подастъ силы исполнить всякую правду. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПАСТЫРЯ *).

Принесши на алтарь семь безкровную жертву о благосостояніи вашего града, вспомянувъ надъ нею молитвенно живыхъ и мертвыхъ, я по долгу пастыря, долженъ теперь обратиться къ вамъ, братіе, съ словомъ назиданія христіанскаго. Желалъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ, желалъ бы повторить вмѣстѣ съ вами все ученіе о благочестіи христіанскомъ: но краткость времени не позволяетъ сего. Впрочемъ, если бы мы имѣли и много времени, то можно ли сказать съ сего мѣста все?—Могутъ ли сдѣлать это даже здѣшніе пастыри ваши и наставники, бесѣдуя съ вами часто? Кто хочетъ знать все, что нужно для его спасенія, тотъ необходимо долженъ размышлять и учиться самъ; и, благодареніе Господу! у каждаго изъ насъ есть средства къ тому. На сіи-то средства хочу я указать вамъ теперь, дабы вы пользовались ими, когда захотите. Ибо, къ сожалѣнію, многіе ими вовсе не пользуются, и потому остаются во тьмѣ и невѣдѣніи.

Самое первое къ наученію себя у каждаго человѣка средство есть его совѣсть. У кого изъ людей нѣтъ совѣсти? Кто не слышитъ, хотя по временамъ, голоса, повелѣвающаго ему то или другое дѣлать, а это или сіе оставить? Что же такое совѣсть, какъ не гласъ самого Бога? Онъ, Отецъ небесный, посылая насъ въ міръ сей, далъ намъ сіе драгоцѣнное напутіе; Онъ вложилъ

*) Сказанное въ Сомъвичегодскомъ соборѣ.

въ душу нашу сей глаголь неумолкающій. Если бы мы слушались своей совѣсти, сохраняли, какъ должно, сіе зеркало истины и правды: то внутри насъ непрестанно совершалось бы непосредственное откровеніе воли Божіей, и мы безъ наставниковъ знали бы все, что намъ должно дѣлать. Но, вотъ наше несчастье! вмѣсто того, чтобъ поступать по совѣсти, мы большею частію идемъ вопреки ея; водимся чувствами, привычками, страстями, а о совѣсти небрежемъ, заглушаемъ ее, подавляемъ. Отъ сего зеркало совѣсти тускнетъ, и покрываясь прахомъ суетъ, не можетъ отражать въ себѣ и показывать намъ ясно образа нашего; отъ сего голосъ совѣсти слабѣетъ, становится невнятенъ, наконецъ умолкаетъ, такъ что мы остаемся безъ совѣсти. Правда, что такой человѣкъ самый несчастный—горе тому, кто погубилъ совѣсть! Но, кто виною сего горя? Самъ человѣкъ; притомъ всегда есть средство выйти изъ сего несчастнаго состоянія. Омой зеркало совѣсти слезами покаянія: и оно паки станетъ свѣтлымъ и будетъ отражать и показывать тебѣ весь образъ бытія твоего; очисти и освободи духъ душевный отъ страстей: и паки будешь слышать внутри себя гласъ Божій; ибо совѣсть, какъ мы сказали, есть откровеніе въ насъ воли Божіей.

Второе средство къ наученію себя у каждаго есть собственная жизнь. Не напрасно жизнь называютъ школою и говорятъ—«вѣкъ живи, вѣкъ учись»: жизнь подлинно есть школа, и притомъ Божія. Ибо въ чьихъ рукахъ наша жизнь и кто управляетъ ею? Богъ: безъ Его воли, какъ учить слово Божіе, не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса. Если безъ воли Божіей не можетъ упасть волосъ; кольми паче не можетъ произойти съ нами что либо важное. Посему на все, что ни случается съ нами въ жизни, мы должны смотрѣть какъ на уроки премудрости Божіей и во всемъ видѣть благую волю Божію, насъ вразумляющую. Если бы мы смотрѣли такимъ образомъ на свою жизнь, то непрестанно получали бы наставленіе. Но вотъ наше несчастье! Мы обыкновенно думаемъ, что за нами съ неба никто не смотритъ, и что нашею жизнію никто не управляетъ. Отъ сего драгоценные уроки, преподаваемые намъ свыше въ событіяхъ нашей жизни, остаются непринятыми, непонятными и потому безплодными. Особенно нельзя не пожалѣть въ этомъ отношеніи о такъ называемыхъ несчастіяхъ жизни. Если Промыслъ посылаетъ ихъ на насъ, то всегда съ особенною цѣлью, — научить насъ чему либо, или для обузданія въ насъ чувственности, гордости и прочихъ страстей. Въ такомъ случаѣ несчастія именно

подобны тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои опытные врачи предписываютъ больнымъ въ крайности, и коихъ свойство то, что они или производятъ рѣшительный поворотъ на лучшее, или истощаютъ силу жизненную. Посему несчастія всегда должны бы оказывать самое благотворное дѣйствіе на духъ нашъ. Но часто бываетъ совсѣмъ напротивъ; почему? Именно потому, что мы, находясь въ несчастіи, вмѣсто того, чтобъ признать на себѣ руку Божию, возвести очи къ небу и слышать гласъ Отца небеснаго, глаголющаго къ намъ въ несчастіи нашемъ, предаемся малодушію, ропоту, клянемъ людей и судьбу, а о Богѣ и душѣ своей не хотимъ и подумать.

Наконецъ, сама природа, насъ окружающая, самыя вещи бездушныя могутъ и должны служить для насъ въ наученіе полезное. Ибо что такое природа? Ужели сборъ вещей, неимѣющихъ никакого смысла? Нѣтъ, это зеркало, въ коемъ по свидѣтельству Апостола Павла, отражаются совершенства Божіи, самая *присносущная сила* Творца и Его *Божество* (Рим. 1, 5). Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на кипящее волнами море или на тучу, разсѣкаемую молніею и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усѣянный звѣздами, на восходящее и заходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цвѣтами, ведущую за собою хоры пернатыхъ: не образъ ли это благодати Божіей? Что мѣшаетъ тебѣ, смотря на всѣ сіи картины, восходить мыслию къ совершенствамъ Творца твоего? Ты видишь, какъ въ природѣ все течетъ стройно и въ порядкѣ: долженъ стараться, чтобы все текло такъ стройно и въ твоей жизни. Видишь, какъ солнце сіяетъ не только на благія, но и на злыя; старайся и самъ быть благимъ ко всѣмъ, самымъ ненавидящимъ и злымъ. Услышишь громъ, — вспомни о гласѣ Божіемъ къ Адаму падшему: *Адаме, гдѣ еси?* и обрати сей гласъ къ своей душѣ. Увидишь радугу, — вспомни о потопѣ, истребившемъ за грѣхи первый міръ, послѣ чего радуга поставлена Богомъ въ знаменіе мира. Настанетъ затмѣніе луны или солнца, — перенесись мыслию къ тому времени, когда солнце померкнетъ вовсе и луна не дастъ свѣта. Самыя обыкновенныя занятія наши житейскія могутъ служить намъ въ поученіе. Ты вышелъ на поле посмотреть на посѣянное тобою осенью: сѣмена были всѣ равны; рука твоя бросала ихъ одинаково: но всходъ и ростъ вышелъ различенъ: что пало на землѣ худой и каменистой, то едва возшло, рѣдко и слабо: что пало возлѣ дороги, то хотя возшло и хорошо, но пострадало

отъ проходящихъ и проѣзжающихъ; что пало на землю не хорошо выбороненную, то хотя также возшло не худо, но подавлено сорными травами: хорошо растеть, и веселить твое сердце одно то, что усѣлось на землѣ хорошей и хорошо очищенной. Вотъ изображеніе нашихъ душъ и сердець въ отношеніи къ слову Божию! Осмотрись же — не камень ли твое сердце; не поросло ли и оно терніемъ и волчцами — похотями и страстями житейскими? — Подобнымъ образомъ ты работаешь въ своемъ саду и изъ дикихъ деревьевъ дѣлаешь деревья садовыя. Вникни, какъ это дѣлается? Посредствомъ двухъ смертей. Во-первыхъ, ты срѣзываешь дикое дерево едва не до корня; потомъ обрѣзываешь вѣтвь отъ хорошаго дерева и приставляешь къ дикому, и такимъ образомъ поправляешь его. Изъ двухъ смертей происходитъ новая, лучшая жизнь. Вотъ тебѣ символъ того, что должно быть съ тобою для твоего исправленія и перерожденія духовнаго: нужны и для сего двѣ смерти — смерть твоего Спасителя, и она подъята за тебя на крестѣ; и смерть твоя для Него, то есть, смерть твоего ветхаго человѣка, грѣха въ тебѣ живущаго. Когда ты вѣрою привѣсьешься къ сей Божественной лозѣ — Спасителю твоему, то изъ смерти Его за тебя и смерти твоея для Него выйдетъ твоя новая жизнь; вся природа твоя измѣнится, ты содѣлаешься человѣкомъ новымъ, плодоноснымъ, достойнымъ того, чтобъ быть пересаженнымъ, въ свое время, въ вертоградъ небесный.

Столько у насъ къ наученію средствъ естественныхъ! Такъ можемъ мы учиться у своей совѣсти, отъ своей жизни и природы, насъ окружающей! Но мы—христіане: у насъ, кромѣ естественныхъ средствъ къ наученію, есть не мало сверхъ-естественныхъ, данныхъ намъ свыше.

Таково — слово Божіе, писанія Пророковъ и Апостоловъ. Чему не могутъ они научить насъ? Слово Божіе по свидѣтельству Апостола, полезно на все, *ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ и на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16. 17). А кто не можетъ имѣть св. книгъ, если захочеть? Ибо цѣна ихъ менѣе цѣны тѣхъ орудій, коими ты работаешь. — «Но многіе не умѣютъ читать». Такъ слушай, когда читаютъ слово Божіе въ Церкви. Здѣсь въ продолженіе года, прочитываются всѣ Евангелія, всѣ посланія апостольскія, большая часть писаній пророческихъ. Но вотъ несчастіе нашего времени! Нынѣ многіе умѣютъ читать и небрегутъ о томъ, чтобъ узнать и про-

читать слово Божіе; бросаются на самыя негодныя книги, на самыя жалкія и душетѣнныя басни, пожирають ихъ съ жадностію, а не хотятъ узнать, что написано къ нимъ съ неба, о ихъ вѣчномъ спасеніи! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ водятся любопытствомъ, а тутъ нѣтъ и любопытства. Безчувствіе самое непростительное! Ибо, если бы ты, говоритъ св. Златоустъ, получилъ письмо отъ царя: то не поспѣшилъ ли бы его прочитать? Не умѣя самъ читать, не просилъ ли бы о семъ тотчасъ другаго, умѣющаго? Не перечитывалъ ли бы сто разъ сего письма, и не показывалъ ли бы его при всякомъ удобномъ случаѣ другимъ? А Царь небесный написалъ къ намъ письмо, и мы, умѣя даже читать, не хотимъ ни разу прочесть его? Можетъ ли быть большей неблагодарности, безчувствія преступнѣе? Или, если бы кто нищему оставилъ по смерти своей завѣщаніе на богатое наслѣдство, и этотъ нищій не смотрѣлъ бы на это завѣщаніе и не захотѣлъ прочесть его, что сказали бы мы о семъ человѣкѣ? Не то ли, что онъ сошелъ съ ума и врагъ самъ себѣ? А намъ всѣмъ оставлено завѣщаніе Спасителемъ нашимъ на цѣлое царство небесное, завѣщаніе написанное не чернилами, а, можно сказать, кровію Его; и, мы, умѣя всю возможность, не хотимъ даже прочитать и узнать его! Что можетъ быть преступнѣе такого невниманія? —

Второе сверхъ-естественное средство къ наставленію у каждаго изъ насъ есть Церковь. Я говорю сверхъ-естественное: ибо мы можемъ строить только стѣны храмовъ; а Церковь создана единожды и навсегда непосредственно самимъ Богомъ: она основана на чудесахъ, держится чудесами, и производитъ чудеса; ибо основана на краеугольномъ камени — Сынѣ Божіемъ; держится силою Духа Святаго, воскрешаетъ умершихъ грѣхами для жизни вѣчной. Что же есть Церковь, какъ не богоучрежденное для всѣхъ училище? Тутъ въ одной литургіи ты услышишь всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія; тутъ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ святыхъ, дабы ты могъ избрать любаго для подражанія его жизни. Въ продолженіе года, въ церкви пройдутъ предъ тобою всѣ праздники — съ ихъ таинствами и величіемъ, всѣ дни святыхъ — съ ихъ добродѣтелями и подвигами, всѣ посты — съ ихъ слезами и умиленіемъ душевнымъ, всѣ дни поминовенія усопшихъ — съ памятію о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ церкви? Нужны только глаза и слухъ, вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно, всѣмъ отверсты двери;

не потребуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнуть испытаніямъ въ способности и познаніяхъ. Приходи по утру: услышишь заутреню, и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня: услышишь литургію и будешь приглашенъ къ трапезѣ Тѣла и Крови Христовой; приходи вечеромъ: застанешь вечерню, и поучишься скончанію міра и собственной жизни. — Такова Церковь! истинная мать во всѣхъ отношеніяхъ! Истинная наставница для всѣхъ и каждого! И чѣмъ же многіе отвѣчаютъ на любовь сей матери? тѣмъ, что почти никогда не ходятъ въ церковь; тѣмъ, что и пришедъ въ нее, — загнанные какимъ либо случаемъ, — стоятъ разсѣянно, дерзко, мятежно, предаются разговорамъ, даже смѣху! Что можетъ быть преступнѣе такихъ поступковъ?

Поелику худые ученики и при многихъ наставникахъ успѣваютъ слабо: а отъ насъ трудно было ожидать должнаго прилежанія къ наукѣ, не смотря на то, что это наука нашего спасенія: то любовь Божія, кромѣ вышеозначенныхъ наставниковъ видимыхъ, приставила къ каждому изъ насъ еще двухъ наставниковъ невидимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ, какъ учить св. Церковь, имѣеть Ангела-хранителя: что же такое Ангель-хранитель, какъ не вмѣстѣ и Ангель-учитель? — Можетъ ли такой наставникъ не знать что либо нужное для нашего спасенія, или, зная, не сказать намъ того? Его радость, его честь состоитъ въ томъ, чтобы хранимый имъ человекъ не оставался во тьмѣ невѣдѣнія. Посему, если кто остается, то виною того самъ. И мало ли виновныхъ въ семъ отношеніи? Многіе ли обращаются съ молитвою къ своему Ангелу-хранителю за наставленіемъ? Сколько такихъ, кои даже и не вѣдаютъ того, что у нихъ есть Ангель-хранитель! Здѣсь, съ горестію, я долженъ принести вамъ жалобу на васъ самихъ, и желалъ бы, чтобы сія жалоба услышалась по всѣмъ предѣламъ паствы вологодской. Вездѣ по церквамъ, мною посѣщеннымъ, и внѣ церквей, гдѣ случалось спрашивать дѣтей о вѣрѣ, я съ утѣшеніемъ видѣлъ, что малыя дѣти ваши почти всѣ знаютъ символъ вѣры и молитву Господню. Но при вопросѣ объ Ангелѣ-хранителѣ, они останавливались, смущались, не знали что сказать, и даже что думать; видно было, что это для нихъ лицо вовсе неизвѣстное. Какъ не возкорбѣть о семъ, и какъ не обратиться съ упрекомъ къ отцамъ и матерямъ? Почему бы не внушить дѣтямъ, что у него есть Ангель-хранитель? — Пусть бы, по крайней мѣрѣ, зналъ о семъ.

Если бы мы имѣли какого богатаго родственника, или знатнаго покровителя, то безъ сомнѣнія не опустили бы внушить это дѣтямъ: а Ангель-хранитель для насъ ничего не значить, о немъ трудно сказать хотя два-три слова дѣтямъ!.. Такъ мало цѣнимъ мы сего небеснаго наставника! Такъ платимъ любви Божіей за то, что она приставила каждому изъ насъ такого высокаго и святаго пѣстуна и хранителя!

Наконецъ, братіе, у всѣхъ насъ есть такой наставникъ, выше, божественнѣе коего нельзя ни пожелать, ни представить: ибо это самъ Духъ Святой — третіе Лице пресвятыя и достопоклоняемаго Троицы. Припомните, что говорилъ Спаситель предъ вознесеніемъ на небо ученикамъ своимъ, когда они скорбѣли о Его отшествіи. Лучше, говорилъ Онъ, *дабы Я отшелъ отъ васъ; ибо если не отойду Я, то Утѣшитель не придетъ: аще же пойду, пошлю Его къ вамъ; Онъ, Духъ истины, пребудетъ съ вами въ вѣкъ и наставитъ васъ на всякую истину.* Въ день Пятидесятницы сей Пресвятой Духъ дѣйствительно сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на Апостоловъ и изъ рыбарей сдѣлалъ ихъ учителями вселенскими: но Онъ сошелъ на Апостоловъ разъ и видимо съ тѣмъ, чтобы потомъ пребывать всегда въ Церкви Христовой, сходить невидимо на каждаго изъ насъ въ таинствѣ крещенія, сходить для того, чтобы потомъ руководить и просвѣщать и наставлять каждаго въ жизнь вѣчную. Посему каждый изъ насъ, вслѣдствіе таинства крещенія, имѣетъ полное право обращаться за наставленіемъ къ самому Пресвятому Духу. Какъ обращаться? Съ самою простою и краткою, только искреннею и отъ сердца молитвою. Напримѣръ, когда почувствуешь особенную нужду въ наставленіи, а видимыхъ наставниковъ нѣтъ; то обратись внутренно ко Пресвятому Духу, и говори такъ: Душе Святой, посланный для наставленія меня Спасителемъ моимъ, видишь, что я не знаю, какъ поступать мнѣ въ настоящемъ случаѣ, видишь и желаніе мое поступать право и истинно: просвѣти убо и наставь меня благодатію своею.—Быть не можетъ, совершенно не можетъ быть, чтобы Духъ Святой не исполнилъ своего дѣла, не внялъ такой молитвѣ, не сказалъ тебѣ, какъ поступить, что сдѣлать или оставить. —

Итакъ, вотъ сколько имѣемъ мы учителей и наставниковъ, и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ, и видимыхъ и невидимыхъ! И могло ли быть иначе?—Тотъ, Кто пролилъ за насъ на крестѣ всю кровь свою, могъ ли пожалѣть для насъ наставленій? И если бы нужно было, то не стало ли бы у Него средствъ воз-

двинуть для всѣхъ насъ училища, приставить ко всѣмъ намъ самыхъ умныхъ наставниковъ? Но для спасенія нашего это не нужно, а что нужно, то все сдѣлано: внѣ насъ—раскинутъ надъ нами огромный сводъ небесный и простерта подъ нами земля съ ихъ поучительнымъ разнообразіемъ; внутрь насъ начертанъ неизгладимый законъ совѣсти, и внѣдрены начала разума; — по всей землѣ устроены церкви Божіи; на всѣхъ языкахъ слышится слово Пророковъ и Апостоловъ; къ каждому приставленъ въ пѣстуна Ангель-хранитель; надъ всѣми носится и всѣхъ просвѣщаетъ Духъ Святой. Не у сихъ ли учителей учились всѣ святые Божіи чловѣки? Многіе изъ нихъ не знали никакого земнаго образованія, не умѣли ни писать, ни читать; и при всемъ томъ не только сами просвѣтились свѣтомъ небеснымъ, но и сдѣлались свѣтилами вселенныя.

Не будемъ же сожалѣть, что большая часть изъ насъ незнакома съ земными науками: для царствія Божія онѣ не нужны; будемъ пользоваться Богомъ данными средствами къ наставленію нашему; паче же всего постараемся позннное, хотя и малое, всегда оправдывать дѣлами; тогда мы опытно узнаемъ, что путь на небо не прегражденъ никому, и что если въ чемъ, то въ познаніи пути сего нѣтъ ни для кого недостатка. — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПРОЩАНІИ СЪ ПАСТВОЮ ВОЛОГОДСКОЮ *).

ынѣ день предпразднества Срѣтенія Господня; а для меня день прощанія съ тобою, возлюбленная паства вологодская! О, если бы и мнѣ, подобно Сумеону, можно было сказать при семъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе Твое!* По крайней мѣрѣ, и я отхожу отселѣ не по волѣ своей, а по глаголу Твоему, Господи, изреченному устами Помазанника Твоего. По крайней мѣрѣ, среди краткаго служенія моего здѣсь, и я не желалъ видѣть, и надъ собою и надъ всею паствою вологодскою, ничего болѣе, кромѣ спасенія Твоего. Твоей вседержавной волѣ угодно, чтобы я шелъ возвѣщать сіе спасеніе въ страну другую: съ благоговѣніемъ приѣмлю исходящую отъ лица Твоего новую судьбу мою! Покой или трудъ, радость или скорбь срѣтять меня на новомъ мѣстѣ служенія,—я равно приму ихъ: ибо они отъ руки Твоей. Ты не подашь вмѣсто хлѣба камней, тѣмъ, кои *чаютъ къ Тебѣ, Тебѣ единому!*

Не дивно, братіе, если жезлъ служенія пастырскаго такъ часто обращается въ жезлъ страннической. Кому же, какъ не пастырямъ Церкви приличнѣе показывать самымъ внѣшнимъ образомъ жизни своей, что мы всѣ не имѣемъ здѣ *пребывающаго града, но взыскуемъ грядущаго* (Евр. 13, 14)? — Единаго надобно желать и просить у Господа, чтобы наше странствованіе было

* Сказанное въ землемъ вологодскомъ соборѣ 1 февраля 1842 г.

подобно странствованію древнихъ св. пастырей и учителей Церкви, кои откуда ни отходили, всюду оставляли миръ и благодать, куда ни являлись, всюду приносили радость и благословеніе.

Единъ вѣчный и неизмѣнный Архіерей, *прошедый* не землю токмо, но и *небеса*, Господь нашъ Іисусъ Христосъ: къ Нему обращайтесь постоянно взоры и сердца ваши; ибо Онъ единъ и *той же вчера, днесъ и во вѣки* (Евр. 13, 8). А мы всѣ, ктобъ ни были, есмь токмо временные приставники и соработники въ великомъ дому Его, который есть Церковь: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій оградилъ посѣянное, а возрастить—дѣло Его, Его единого!

Если что можетъ и должно служить къ утѣшенію нашему при разлукѣ; то это вѣсть, что къ вамъ грядетъ пастырь, какого только могли желать и вы и я,—пастырь, бывший для меня нѣкогда наставникомъ въ наукахъ, и коего доселѣ желалъ бы имѣть наставникомъ въ жизни духовной, который отъ лица цѣлой Церкви россійской присутствовалъ при возстаніи, можно сказать, изъ гроба цѣлой Церкви новогреческой, который самъ потомъ, въ качествѣ сопастыря, предстоялъ уже тремъ великимъ Церквамъ отечественнымъ. Такой пастырь можетъ ли не продолжать, если что было у насъ дѣйствительно добраго? Не усовершенить, если что требуетъ усовершенія? Не начать и не сдѣлать всего, что окажется нужнымъ для блага паствы вологодской?—

Предавъ такимъ образомъ судьбу свою снова въ волю Всеблагаго и Всемогущаго, будучи спокоенъ духомъ и за судьбу твою, Богомъ хранимая паства, я съ миромъ оставляю въ немъ жезлъ пастыреначальства, освященный преподобною десницею толикихъ святителей Божіихъ и освятившій мои слабыя руки.

Простите, святые угодники вологодскіе, простите и благословите на путь дальній, продолжайте обитать духомъ во храмѣ, посвященномъ вашему имени; но не оставляйте одушевлять молитвами и слабого создателя его! Прости, Ангелъ Церкви вологодской, и вознеси въ послѣдній разъ послѣднее здѣшнее моленіе наше о благѣ страны сей, прости и покрой твоею любовію и молитвами недостатки служенія нашего! Простите, пастыри Церкви, и продолжайте являть ту ревность къ дѣлу Божію, то забвеніе для сего всѣхъ выгодъ земной жизни, коимъ вы утѣшали насъ! Простите, живые и мертвые, живые коихъ намъ должно было наставлять, мертвые, къ коимъ мы сами ходили учиться!

Что сказать въ послѣдній разъ тебѣ, возлюбленная паства вологодская, первая паства моя, мой *Рувиль*, начало (Быт. 49, 3) и духовныхъ трудовъ, и духовнаго веселія моего въ служеніи

пастырскомъ? Чего пожелать вамъ, братіе, разставаясь съ вами навсегда? Скажу тоже, и пожелаю того же и въ послѣдній разъ, чего желалъ при первомъ свиданіи: благодать Господа нашего Ісуса Христа, и любви Бога и Отца и причастіе Духа Святаго да будетъ со всѣми вами! Да будетъ всегда и вездѣ! Да почиютъ сія благодать и сей миръ на васъ и чадахъ вашихъ, да вселятся въ дома и сердца ваши, да утвердятъ васъ во всемъ благомъ и праведномъ, да срътятъ васъ въ тотъ послѣдній часъ, когда ничего не будетъ нужно вамъ, кромѣ благодати и милости Божіей! И сія благодать и миръ не обыдутъ и не оставятъ васъ, если только вы, занимаясь каждый дѣлами званія своего, не будете забывать единаго на потребу; если располагая жизнь и поступки свои, не по духу вѣка, а по заповѣдямъ Евангелія, будете со смиреніемъ и вѣрою пользоваться тѣми средствами ко спасенію, кои въ такомъ обилии предлагаетъ всѣмъ и каждому св. Церковь; если наконецъ, среди самыхъ слабостей и вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, не будете предаваться ни безчувствію душевному, ни отчаянію и ожесточенію, омывая пятна совѣсти слезами покаянія. О, братіе, не забывайте Бога и вѣчности, не забывайте души и совѣсти, не забывайте смерти и суда страшнаго, не забывайте — покаянія и любви христіанской! Все видимое, славное, прелестное минетъ, обратится въ прахъ, исчезнетъ на всегда, а душа и совѣсть останутся; и такъ не забывайте ихъ! Се мое послѣднее желаніе, мой послѣдній совѣтъ и завѣтъ вамъ! Для меня не будетъ большаго утѣшенія и радости духовной, какъ слышать, что вы ходите въ любви и истинѣ, что среди васъ живетъ духъ смиренія, взаимнаго уваженія и милосердія христіанскаго, что дома и семейства ваши украшаются чистотою нравовъ и скромностію. О семъ молилъ я Господа здѣсь, о семъ же буду молить и вездѣ. Подобной памяти, то есть, молитвъ о мнѣ, прошу и у васъ. Когда будете собираться паки въ семъ храмѣ на молитву; то вспомните, что у сего престола предстоялъ человѣкъ, который, не смотря на недостойнство свое, укрѣпляясь вѣрою, съ дерзновеніемъ воздѣвалъ о васъ руки къ небу; и вспомянувъ о семъ, излейте молитву, да Господь благопоспѣшитъ и путь и новое служеніе мое. Отнынѣ единъ союзъ между нами — союзъ вѣры, любви и молитвы! Да не разрывается онъ, никогда! Да даруетъ Господь срътнуться намъ нѣкогда и тамъ, гдѣ всѣ пастыри и всѣ пасомые составятъ единое стадо, подъ единымъ вѣчнымъ Пастыреначальникомъ, гдѣ, свидѣвшись, уже никогда не разлучаются. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА ПАСТВУ ХАРЬКОВСКІЮ *).

И азъ пришелъ къ намъ, братіе, придохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Ісуса Христа, и сего распята. И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы: да вѣра ваша не въ мудрости человѣчествѣй, но въ силѣ Божіей будетъ (1 Кор. 2. 1. 2. 4. 5).

 Такъ писалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ коринѣянамъ, приводя имъ на память, какъ онъ въ первый разъ явился предъ ними, и какъ образъ явленія его былъ противоположенъ ихъ ожиданіямъ. Коринѣи, какъ извѣстно, славился науками и мудростію земною; Павелъ обладалъ умомъ Христовымъ и мудростію небесною: казалось, что къ мудрымъ язычникамъ и учитель языковъ явится съ мудростію; а Павелъ явился съ буйствомъ проповѣди евангельской!... Коринѣяне надѣялись, вѣроятно, услышать отъ новаго наставника христіанскаго новое рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, коими занимались ихъ мудрецы и философы; а Павелъ, явившись предъ ними, не хотѣлъ казаться знающимъ что либо, кромѣ Ісуса Христа, и сего распята!... Противоположность разительная, явно удаленная отъ всѣхъ видовъ и расчетовъ обыкновеннаго благоразумія человѣческаго: но Павелъ зналъ, что дѣлалъ! — Святое буйство проповѣди крестной

*) Сказанное въ Харьковскомъ успенскомъ соборѣ.

недолго оставалось соблазномъ для любознательныхъ коринѳянъ; сопровождаемое *явленіемъ Духа и силы*, оно не замедлило взять верхъ надъ всѣми безплодными хитросплетеніями ихъ софистовъ:—и тѣ, для коихъ распятый Богъ Павловъ казался въ началѣ безуміемъ, съ благоговѣніемъ признали въ немъ *Христа, Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24).

И вашъ градъ, братіе мои, подобно Коринѳу, извѣстенъ любовію къ просвѣщенію и наукамъ. Не удивительно посему, если и вы обыкли смотрѣть на все не очами токмо вѣры, а и взоромъ ума испытующаго. Поелику же и намъ выпалъ жребій провести не мало времени не только *при ногу* (Дѣян. 22, 3), но и на самомъ сѣдалищѣ Гамаліловѣ; то легко можетъ статься, что нѣкоторые ожидаютъ отъ насъ слова высокаго и проповѣди по всѣмъ правиламъ витійства человѣческаго. Да будетъ же извѣстно вамъ, братіе мои, что и мы, подражая великому учителю языковъ, приходимъ къ вамъ не съ премудростію слова, не съ выпренними умозрѣніями, не съ блестящими оборотами витійства, а съ простотою вѣры евангельской и съ единою, если дастъ Господь, силою чувства христіанскаго. Да будетъ вѣдомо, что и мы во время нашего пребыванія съ вами, не желали бы казаться знающими что либо, кромѣ Іисуса Христа, *и сего распята*. Іисусъ и крестъ Его — се наша мудрость! Изображеніе Его предъ вами въ томъ самомъ видѣ, какъ Онъ представленъ у св. Пророковъ и Апостоловъ — вотъ наше краснорѣчіе! Большаго мы не знаемъ и не обѣщаемъ; лучшаго — не можемъ и не хотимъ. И, если бы когда либо уклонились мы отъ сего святаго правила и обѣта, и предались суетному желанію блистать предъ вами мудростію человѣческою и витійствомъ: то, вмѣсто вниманія слову нашему, закройте тогда слухъ отъ него: остановите насъ и напомните, что мы говорили теперь предъ вами.

Пожелаетъ ли кто узнать причину, почему мы не хотимъ возводить съ собою на церковную кафедру мудрости и витійства человѣческаго, и почитаемъ ихъ здѣсь неумѣстными, и даже вредными? Таковому скажемъ, что мы поступаемъ такъ потому же, почему поступалъ такимъ образомъ въ свое время Апостолъ Павелъ. Онъ избѣгалъ — въ дѣлѣ проповѣди — мудрости человѣческой по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ потому, чтобы премудростію слова не упразднить силы креста Христова: *не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ*; а во-вторыхъ потому, чтобы вѣра учениковъ его основывалась не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей; *да вѣра ваша не*

въ мудрости человѣческой, а въ силѣ Божіей будетъ. Двѣ причины, изъ коихъ каждая такова, что одна могла быть совершенно достаточною. Ибо если крестъ Христовъ упраздняется отъ мудрости земной; то кто будетъ столько неразуменъ, чтобы тотчасъ не отвергнуть этой мудрости, яко враждебной кресту Христову? Равнымъ образомъ, если отъ насъ зависить, на чемъ утвердить вѣру нашу—на премудрости ли человѣческой или на силѣ Божіей; то опять можно ли сомнѣваться хотя минуту, чтобы не предпочесть послѣдняго основанія первому? Послѣ сего, для оправданія предъ вами будущаго образа проповѣди нашей, остается только вникнуть въ сіи причины и показать, что онѣ стольже сильны и по отношенію къ намъ съ вами, сколько были важны для св. Павла и коринѣскихъ учениковъ его; — и мы увѣрены, что вы не откажете намъ для сего въ нѣсколькихъ минутахъ вашего вниманія.

Итакъ, крестъ Христовъ и премудрость слова по ученію Апостола, не совмѣстимы между собою въ дѣлѣ проповѣди христіанской: *не въ премудрости слова да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. 1, 17). Несовмѣстимость сія не вдругъ однакоже видна для всякаго; на первый взглядъ можетъ показаться даже, что премудрость слова, если не составляетъ необходимости, то весьма полезна для креста Христова, дабы приблизить его къ нашему понятію и содѣлать благоприятнѣе для ума и сердца. Но, при надлежащемъ углубленіи въ дѣло, скоро оказывается, что мнимая услуга сія для креста Христова отъ мудрости и витійства болѣе вредить, нежели приносить пользы. Ибо, что дѣлаютъ онѣ въ такомъ случаѣ для достиженія своей цѣли? Дѣлаютъ именно то самое, чрезъ что крестъ Христовъ теряетъ— для мудрствующихъ — свою живоносную силу. Поелику крестъ сей, яко имѣющій основаніе во глубинѣ Божества и объемлющій собою весь міръ и всю вѣчность, есть безпредѣленъ; а разумъ нашъ какъ бы ни былъ великъ и силенъ, по самому существу своему, заключенъ въ тѣсныя границы: то мудрость человѣческая, не имѣя возможности изравняться въ понятіяхъ своихъ съ сею безпредѣльностью креста и желая однакоже обратитъ его изъ предмета вѣры въ предметъ разумѣнія, всегда, какъ показываетъ тысящелѣтній опытъ, прибѣгала къ одному и тому же жалкому средству, то есть всегда подъ какимъ либо предлогомъ отнимала у сего креста его божественную безпредѣльность и передѣлывала его по своему, такъ что, прошедъ сквозь ея руки это бываетъ уже не крестъ Божій — дивный, неизмѣримый, предвѣчный, святой, достопокланяемый, а, если можно такъ изъясниться, руко-

дѣльный крестикъ — человѣческій, съ коимъ можно обращаться какъ угодно. Умаяясь такимъ образомъ по внѣшнему протяженію и виду своему, крестъ Христовъ въ нечистыхъ рукахъ мудрости земной, по необходимости, теряетъ вмѣстѣ съ симъ и внутреннюю свою силу и животворность. Ибо, какъ бы онъ удержалъ въ себѣ эту божественную силу, когда самъ въ такомъ случаѣ невольно представляется каждому уже не столько таинствомъ премудрости Божіей, сколько произведеніемъ ума человѣческаго? Вмѣсто того, чтобы смириться предъ нимъ, благоговѣть, молиться, освящаться и принимать благодать и силу изъ животноныхъ язвъ, страждущаго на крестѣ за грѣхи міра, Богочеловѣка, каждый въ такомъ случаѣ почти невольно предается *помыслать многимъ* (Екк. 7, 30), недоумѣваетъ, смущается, вопрошаетъ: и, не находя твердой опоры для своей вѣры, поникаетъ душою долу, потому что видитъ предъ собою уже не крестъ, *досягающій* небеси и ада, не всеизъясняющее знаменіе всемірнаго спасенія, а одну неопредѣленную и зыбкую тѣнь его, которая сама требуетъ изъясненій и способна болѣе возмутить и утратить, нежели успокоить и ободрить кающагося грѣшника.

Чтобы все, сказанное теперь нами, не показалось плодомъ какихъ либо преувеличенныхъ опасеній, раскроемъ исторію Церкви. Съ чего начинала большая часть еретиковъ? Съ похвального, по видимому, желанія изъяснить то, что есть въ христіанствѣ непостижимаго. А чѣмъ оканчивали? Тѣмъ, что вмѣсто сего высокаго, непостижимаго, но чистаго, святаго, божественнаго, воодушевляющаго, являлось близкое, постижимое, но слабое, безобразное, человѣческое, безжизненное. Крестъ Христовъ, яко средоточіе всей вѣры христіанской, всегда страдалъ отъ сего болѣе всѣхъ прочихъ таинъ евангельскихъ. Уже самые первые еретики утверждали напимѣръ, что распять и умереть на крестѣ не Сынъ Божій, а другой вмѣсто Его, или что Онъ только казался страждущимъ и умирающимъ. Почему такъ? Потому что для близорукой мудрости человѣческой страданія и смерти Богочеловѣка — дѣйствительныя — представлялись совершенно несомнѣтельными съ достоинствомъ и величіемъ Сына Божія.

Что видимъ и у новѣйшихъ любомудровъ, кои, при созерцаніи креста Христова, имѣли неосторожность увлечься желаніемъ понять и изъяснить его, такъ сказать, до основанія? — Видимъ также уже не крестъ всеобъемлющій и животворящій, каковъ онъ на Голгоѣ, у пророковъ и апостоловъ, а также одну, какъ мы сказали, зыбкую, безжизненную и потому бездѣйственную тѣнь

его. Одни изъ нихъ въ гордомъ самомнѣнїи, доходили до такого неразумїя и дерзости, что необинуясь утверждали, якобы ученїе новаго завѣта о крестѣ Спасителя міра нужно было только по снисхожденїю къ чувственнымъ понятїямъ народа еврейскаго, дабы жертвою замѣнить въ умѣ его всѣ жертвы ветхозавѣтныя, къ коимъ онѣ привыкъ издѣтства; другимъ, менѣ дерзкимъ, но не менѣ безразсуднымъ, казалось, что хотя въ смерти Христовой, яко жертвѣ за грѣхи, имѣлъ нужду не одинъ ветхїй Израиль, а и весь тогдашнїй родъ человѣческой, но опять не по другой какой либо причинѣ, а потому только, что и всѣ прочїе народы также изъ-дѣтства привыкли почитать необходимымъ чувственное удовлетворенїе за грѣхи и закалатъ для сего жертвы. И изъ всѣхъ прочїихъ умозрѣнїй, какъ они ни были разнообразны и противоположны, всегда выходила, наконецъ, одна и таже ложная и пагубная мысль, что крестъ и смерть Сына Божїя были нужны только случайно и временно, а не составляютъ, какъ учатъ апостолы Христовы, отъ вѣчности предъизбранное и на всю вѣчность необходимое средство къ спасенїю погибавшаго во грѣхѣ рода человѣческаго.

Послѣ сего, будете ли дивиться, братїе мои, если мы, имѣя въ виду все сіе, заранѣе отрекаемся предъ вами отъ всякихъ покушенїй излагать слово крестное по началамъ мудрости человѣческой? если даемъ вамъ и себѣ, или паче невидимо здѣ присутствующему Господу и Спасителю нашему, обѣтъ — говорить о святѣйшихъ таинствахъ вѣры нашей не болѣе и не менѣ того, сколько открыто въ словѣ Божїемъ, говорить такъ, какъ открыто, и для того именно, для чего открыто. — Можетъ быть, крестъ Христовъ, выставленный во всей голгоѣской наготѣ своей, покажется и нынѣ для нѣкоторыхъ — *погибающихъ*, какъ назвалъ ихъ Апостолъ — юродствомъ: что нужды? по крайней мѣрѣ для спасаемыхъ онѣ постоянно будутъ являться силою Божїею, во спасенїе всякому вѣрующему. Въ семъ видѣ, — неукрашенный, облитый кровью, — онѣ побѣдилъ міръ, привлекъ къ подножію Распятаго мудрыхъ и буїихъ, еллиновъ и варваръ; въ семъ же нерукотворенномъ, безъискусственномъ, божественномъ видѣ, да дѣйствуетъ онѣ надъ душами и сердцаами вашими! — Для насъ же довольно будетъ и той святой чести, чтобы, подобно сотнику римскому, стоять, такъ сказать, на стражѣ *прямо* (Марк. 15, 39) сего креста, и въ слухъ всѣхъ взирающихъ на него вѣщать: *во истину Сынъ Божїй бѣ сей!*

Вторая причина, побудившая св. Павла и побуждающая насъ,

по примѣру его, въ дѣлѣ проповѣди идти путемъ простоты евангельской, а не ученыхъ умозрѣній и витійства, состоитъ въ томъ, чтобы въ противномъ случаѣ не потерять для вѣры нашей ея единственно вѣрнаго и непоколебимаго основанія: *да вѣра не въ мудрости человѣческой, но въ силу Божіей будетъ* (1 Кор. 2, 5).

Горе было бы, братіе мои, и вамъ и намъ, если бы св. вѣра наша не имѣла другаго основанія и опоры, кромѣ ума и мудрости человѣческой! Тогда и она подлежала бы тѣмъ же жалкимъ превратностямъ, коимъ всегда подлежали и будутъ подлежать произведенія дѣятельности человѣческой. Тогда вмѣсто того, чтобы служить незыблемою опорой и успокоеніемъ для души нашей во всѣхъ искушеніяхъ жизни, св. вѣра сама была бы непрестанно обуреваема недоумѣніями, колеблема возраженіями и спорами, и имѣла бы нужду въ защитѣ отъ навѣтовъ того же разума, который и во всѣхъ случаяхъ, тѣмъ паче въ дѣлахъ вѣры, гораздо способнѣе сомнѣваться и вопрошать, нежели отвѣчать и рѣшать сомнѣнія. Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно, вспомнимъ судьбу вѣры въ древнемъ мірѣ языческомъ. — Все-мудрая Греція, съ ея Сократами и Платонами, основывала, какъ извѣстно свою религію на умѣ человѣческомъ; и, несмотря на всю образованность свою, многого-ли достигла? — Того, что среди столицы тогдашняго всемірнаго просвѣщенія явился алтарь невѣдомому Богу! — Гордый Римъ, съ его Катонами и Цицеронами, клалъ въ основаніе своихъ вѣрованій умъ и краснорѣчіе; и что вышло изъ сего? то, что въ римскомъ Пантеонѣ оказалось наконецъ столькоже боговъ, сколько страстей въ сердцахъ человѣческомъ. И, вотъ почему премудрость Божія, какъ свидѣтельствуешь св. Павелъ, видя, что міръ не только ничего не успѣваетъ въ дѣлахъ вѣры посредствомъ своей мудрости, а напротивъ, обольщаясь ею, превращаетъ и губитъ все благое въ сердцахъ человѣческихъ, — положила спасти людей уже не премудростію слова, а буйствомъ проповѣди; и чтобы первая, по сродной ей самонадѣянности и страсти всюду мѣшались, снова не покусилась на владычество и распоряженіе въ дѣлахъ вѣры, положила отвергнуть и погубить ее. *Погублю, сказано, премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну;* и что сказано, то и сдѣлано: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совѣтникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего* (1 Кор. 1, 2)?

Теперь судите сами, братіе мои: премудрость Божія положила устранить отъ благовѣстія христіанскаго мудрость человѣческую, яко неудобную и вредную; а мы служители сего благовѣ-

стія стали бы призывать ее и возводить съ собою на кафедру христіанскую? — Поступать такимъ образомъ не значило ли бы идти вопреки предопредѣленій божественныхъ? — Ужели премудрость человѣческая въ нашихъ рукахъ можетъ оказаться лучшею, нежели какою оказалась предъ очами Божиими, въ рукахъ Павловъ и Іоанновъ? И для чего бы мы, вопреки примѣру ихъ, дерзнули употреблять ее? Чтобы утвердить на ней вѣру вашу? — Но можетъ-ли Божественное утвердиться на человѣческомъ? — И не значило ли бы это, что мы не довольствуемся тѣмъ основаніемъ для вѣры, которое дано свыше самимъ Богомъ? Положимъ, что мы, разсыпая предъ вами и умозрѣнія и красоту словъ, произведемъ въ васъ нѣкое убѣжденіе въ истинѣ проповѣдуемаго и нѣкую расположенность къ принятію таинъ Евангелія: но много ли все это будетъ имѣть твердости въ сердцахъ вашемъ, коль скоро не будетъ другаго основанія, кромѣ довѣрія къ уму и слову проповѣдующаго? Нынѣ мы сказали одно потому, что сказанное казалось намъ лучшимъ изъ всего, что представлялось уму; завтра скажемъ другое, потому что оно покажется еще лучшимъ: и гдѣ конецъ симъ перемѣнамъ и новостямъ? — Судите сами, можно ли на такомъ зыбкомъ основаніи утверждаться столь важному дѣлу, каково дѣло вашего вѣчнаго спасенія?

Но, что же, спросите вы, возьмемъ мы въ помощь нашей проповѣди? На чемъ утвердимъ наши убѣжденія, отказавшись отъ пособій земной мудрости и обыкновеннаго витіиства? Апостолы могли обходиться безъ сего: ибо были вдохновенны свыше и обладали даромъ чудесъ; а у нынѣшнихъ проповѣдниковъ нѣтъ такого дара, посему для нихъ необходимо пособіе искусства, дабы слово и проповѣдь ихъ не остались безъ силы и дѣйствія.

Благодареніе Господу, для провозвѣстниковъ святаго слова Его не было и никогда не будетъ этой опасности! Почему? — потому, что таже всемогущая сила Божія, которая дѣйствовала въ пророкахъ и апостолахъ и производила чудеса надъ ихъ слушателями, таже сила и доселѣ не престааетъ дѣйствовать на души и сердца человѣческія и производитъ въ нихъ то, что необходимо для обращенія ихъ *изъ тьмы къ свѣту, и отъ области сатанины къ Богу* (Дѣян. 26, 18).

Да, братіе мои, когда вы видите предъ собою проповѣдника христіанскаго, то не мните, чтобы онъ вѣщалъ къ вамъ одинъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ всегда присутствуетъ невидимо и дѣйствуетъ другой, высшій наставникъ — самъ Духъ Святой. Безъ

Него все наше краснорѣчіе и всѣ наши убѣжденія были бы *яко мѣдъ звѣнящая и китвалъ звяцаѣй* (1 Кор. 13, 1); а съ Нимъ самая простота и безыскусственность — всеильны. Кромѣ сего, въ самыхъ истинахъ и таинствахъ вѣры христіанской заключается такая внутренняя мощь и жизнь, что онѣ вполне могутъ замѣнить собою всякое искусство проповѣдника, тогда какъ ихъ ничто замѣнить не можетъ. Если истины Евангелія, нами возвѣщаемыя, вы будете принимать не слухомъ токмо и умомъ, а сердцемъ и совѣстію; если не оставите обращать ихъ въ правило для своего поведенія, располагая по нимъ не одни понятія и мысли свои, а самые нравы и жизнь: то онѣ произведутъ такую благотворную перемѣну во всемъ существѣ вашемъ, что вы не потребуете уже послѣ того никакихъ новыхъ доказательствъ на ихъ Божественное происхожденіе. Если, продолжая поступать такимъ образомъ и быть не слышателями только, а и *творцами слова* (Іак. 1; 23), вы сами вступите въ живой союзъ съ Спасителемъ и Духомъ благодати, Имъ для насъ низпосланнымъ: то, будьте увѣрены, тогда не окажется болѣе нужды даже въ томъ, *да кто учитъ вы*; ибо, какъ свидѣтельствуегь Апостоль Христовъ, само *помазаніе* (1 Іоан. 2, 27) *отъ Святаго* — *наставитъ вы на всякую истину* (1 Іоан. 16, 3).

И вотъ, къ сему-то ознакомленію всѣхъ и каждаго съ животворнымъ духомъ Евангелія Христова, къ сему-то введенію внутрь насъ дѣятельнаго христіанства, къ сему-то подведенію душъ нашихъ подъ непосредственное освѣненіе и дѣйствіе самаго Духа благодати и истины, къ сему-то, наконецъ, говоря словами св. Павла, вселенію вѣрою (Еф. 3, 17) въ сердцахъ нашихъ самого Спасителя нашего Іисуса Христа — направлены будутъ всѣ силы и труды наши; для сего мы употребимъ всѣ средства, даже, гдѣ нужно, самую мудрость и знанія человѣческія: будемъ дѣйствовать, по примѣру Апостола, *оружіи правды десныи и шіиими* (2 Кор. 17, 7), *быть всѣтъ вся* (1 Кор. 9, 22): мудрымъ яко мудрые, неразумнымъ яко неразумные, подзаконнымъ яко подзаконные, *да всяко ѣвкія Христу приобрящеть*.

Съ сими чувствами и мыслями, съ сею простотою вѣры и избыткомъ упованія (Рим. 15, 13), съ симъ, совершенно свободнымъ удаленіемъ отъ мудрости земной и столь же свободною и полною самопреданностію истинѣ небесной, приступаемъ мы, братіе мои, къ *священнодѣйству* между вами *благовѣствованія Христова* (Рим. 15 16), въ твердой увѣренности, что Тотъ, Кто обѣщаль проповѣдникамъ слова своего дать уста и премудрость,

Кто воспретилъ даже имъ заботу о томъ, *како и что* (Матѣ. 10, 9) возглаголютъ, Тотъ не оставитъ и насъ безъ вразумленія и помощи, коль скоро мы будемъ всегда и во всемъ искать не собственного самоугожденія, а Его славы и вашего спасенія. Нисколько не сомнѣваемся и въ томъ, что, углубившись въ истины, вамъ теперь предложенныя, вы сами не замедлите раздѣлать наши мысли и чувства касательно святаго дѣла, намъ предлагающаго. Ибо ваша любовь къ просвѣщенію и наукамъ не можетъ быть похожею на суетную мудрость коринѳянь, не вѣдавшихъ Бога истиннаго. Напротивъ — изъ устъ прежде бывшихъ пастырей вашихъ, живыхъ и почившихъ, изъ собственного размышленія и опыта, и изъ исторіи той же самой мудрости человѣческой, — вамъ, безъ сомнѣнія, давно извѣстно, что если въ какомъ случаѣ, то въ дѣлѣ вѣры и спасенія нашего, умъ и мудрость человѣческіе суть самыя слабыя и недостаточныя руководители, и что для сего — какъ признавали и исповѣдывали еще лучшіе изъ мудрецовъ языческихъ — необходимо для всѣхъ и каждаго откровеніе свыше. Токмо перстъ съ неба можетъ указать вѣрный путь на небо.

Вознесемъ убо единими усты и отъ единаго сердца усердную молитву ко Господу, да, избравъ насъ недостойныхъ въ служеніе спасенію вашему, призритъ благоутробно на немощь нашу, и ниспослетъ намъ — даръ быть вѣрными истолкователями предъ вами Его пресвятой воли и заповѣдей, а вамъ — да подастъ благодать принимать возвѣщаемое нами *не яко слово человѣческое*, но *яко же есть воистину, слово Божіе* (1 Сол. 2, 13), и не медля обращать принятое въ дѣло и жизнь, памятуя, что *царствіе Божіе не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. 4. 20). Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБОЗРѢНІИ ЭПАРХІИ *).

е безъ глубокой горести совершили бы мы нынѣ служе-
ніе въ семъ храмѣ; не безъ смущенія и, можетъ быть,
не безъ слезъ начали бы настоящую бесѣду свою съ вами,
братіе мои, если бы намъ довелось священнодѣйствовать и
бесѣдовать въ семъ храмѣ не теперь, а въ прежнее время. Ибо
что видимъ мы здѣсь вокругъ себя? Видимъ большею частію
развалины, свидѣтельствующія о благочестіи временъ древнихъ
и объ охлажденіи въ вѣрѣ временъ новыхъ. Мѣсто, рукою самого
Творца преукрашенное и видимо выставленное на удивленіе всѣмъ
зрящимъ, которое посему изъ всѣхъ подобныхъ мѣстъ въ краю
нашемъ одно удостоилось носить въ устахъ народа названіе
святаго; — обитель благочестія, упредившая бытіемъ своимъ едва
не всѣ прочія обители отечественныя, со всею вѣрностію отра-
зившая въ себѣ великотруженической образъ жизни святыхъ
отшельниковъ кіево-печерскихъ и перестоявшая всѣ ужасы вре-
менъ Батыя и Тамерлана; — храмъ, куда цѣлый югъ древней
Россіи стекался славить имя Божіе и въ часы счастья и въ годину
искушеній, въ коемъ, идя на брань, проливали мольбы за отече-
ство и брали благословеніе благовѣрные князья россійскіе, и гдѣ, по
окончаніи брани, находили для себя первое и ближайшее успокое-
ніе; — пещеры, бывшія свидѣтели подвиговъ самоотверженія

*) Сказанное въ святогорской сельской церкви, бывшей нѣкогда соборною
церковію Успенскаго святоградскаго монастыря, 1842 г. августа 21 дня

самаго высокаго, увлаженныя слезами святыхъ труженниковъ и, безъ сомнѣнія, кровію многихъ мучениковъ: все сіе, оставленное безъ вниманія, преданное запустѣнію, отданное на погребеніе безсловеснымъ!... И въ какое время? — Когда страна наша давно ограждена миромъ и благоденствіемъ; когда дома наши непрестанно расширяются и едва не спорятъ въ высотѣ съ горами; когда отыскиваются, поддерживаются и хранятся со всеусердіемъ, какъ святыни, всякаго рода памятники древности!... При такомъ положеніи сего святаго мѣста, среди сихъ развалинъ и заустѣнія, духовному пастырю страны, пришедшему для посѣщенія сихъ святыхъ горъ, явно приличествовало бы не тихое и спокойное собесѣдованіе Іакова или Петра, а горькій плачъ Іереміинъ и громкое рыданіе Іезекиилово...

Но, благодареніе Творцу временъ и Владыкѣ мѣстъ, держащему въ десницѣ своей судьбы всѣхъ и всего! Не знаемъ за что въ награду: но чувствуемъ, что намъ суждено явиться здѣсь въ то самое время, когда, вмѣсто выраженія общей печали, мы можемъ быть провозвѣстниками всеобщей радости.

Да, братіе мои, нашлись наконецъ долго ожидаемые ревнители благочестія; явились души, кои по примѣру великихъ возстановителей Іерусалима — Ездры и Нееміи, пламенѣютъ ревностью къ вознагражденію сего святаго мѣста. Проліемъ теплыя молитвы къ Возсоздателю всяческихъ, да низпослетъ на преднамѣреваемое ими дѣло свое всесозидающее благословеніе, и подастъ добротѣ ихъ силу совершить все, что возшло и взойдетъ на сердце христілюбивое. А между тѣмъ, для собственнаго назиданія, обратимся отъ внѣшняго ко внутреннему.

И для нашего ока нечистаго тяжело видѣть развалины дома Божія, заустѣніе обители благочестія. Но это — развалины стѣнъ, воздвигаемыхъ и сокрушаемыхъ рукою человѣческою, коимъ, по самому существу ихъ, нельзя оставаться вѣчными. Какъ же тяжело должно быть для пречистаго ока Божія, когда оно взираетъ на развалины храма нерукотвореннаго, вѣчнаго, находящагося въ душахъ человѣческихъ! — Между тѣмъ сколько сихъ драгоцѣнныхъ развалинъ по землі! Драгоцѣнныхъ говорю: ибо что значатъ всѣ издержки и труды, употребляемые на сооруженіе зданій, въ сравненіи съ тѣмъ, чего стоило любви Божіей основаніе и созданіе храма своего въ душахъ нашихъ? Для сего надлежало самому Сыну Божію сойти на землю, принять плоть нашу и положить за насъ на крестѣ душу свою. Послѣ такихъ средствъ, при столь великихъ строителяхъ, какъ бы храму Божію

не быть прочнымъ и твердымъ въ душѣ человѣческой, не блистать всегда благолѣпіемъ и святостію?

Но приходитъ въ душу грѣхъ съ полчищемъ страстей, и все превращаетъ! Мирное служеніе Богу — мыслями, чувствами, и дѣянїями, — вѣрою, любовію и упованіемъ, прекращается; вмѣсто его начинаютъ слышаться дикіе вопли страстей, буйные порывы гнѣва, ненависти и сладострастія: то есть, начинается служеніе сатанѣ... Въ слѣдъ за симъ, по духу разрушенія, неотлучному отъ духа разврата, все во внутреннемъ храмѣ души слабѣетъ и клонится къ паденію. Умъ приходитъ въ развалины: — свѣтлыя и чистыя понятія о Богѣ и Его святомъ законѣ, о вѣчности и воздаяніи за добро и зло, о истинѣ, правдѣ и благолѣпїи — тускнутъ, покрываются пылью, выходятъ, такъ сказать, изъ своихъ мѣстъ, и теряютъ силу поддерживать человѣка. Сердце приходитъ въ развалины: нѣтъ болѣе стройности чувствъ, нѣтъ согласія во внутреннихъ движеніяхъ, нѣтъ воодушевленія на добро; нѣтъ любви чистой, *николиже отпадающей* (1 Кор. 13, 8). Самая совѣсть приходитъ въ развалины: отъ нея остаются токмо слабыя, и то не всегда слышимыя, внушенія добра и отвращенія отъ зла.

Пришедъ въ развалины, и храмъ душевный, подобно храмамъ чувственнымъ, становится виталищемъ nocturnыхъ птицъ и гадовъ нечистыхъ — я разумѣю, мрачныхъ, плотскихъ помысловъ и душетлѣнныхъ пожеланій грѣховныхъ. Мало сего — какъ среди развалинъ, въ дремучемъ лѣсу, нерѣдко избираютъ себѣ пристанище люди отверженные обществомъ — тати и душегубцы; такъ между развалинами храма душевнаго всегдашнее, любимое жилище духовъ злобы поднебесной...

Судя по сему, какъ бы бѣдному грѣшнику не чувствовать своего ужаснаго положенія? Но, онъ не чувствуетъ сего, не видитъ своихъ внутреннихъ развалинъ, почитаетъ себя цѣлымъ и безопаснымъ, радуется даже нерѣдко своему блаженному, какъ онъ думаетъ, состоянію. До того грѣхъ и страсти ослѣпляютъ грѣшника, портятъ его мысли и сужденія, извращаютъ его умъ и сердце! Эти духовныя развалины кажутся не рѣдко и для другихъ прелестными, подобно развалинамъ вещественнымъ; потому что они также покрыты мохомъ, увиты павликою, испещрены цвѣтами; то есть, потому что въ развращенномъ человѣкѣ остаются слѣды моднаго образованія, проблески вкуса мірскаго, цвѣты воображенія, остроуміе, бездушная увѣтливость и любезность плотская.

Посему-то, братіе, первое правило человѣка, не отрекшагося

отъ своего спасенія, никогда не довѣрятъ своей наружной честности, своимъ, такъ называемымъ на языкѣ міра, прекраснымъ качествамъ. Пусть удивляется и любитъ ими міръ; а мы должны смотрѣть на нихъ испытующимъ окомъ совѣсти. Почему? Потому, что все это можетъ быть не что иное, какъ однѣ жалкія развалины внутренняго храма души, пріобрѣтшія нѣкій видъ красоты и занимательности отъ амой давности своего разрушенія.

Какъ же, спросить кто либо, узнать, что храмъ души нашей цѣлъ и благоустроенъ? — Такъ же, какъ узнають это въ отношеніи къ храмамъ наружнымъ — сравненіемъ состоянія и вида ихъ съ чертежемъ, по коему они строены. Чертежъ внутренняго храма — въ Евангеліи и совѣсти нашей: посему съ ними должно, какъ можно чаще, справляться о своемъ душевномъ состояніи тому, кто не хочетъ быть подобенъ развалинамъ. Вмѣстѣ съ симъ прилежно да помнимъ, что въ насъ, доколѣ остаемся на землѣ, все еще нѣтъ цѣлаго и полнаго храма души въ томъ совершенствѣ, какое онъ долженъ имѣть по намѣренію небеснаго Архитектонна. Во всю жизнь нашу долженъ онъ возсозидаться и благоустроиться; вершину же и крестъ на немъ ставитъ — одинъ Ангелъ смерти... Нашъ долгъ посему смотрѣть ежедневно, не прекращается ли духовная работа, не отступлено ли отъ плана, надлежащія ли употребляются матеріалы, съ усердіемъ ли и прочностію происходитъ дѣло: то есть, не оставляется ли нами когда либо попеченіе о душѣ нашей и усовершеніе себя въ дѣлахъ благихъ, на вѣрѣ ли въ Господа Іисуса и всеискупляющемъ крестѣ Его зиждемъ мы свое спасеніе? Скрѣпляется ли зиждимое терпѣніемъ и самоотверженіемъ, украшается ль любовью и милосердіемъ, возвышается ли отъ всепревосходящаго смиренія. Вотъ о чемъ должны мы прилагать попеченіе, а не думать, что внутренній храмъ нашъ уже конченъ и намъ остается только праздновать его освященіе. Нѣтъ, это великое празднество совершится не здѣсь, а, — если дастъ Господь, — тамъ, въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго.... Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПЯТЫМЪ *).

 тобы изобразить ошутительнѣе свойства челоуѣка праведнаго, священное писаніе, какъ небезувѣстно вамъ, братіе, употребляетъ для сего между прочимъ и разныя сравненія. Изъ круга существъ одушевленныхъ праведникъ уподобляется лъву и голубю; первому—по его мужеству и великодушію, послѣднему—по чистотѣ и незлобію. Изъ царства растеній праведникъ сравнивается съ лиліею и финикомъ: съ тою — за свое смиреніе и благоуханіе духовное, съ симъ—за обиліе въ плодахъ вѣры и любви. Изъ царства неодушевленнаго праведникъ уподобляется твердой и непоколебимой скалѣ: *надвѣющійся на Господа, поеть св. Давидъ, яко гора Сионъ, не подвижится во вѣкъ* (Псал. 124, 1).

Поелику мы теперъ находимся въ сердцѣ сей дивной скалы, и она же служитъ, можно сказать, отличительнымъ символомъ вашей святой обители, то не безвременно и не неумѣстно будетъ углубиться намъ нынѣ общимъ размышленіемъ въ это послѣднее сравненіе и разсмотрѣть, какимъ образомъ скала изображаетъ собою челоуѣка праведнаго, дабы такимъ образомъ посредствомъ слова, при помощи всемогущей благодати Божіей, извести вамъ единожды и навсегда воду назиданія духовнаго изъ этого камени, который выну стоитъ надъ главами вашими.

*) Сказанное къ братіи Святогорской пустыни въ церкви, что на скалѣ Святогорской, августа 17 дня 1844 года.

Праведникъ, яко скала, во-первыхъ своею выотою духовною. II міръ толкуеть и мечтаеть нерѣдко о высокомъ; но въ душѣ міролюбца не можетъ быть высоты истинной. Ибо откуда и какъ она зайдетъ въ эту бѣдную душу, которая вся и всегда обращена къ землѣ, день и ночь влачится мыслями и чувствами долу, вокругъ предметовъ суетныхъ и ничтожныхъ? Явись честь и знаменитое отличіе предъ міролюбцемъ: и онъ, какъ бы ни былъ гордъ, для полученія ихъ готовъ пасть, предъ кѣмъ нужно, во прахъ. Покажись богатство и успѣхи міролюбцу: и онъ для наслажденія ими готовъ отказать не только отъ своего ума, отъ самой совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, къ какимъ низкимъ и постыднымъ средствамъ не прибѣгаютъ міролюбцы для достиженія своихъ цѣлей, для доставленія себѣ высоты мірской? — Но, высота сія не возвышаетъ ихъ собою, когда они и достигають ее. Напротивъ, въ такомъ случаѣ они кажутся еще меньше и ничтожнѣе сами по себѣ, подобно малому животному, случайно какъ нибудь зашедшему на высокую скалу. Каждый тотчасъ видитъ и чувствуетъ, что это не ихъ мѣсто.

Не таковъ праведникъ! Въ какой бы юдоли ни стоялъ онъ, его окружаетъ нѣкое тайное величіе. Онъ выше богатства и могущества земнаго; выше силы и славы человѣческой; выше самой мудрости и познаній вѣка сего. Поелику онъ не ищетъ ничего на землѣ, то надъ нимъ — единъ Богъ!

Праведникъ, во-вторыхъ, яко скала — постоянствомъ и крѣпостію. Не имѣя опоры внутри себя, кромѣ ломкаго самолюбія, водясь и увлекаясь непрестанно внѣшними случайностями, грѣшникъ, какою бы ни обладалъ властію, всегда непостояненъ, измѣнчивъ и малодушенъ. Мысли и чувства его непрестанно возмечаются отъ вѣтра страстей, кои не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ самомъ снѣ. Случись при семъ еще какое либо несчастіе, — и грѣшникъ изъ человѣка самонадѣяннаго, какимъ онъ любитъ показывать себя, тотчасъ обращается въ самаго малодушнаго и робкаго. Въ сіе-то наипаче время онъ, по замѣчанію Премудраго, *бѣгаетъ даже никому же гонящу* (Прит. 28, 1). Никому же, то есть, совнѣ: ибо внутри грѣшника есть, кто его всегда преслѣдуетъ и гонитъ. Это злая дѣла его и совѣсть.

Праведникъ свободенъ отъ сего шатанія чувствъ и мыслей, отъ сего малодушія и страховъ. Имѣя, какъ выражается св. Давидъ, законъ Бога *его въ сердцѣ* своемъ, онъ вмѣстѣ съ симъ закономъ не подвижится во вѣкъ. Ибо о чемъ ему смущаться

и ради чего волноваться? Спаситель его единъ и тойже вчера и во вѣки, и тѣхъ, кои принадлежать Ему, никто не восхититъ изъ руки Его — Всемогущаго; — Церкви, въ коей, какъ въ ковчегѣ, блюдется праведникъ отъ всемірнаго потопа грѣховъ и беззаконій, никогда не одолѣютъ самыя врата ада; души безсмертныя, кою единою дорожитъ онъ въ мірѣ, не можетъ коснуться никто, кромѣ Бога; благи небесныхъ, кои обѣщаны за земные подвиги, не похититъ никакой татъ. Что же касается до земныхъ отношеній, до приобрѣтеній или потерь временныхъ, то праведникъ взираетъ на нихъ, яко на пелены младенческія, отъ коихъ всѣхъ чѣмъ скорѣе отрѣшиться, тѣмъ лучше. Чего не употреблялъ нѣкогда міръ для искушенія и низложенія вѣры и мужества въ мученикахъ Христовыхъ? Но ничѣмъ не могъ колебать ихъ; всегда самъ сокрушался о ихъ терпѣніе, какъ волны сокрушаются о скалу морскую.

Праведникъ, наконецъ, есть яко скала—покровомъ для нуждающихся и безпокровныхъ, указаніемъ пути для блуждающихъ. Міръ смотритъ на людей праведныхъ нерѣдко такъ же, какъ неопытные смотрятъ на горы и скалы, думая: къ чему служатъ онѣ?—Но во время бурь скала есть благонадежное прибѣжище для странника: она же указываетъ нерѣдко путь заблудившемуся. Такъ и во время всенародныхъ бѣдствій праведники вмѣсто покрова отъ гнѣва небснаго для цѣлыхъ царствъ и народовъ. Не смотря на множество грѣховъ Содома и Гоморры, злополучные грады были бы, какъ засвидѣтельствовалъ самъ Господь Аврааму, пощажены отъ гибели, если бы среди ихъ нашлось хотя десять праведниковъ. Даже молитва единого праведника спасала цѣлые грады: такъ Назиба спасена отъ плѣна молитвами св. Іакова, Солунь—предстательствомъ св. великоченика Димитрія.

Служа такимъ образомъ, подобно скаламъ, въ духовный покровъ и защиту для цѣлыхъ странъ, праведники, подобно скаламъ же, указуютъ заблудшимъ путь возвратный. Они не проповѣдуютъ съ каедръ церковныхъ, подобно намъ; но ихъ жизнь и дѣянія громче и дѣйствительнѣе всякой проповѣди. Смотря на нихъ, каждый грѣшникъ невольно чувствуетъ, что онъ самъ не живетъ, какъ должно, и что гораздо лучше было бы, если бы онъ оставилъ свой путь грѣха и неправды.

Съ подобными мыслями, братіе мои, взирайте на скалу вашу; и она вѣрно представитъ вамъ въ себѣ гораздо болѣе назиданія, нежели сколько мы, по краткости времени, можемъ ука-

затѣ его теперь. И не взирайте токмо на скалу, а старайтесь и подражать ей. Чѣмъ? Возвышенностію мыслей и чувствъ вашихъ надъ всѣмъ земнымъ, — постоянствомъ и твердостію въ законѣ Господнемъ, — упокоеніемъ подъ кровомъ обители и молитвъ вашихъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Ибо не напрасно воздвигнута она здѣсь и стоитъ день и ночь, можно сказать, надъ главами вашими: это непрестающій знакъ свыше, чѣмъ и каковыми должно быть — въ духовномъ отношеніи — вамъ самимъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ЕПАРХІИ *).

ездѣ нынѣ праздникъ; а здѣсь, у васъ сугубый. Посему, хотя память святителя и чудотворца Николая благочестно ублажается по всей странѣ нашей; но никуда не стекается нынѣ столько читателей сея памяти, какъ въ вашу обитель. Причина очевидна. Праздникъ всегда свѣтлѣе и торжественнѣе тамъ, гдѣ наиболѣе являетъ свое присутствіе лице празднуемое; а здѣсь, у васъ, святитель Николай явно присутствуетъ нѣкимъ особеннымъ образомъ, какъ то показываетъ всѣмъ и каждому его святая и чудотворная икона. Явилась ли бы она чудесно на скалѣ вашей, если бы не восхотѣлъ сего самъ чудотворецъ? А когда онъ благоволилъ даровать обители вашей чудотворный ликъ свой; то, безъ сомнѣнія, потому и для того, что особенно возлюбилъ мѣсто сіе и избралъ его какъ бы въ нѣкое жилище себѣ. Достоянно убо и праведно обитель сія съ сугубою свѣтлостію празднуетъ день настоящій; достойно и праведно и мы въ такомъ множествѣ стеклись нынѣ сюда для прославленія памяти Святителя Христова.

Что касается до насъ самихъ, то мы поспѣшили сюда еще и по особенной причинѣ. До сихъ поръ не воздали мы торжественной благодарности Святителю за недавнее возстановленіе обители вашей. Ибо кто, какъ не онъ охранилъ мѣсто сіе въ продолжительную годину разрушенія, его постигшаго? Когда за семь-

*) Сказанное мая 9 дня 1845 года, въ Святогорскомъ монастырѣ.

десять лѣтъ предъ симъ напала на него ужасная буря; то все тотчасъ удалилось отсюда, и люди и вещи. Не оставилъ сего мѣста одинъ Угодникъ Божій. Продолжая пребывать здѣсь въ чудотворномъ ликѣ своемъ, онъ по прежнему привлекалъ цѣлыя тысячи душъ къ самымъ развалинамъ обители; питалъ во всѣхъ жителяхъ страны желаніе видѣть ее возстановленною изъ небытія; и хранилъ незримо то, что, разрушенное, не могло бы уже возстановиться руками человѣческими. Признаюсь, братіе мои, когда я пришелъ въ первый разъ на мѣсто сіе и увидѣлъ его внутреннее оскудѣніе людьми и совершенную беззащитность; когда услышалъ при томъ, сколько было и явныхъ недоброжелательствъ и тайнаго враждованія противъ него отъ тѣхъ, кои могли сдѣлать съ святыми горами все, что хотѣли, и сдѣлали съ окрестностями ихъ все, что могли; когда при всемъ этомъ я увидѣлъ сіи горы облеченными еще во всю лѣпоту, коею украсила ихъ десница творческая: то пришелъ въ недоумѣніе и вопрошалъ самъ себя—какая невидимая сила въ продолженіе столькихъ лѣтъ охраняла мѣсто сіе и изъела его изъ общей участи, коей подверглись всѣ его окрестности? Но когда вспомнилъ, что здѣсь находится чудотворный ликъ святителя Христова Николая; то недоумѣнія мои тотчасъ окончились. Противъ такихъ стражей, подумалъ я, ничто не значитъ ни вражда, ни лукавство человѣческое. Не въ первый разъ Святителю спастись отъ конечнаго истребленія и людей и мѣста: тѣмъ паче не могъ онъ предать беззащитно на жертву алчности человѣческой сего святаго мѣста, которое онъ видимо избралъ для пребыванія — въ чудотворномъ ликѣ своемъ. Все сіе воодушевило меня, братіе, упованіемъ на то, что какъ ни велико было запустѣніе мѣста сего, но рано ли, поздно ли, ему надлежало прейти. И вотъ оно прешло, и гораздо скорѣе, нежели какъ можно было ожидать. И кто главною виною сего?

Воздадимъ должную справедливость благолюбивымъ домовладыкамъ мѣста сего, ихъ усердію къ святой обители, ихъ готовности служить подобно упоминаемымъ въ Евангеліи женамъ, Господу отъ *имѣній своихъ* (Лук. 8, 3): но, они первые, думаю, не отрекутся признать и исповѣдать, что былъ кто-то, который постоянно возбуждалъ и питалъ въ сердцѣ ихъ желаніе послужить возстановленію здѣшней обители. Безъ сего, воспящаемое въ исполненіи многими противными обстоятельствами и самою продолжительностію времени, желаніе сіе сто разъ могло ослабѣть и угаснуть. Между тѣмъ не ослабѣло и не угасло, а можно ска-

зять, усилилось въ нихъ отъ самаго времени; потому что было дѣйствиємъ не плоти и крови, а духа и вѣры, подкрѣпляемыхъ тайнымъ вліаніемъ Святителя на ихъ душу. И смотрите, какъ знаменуетъ себя это вліаніе въ самомъ имени того, чья Державная рука утвердила паки бытіе св. обители! — Не одно царствованіе прешло надъ ея развалинами: но подняться изъ нихъ ей суждено не прежде, какъ въ благословенное владычество Самодержца, соименнаго святителю Николаю!

Не долѣветъ ли убо, братіе мои, и намъ ознаменовать чѣмъ либо нашу признательность угоднику Божію за Его видимое и невидимое покровительство сему святому мѣсту? И первѣе всего тѣмъ, что для него теперь особенно нужно: ибо и святые Божіи, сходя къ намъ съ неба, нѣкоторымъ образомъ какъ бы подвергаются нашимъ нуждамъ. Что же, спросите, потребно для Святителя Христова, или, точнѣе сказать, для его чудотворнаго лика? Потребно пристанище постоянное; ибо съ того самаго времени, какъ была упразднена здѣсь обитель, доселѣ онъ не имѣетъ постоянного мѣстопребыванія и странствуетъ, такъ сказать, ежедневно нисходя съ горы долу и паки восходя на скалу. Но первобытное мѣсто, ознаменованное чудеснымъ явленіемъ Его, тамъ—на скалѣ, цѣло доселѣ и ждетъ токмо нашего усердія, дабы, облекшись приличною лѣпотою, воспринять паки на всегдашнее пребываніе икону Святителя.—Поспѣшимъ же, кто чѣмъ можетъ, содѣйствовать сему благому дѣлу, да обрѣтетъ онъ себѣ успокоеніе въ ликѣ своемъ, и да познаетъ изъ того, что мы не безчувственны къ его подвигу во благо сей обители.

И какъ бы хорошо было, братіе мои, если бы въ слѣдующемъ году, въ настоящій же праздникъ, мы могли взять икону Святителя отсюда, и вознесши на скалу, поставить на мѣстѣ первобытнаго явленія ея, совершить тамъ святую литургію и оставить ее тамъ на постоянное пребываніе! Это было бы радостію и торжествомъ для всей страны здѣшней и для каждаго изъ насъ. А Святитель Христовъ вслѣдствіе сего усугубилъ бы, безъ сомнѣнія, за насъ молитвы свои предъ Господомъ; исходатайствовалъ бы намъ прощеніе во грѣхахъ нашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—избавленіе и отъ тѣхъ бѣдствій, кои за сіи грѣхи въ разныхъ видахъ гнетуть и удручаютъ каждаго изъ насъ. —

Начнемъ же съ нынѣшняго дня заниматься симъ благимъ предпріятіемъ. Обитель, какъ видите, сама не можетъ сдѣлать въ семъ отношеніи ничего—по своей новости. Все зависитъ по сему отъ нашего усердія. Ужели не достанетъ его въ комъ либо?—

нѣтъ, настоящее собраніе наше ручается за противное. А мы, въ поощреніе вѣры и любви вашей, скажемъ то, что писалъ апостоль Павелъ коринѣянамъ, поощряя ихъ на подобное благое дѣло, то есть, что *доброхотна дателя любитъ — самъ Господь!* (2 Кор. 9, 7). Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА ИЗЖАА *).

Любопытствуя о судьбѣ града вашего, я пожелалъ между прочимъ узнать и о томъ, что служить для него, по обычаю градовъ отечественныхъ, отличительнымъ символомъ гражданскимъ, и узналъ, что этотъ символъ составляютъ три вѣтви виноградныхъ.—Прекрасный символъ! Ибо, виноградъ вообще есть знакъ плодоносія, мира и радости. Возлюбленный нѣкогда Богомъ народъ израильскій всегда въ писаніи сравнивается съ виноградомъ. Самъ Спаситель уподобляетъ Себя лозѣ виноградной: *Азъ есмь лоза*, говорилъ Онъ Апостоламъ, *вы же родите; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ много* (Иоан. 15, 5).

Сей, а не другой символъ избранъ въ отличіе вашего града, конечно потому, что съ вашихъ предѣловъ начинается земля, способная къ возвращенію винограда, и что имъ, какъ показываетъ самое названіе города, обиловали нѣкогда здѣшнія окрестности. Нынѣ нѣтъ сего: дѣятельность жителей здѣшняго края давно обратилась къ другимъ видамъ промышленности. Но, отличительный символъ вашъ не потерялъ чрезъ то своего значенія, а скорѣе приобрѣлъ его въ новомъ и лучшемъ смыслѣ: ибо кромѣ винограда чувственного, есть виноградъ духовный, который можетъ расти на всякой землѣ, во всѣхъ климатахъ, во всякое время года. Этотъ духовный виноградъ суть добродѣтели хри-

*) Сказанное 20 дня августа 1843 года.

стіанскія. Лишиться сего святаго винограда кому бы и гдѣ бы то ни было — вотъ истинное лишеніе и потеря невознаграждаемая! Но это зависитъ отъ насъ самихъ; и если бываетъ, то по собственной винѣ.

Да произрастаютъ же у васъ всегда, да приносятъ плодъ, да питаютъ души и сердца ваши три лозы виноградныхъ—отъ трехъ лицъ Пресвятыя Троицы, во имя коей онѣ, безъ сомнѣнія, и избраны въ символъ града вашего! —

Первая вѣтвь—отъ Бога Отца—вѣтра правая и живая! — Она насаждена въ душѣ человѣка при самомъ сотвореніи его въ раю сладости. Змій—искуситель ужасно повредилъ ее, наведши въ умѣ праматери нашей пагубное сомнѣніе на заповѣдь и благость Творца, но небесный Дѣлатель не оставилъ своего насажденія: къ тому, что отъ сей лозы осталось живымъ въ душѣ человѣка, тотчасъ привилъ снова небесный ростокъ вѣтры посредствомъ обѣтованія о будущемъ Искупителѣ. Съ тѣхъ поръ животворная лоза сія растетъ въ родѣ человѣческомъ: всемірный потопъ омылъ ее отъ пыли и насѣкомыхъ; законъ Моисеевъ оградилъ ее отъ позобанія звѣрями дивими; пророки являлись для ея очищенія и отребленія; Сынъ Божій напоилъ ее своею Кровію; Духъ Святой оросилъ своею благодатію; Апостолы увязали ее правилами и законоположеніями; преемники ихъ—пастыри Церкви, приставлены блюсти и хранить ее до скончанія вѣка. Лоза сія отъ Бога Отца; ибо святая вѣтра живетъ въ области всемогущества; а Онѣ, какъ исповѣдуемъ въ символѣ вѣтры, есть Вседержитель, Творецъ видимыхъ и невидимыхъ.

Желаете знать, какихъ должно ожидать плодовъ отъ сей дивной лозы?—*Знаменія вѣрующимъ*, говоритъ самъ Сынъ небеснаго Вертоградаря, *сія послѣдуютъ: именовъ Моимъ бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ, аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ, на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ* (Марк. 16, 17—19). *Аще и лате вѣру*, говоритъ Онѣ въ другомъ мѣстѣ, *яко зерно горушно, и речете горѣ: преиди и верзися въ море, будетъ*. — Вотъ что можетъ производить вѣтра истинная! И все это производила она въ тѣхъ, кои проникнуты были ею, кои не мыслили токмо, но и жили по сей вѣрѣ; ибо, гдѣ вѣтра, тамъ и всемогущество.

Желать ли вамъ плодовъ сихъ? *Могій вмѣстити, да вмѣститъ!* А вмѣстившій, болѣе или менѣе, да блюдетъ свято пріятное! Ибо сокровище чрезвычайно важно, и можетъ возрастать до безконечности, такъ какъ вѣрующему, по слову Спасителя, *вся воз-*

можна суть, а сосудъ естества нашего, какъ бы мы ни укрѣпляли его, всегда скуделень и ломокъ.

Есть другіе плоды отъ драгоцѣнной лозы — вѣры, не столь рѣдкіе и дивные, но тѣмъ болѣе необходимыя для всякаго, безъ коихъ сама вѣра есть растеніе неплодное, и напрасно, такъ сказать, занимающее землю. Это тѣ плоды, на кои указываетъ св. апостоль Іаковъ. *Вѣра чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ*, пишетъ онъ, *сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра* (Іак. 1, 27). То есть, необходимый плодъ истинной вѣры, по Апостолу, состоитъ въ непорочности нравовъ и жизни, и въ челоуѣколюбіи къ своимъ ближнимъ.

Одна вѣра можетъ произвести сей прекрасный плодъ; ибо одна вѣра можетъ вознести челоуѣка надъ всѣми соблазнами міра, надъ всѣми слабостями плоти; одна она можетъ расположить самолюбивое сердце наше къ тому, чтобы во всякомъ челоуѣкѣ видѣть брата во Христѣ, и употреблять всѣ силы и средства свои на помощь ему. Въ комъ убо есть сей святой плодъ вѣры, того вѣра истинная и живая; а въ комъ нѣтъ его, кто провождаетъ жизнь во грѣхахъ и нечистотѣ, кто жестокосердъ къ своимъ ближнимъ; тотъ сколько бы ни говорилъ о своей вѣрѣ и какъ бы ни показывалъ себя вѣрующимъ, въ томъ нѣтъ истинной вѣры, а токмо одинъ ея призракъ. Такая неплодная лоза будетъ наконецъ извергнута изъ вертограда Христова и предана на сожженіе.

Вторая вѣтвь виноградная — отъ Бога Сына—упованіе жизни вѣчной, надежда христіанская! —

Лоза сія насаждена на Голгоѣ, у подножія креста Христова, полита кровію Единороднаго Сына Божія. Ибо кто упованіе наше? *Христость*, отвѣтствуетъ Апостоль. Безъ Искупителя нѣтъ прощенія; безъ Посредника нѣтъ мира; безъ Ходатая и Испоручника нѣтъ упованія. —

Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть упованіе у грѣшника, каковы всѣ мы? — Грѣшникъ по необходимости долженъ страшиться казни; ибо онъ преступникъ воли Божіей, а Богъ и Творецъ его правосуденъ. Грѣшникъ по необходимости долженъ трепетать смерти; ибо за предѣлами времени вѣчность, а вѣчность нелицепріятна и мздовоздаятельна.

Но является Ходатай Бога и челоуѣковъ, Богочелоуѣкъ Іисусъ, и все измѣняетъ видъ; мѣсто страха и отчаянія заступаетъ надежда и дерзновеніе. Облеченный заслугами Искупителя, грѣш-

никъ съ упованіемъзираетъ на самое правосудіе Божіе: ибо гнѣвъ его истощенъ на крестѣ; долгъ закону и правдѣ уплаченъ сполна на Голгоѣѣ. Одушевленный силою Побѣдителя ада и смерти, грѣшникъ со дерзновеніемъ вступаетъ во врата самой смерти. *Аще пойду, восклицаетъ онъ, съ Давидомъ, посредѣ сѣни смертныхъ, не боюся зла, яко Ты, Всемогущій, со мною еси!*

Таковъ корень и таковы плоды упованія христіанскаго! Корень—Христость, Искупитель нашъ; плоды,—чаяніе жизни вѣчной и презрѣніе скорбей и лишеній жизни временной. О, питайте, братіе мои, возвращайте, и блюдите сію животворную лозу упованія. Для сего размышляйте чаще о томъ, что содѣлано за насъ и для насъ возлюбленнымъ Спасителемъ нашимъ, и что было бы съ нами безъ Него; переноситесь чаще мыслию въ будущее, къ благамъ вѣчнымъ, кои ожидаютъ за гробомъ тѣхъ, иже подвизались здѣсь яко добліи воины Христовы; представляйте себѣ чаще тотъ великій и славный день, въ который Господь приидетъ воздати комуждо изъ насъ по дѣломъ его.

Въ комъ есть истинное упованіе, для того размышленіе о сихъ предметахъ — паче меда и сота; но въ то же время жизнь по упованію—паче злата и сребра. Взирая постоянно въ будущее, онъ не прельщается ни чѣмъ настоящимъ; благодушно проходитъ искушенія и скорби, ибо знаетъ, что они служатъ залогомъ вѣчной славы; съ радостію приносятъ, гдѣ нужно, жертвы, ибо увѣренъ, что тамъ, на небѣ, ничто не будетъ забыто, за все воздастся съ лихвою; не страшится самой смерти и всегда готовъ встрѣтить ее, ибо видитъ въ гробѣ дверь къ возврату въ домъ отеческій; и надъ всѣмъ симъ постоянно блюдетъ себя отъ сквернъ мірскихъ, или измываетъ ихъ въ себѣ слезами покаянія, ибо иначе онъ посрамилъ бы упованіе свое и потерялъ бы все дерзновеніе, яко не соблюдашій вѣрности.

Такъ, братіе мои, тецуйте въ упованіи и вы, да постигнете и насладитесь нѣкогда вполнѣ тѣмъ, что теперъ только изрѣдка даетъ намъ предвкушать себя въ минуту святыхъ восторговъ душевныхъ. —

Третія вѣтвь виноградная — отъ Бога Духа Святаго—любовь чистая и святая! — О, какъ многоплодна Божественная лоза сія! Гдѣ любовь, тамъ всѣ добродѣтели, всѣ совершенства. *Любы, говоритъ Апостоль, не превозносится, не завидитъ, не радуется о неправдѣ, не мыслитъ зла, всему вѣру елметъ, вся уповаеть, вся терпнтъ, любы николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—8). Гдѣ любовь, тамъ взаимная помощь и услуга; тамъ высшій служить

низшему, тамъ нѣтъ рабовъ, всѣ братія о Христѣ. Любовь самая адъ могла бы сдѣлать раемъ, если бы только адъ могъ вмѣстить ее въ себѣ.

Стремитесь, братіе мои, къ сей пренебесной добродѣтели. Но, блюдитесь думать, что святая и животворная любовь могла произникнуть изъ нашего ума или сердца, изъ нашихъ познаній и образованія, изъ нашей плотской чувствительности и нашей мірской ласковости: все это можетъ дать только любовь языческую, своекорыстную, ограниченную, легко опадающую, но никогда не дастъ любви чистой, совершенной, которая не ищетъ своихъ си, готова положить душу за други своя, которая объемлетъ всѣхъ, благословляетъ самыхъ враговъ своихъ. Такая любовь изливается въ сердца наши точію свыше, отъ Духа Святаго. И Онъ всегда готовъ излить ее; ибо для сего и сошелъ съ неба въ видѣ огненныхъ языкъ, чтобы воспламенить ею насъ хладныхъ. И воспламенить, коль скоро мы представимъ Ему для сего сердца свои упраздненными отъ нечистой привязанности къ міру и его суетнымъ благамъ и удовольствіямъ. Посему, кто хочетъ быть сосудомъ любви Божественной, тотъ долженъ, во-первыхъ, упразднить сердце свое отъ пристрастій плотскихъ, а во-вторыхъ, какъ можно чаще обращаться съ молитвою къ Духу утѣшителю, да придетъ къ нему, и да приведетъ съ собою въ сердце любовь чистую и святую.

Стремясь къ сему, тѣмъ паче блюдитесь, братіе мои, отъ всякой ненависти, вражды, злобы и мщенія. Какъ всякая истинная любовь отъ Духа Божія, такъ вражда и злоба всегда есть отъ духа злобы. Гдѣ ненависть, тамъ адъ.

Вотъ къ какимъ размышленіямъ привелъ насъ символъ града вашего!—Вотъ что пробудили въ памяти нашей три вѣтви ваши! Явно, число ихъ избрано во образъ Святыя Троицы. Посему мы не думаемъ, чтобы размышленіемъ своимъ уклонились отъ намѣренія тѣхъ, кои избрали ихъ въ отличительный признакъ сего града. Да будетъ же отличіемъ его вѣра, надежда и любовь христіанская! Да растутъ онѣ, да цвѣтутъ между вами, да приносятъ плодъ, и да питаютъ имъ души и сердца ваши въ жизнь вѣчную! А мы, какъ приставники, посланные отъ небснаго Вертоградаря, будемъ по временамъ посѣщать васъ, осматривать ростъ и плодъ, поливать растущее, ограждать и подкрѣплять плодоносящее, и отреблять, по слову Спасителя, бесплодное. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБОЗРѢНІИ ЕПАРХІИ *).

особенность и преимущество здѣшняго града — въ томъ, что вблизи его находятся воды цѣлебныя: преимущество немалое! Оно причиною, что градъ вашъ, не смотря на малолюдность свою, не безызвѣстенъ по всѣмъ краямъ обширнаго отечества нашего; оно причиною, что къ вамъ ежегодно стекается даже изъ отдаленныхъ мѣстъ немалое число посѣтителей, ищущихъ въ водахъ Славянскихъ исцѣленія отъ своихъ недуговъ; оно причиною, что среди васъ возникаетъ и усиливается всякаго рода промышленность, и градъ вашъ начинаетъ украшаться лучшими зданіями; оно наконецъ причиною, что само правительство обращаетъ на здѣшнее мѣсто особенное вниманіе и готовитъ для него новую судьбу и разныя общественныя учрежденія. Не будь здѣсь врачевныхъ водъ, — и градъ сей поступилъ бы въ разрядъ обыкновенныхъ селеній, потерялъ бы наконецъ, по всей вѣроятности, самое имя града.

Кто же далъ граду сему это великое преимущество? Тотъ, въ десницѣ Коего жребій вся земли, кто посылаетъ источники въ дебри, велитъ—и на горахъ стануть воды; Кто съ такою же легкостію изчисляетъ песокъ, лежащій вскрай моря, какъ и нарицаетъ имена свѣтиламъ небеснымъ. Его вседержавный перстъ указалъ подъ стопами вашими расположиться благотворнымъ слоямъ соли врачевной, отъ коей воды ваши сдѣлались цѣлѣбо-

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Славянскѣ.

носными. Искусство человеческое можетъ, сколько ему угодно, разнообразить употребленіе сихъ водъ; но не можетъ измѣнить, тѣмъ паче замѣнить собою дара Творческаго.

Чувствуете ли убо, братіе мои, милость и благодѣяніе Божіе, къ вамъ чрезъ то явленныя? и стараетесь ли быть признательны къ небесному благодѣтелю вашему? Нѣтъ нужды много размышлять и доискиваться, чѣмъ вамъ можно засвидѣтельствовать въ семъ случаѣ свою благодарность предъ Нимъ: средства къ тому представляются сами собою.

И во-первыхъ, вы засвидѣтельствуете свою благодарность Господу, за открытіе у васъ цѣльбоносныхъ источниковъ, если будете имѣть особенное усердіе къ храмамъ Божиимъ и попеченіе о ихъ благолѣпіи. Храмы не напрасно называются домомъ Божиимъ: что дѣлается на пользу дома, то, яко даръ, пріемлетъ самъ Домовладыка. Что Господь неба и земли не равнодушенъ къ тому, что дѣлается для Его видимыхъ жилищъ на земли, или храмовъ, свидѣтели тому Давидъ и Соломонъ. Первый за одно намѣреніе создать храмъ и приготовленіе матеріаловъ къ тому, а второй за приведеніе сего намѣренія въ дѣйствіе, получили благословеніе Божіе не токмо себѣ, но и всему своему потомству.

И для тѣхъ, кои прибываютъ къ намъ для врачеванія, не малая разница, какъ они найдутъ у васъ храмы Божіи—въ состояніи благолѣпія или безобразія. Увидѣвъ храмы ваши благоустроенными, они возрадуются духомъ, возымѣютъ о васъ благоприятное понятіе, съ большею благонадежностію предадутся врачеванію, говоря самимъ себѣ: здѣсь живутъ люди благочестивые; видно, что Господь на мѣстѣ семъ! Что недугующіе обращаютъ на это вниманіе, это не подлежитъ сомнѣнію: пораженный болѣзнію всегда, болѣе или менѣе, набоженъ; забываютъ Бога и Церковь только среди здоровья и счастья...

Во-вторыхъ, вы засвидѣтельствуете благодарность свою Господу, если съ прибывающими къ вамъ для врачеванія будете поступать не по расчетамъ своекорыстія и желанія обогатиться неправедно, а по духу любви и милосердія христіанскаго. — Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, могутъ не жалѣть ничего для удобства своего пребыванія; а иные, по необходимости, должны дорожить каждою лептою. Не забывайте сего, возлюбленные! — Пророкъ воспрещалъ нѣкогда Израилю имѣть двѣ мѣры и два вѣса; а мы нисколько не противорѣча гласу пророческому, совѣтуемъ вамъ имѣть ихъ по двѣ — одну для имущихъ и бога-

тыхъ, а другую для немущихъ; или, лучше сказать, когда увидите предъ собою Лазаря, немущаго чѣмъ воздать вамъ за даемое ему, то оставьте всѣ вѣсы и мѣры и снабдите немощь его туне. Господь узритъ сіе, какъ бы ни было мало даяніе ваше, хотя бы то была чаша студеной воды. Только бы она подана была во имя Его, то ей, глаголемъ вамъ, не погубите мзды вашей! —

Да, братіе мои, преизвѣстная истина, что Господь и Спаситель нашъ паче всего любитъ милосердіе; преизвѣстная истина, что когда Онъ будетъ судить насъ въ день онъ, то паче всѣхъ добродѣтелей и подвиговъ воспомянутся дѣла любви. *Взлѣкахся, скажетъ Судія небесный, и дасте ми ясти; возжадохся, и напоисте мя; боленъ бѣхъ и поспѣшите мя; въ темницѣ — и придосте ко мнѣ* (Матѣ. 25, 35). Послѣ сего нечего много думать о томъ, какимъ образомъ снискать каждому свое спасеніе, нечего изслѣдовать и разыскивать о пути къ Царствію: онъ предъ каждымъ; ибо вездѣ есть бѣдныя и требующіе, всюду можно найти, въ лицѣ ихъ, самаго будущаго Судію и оказать Ему помощь. Питай, напай, одѣвай, посѣщай, вручай; и такимъ образомъ искупляй грѣхи твои. —

Если вездѣ можно это дѣлать, то у васъ тѣмъ паче. Сколько Лазарей ежедневно является въ градѣ вашемъ, ища ослабы своимъ страданіямъ! Да не найдутъ они между вами богачей, затворяющихъ отъ нихъ и врата и утробу свою! Да не будутъ псы ваши челоувѣколюбивѣ домовладыкъ своихъ! Любовь Христова уже воздвигла изъ среды васъ видимыхъ ревнителей и служителей милосердія; уже вы давно слышите гласъ ихъ, призывающій всѣхъ и cadaго на помощь ближнему; уже видите примѣръ ихъ, влекущій и васъ во слѣдъ себѣ. Не будьте же, умоляемъ васъ, глухи къ сему гласу; не смѣжайте очей своихъ при взорѣ на бѣдность и раны. Что вы сдѣлаете для болящаго брата, то усвоить самому себѣ Господь и судія всѣхъ. *Мнѣ сотвористе, скажетъ Онъ и вамъ.*

Въ третьихъ, градъ вашъ засвидѣтельствууетъ свою благодарность Господу за низпосланіе цѣльбоносныхъ водъ, если вы, жители его, будете отличать себя чистотою нравовъ и жизни; если прибывающіе къ вамъ для врачеванія не будутъ находить у васъ искушеній и соблазновъ. Не будемъ скрывать печальной истины — мѣста, отличающіяся многочисленностію посѣтителей, по развращенію челоувѣческому, всегда почти являются страждущими отъ обилія всякаго рода соблазновъ. Да отличается же вашъ

градъ недостаткомъ ихъ! Получающіе исцѣленіе тѣлу, да не найдутъ у васъ язвъ для души и совѣсти! Да возвратятся въ дома свои съ чувствомъ уваженія къ нравамъ и чистотѣ вашей! — Се ваша наибольшая похвала и се ваша наилучшая благодарность Тому, который облагодѣтельствовалъ градъ вашъ своею Творческою десницею! —

Когда Онъ узритъ, что благодѣяніе, вамъ дарованное, содѣйствуя временному благосостоянію домовъ и семействъ вашихъ, не вредитъ нисколько вѣчному преспѣянію душъ и сердецъ вашихъ; когда увидитъ, что славныя воды производятъ въ васъ не жажду неправеднаго прибытка и алчность благъ тѣнныхъ, а возбуждаютъ въ васъ благодѣтельную жажду спасенія: то, будьте увѣрены, Онъ усугубитъ благословіе свое надъ силою водъ вашихъ; слава ихъ распространится и привлечетъ къ вамъ еще большее число посѣтителей, и вы, не оставляя роднаго крова своего, будете находить чрезъ нихъ всѣ способы къ безбѣдному существованію. А когда напротивъ, вы окажетесь — въ нравахъ и поступкахъ своихъ — непризнательными къ небесному Благодѣтелю, злоупотребляющими Его дарами, не готовыми сострадать бѣдствующему человѣчеству, а стремящимися бѣдствія ближнихъ обращать на одну свою низкую пользу: то кто знаетъ, что можетъ быть? Не сбудется ли тогда и надъ вашимъ градомъ притча о соли обуювшей? — Сколько есть на земномъ шарѣ водъ, измѣнившихъ свое качество! — Долго ли останется тогда и цѣлебная сила вашихъ водъ, когда не будетъ надъ ними благословія Божія? И пребудетъ ли благословіе тамъ, гдѣ изсякли вѣра и любовь? Размыслите о семъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА ЧУГУРОВА *).

авно хотѣлось намъ, христілюбивые воины, побесѣдовать съ вами съ сего священнаго мѣста: хотѣлось уже потому, что вы принадлежите къ духовной паствѣ Харьковской; а мы еще ни разу не имѣли случая возвѣститъ вамъ слова спасенія, между тѣмъ какъ званіе ваше, будучи отлично во многомъ отъ всѣхъ прочихъ званій, имѣетъ потому нужду въ особенномъ наставленіи. Но кромѣ сего, намъ хотѣлось вступить въ бесѣду съ вами и потому, что мы давно одолжены вамъ немалою благодарностью, и доселѣ ничѣмъ не выразили ее предъ вами. Желаете знать, чѣмъ мы обязаны вамъ? Тѣмъ, братіе мои (спѣшу назвать васъ тѣмъ, чѣмъ вы всегда для насъ во Христвѣ Іисусѣ), что во время собесѣдованій нашихъ съ паствою по разнымъ мѣстамъ, вы постоянно служили для насъ вмѣсто живаго примѣра и доказательства на самыя важныя истины нравственности христіанской. По долгу званія пастырскаго, не разъ доводилось намъ говорить предъ своими слушателями о самоотверженіи христіанскомъ, внушать и доказывать, что христіанинъ, по заповѣди Спасителя, долженъ быть готовъ, въ случаѣ нужды, оставить для своего спасенія все: имѣніе, домъ, жену, дѣтей, самую жизнь. Въ этомъ самоотверженіи состоитъ сущность дѣятельнаго христіанства и жизни благочестивой. Но гдѣ взять для него примѣровъ? Обращаться за симъ ко временамъ древнимъ, вспоминать

*) Сказанное въ соборной Покровской церкви, 27 августа 1843 года.

мучениковъ, исповѣдниковъ, святыхъ отшельниковъ пустынь и пещеръ? Въ примѣрѣ ихъ дѣйствительно нашлось бы самоотверженіе христіанское, осуществленное во всей полнотѣ: но при семъ многіе изъ слушателей нашихъ могли бы подумать, вопреки нашего слова, что тогда были другія, лучшія времена, свѣтъ вѣры сильнѣе, любовь христіанская живѣе и чище, самые дары благодати обильнѣе и явственнѣе; другіе, съ видомъ еще большаго права, начали бы отклонять отъ себя сей примѣръ, говоря, что это были люди избранные, святые, предъ коими нашей немощи свойственнѣе благоговѣть и преклоняться, нежели подражать ихъ величію и подвигамъ. Что же мы дѣлали въ семъ случаѣ? Оставляя, большею частію, времена древнія, мы обращались за примѣромъ къ вамъ. Посмотрите, говорили мы своимъ слушателямъ, на воиновъ нашихъ, не на избранныхъ, а на всѣхъ и каждаго. Чего не приносятъ они въ жертву своему званію? Не готовъ ли каждый изъ нихъ, и всегда, сдѣлать то, чего требуетъ отъ всѣхъ насъ Евангеліе? Не готовъ ли оставить домъ, жену, дѣтей, чтобы идти на край свѣта и нести жизнь свою на смерть, даже очевидную? И все сіе дѣлаютъ они всѣ,—и самый первый и самый послѣдній, не разбирая, почему такъ дѣлается, выйдетъ ли что и что выйдетъ изъ ихъ жертвы, нѣтъ ли средствъ иначе достигнуть того, за что они должны проливать кровь свою. Если же, продолжали мы, воины дѣлаютъ все это по гласу и велѣнію своихъ начальниковъ, которые какъ бы ни были мудры, всегда, яко чловѣки, могутъ подлежать ошибкамъ и погрѣшностямъ; то что удивительнаго, если всѣ мы будемъ готовы сдѣлать то же по гласу не чловѣка, намъ подобострастнаго, а Спасителя нашего, который самъ за всѣхъ насъ положилъ животъ свой на крестѣ,—сдѣлать не по усердію къ чуждой пользѣ или славѣ, а ради искупленія собственныхъ душъ нашихъ, имѣя за сіе въ виду награду благъ вѣчныхъ? — Такъ говорили мы своимъ слушателямъ; такъ пользовались вашимъ примѣромъ, вашимъ самоотверженіемъ; и, благодареніе Господу, не разъ видѣли съ утѣшеніемъ, что слова наши и вашъ примѣръ не оставались безъ дѣйствія, производя въ слушателяхъ увѣренность, что заповѣди Евангелія, самыя, по видимому, строгія и тяжкія, не суть заповѣди неисполнимыя. —

Какъ же намъ послѣ сего не быть къ вамъ признательными и не желать побесѣдовать съ вами? Сказать вамъ по крайней мѣрѣ то, о чемъ мы сейчасъ говорили предъ вами? —

Для чего сказать? И для утѣшенія и для назиданія вашего.

II во-первыхъ, для утѣшенія. Если въ какомъ, то въ вашемъ состояніи, братіе мои, можетъ приходиться инымъ на мысль: не слишкомъ ли оно далеко отъ званія христіанина? Не противно ли духу любви христіанской едва не всю жизнь посвящать на упражненіе себя въ искусствѣ отнимать жизнь у подобныхъ себѣ людей? Совмѣстенъ ли крестъ Христовъ съ мечемъ воина? Такая мысль можетъ тревожить душу, ослаблять усердіе къ своему званію, заставляя завидовать другимъ родамъ жизни, доводить до унынія и даже отчаянія духовнаго. Да будетъ же извѣстно всѣмъ и каждому изъ васъ, что подобная мысль есть самая неосновательная.

Званіе воина, если смотрѣть на него поверхностно, точно, можетъ показаться несроднымъ христіанину. Этотъ шумъ оружія, этотъ грозный видъ брани даже среди мира, этотъ рядъ движеній, цѣлю коихъ искусство отнимать жизнь у людей, намъ подобныхъ—все это таково, что другъ человѣчества не можетъ не желать, дабы скорѣе пришло то блаженное время мира, когда, по предреченію Пророка, всѣ *раскуютъ мечи на орала, и копія своя на серпы, и не навьикнутъ къ толу ратовати* (Исаіи 2, 4). Но, доколѣ не водворятся на земли правда и истина; доколѣ останутся не только люди, но и цѣлыя царства, имѣющія нужду въ томъ, чтобы къ долгу и справедливости принуждали ихъ силою: дотолѣ, очевидно, необходимы вооруженные защитники Церкви и отечества. Посему-то самъ Богъ мира и любви не только позволялъ, но и повелѣвалъ нѣкогда избранному Имъ народу израильскому исходить на брань противъ враговъ; самъ даже исходилъ невидимою силою въ его воинствахъ и благоволилъ именовать себя Богомъ браней. И что говорить о землѣ?—На самомъ небѣ, послѣ того, какъ мятежный архангелъ возмутилъ покой его, на самомъ небѣ открылась нужда ополчаться и ратовать: сонмы Ангеловъ образовали изъ себя сонмы воинствъ, вслѣдствіе чего Архистратигъ ихъ—Михаилъ изображается постоянно во всеоружіи воина.

Послѣ сего думать, что званіе воинское противно въ чемъ либо званію христіанина, значитъ не знать того, что говоритъ о немъ слово Божіе, что происходило нѣкогда между Ангелами, на самомъ небѣ. Объ одномъ надобно думать воину, чтобы носить званіе свое по-христіански, а не по-язычески. Іоаннъ Креститель давно указалъ къ этому средство. Когда между множествомъ приходящихъ къ нему для крещенія явились и воины съ вопросомъ: что имъ дѣлать? чѣмъ засвидѣтельствовать истину

своего покаянія? — онъ не сказалъ имъ: оставьте свое званіе, сложите съ себя оружіе; а что сказалъ? *Никогоже обидите, не оклеветайте, и довольни будите оброки вашими* (Лук. 3, 14). Кто исполняетъ сію заповѣдь, не дѣлаетъ обиды и притѣсненія, — къ чему среди брани и сраженій столько случаевъ, — кто съ терпѣніемъ переноситъ лишенія и тягости, коимъ такъ много и такъ часто подвержено бываетъ состояніе воина; тотъ можетъ быть увѣренъ, что труды и подвиги его, необходимые для отечества земнаго, не будутъ оставлены безъ вниманія и въ отечествѣ небесномъ.

Съ другой стороны, званіе воина, какъ мы уже показали отчасти въ началѣ нашего слова, по самому существу своему, весьма близко къ самой высокой степени совершенства христіанскаго. Ибо, въ чемъ состоитъ это совершенство? Не въ томъ ли, чтобы не любить ничего паче Бога, чтобы не прилѣпляться сердцемъ ни къ чему въ мірѣ и быть выше всего, чтобы для вѣчности и спасенія любить ничего паче Бога, чтобы не прилѣпляться сердцемъ ни къ чему въ мірѣ и быть выше всего, чтобы для вѣчности и спасенія умѣть оставить, въ случаѣ нужды, все, самое любезное, какъ-то: отца и мать, жену и дѣтей, всѣ радости жизни и самую жизнь? Но, пересмотрите всѣ состоянія мірскія, и увидите, что ни одно изъ нихъ не требуетъ подобныхъ жертвъ; званіе воина, напротивъ, изъ нихъ именно и состоитъ. Посему званіе сіе сходится, въ семь отношеніи, съ состояніемъ самаго строгаго подвижничества христіанскаго, и постоянно напоминаетъ собою о временахъ древнихъ, когда христіане приносили въ жертву своей вѣрѣ все, самую жизнь. Не должно ли все это радовать и утѣшать васъ, братіе мои? Ибо о чемъ же человѣку радоваться болѣе на землѣ, какъ не о томъ, что къ нему близко небо, что въ немъ и его жизни исполняются требованія Евангелія, что онъ идетъ тѣмъ драгоцѣннымъ тѣснымъ путемъ, который, по увѣренію Спасителя, ведетъ прямо къ царствію? Пока находящіеся въ другихъ состояніяхъ успѣютъ вступить на этотъ путь, вы уже поставлены на немъ десницею Божіею; пока другіе достигнутъ возможности отказаться добровольно отъ привязанности къ міру и его благамъ, съ васъ иго сихъ привязанностей снято рукою самаго Промысла. Послѣ сего остается только благоразумно пользоваться духовными преимуществами своего званія, и проходить его такъ, чтобы не погубить мзды своей. Да, братіе мои, надобно прилежно смотрѣть и блюсти, чтобы не погубить вѣнца за труды свои. Апостоль Хри-

стовъ не напрасно сказалъ: *аще и подвизается кто, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 5). Не горько ли и не постыдно ли было бы всю жизнь лишаться и терпѣть, какъ лишаетесь вы, и не получить ничего въ то время, когда будутъ награждаться всѣ труды и заслуги? — Да сохранить васъ Господь отъ сей жалкой участи! —

Спросите: что значить подвизаться законно? Значить, переносить труды и лишенія безъ ропота, исправлять дѣло своего званія безъ лжи и неправды, воодушевляясь при семъ не столько чаяніемъ награды земныхъ и отличій временныхъ, сколько упованіемъ вѣнца небеснаго. — Подвизаться законно значить умѣть отражать не однихъ враговъ отечества, видимыхъ, но и враговъ своего спасенія, невидимыхъ, кои суть наши злыя пожеланія и страсти; значить, среди всѣхъ, самыхъ тяжелыхъ положеній жизни, хранить въ сердцѣ вѣру въ Царя небеснаго и вѣрность Царю земному, послушаніе къ начальникамъ и любовь ко всѣмъ; значить быть кроткимъ, воздержнымъ, богобоязненнымъ и правдолюбивымъ. Безъ сего всѣ труды и подвиги наши пріимуть, можетъ быть, нѣкую малую награду на земли, но не помянутся потому, что мы, среди ихъ, сами взирали на одну землю и не памятовали о небѣ. Да сохранить васъ Господь отъ сей потери вѣнца небеснаго, который единъ ожесть наградить по достоинству труды и подвиги ваши! — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ЕПАРХІИ *).

Ищите прежде царствія Божія и правды
его, и сія вся приложатся вамъ (Мат. 6, 34).

арствіе Божіе, братіе мои, есть состояніе столь вождельн-
ное, до того превосходящее всѣ радости и утѣхи земныя,
что одно позволеніе искать его могло бы составить милость
великую, и расположить каждаго къ тому, чтобы, оставивъ все,
употребить всѣ силы и средства къ приобрѣтенію сего царствія.—
А если бы вмѣстѣ съ симъ завѣрено было совершенно, что вся-
кій, кто только надлежащимъ образомъ будетъ искать царствія
Божія, непременно получитъ его; то оставаться хладнымъ къ сему
царствію и не искать его, значило бы уже крайнее нерадѣніе о
своемъ благѣ и неразуміе величайшее.

Но человѣкъ, въ настоящемъ его состояніи грѣха и смерти,
такъ дѣйствительно неразумень и невнимателень къ истинному
благу своему, что, не смотря на непрестанно дѣлаемое ему пред-
ложеніе искать царствія Божія, искать въ вѣчную свою собствен-
ность, не смотря на всѣ завѣренія, что искомое имъ непременно
обрядется и будетъ получено, большею частию вовсе не думаетъ
о семъ царствѣ, и вмѣсто того, чтобы искать его и употреблять
для того надлежащія средства, занимается приобрѣтеніемъ самыхъ
ничтожныхъ благъ и вещей, а отъ царствія Божія, когда оно даже

*) Сказанное въ уѣздномъ городѣ Богодуховѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 30
іюня 1843 года.

срѣгаетъ его, отвращается и убѣгаетъ, какъ отъ нѣкія потери и несчастія. —

Что же дѣлаетъ любовь Отца небеснаго? — Она могла бы со всею справедливостію лишить неразумнаго и неблагодарнаго чело-вѣка всѣхъ правъ на сіе царствіе, воспретить ему, яко недостой-ному, даже желать его. Но она не дѣлаетъ сего, а обращается къ другому средству. Видя, что предложеніе одного царствія не трогаетъ чело-вѣка, зная въ то же время, что исканіемъ сего царствія онъ не озабочиваетъ себя между прочимъ и потому, что считаетъ нужнымъ заботиться о снисканіи другихъ, малоцѣнныхъ и ничтожныхъ вещей, но кажущихся ему необходимо нужными, любовь Отца небеснаго присовокупляетъ къ предложенію царствія и обѣщаніе сихъ самыхъ вещей, за коими гоняется бѣдный че-ловѣкъ, какъ бы говоря такъ: ты не хочешь искать царствія Божія, а желаешь стремиться за благами земными: пусть будетъ по твоему! поелику и послѣднія, равно какъ и первое, въ моей власти, то Я отдаю тебѣ ихъ вмѣстѣ съ царствіемъ; ты получишь и ихъ, только ищи прежде царствія, яко блага высшаго и вѣчнаго: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

Обѣтованіе удивительное, показующее крайнюю степень снисхожденія къ самымъ слабостямъ нашимъ любви Отца небеснаго! Послѣ сего, самое исканіе благъ земныхъ должно бы располагать насъ къ исканію того царствія, которое ведетъ за собою до-вольство и счастье даже земное. Но, къ сожалѣнію, и сія чрез-вычайная мѣра снисхожденія остается большею частию безъ дѣй-ствія и не обращаетъ на себя должнаго вниманія. Ибо, покажите мнѣ чело-вѣка, который бы, желая провести на землѣ жизнь свою безбѣдно, рѣшился потому самому искать прежде всего царствія Божія, яко средства къ тому! — Хотя такой образъ дѣйствія по-казывалъ бы еще весьма невеликое уваженіе къ самому царствію Божію; ибо въ такомъ случаѣ его искали бы не для него самого, хотя оно вполне того стоитъ, а ради земнаго благоденствія, какъ средство для цѣли низшей; но и сего нѣтъ, и для сей цѣли цар-ствіе Божіе почитается средствомъ какъ бы ненадежнымъ, и по-тому неупотребительнымъ.

Что виною такого жалкаго и безразсуднаго образа мыслей? — Въ однихъ незнаніе, въ другихъ неувѣренность. То есть, мы такъ мало знаемъ Евангеліе и его обѣтованія, что многіе, вѣро-ятно, и не знаютъ того, что ищущимъ прежде всего царствія Божія, по непосредственному распоряженію свыше, прилагается

все прочее: знающіе же сіе обѣтованіе не увѣрены, что оно непремѣнно исполняется надъ тѣми, кои, послѣдуя ему, дѣйствительно ищутъ прежде всего царствія Божія.

Служителямъ слова евангельскаго предлежитъ посему и повторять въ слухъ всѣхъ обѣтованіе—для незнающихъ, и показывать непреложность его исполненія—для неуверенныхъ въ томъ. Первое мы сдѣлали уже; а послѣднее постараемся сдѣлать теперь же, при помощи благодати Божіей. —

Для сей цѣли первѣе всего опредѣлимъ въ точности силу обѣтованія евангельскаго: — что именно обѣщается ищущимъ царствія Божія и подъ какимъ условіемъ?

Обѣщается ли ищущимъ сего царствія счастье земное въ томъ смыслѣ и видѣ, какъ его представляютъ себѣ міролюбцы, то есть, что честолюбивый достигнетъ всѣхъ видовъ человѣческихъ почестей и отличій, что любостяжательный накопитъ груды сребра и золота и долженъ будетъ непрестанно расширять житницы, для помѣщенія собираемыхъ плодовъ, что роскошный получить возможность утопать во всѣхъ родахъ чувственныхъ наслажденій?— Нѣтъ, такое обѣтованіе было бы, очевидно, несовмѣстно съ самымъ царствіемъ Божіимъ, которое, какъ замѣчаетъ апостолъ Павелъ, *нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17); исполненіе обѣтованія въ такомъ видѣ приносило бы самому человѣку не благо, а вредъ и пагубу для его души и тѣла. — Что же обѣщается? Обѣщается довольство во всемъ необходимомъ, обѣщается безбѣдная въ земномъ отношеніи жизнь, обѣщается, говоря раздѣльно словами самого Евангелія, пища, одежда, кровъ и прочія необходимыя для чувственной жизни потребности. Все сіе тотчасъ видно изъ предшествующей бесѣды Спасителя, для коей слова: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ*, служили заключеніемъ. Въ бесѣдѣ сей Господь обличалъ многозаботливость іудеевъ о пищѣ, одеждѣ и прочихъ земныхъ потребностяхъ, и чтобы отвратить ихъ отъ сей многозаботливости, которая поглощала у нихъ все время и силы и не давала имъ помыслить, какъ должно, о царствіи Божіемъ, изрекаетъ вышеприведенное обѣтованіе. Все это, какъ бы такъ говорилъ Онъ, вы будете имѣть, коль скоро займетесь по надлежащему искаемъ царствія Божія. Будете имѣть не чудеснымъ какимъ либо образомъ, такъ чтобы пища сходила вамъ съ неба, одежда ваша составлялась сама собою, домы и кровы ваши выходили изъ земли, и вы находили все прочее готовымъ: нѣтъ, все сіе должно быть слѣдствіемъ вашей

же дѣятельности, только съ тою разностию, что теперь, не думая о снисканіи царствія Божія, вы и трудитесь и истощаете свои силы, но часто не только безъ плода, даже со вредомъ и раззореніемъ васъ, а когда начнете прежде всего искать царствія, то, по тайному распоряженію всемогущаго Промысла, труды ваши будутъ увѣнчиваться желаннымъ успѣхомъ: вы будете менѣе озабочены земнымъ, нежели чада вѣка сего; и однакоже не будете терпѣть недостатка въ нужномъ для вашей жизни. —

Опредѣливъ такимъ образомъ силу обѣтованія евангельскаго, посмотримъ теперь—исполняется ли оно надъ тѣми, кои вѣрно слѣдуютъ ему.

Самый лучшій въ семъ случаѣ свидѣтель исполненія или неисполненія есть опытъ. А надъ опытомъ въ семъ родѣ кто можетъ вѣрнѣе наблюсти, какъ не вождь на примѣръ и владыка цѣлаго народа, занимавшійся притомъ подобнымъ наблюденіемъ особенно? Послушаемъ же, что говоритъ о семъ св. царь Израилевъ: *не видѣхъ*, говоритъ онъ, *праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Псал. 34, 25). Можно ли желать лучшаго свидѣтеля и свидѣтельства точнѣе сего?—И примѣтите, какъ оно совершенно сходно съ замѣчаніемъ, нами выше предложеннымъ!—И св. Давидъ не говоритъ, чтобы онъ видѣлъ человека праведнаго всегда на верху честей, богатства и удовольствій земныхъ, а только что?—видѣлъ только то именно, что обѣщается въ Евангеліи, то есть, въ честномъ довольствѣ и мирной жизни: *не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы*.

Умѣренно, если угодно такъ назвать, исполненіе обѣтованія; но за то, смотрите, какъ благоразумно и великодушно распределено это исполненіе! вмѣсто того, чтобы самага праведника одного ущедрить всѣми благами, какъ иногда міръ дѣлаетъ съ своими любимцами, и всегда—ко вреду имъ самимъ, праведникъ не облагается съ ногъ до главы земными благами, нѣтъ, онъ только не оставляется въ нищетѣ, то есть, и пренебреженіи; но за то благословеніе, на немъ почивающее и имъ заслуженное, простирается на цѣлое потомство его, даже на такое, которое неидетъ иногда съ тою вѣрностию по стезямъ заповѣдей Господнихъ, съ какою ходилъ въ нихъ самъ прародитель. Съ грѣшниками и міролюбцами въ семъ отношеніи бываетъ нерѣдко совершенно противное: отецъ живетъ въ чертогахъ и не знаетъ счета своимъ сокровищамъ; а сынъ, подобно евангельскому расточителю отческаго наслѣдія, принужденъ бываетъ иногда желать насытитыся отъ рожець, яже ядятъ свинія. —

Если, по примѣру Давида, посмотримъ на жизнь человѣческую и собственными очами; то немного нужно труда и усилій, чтобы примѣтить и вокругъ себя тоже самое, что видѣлъ въ свое время св. Давидъ. Люди, ищущіе прежде всего царствія Божія, не часто достигаютъ верха земнаго благоденствія, и это, можетъ быть, вслѣдствіе того же тайнаго распоряженія Промысла, щадящаго ихъ отъ искушеній и соблазновъ, съ коими всегда сопряженъ бываетъ избытокъ земнаго счастья. Но вмѣстѣ съ симъ несомнѣнная истина, что люди богобоязненные и добродѣтельные обыкновенно живутъ въ мирѣ и довольствѣ; гораздо менѣе, нежели міролюбцы, терпятъ отъ коловратности обстоятельствъ; болѣе другихъ уцѣлѣваютъ среди общественныхъ бѣдствій и превращеній; служатъ нерѣдко опорой и прибѣжищемъ для самыхъ временщиковъ во время ихъ паденія и нищеты. Присмотритесь внимательнѣе, и вы увидите сію истину, во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ исполняющеюся надъ тѣмъ, кто искренно вѣруетъ обѣтованію евангельскому. Міролюбцы напротивъ, хотя восходятъ нерѣдко слишкомъ высоко; но нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ ихъ паденія съ сей высоты. Мнимое счастье (истинно счастливымъ грѣшникъ никогда не бываетъ), восхищенное неправдами и лукавствомъ, никогда не продолжается въ домахъ грѣшничихъ и проходитъ какъ весенняя вода, оставляя по себѣ одни голые пески и разрушеніе. —

Утверждая сіе, мы не опускаемъ изъ виду нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, когда люди самые добродѣтельные едва не всю жизнь бываютъ какъ бы обречены на потери и страданія. Но особенные случаи сіи составляютъ не правило, а исключеніе и вмѣстѣ тайну Промысла, коего судьбы для нашего ограниченного ума суть *бездна многа*, и коего пути отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли. Случаи сіи нисколько неудивительны впрочемъ уже потому, что праведники сами не ищутъ на землѣ награды, а нерѣдко, по примѣру Давида, просятъ себѣ яко милости отъ Бога — быть искушенными седмерицею, дабы прешедъ отъ земнаго странствія въ отечество, явиться тамъ во всей чистотѣ и благолѣпни. А съ другой стороны, люди, ищущіе всего на землѣ, развѣ всегда достигаютъ счастья земнаго? Не большая ли часть міролюбцевъ, проведши всю жизнь въ исканіи сего счастья, истощивъ на это всѣ силы и способности, и, что всего хуже, потерявъ для сего добродѣтель и совѣсть, подъ конецъ жизни должны бывать съ горестію сказать: *обношъ всю*, то

есть въ продолженіе всей жизни, *трудишеся ничесоже ахоть* (Лук. 5, 5)! —

Послѣ всего этого, какъ сами видите, братіе мои, самое желаніе земнаго благоденствія должно располагать насъ къ исканію прежде всего царствія Божія, то есть, къ благочестію и правдѣ; поелику съ симъ царствомъ прилагается, по распоряженію Промысла, и все прочее, необходимое для безбѣднаго житія на землѣ. Возьмемъ же изъ сего урокъ для жизни и дѣйствиій нашихъ; престанемъ гоняться безумно за благами міра и поставяють ихъ главною цѣлію нашей дѣятельности; посвятимъ способности и труды свои Господу и Его царствію. Такимъ образомъ, приобрѣтая для себя небо и вѣчность, мы вмѣстѣ съ тѣмъ восприимемъ въ награду за сіе отъ Него же все, что нужно для насъ изъ земнаго и временнаго. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ЕПАРХІИ *).

Ходяще же проповѣдуйте, глаголя: приближися царствіе небесное (Мат. 19, 7).

сли бы мы по слабости человѣческой и забыли когда либо священный долгъ, на насъ возлежащій; то нынѣшнее Евангеліе—сими словами — напоминало бы намъ о немъ. Будучи, хотя не по достоинству, преемниками Апостоловъ Христо-выхъ, и мы, подобно имъ, должны не пребывать на одномъ какомъ либо мѣстѣ, а переходить по временамъ изъ града во градъ, изъ веси въ весь по боговрученной паствѣ, преходить не съ жезломъ только пастыреначальническимъ, а и съ словомъ назиданія и утѣшенія: *ходяще же проповѣдуйте!*

Что проповѣдывать? Могло бы иногда встрѣтиться и касательно сего недоумѣніе. Но Божественный Законоположникъ единожды и навсегда устраняетъ его, указаніемъ самаго предмета: *ходяще же проповѣдуйте, яко приближися царствіе Божіе.*

Какъ же исполнить такой заповѣди? Должно бы исполнить ее и тогда, если бы повелѣно было проповѣдывать приближеніе не царствія и блаженства, а страшнаго суда и мукъ вѣчныхъ. И тогда подобно древнимъ Пророкамъ, хотя во вретѣ и пеплѣ, хотя употребляя вмѣсто словъ слезы и рыданія, но надлежало бы проповѣдывать. Ибо кто не отверзетъ устъ, когда Господь неба и земли повелѣваетъ вѣщать? Но, благодареніе любви вѣчной!

*) Сказанное Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Шаровкѣ. 28 іюня 1843 года.

какъ самъ Спаситель нашъ приходилъ на землю не судить міръ, а спасти его: такъ и намъ, недостойнымъ слугамъ своимъ, повелѣлъ Онъ возвѣщать не судъ и горе, а радость и блаженство: *ходяще же проповѣдуйте, яко приближися царствіе Божіе!*

Поелику это царство и приближеніе его не отъ насъ первыхъ вамъ возвѣщается; поелику съ сего же самаго мѣста уже, можетъ быть, сто разъ слышалась сія радостная вѣсть; то очень возможное дѣло, братіе мои, что царствіе Божіе не только приблизилось къ нѣкоторымъ изъ васъ, но и ихъ самихъ приблизило къ себѣ, что оно вошло внутрь васъ и вы вошли въ него, что оно сдѣлалось вашимъ достояніемъ, равно какъ и вы его собственностію, что оно объемлетъ все ваше существо и ждетъ токмо уреченнаго часа, дабы изъ царства благодати обратиться для васъ въ царство славы. Отъ таковыхъ вмѣсто того, чтобы имъ возвѣщать приближеніе царства Божія, мы сами готовы были бы слышать о тайнахъ сего царствія. Съ другой стороны, легко можетъ случиться, что нѣкоторые изъ васъ, и слышавъ многократно о приближеніи царствія, не вняли доселѣ, какъ должно, сей радостной вѣсти; нѣкоторые и вняли, но не приложили попеченія о томъ, что требуется отъ насъ приближеніемъ царствія Божія; а нѣкоторые, не смотря на приближеніе его, устремившись въ прогивную сторону, удалились отъ сего царствія, и теперь, можетъ быть, воображаютъ, что оно слишкомъ далеко отъ нихъ, что имъ уже нельзя быть въ немъ, хотя бы и захотѣли того.

Итакъ, да услышится всѣми вами снова и изъ нашихъ устъ благая вѣсть о царствіи!

Мудрые и неразумные, богатые и бѣдные, малые и великіе, господа и слуги, внимайте: *приблизися царствіе Божіе!*

Приблизилось царствіе, въ сравненіи съ коимъ всѣ царства земныя, всѣ блага настоящей жизни ничего не значатъ; приближилась совокупность такихъ совершенствъ, *ихъ же око не видѣтъ, ухо не слышитъ* (1 Кор. 2, 9), и кои не восходили на самое неистощимое въ желаніяхъ сердце человѣческое; приблизилось царствіе Божіе и вмѣстѣ съ нимъ всѣ сокровища мудрости есть яко буйство,—и вмѣстѣ съ нимъ правда и святость, предъ коими наша праведность и честность суть яко блестящій порокъ,—и вмѣстѣ съ нимъ миръ и спокойствіе духа и сердца, кои, по выраженію Апостола, превосходятъ всякій умъ,—и вмѣстѣ съ нимъ блаженство и радости, коихъ міръ не только не даетъ, но и дать не можетъ, поелику не знаетъ ихъ.

И къ кому приблизилось это царствіе? ко всѣмъ и каждому;

равно къ великолѣпнымъ чертогамъ, какъ и къ бѣдной хижинѣ, или сказать точнѣе, еще болѣе къ бѣдной хижинѣ, нежели къ великолѣпнымъ чертогамъ, — еще болѣе къ худороднымъ міра, нежели къ славнымъ земли.

Для чего приблизилось ко всѣмъ и каждому царствіе небесное? Не мало бы значило, если бы оно приблизилось для того токмо, дабы мы могли насладиться хотя лицезрѣніемъ неизреченныхъ благъ, въ немъ заключающихся; ибо для того, чтобы посмотрѣть на вещи и не столь важныя и величественныя, многіе оставляютъ свои дома и занятія, переходятъ съ трудомъ сушу и море, подвергаютъ себя даже опасностямъ жизни. Но царствіе Божіе приблизилось къ каждому не для показанія себя ему кратковременнаго, не для заключенія съ нами какого либо союза внѣшняго: нѣтъ, оно приблизилось, кто бы могъ подумать?—для того, дабы мы могли тѣмъ удобнѣе вступить въ него сами, и не только вступить, но и пріять его въ свое достояніе, содѣлаться его наслѣдниками и владыками.

Да, братіе мои, намѣреніе, съ коимъ приблизилось къ намъ царствіе Божіе, состоитъ не въ томъ, чтобы мы только размышляли о немъ, или чтобы удивлялись ему, любовались имъ и насыщали свои взоры, не въ томъ даже, чтобы оказать имъ какую либо временную помощь или утѣшеніе; нѣтъ, оно приблизилось для того, чтобы войти въ наше сердце, наполнить собою все наше существо, сдѣлаться достояніемъ вѣчнымъ и неотъемлемымъ нашего ума, нашей воли, всѣхъ нашихъ способностей и желаній.

И мы не должны удивляться сему и недоумѣвать. При всей нашей настоящей бѣдности, нашей слѣпотѣ, нашихъ нечистотахъ, нашей брѣнности, нашего тлѣнія, происшедшихъ отъ грѣха, всѣ мы по природѣ сыны царствія, наслѣдники благъ вѣчныхъ. Для сего именно созданъ былъ нашъ прародитель; къ сему же самому назначены были и мы всѣ, потомки его. Если бы онъ, устоявъ въ испытаніи, не нарушилъ, по совѣту змія, заповѣди, и не былъ за сіе самое изгнанъ изъ рая; то мы всѣ были бы облечены такимъ могуществомъ, такимъ вседоловствомъ, такимъ безсмертіемъ, такою славою и блаженствомъ, какими нынѣ, при отчужденіи насъ отъ первобытныхъ правъ нашихъ, не обладаетъ самый могущественный владыка на землѣ, или лучше сказать, какихъ мы нынѣ и представить себѣ не можемъ.

Грѣхъ лишилъ насъ всего этого: но Божественный Ходатай нашъ Господь Іисусъ, уплатилъ за грѣхи наши своею смертію,

возвратилъ намъ все это. Теперь, благодаря любви Его, мы паки можемъ быть гѣмъ, чѣмъ были бы до нашего несчастнаго паденія; паки можемъ получить всѣ первобытныя права, взойти на высоту, гдѣ стояли и, наслѣдовать небо и землю.

Сіе-то самое выражаетъ Евангеліе, когда возвѣщаетъ въ слухъ нашъ, *яко приближися царствіе Божіе*

Когда Спаситель нашъ еще не являлся на землѣ, тогда сіе царствіе, хотя уже давно обѣщанное всѣмъ, еще было, можно сказать, далеко — на небѣ. Но когда Онъ низшелъ на землю то и оно низошло къ намъ; когда Онъ явился во плоти, то и оно приблизилось ко всякой плоти. Теперь каждый можетъ видѣть сіе царствіе своими очами, слышать своими ушесами, осязать своими руками. Ибо не видимъ ли мы всѣ креста Христова и совершенія жертвы безкровной? не слышимъ ли евангелія, апостола и пророковъ? не вкушаемъ ли Тѣла и Крови Христовой? Но въ семъ видимомъ, слышимомъ, вкушаемомъ заключено—царствіе!

Кто видитъ, слышитъ, вкушаетъ ненарасно; кто видимому, слышимому, даетъ мѣсто въ своемъ сердцѣ; кто съ видимымъ, слышимымъ, вкушаемымъ сообразуетъ свои мысли, чувства и дѣйствія: предъ гѣмъ царство Божіе не остается внѣ, входитъ внутрь его, проникаетъ все существо его, очищаетъ его отъ всякой скверны, просвѣтляетъ, умиряетъ, насыщаетъ и живитъ, возноситъ его надъ всѣми превратностями жизни, вознаграждаетъ его за самыя тяжкія скорби и искушенія.

Христіанинъ истинный, воскресенный отъ грѣха благодатію для некончаемой жизни въ Богѣ, въ какомъ бы состояніи ни находился, хотя бы въ самой послѣдней долѣ, всегда есть истинный царь и владыка надъ своими пожеланіями и страстями. Внѣшній челоѣкъ его можетъ быть лишень всего, можетъ быть подвергнутъ мученіямъ, самой смерти: но челоѣкъ внутренній превышаетъ всего, не только выше прелестей и соблазновъ міра, но и выше гоненій и злобы челоѣческой: онъ въ Богѣ и Его святомъ законѣ; живетъ не столько на землѣ, сколько на небѣ; менѣе во времени, нежели въ вѣчности.

Такъ царствовали всѣ святые Божіи челоѣки. По внѣшнему своему состоянію они большею частію бѣдствовали и страдали: но по внутреннему они блаженствовали, какъ не блаженствуютъ никакіе счастливыцы міра. Почему? Потому что внутрь ихъ было царствіе Божіе; потому что они носили въ душѣ своей своего Спасителя, который замѣнялъ для нихъ Собою все,

Міролюбцы напротивъ, обладая повидимому всѣмъ, ничѣмъ не довольны: въ душѣ ихъ пусто, холодно, мертво! Блага земныя, радости плотскія наполняютъ собою нѣкоторымъ образомъ эту пустоту, приводятъ въ забвеніе эту внутреннюю бѣдность, но это токмо повидимому и притомъ до времени: появляется какое либо тяжкое несчастье, и грѣшникъ остается съ своею душевною пустотою; поражаетъ сильный недугъ, и грѣшникъ подобенъ человеку утопающему, который, не видя берега, не знаетъ, за что ухватиться; приходитъ наконецъ смерть, и бѣдный грѣшникъ какъ самозванецъ, владѣвшій незаконно наслѣдіемъ, восторгается навсегда изъ сего рукотвореннаго рая, дабы перейти на мѣсто вѣчнаго лишенія и мукъ.

Для истиннаго христіанина, напротивъ, смерть есть начало его торжества и полного воцаренія; кончина его есть исходъ изъ темницы, возвращеніе въ домъ Отца небеснаго, радостный переходъ отъ земной нищеты къ наслѣдію благъ вѣчныхъ.

Престанемъ же, братіе мои, быть холодными къ тому, что возвѣщается намъ въ Евангеліи; обратимъ вниманіе на царствіе Божіе, приблизившееся къ намъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мы начали жить и дѣйствовать; постараемся и сами приблизиться къ нему всѣмъ существомъ и всею жизнію своею: дадимъ ему мѣсто не въ очахъ только, не одномъ слухѣ и памяти нашей, а въ самой душѣ и сердцѣ нашемъ; будемъ свято и вѣрно выполнять все, чего требуется для содѣланія его нашею собственностію; не пожалѣемъ для сего никакихъ трудовъ и жертвъ, неизбѣжныхъ по нашей нечистотѣ грѣховной; сдѣлаемъ все, дабы въ противномъ случаѣ за кратковременную сладость грѣха вмѣсто царствія не улучшить узъ нерѣшимыхъ и мученія вѣчнаго, отъ чего да сохранить насъ Господь своею благодатію. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА КУПЕНСКА *).

Жидая пастырскаго посѣщенія нашего, братіе мои, вѣроятно, немалая часть изъ васъ любопытствовали знать предварительно, — кто мы и каковы? — Есть ли въ насъ какія либо совершенства и нѣтъ ли какихъ недостатковъ? Не осуждаемъ сего любопытства: такова природа человѣческая! Въ дополненіе къ слышанному вами, мы сами скажемъ теперь, что мы есмы не только подобострастные вамъ человѣки, но и грѣшники, ожидающіе, подобно вамъ, помилованія и спасенія души своей не отъ собственныхъ какихъ либо добродѣтелей и подвиговъ, а отъ преизобилующаго богатства благодати Божіей и всевосполняющихъ заслугъ Спасителя нашего; что если есть въ насъ что либо доброе и благопотребное, то это плодъ не собственныхъ нашихъ усилій, а даръ Того, который, избравъ насъ въ служеніе слова и таинствъ, Самъ въ лицѣ насъ поддерживаетъ честь своего горняго избранія. Сознаніе недостатковъ нашихъ и невѣрностей духу благодати всегда тяготитъ насъ; и мы чувствуемъ душевное облегченіе исповѣдать сіе предъ вами, дабы вы не возмнили о насъ паче, нежели есмы; а между тѣмъ это открываетъ намъ благопріятный случай просить любовь вашу, дабы вы содѣйствовали намъ вашими молитвами предъ Богомъ, да возможемъ понести великое иго пастыреначальства духовнаго, право правя слово истины.

*) Сказанное въ Купенскомъ Покровскомъ соборѣ, 28 августа 1843 года.

Послѣ сего самоисповѣданія предъ вами, которое мы готовы повторить въ слухъ цѣлаго свѣта, позвольте, братіе мои, и намъ спросить васъ: кто вы и каковы? въ чемъ ваши совершенства? и въ чемъ ваши недостатки? Не суетное любопытство заставляетъ насъ предлагать сіи вопросы; нѣтъ, мы водимся чувствомъ святаго долга; на насъ лежитъ обязанность бдѣть о душахъ вашихъ, и мы должны будемъ нѣкогда вмѣстѣ съ вами стать на страшномъ и нелицепріятномъ судѣ Спасителя нашего, и свидѣльствовать за васъ, или противъ васъ.

Итакъ, кто вы? — Намъ не нужно знать: знатны вы, или безславны, богаты или бѣдны, счастливы въ мірѣ, или злополучны; для Евангелія это все равно; въ царствіе небесное открытъ входъ всякому: и самому славному и самому презрѣнному, и мытарю евангельскому и богачу евангельскому, счастливцу міра и отребію міра. Даже мы съ большимъ удовольствіемъ готовы узнать, что вы не пользуетесь благопріятствомъ земныхъ обстоятельствъ: потому что счастье земное рѣдко не ослѣпляетъ людей гордостью, или сладострастіемъ, и всегда почти уклоняетъ ихъ на распутія лжи и неправды; а узкій и прискорбный путь, напротивъ, прямо ведетъ къ цѣли. Много надобно благоразумія и борьбы, много бдѣнія и слезъ, чтобы, воспринимая все здѣсь, имѣть еще что получить и тамъ.

Но кто бы вы ни были въ земномъ отношеніи вашемъ, для насъ сіе не важно: нужно знать одно — христіане ли вы?

Не удивляйтесь сему вопросу, и не почитайте его необыкновеннымъ. У насъ званіе христіанина унижено, вмѣнено въ малое, предано забвенію; но оно важнѣе всѣхъ званій и отличій въ мірѣ: ибо оно одно прославить или постыдитъ насъ нѣкогда предъ лицомъ всего міра. Рабъ ли кто и находится въ самой презрѣнной долѣ: если онъ истинный христіанинъ, то его ожидаетъ престолъ и царство, съ коими не могутъ сравняться всѣ престолы земные. Властелинъ ли кто и правитель: если онъ не христіанинъ истинный, то его ожидаетъ такая тьма, такая бѣдность, такіа узы, предъ коими всѣ темницы земныя, всѣ лишенія, скорби и казни человѣческія суть малое токмо подобіе.

Итакъ, еще вопросу: христіане ли вы? Не спѣшите отвѣтомъ. Намъ очень хорошо извѣстно, что вы всѣ крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, что вы, по временамъ, ходите въ храмъ Божій и совершаете извѣстное число поклоновъ и молитвъ, что разъ въ году, во время св. поста, являетесь къ исповѣди и причащенію святыхъ Таинъ, что вы не убѣгаете и прочихъ

таинствѣ и обрядовѣ св. Церкви: все это принадлежитъ къ званію христіанина; но все это одно не составляетъ еще истиннаго христіанства. Ибо, исполняя все это, можно быть худымъ чловѣкомъ, невѣрнымъ супругомъ, жестокимъ господиномъ, злоимнымъ судією, лукавымъ продавцомъ, вреднымъ гражданиномъ: можно ли такихъ людей назвать христіанами? Нѣтъ, христіанину какъ обѣщано чрезвычайно многое, такъ и требуется потому отъ него немалого.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ не имѣлъ своей воли и своихъ правилъ, занятыхъ отъ мудрости земной, или обычаевъ вѣка, а слѣдовалъ во всемъ волѣ Божіей и правиламъ Евангелія.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ не поблажалъ своей падшей природѣ, не давалъ воли надъ собою страстямъ, а сражался съ ними и побѣждалъ ихъ, отсѣкая всякое нечистое желаніе, уклоняясь духа гордости, роскоши и любостыжанія.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни имѣлъ въ виду не одно свое благосостояніе, а первѣе всего славу Божію и благо своихъ ближнихъ.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ, живя въ мірѣ, пользуясь дарами природы и искусства, плодами труда собственнаго и чуждаго, не прилѣплялъ ни къ чему сердца своего, былъ всегда готовъ все оставить, чтобы не потерять своей совѣсти и своего спасенія.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ не столько водился настоящимъ — видимымъ, сколько взиралъ на невидимое и ожидалъ грядущаго, приготовляя себя къ мирному переходу, путемъ смерти, въ вѣчность, къ Искупителю своему и Господу.

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ былъ превыше не только соблазновъ, но и скорбей міра, чтобы велъ явную и тайную брань съ порокомъ, господствующимъ въ сердцахъ сыновъ вѣка сего, — чтобы всегда и для всѣхъ служилъ примѣромъ любви, смиренія, благодушія, терпѣнія, незлобія.

Вотъ требованія отъ христіанина! Требованія необходимыя, безъ коихъ христіанство останется празднымъ именемъ.

Теперь осмотритесь, братіе мои, и отвѣтствуйте: христіане ли вы? то есть, исполняются ли въ васъ сіи требованія и условія истиннаго христіанства? Есть ли въ васъ тѣ добродѣтели и святыя качества, безъ коихъ оно быть не можетъ? Отвѣтствуйте на сіи вопросы не намъ, а вашей совѣсти и Спасителю вашему, который невидимо находится теперь посреди насъ. Зная немощь

нашу, Онъ не требуетъ отъ насъ того безгрѣшія и невинности, какими на землѣ былъ облеченъ Самъ; не взыскуетъ отъ насъ тѣхъ великихъ подвиговъ самоотверженія и любви, коими радовали и утѣшали Его святые Божіи человѣки: Онъ ищетъ въ каждомъ изъ насъ и требуетъ точію необходимаго, того, безъ чего совершенно не возможно наше спасеніе, то есть, чтобы мы во первыхъ имѣли живую вѣру, безъ коей не возможно *угодить Богу* (Евр. II, 6), безъ коей Онъ Самъ не можетъ быть нашимъ посредникомъ и ходатаемъ о грѣхахъ нашихъ, чтобы, во-вторыхъ, въ насъ была живая любовь къ Богу и ближнимъ нашимъ, которая одна приводитъ насъ въ содружество съ небомъ, чтобы мы, если и падемъ, то возставали бы отъ паденія, чтобы, при всей слабости нашей, постоянно ненавидѣли мы зло и отвращались грѣха, яко яда смертоноснаго, чтобы стремились къ исполненію заповѣдей Божіихъ, въ коихъ наше истинное благо, чтобы пользовались нелиценно средствами къ спасенію, намъ преподанными, и хотя слабыми, хотя колеблющимися стопами, но шли къ небесному отечеству, а не стремились безразсудно въ плѣнъ врага, къ собственной гибели. —

Есть ли въ васъ все сіе, братіе мои? Можете ли сказать, что спасеніе душъ вашихъ для васъ дороже всего въ мірѣ? что хотя половина, хотя третія часть времени и силъ вашихъ употребляется вами прямо и непосредственно на усовершеніе себя въ добродѣтеляхъ, на приготовленіе себя къ вѣчности, на покаяніе во грѣхахъ вашихъ?

Блаженъ, кто чувствуетъ въ своей совѣсти, что онъ ненарасно носитъ драгоцѣнное имя христіанина, что онъ старается быть вѣрнымъ послѣдователемъ заповѣдей Христовыхъ, что грѣхъ и страсти не владѣютъ въ душѣ и сердцѣ его, что міръ съ его соблазнами не имѣетъ для него прелести. Таковъ благословенъ отъ Бога Отца, благословенъ отъ Бога Сына, благословенъ отъ Бога Духа Святаго! Таковъ спокойно можетъ пребывать въ своемъ званіи, каково бы оно ни было; спокойно можетъ взирать на все, съ нимъ случающееся, съ твердою увѣренностію, что вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуютъ во благое; спокойно можетъ ожидать своей кончины, которая приведетъ для него съ собою награду за всѣ труды и подвиги.

Но стократно злополученъ тотъ, кто идетъ путемъ противнымъ, и, бывъ доселѣ преданъ суетѣ мірской и страстямъ, не помышляетъ о своемъ исправленіи. Какимъ бы счастьемъ ни наслаждался онъ въ этомъ мірѣ, какъ бы ни были огромны его

житницы, свѣтлы чертоги, богата прислуга, многочисленны знаки почестей, пышны и велики титулы, участь его достойна слезъ и воздыханій; ибо все сіе нисколько не спасеть его отъ гнѣва грядущаго. Настанетъ грозный часъ, когда все, что забавляло, радовало, наполняло душу и сердце, разсыплетъ въ прахъ и исчезнетъ какъ сонъ; и бѣдный грѣшникъ останется одинъ съ прокаженною грѣхомъ душею своею, и долженъ будетъ терпѣть и страдать вѣчно.

Памятуйте сіе, братіе мои, и не попускайте ослѣплять себя суетою и соблазнами мірскими. Сладость грѣховная обольстительна, но привременна и скоропреходяща; а вредъ, отъ нея протекающій, вѣченъ и ужасенъ. Добродѣтель, напротивъ, требуетъ борьбы и подвига; но награда за нее несомнѣнна и безконечна. Кромѣ сего, человѣкъ добродѣтельный и здѣсь уже находитъ покой въ сердцѣ и утѣшеніе въ совѣсти: а злочестивые и здѣсь страдаютъ невидимо, и видимо рѣдко не посрамляются на послѣдокъ.

Памятуя сіе, будемъ тверды и непоступны въ добродѣтели, хотя бы она и соединена была съ лишеніемъ; станемъ отвращаться грѣха, хотя бы онъ обѣщалъ намъ рай сладости. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА СУЖА *).

Въ первый разъ, братіе мои, мы видимся съ вами. Увидимся ли въ другой разъ, единъ Богъ вѣсть. Можетъ быть, только на страшномъ судѣ Христовомъ. Но и тамъ мы будемъ не чужды другъ другу; ибо между нами есть союзъ вѣчный, неразрывный, союзъ духовнаго пастыреначальства. И тамъ вопросятъ насъ, что мы дѣлали для вашего спасенія? Возвѣщали-ль вамъ пути живота вѣчнаго? Указывали-ль на губельныя послѣдствія порока и невѣрія? Врачевали-ль раны вашего сердца и язвы вашей совѣсти? Гремѣли-ль, когда нужно было, грознымъ гласомъ закона и прещеніемъ суда Божія? — Вопросятъ насъ о семъ тамъ, братіе мои, и когда мы помышляемъ о семъ, то всегда приходимъ въ нѣкій невольный трепетъ: страшимся за тѣхъ, кои ввѣрены духовному водительство нашему, страшимся и за себя самихъ. Ибо, кто мы, чтобы намъ надѣяться на свои силы, и имѣть ихъ столько, чтобъ быть — для пасомыхъ нами — *всѣмъ вся*, по заповѣди Апостола?... Съ другой стороны, если худо окажется невѣрнымъ и слабымъ приставникомъ даже въ обыкновенныхъ дѣлахъ житейскихъ; то какой отвѣтственности, какому суду и прещенію не будемъ подлежать мы, на коихъ возложено попеченіе о спасеніи душъ, искупленныхъ кровію Сына Божія? —

Но, братіе мои, какъ бы мы ни оказались безотвѣтны на семъ будущемъ судѣ страшномъ, все сіе не послужитъ однако

*) Сказанное въ Сумскомъ преображенскомъ соборѣ, 20 сентября 1848 г.

же къ оправданію вашему и не воспрепятствуетъ Судіи вопро- сить и васъ: помышляли-ль и вы, какъ должно, о душѣ своей и вѣчности? Пользовались ли ко спасенію своему тѣми средствами, кои для всѣхъ насъ независтно предложены — выну и туне — благодатию Божіею? Не тратили-ль времени и силъ своихъ на то, что подѣ конецъ жизни оказалось яко суета и ничтожество? Ослѣ- пившись соблазнами міра и удовольствіями плоти, не мѣняли-ль совѣсти и правды на угожденіе своимъ страстямъ?

И на земномъ судѣ не отговариваются невѣдѣніемъ: тѣмъ паче нельзя будетъ отговариваться тамъ. Нельзя будетъ сказать: я не умѣю читать; я не слыхалъ краснорѣчивыхъ проповѣдни- ковъ. Всѣ мы слышимъ непрестанно такое слово, предѣ коимъ все человѣческое витіиство есть яко мѣдъ звѣняща. Ибо всѣ мы слышимъ Пророковъ и Апостоловъ; слушаемъ въ Евангеліи са- мого Господа и Спасителя нашего. Какой храмъ не оглашается ихъ словомъ? — И гдѣ нѣтъ храмовъ? — И кому воспрещенъ до- ступъ въ нихъ? Приходи всякій и учись; учись всему, что тебѣ нужно знать для твоего спасенія. Что дѣйствительно здѣсь въ храмахъ можно изучиться всему дѣлу спасенія, свидѣтель сего многочисленный сонмъ святыхъ Божіихъ, кои, будучи незнакомы ни съ какимъ человѣческимъ просвѣщеніемъ, ничего не слы- хавъ и не зная, кромѣ Евангелистовъ и Апостоловъ, преуспѣли однако же въ вѣрѣ и благочестіи до того, что на землѣ сдѣла- лись равными Ангеламъ и озарили свѣтомъ своей благой жизни, а нѣкоторые — и своихъ чудесь, всю вселенную.

Но, увы, насъ всѣхъ губить не скудость и недостатокъ позна- ній, необходимыхъ для нашего спасенія, а неупотребленіе въ дѣло познаннаго: мы, подобно бесплодной и каменистой землѣ, хотя и приедемъ въ себя сѣмена истины и жизни вѣчной, но не даемъ имъ возрасти и питать насъ. Ибо, стань предѣ симъ престоломъ вѣчной любви и правды и скажи, каждый: испол- нялъ ли ты, что знаешь? Знаешь, что должно любить Бога всѣмъ сердцемъ и паче всего; но любишь ли? Знаешь, что должно избѣгать невоздержанія, злобы, прелюбодѣянія, скупости, скверно- словія; но избѣгалъ ли? Вѣдаешь, что для каждаго изъ насъ необходимо покаяніе во грѣхахъ, для каждаго необходимо приго- товленіе къ смерти: но каешься ли, какъ должно? Готовишь ли себя къ смерти, какъ должно?

Очевидно, братіе мои, что рѣдкіе изъ насъ въ состояніи вы- держать такое испытаніе: большая часть должны сознаться, что

они не исполняютъ познаннаго, не поступаютъ такъ, какъ бы слѣдовало поступать — по внушенію Евангелія и совѣсти.

Что же дѣлаетъ насъ такими? Не увѣренность ли, что наша злая жизнь не будетъ имѣть для насъ худыхъ послѣдствій, что мы, и проведши на землѣ время во грѣхахъ и беззаконіи, не сдѣлаемся однако же чрезъ то несчастными въ вѣчности? — Но это не возможно, рѣшительно не возможно. На землѣ, вслѣдствіе превратности вещей, происшедшей отъ паденія въ Эдемѣ нашихъ прародителей, счастье можетъ разлучаться и часто отлучается отъ добродѣтели, а несчастье и казнь отъ порока: но за предѣлами земли, въ вѣчности—никогда.—Тамъ непорочность и блаженство составляютъ одно и тоже, равно какъ порокъ и мученіе также суть едино. Иначе, въ чемъ бы, скажите, состояла самая святость и правда Божія? какая бы разность была между добродѣтелию и порокомъ? — Въ такомъ случаѣ и они были бы одно и тоже, если бы, то есть, не давали отъ себя совершенно разныхъ плодовъ — первая мира, радости и блаженства, а послѣдній — мрака, горести и разрушенія. И сталъ ли бы Господь угрожать намъ тѣмъ, что не существуетъ? Сталъ ли бы объявлять въ словѣ своемъ, что грѣшниковъ ожидаетъ мука вѣчная, если бы не было ни ада, ни геенны? Такъ могутъ поступать токмо люди слабые и лживые, а не Богъ всемогущій и вѣрный во всѣхъ словесѣхъ своихъ.

Но, многіе нисколько не сомнѣваются ни въ будущихъ наградахъ праведнымъ, ни въ наказаніи, ожидающемъ грѣшниковъ; и однако же не оставляютъ грѣха и неправды своихъ. Ихъ что удерживаетъ на пути беззаконія? Удерживаетъ большею частію мысль и надежда, что они современемъ освободятся отъ узъ страстей, начнутъ жить по внушеніямъ вѣры и совѣсти. Не обольщайтесь, братіе, подобною надеждою; ибо можно ли такъ явно отдавать вѣчное спасеніе свое на произволь слѣпаго случая? Ежедневный опытъ показываетъ, какъ самые крѣпкіе, повидимому, здравіемъ люди, вдругъ падаютъ бездыханны. Вообразимъ, что мы подверглись сему случаю: гдѣ будетъ тогда наше покаяніе? И что за покаяніе въ крайности, предъ смертію, хотя бы и довелось принести его? Если мы, по началамъ святыхъ вѣры нашей, не можемъ отвергать вовсе его дѣйствительности; то съ другой стороны какъ трудно ручаться за нее? Ибо, кто, видя смерть предъ собою, не скажетъ, что я грѣшенъ, прости и разрѣши? — Но покаяніе состоитъ не въ словахъ, а въ перемѣнѣ сердца и духа на доброе. Но какъ произойти сей перемѣнѣ, когда

вся мысль умирающаго сосредоточена въ чувствѣ страданій тѣлесныхъ? Гдѣ тутъ свобода и гдѣ вѣра и любовь, столь необходимыя для истиннаго покаянія?

Итакъ, не попускайте, братіе мои, обольщать себя мыслию о будущемъ вашемъ покаяніи предъ смертію. Расторгните узы страстей, доколѣ онѣ не содѣлались яко желѣзо на выи вашей; свергните съ себя тяжесть грѣховъ, доколѣ она не подавила васъ собою. Врагъ душъ ничѣмъ такъ не уволняетъ бѣдныхъ грѣшниковъ, какъ отлаганіемъ покаянія на будущее время: ибо внушатъ грѣшнику нераскаяніе во грѣхѣхъ, какъ нераскаянъ онъ самъ, слишкомъ дерзко и неумѣстно: и вотъ, сей нераскаянный духъ непрестанно будетъ говорить тебѣ, что ты покаешься: а между тѣмъ, отлагая со дня на день покаяніе, симъ ты со дня на день содѣлываешь его для себя болѣе труднымъ и потому менѣе возможнымъ. Не такъ ли именно многіе, собираясь ежедневно исправить свою жизнь, продолжаютъ грѣшить до смерти? Увы, восклицаетъ одинъ учитель Церкви, большая часть узниковъ ада состоитъ не изъ невѣрующихъ и ожесточенныхъ, а изъ тѣхъ, кои всю жизнь собирались каяться и умерли однакоже во грѣхахъ своихъ! Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВѢЩЕНІИ ПЛЮСЫ *).

коро, братіе мои, наступитъ жатва; и каждый изъ васъ пойдетъ на поле свое для собиранія того, чѣмъ благословилъ Господь. Благодареніе любви Его, нынѣ есть что собирать! Если къ радости о собраніи привосокупится благоразумное употребленіе собраннаго: то плодовъ единого нынѣшняго лѣта станеть не на одинъ годъ.

Но, готовясь принять плоды отъ Господа,—ибо *ни насаждаай, ни напаяй есть что, но вся возвращай, Богъ*,—надобно подумать, братіе мои, и о плодахъ для Господа. Не напрасно слово Божіе сравниваетъ души наши съ нивами и вертоградями; а самого Господа — съ вертоградаремъ и хозяиномъ поля. Это знакъ, что Господь также ожидаетъ плодовъ отъ всѣхъ насъ, какъ мы ожидаемъ ихъ отъ полей и садовъ нашихъ. И, да будетъ извѣстно вамъ, братіе мои, что и мы, если являемся къ вамъ по временамъ, то для того именно, чтобы отъ лица небеснаго Домовладыки, коего есмы, хотя недостойные, посланники и слуги, напомнить вамъ о необходимости сего духовнаго плодоношенія.—

Впрочемъ, вы сами можете судить о сей необходимости уже по одному простому сравненію того, что мы дѣлаемъ для полей нашихъ, и что Онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для душъ и сердецъ

*) Сказанное Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Трущевой Никитовкѣ, 27 іюля 1844 года.

нашихъ. Самый прилежный изъ васъ, что сдѣлалъ для своего поля? Разодралъ нѣдра земли плугомъ, размягчилъ вспаханное и очистилъ отъ сора, разбросалъ по немъ сѣмена и потомъ заборонилъ посѣянное землею. Вотъ наши труды: много, если среди ихъ упала съ лица нашего на поле какая либо капля пота. А Домовладыка небесный, Спаситель нашъ? Онъ для содѣланія душъ нашихъ плодоносными для добродѣтели, кромѣ многихъ другихъ естественныхъ средствъ, сошелъ для сего Самъ на землю, принялъ на Себя нашу плоть, провелъ тридцать три года въ непрестанныхъ трудахъ, нищетѣ и озлобленіи, претерпѣлъ наконецъ ужасныя мученія и смерть на крестѣ.

Каковы же мы на самомъ дѣлѣ? Что можемъ представить нынѣ своему Господу? Извѣстно, какихъ плодовъ ожидаетъ Онъ отъ насъ: вѣры живой и правой, дѣлъ чистыхъ и благихъ, милосердія къ бѣднымъ и покаянія во грѣхахъ нашихъ.

Итакъ, уродилась ли нынѣ у васъ вѣра правая? Изгнала ли она изъ среды васъ мрачное полчище суевѣрій, гаданій, и прилѣтъ суетныхъ? Престали-ль вы вѣрить неразумно глупымъ ворожеямъ и знахарямъ? Престали-ль бояться напрасно нѣкоторыхъ дней въ году? Престали-ль ожидать успѣха въ дѣлахъ, облегченія отъ недуговъ, не отъ Господа и молитвы, какъ бы надлежало, а отъ праздныхъ словъ и дѣйствій? — Всего этого избѣгаютъ и чуждаются люди разумные и изъ не-христіанъ: христіанамъ ли быть рабами суевѣрія? Молитва и крестъ святой — вотъ наша сила и наше духовное оружіе! —

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году у васъ святое воздержаніе и цѣломудріе? Умалается ли между вами число людей, преданныхъ богопротивному пьянству и нечистотамъ плотскимъ? Менѣе ли на стогнахъ вашихъ шумныхъ ключей, безчинныхъ плясокъ, бѣсовскихъ игрищъ, сатанинскихъ тѣлодвиженій? Христіанинъ можетъ пользоваться благами міра, но какъ? Чтобы они насыщали и услаждали его, а не выводили изъ себя, не лишали образа Божія, и обращали его въ безсмысленное животное. Христіанину позволительны удовольствія и радости, но какія? Умѣренныя, чистыя, кои не ведутъ за собою ссоръ и вражды, не губятъ здравія и имущества, не служатъ къ соблазну ближнихъ и на радость сатанѣ.

Уродились ли нынѣ между вами нравы благіе? Дѣти буйныя и строптивыя начали-ль слушать и уважать своихъ родителей? Лгунъ пересталъ ли лгать, сквернословъ кончилъ ли свое срамное слово, завистливый освободился ли отъ зависти, лѣнивый полю-

билъ ли прилежаніе? Старшіе подавали-ль благой примѣръ и добрыя совѣты младшимъ? Ссорившіеся супруги бросили-ль взаимныя распри и огорченія?

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году боголюбезное милосердіе? Безпріютныя сироты нашли-ль между вами отцевъ и матерей? Обнищавшіе отъ пожаровъ и другихъ случаевъ, видѣли-ль со стороны вашей вспоможеніе братское? Болѣзнь и увѣчья не оставались ли въ хладѣ и гладѣ? Христіанинъ долженъ знать, что всемилосердому Господу нашему ничѣмъ такъ нельзя угодить, какъ милосердіемъ къ бѣднымъ. Къ немилосерднымъ и жестокимъ Онъ и Самъ общался не быть милостивымъ: а безъ Его благодати и милости, что всѣ мы со грѣхами нашими? —

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году между вами смиреніе и терпѣніе христіанское? Въмѣсто обыкновеннаго ропота въ несчастіяхъ, научились ли вы предавать себя въ волю Божию и обращаться къ молитвѣ? Узнали-ль, что для васъ въ этой жизни полезнѣе горе, нежели веселье; ибо первое отводитъ отъ грѣха и обращаетъ къ Богу, а послѣднее служить пищею страстямъ и беззаконіямъ.

Уродилось ли въ нынѣшнемъ году раскаяніе во грѣхахъ вашихъ? Несомнѣнное дѣло, что мы всѣ грѣшники: и никакой грѣшникъ царствія Божія не наслѣдуетъ. Что же мы дѣлаемъ со грѣхами нашими? Сбрасывали-ль ихъ посредствомъ исповѣди съ плечъ своихъ, какъ тяжкое бремя, или копилы, какъ любимое сокровище? Горе намъ, уже тѣмъ, что мы грѣшники, ибо всякій грѣхъ какъ язва на душѣ; но еще большее горе, если, грѣша тяжко, не каемся въ томъ и не отстаемъ отъ злыхъ дѣлъ. Нераскаянный грѣшникъ есть несомнѣнная добыча діавола. Посему, когда впавемъ въ какой либо грѣхъ, тотчасъ надобно воздохнуть изъ глубины души ко Господу и сказать: прости меня, Премилосердый! я не дамъ болѣе врагу губить мою душу и тѣло: — сказать такъ, и беречься потомъ того же грѣха, какъ змѣи и яда.

Предложивъ вамъ столько вопросовъ, касающихся вашей жизни и совѣсти, мы не ожидаемъ отъ васъ отвѣтовъ теперь же. Мы хотѣли только возбудить въ васъ вниманіе и навести мыслю вашу на состояніе душъ и сердецъ вашихъ. Отвѣтъ же дайте не намъ: а во первыхъ вашей совѣсти, потомъ вашему отцу духовному, который будетъ бесѣдовать во время поста съ каждымъ изъ васъ, и слѣдовательно будетъ имѣть все удобство узнать внутреннее состояніе ваше, ваше плодоносіе или бесплодіе

духовное, и преподать вамъ совѣтъ полезный, указать врачество необходимое.

Мы вмѣсто сего скажемъ теперъ всѣмъ вамъ единожды и навсегда, что если вы окажетесь бесплоднѣе—добрыми дѣлами—нивѣ и вертоградовъ вашихъ, то виною сему вы сами а не кто другой, тѣмъ паче не Господь и Спаситель нашъ.

Ибо, судите сами, чего не доставало душамъ и сердцамъ вашимъ, въ сравненіи съ полями и лугами вашими, для того, чтобы украситься цвѣтами добродѣтелей и принести жита правды? Нужно было солнце: надъ вами постоянно сіялъ свѣтъ Христовъ; нужны были сѣмена добра и правды: вашъ слухъ оглашался чтеніемъ Евангелію и Апостола, гдѣ каждое слово есть сѣмя жизни вѣчной.—Нуженъ былъ дождь благовременный: вы орошались потоками молитвъ церковныхъ и рососою св. Таинствъ. Нужна была ограда отъ безсловесныхъ животныхъ, могущихъ повредить почвѣ сердца: Церковь брала всѣ мѣры, чтобы между вами не было лжеучителей и общественного соблазна. Нуженъ былъ стражъ: и въ немъ не было недостатка; ибо при каждомъ изъ насъ Ангель-Хранитель.

Какъ послѣ сего не принести бы плодовъ вѣры и добрыхъ нравовъ? И чѣмъ извиниться, если цѣхъ не окажется у кого либо?

А, сколько можемъ судить, не окажется у нѣкоторыхъ! И всѣ мы даже немногимъ, кажется, можемъ обрадовать небеснаго Домовладыку нашего. Ибо, взирая безпристрастно на духовную ниву вашу, тотчасъ видишь на ней немало плевелъ. Въ самомъ дѣлѣ, не плевелы-ль то, что нѣкоторые изъ васъ, безъ всякихъ особенныхъ причинъ, даже въ большіе праздники, не посѣщали храма Божія и оставались безразсудно дома? Не плевелы-ль то, что между вами есть люди, небывшіе въ прошедшемъ посту у исповѣди и непринявшіе животворящихъ таинъ Тѣла и Крови Господней? Не плевелы-ль то, что многіе изъ дѣтей вашихъ не умѣютъ доселѣ положить на себѣ правильно креста Господня и не знаютъ: Отче нашъ и Символа вѣры? Не плевелы-ль то, что стогна мирной веси вашей въ нѣкоторые дни оглашались безчинными кликами, словами гнилыми и смрадными? Не плевелы-ль то, что иной послѣдній чванецъ муки и елѣя готовъ отдать за чашу вина и сахара? Не плевелы-ль наконецъ и то, что у инаго осталось невоздѣланнымъ поле тогда, когда онъ имѣлъ къ тому и время и силы? Кто всѣялъ всѣ эти и подобныя имъ плевелы? *Врагъ* Бога и человѣковъ, діаволь *сотвори сіе*, отвѣтствуетъ Евангеліе. Когда и какъ сотвори? *Намъ сплещитъ*, прибавляетъ оно. Слѣдовательно, хотя во всякомъ злѣ виновенъ и діаволь, яко

первоначальный источникъ грѣха и зла въ мірѣ и яко непрестающій искушитель къ тому, но не менѣе того виновны и мы сами. Если бы мы не спали, а бодрствовали вѣрою и духомъ; то и диаволъ не могъ бы намъ сдѣлать никакого вреда. Пришла бы какая либо худая мысль на умъ: мы оградились бы крестомъ, призвали бы на помощь Ангела-Хранителя; и грѣховный помыслъ угасъ бы какъ искра, у коей нѣтъ воздуха. А мы вмѣсто того, чтобы обращаться къ молитвѣ и кресту Христову, еще рады были худымъ мыслямъ, раздували ихъ, какъ искру, въ душѣ своей посредствомъ частаго воображенія сладостей грѣховныхъ: удивительно ли, если они обращались такимъ образомъ въ пламень страсти и мы горѣли душою и тѣломъ? —

Извѣстно, что послѣдуетъ наконецъ съ плевелами, то есть, съ грѣхами нашими, или точнѣе сказать, съ грѣшниками. Послѣдуетъ, какъ писано въ Евангеліи, то, что ихъ соберутъ — токмо не въ житницу небесную, а во адъ — на сожженіе. Ибо какъ для душъ праведныхъ уготованъ рай и царство небесное, такъ нераскаянныхъ грѣшниковъ ожидаетъ адъ и геенна.

Убоимся, братіе мои, сего огня неугасимаго! Прежде, нежели будутъ посланы, какъ говорится въ притчѣ евангельской, жателю небесные, то есть, Ангелы для собранія со всего міра плевель, или грѣшниковъ, изыдемъ сами на поле душъ и сердецъ нашихъ, очистимъ ихъ, какъ очищаемъ поля и луга наши, отъ всѣхъ худыхъ и вредныхъ растеній, то есть, отъ грѣховъ и страстей, дабы приносить потомъ, какъ того ожидаетъ небесный Домовладыка нашъ, святые плоды чистоты и правды, истины и милосердія. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА СТАРОБѢЛЬСКА *).

же три года, какъ имя наше, по чину святыя Церкви, молитвенно воспоминается у васъ, братіе мои; три года, какъ и мы, по долгу пастырства, возносимъ ежедневно моленіе о васъ ко Господу, яко о вѣранныхъ нашему духовному водительству; а между тѣмъ еще ни разу не зрѣли мы лица вашего и не являлись среди васъ, подобно какъ посѣщали другіе грады и веси. Причиною сего была не холодность какая либо къ вамъ и невниманіе:—Богъ свидѣтель, что мы — не единожды и не дважды—имѣли желаніе придти къ вамъ, дабы соутѣшиться общею вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ;—но частію отдаленность вашего края, частію усиленные занятія въ другихъ предѣлахъ паствы, доселѣ лишили насъ сего утѣшенія. Въ замѣнъ того, мы можемъ теперь сообщить вамъ немало радостнаго для сердца христіанскаго.

И во-первыхъ, на св. горѣ Ахтырской, небезызвѣстной многимъ изъ васъ, богатію Божіею паки вмѣсто печальныхъ развалинъ, начинаетъ возвышаться обитель святыя и живоначальныя Троицы; и Богоматерь Ахтырская, общая покровительница страны нашей, видимо приняла ее подъ всемогущій покровъ свой, ибо отселѣ ежегодно будетъ посѣщать ее — въ чудотворномъ ликѣ своемъ.—Дивная скала святогорская, служившая столько времени предметомъ одного печальнаго любопытства, паки сдѣлалась

*) Сказанное въ старобѣльскомъ покровскомъ соборѣ, 22 августа 1844 г.

гѣмъ, чѣмъ была нѣкогда—убѣжищемъ душъ, отрекшихся міра и всего, яже въ мірѣ, и взыскавшихъ единаго на потребу, и благословеніе святой лавры Кіевопечерской съ иконою Богоматери и мощами тамошнихъ угодниковъ Божіихъ служить залогомъ, что святыя горы будутъ соотвѣтствовать своему имени святыми подвигами новыхъ жителей своихъ, и что на нихъ паки возсіяетъ благодать Божія. — Каѳедральный градъ паствы нашей такъ же удостоился пріять нескудный залогъ новой милости Божія: ибо Богоматерь Озерянская соблаговолила ежегодно приходить въ него—въ чудотворномъ ликѣ своемъ, и пребывать въ немъ во все продолженіе дней зимнихъ.

Въ сихъ и подобныхъ занятіяхъ упражнялись мы, братіе мои, и не спѣшили къ вамъ, зная и издали, что вы пребываете въ мірѣ, подъ кровомъ св. Церкви и осѣненіемъ благодати Божіей.

И вотъ, какъ бы въ награду за долговременность нашего и вашего терпѣнія и ожиданія, дано намъ, братіе, увидѣться съ вами въ одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ году, въ день вѣнчанія на царство возлюбленнаго Монарха нашего. Ознаменуемъ же наше первое свиданіе усердною молитвою о немъ. Молитесь за Помазанника Божія есть всегдашній священный долгъ нашъ уже потому, что въ судьбѣ царя заключена судьба всего царства, слѣдовательно и наша собственная: но теперь должно особенно усугубить намъ сію молитву. Ибо, вы слышали, безъ сомнѣнія, какимъ тяжкимъ ударомъ поражено сердце царево: Онъ лишился одной изъ дочерей своихъ, лишился въ цвѣтѣ лѣтъ ея, не успѣвъ нарадоваться ея недавнимъ вѣнцемъ брачнымъ! Извѣстно чадолюбивое сердце царя нашего: можете судить по сему и о тяжести настоящей его печали. Въ комъ же другомъ онъ можетъ найти себѣ теперь утѣшеніе, какъ не въ Томъ, коего образъ на себѣ носить? И что скорѣе и вѣрнѣе можетъ низвестна на него духа утѣшенія отъ лица Царя царствующихъ, какъ не усердная молитва о немъ вѣрныхъ сыновъ отечества? Помолимся убо о царѣ нашемъ со всею силою вѣры, со всею полнотою любви, со всѣмъ духомъ упованія христіанскаго. А между тѣмъ изъ того, что совершается въ домѣ царевомъ, извѣчель, братіе мои, урокъ и назиданіе для нашихъ домовъ.

Могущественнѣйшій въ мірѣ Монархъ пораженъ скорбію и плачетъ надъ гробомъ любимой дщери, подобно послѣднему изъ своихъ подданныхъ. Онъ ли не имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣхъ средствъ искусства врачебнаго? Онъ ли не хотѣлъ употребить ихъ? Употреблено и истощено все возможное; и ничто не

отвратило удара и потерю!— Значить, нѣтъ на землѣ состоянія, изъятаго отъ лишеній и скорбей: *тяжко иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ!*

Отчего такъ? Ужели небо веселится нашими слезами? Ужели мы созданы на нужды и страданія? Нѣтъ, думать такимъ образомъ, значило бы оскорблять благость Отца небеснаго, которая не менѣ любви земныхъ отцевъ хочетъ намъ радости, и сама печалуетъ нашими печалыми. Нѣтъ, было время, когда и на землѣ не было для человѣка ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Все это произвели мы сами, не умѣвъ пользоваться блаженствомъ нашимъ. Извѣстно, какъ произошло наше несчастіе. Послушавъ совѣта змісна, мы впали въ преступленіе заповѣди Божіей,—и все превратилось. Рай съ земли перенесенъ на небо— для достойныхъ; самая жизнь наша сокращена въ малое число лѣтъ. Теперь мы всѣ здѣсь, какъ преступники, сосланные въ заточеніе, на извѣстное время. Посему никакое величіе и могущество человѣческое не можетъ защитить отъ скорби. Всѣмъ остается одно — терпѣть и страдать, искупляя земными лишеніями и скорбями вдругъ двѣ вещи, — прошедшую, прирожденную всѣмъ намъ, порчу и будущее блаженное состояніе.

Поймемъ же, братіе мои, истинное значеніе нашей жизни на землѣ. Престанемъ искать здѣсь полнаго удовлетворенія душѣ и сердцу нашему. Мы никогда не найдемъ его на землѣ. Начнемъ жить для неба, которое ожидаетъ всѣхъ насъ и намъ предназначено. Примиримся съ самыми скорбями и печалыми нашими — яко залогомъ будущихъ радостей вѣчныхъ.

Трудно не плакать и не скорбѣть во время искушеній и напастей. Но что дѣлать, когда они необходимы для насъ, какъ страждущихъ тяжкими недугами неизбѣжны горькія врачевства, даже иногда огонь и желѣзо? Ибо чѣмъ иначе умертвить преступное самолюбіе наше, этотъ корень всякаго грѣха, какъ не скорбію? Если мы не видимъ нужды въ семъ, то потому что мало знаемъ самихъ себя. А Господь видитъ пагубу, насъ облегающую, и, яко врачъ душъ, посылаетъ во исцѣленіе насъ слезы и скорби.

Кто уразумѣлъ все сіе какъ должно (а трудно-ли уразумѣть каждому, научаясь и Евангеліемъ и самымъ опытомъ?), тотъ не будетъ среди скорбей роптать и предаваться малодушію, а скорѣе возрадуется, что Господь не забываетъ его, возрадуется по крайней мѣрѣ столько, сколько бывають обрадованы, когда

искусный врачъ осмотритъ нашу язву и пропишетъ для ней спасительный рецептъ, хотя бы сей послѣдній состоялъ изъ огня или желѣза.

Небесный врачъ душъ и тѣлесъ Самъ да подастъ намъ сей разумъ и да наставитъ насъ, еже подобаеъ намъ творити во время скорбей и искушеній нашихъ! Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПЛСТВЫ *).

вчера мы молились среди живыхъ; а нынѣ молимся среди мертвыхъ. Но, кто истинно живъ и кто дѣйствительно мертвъ, единъ Господь вѣсть. Истинная жизнь челоуѣка не въ томъ, когда онъ ходитъ и движется, вкушаетъ пищу и сонъ, беретъ что либо и отдаетъ—все это дѣлають и безсловесныя,—а въ томъ, когда онъ исполняетъ законъ Божій, соединенъ со Христомъ, водится Духомъ Святымъ. Равно и смерть челоуѣка не въ томъ, что онъ лежитъ во гробѣ или могилѣ, не существуетъ для нашего міра, а въ томъ, когда онъ преданъ грѣху, тлѣетъ въ похотяхъ прелестныхъ, удаленъ отъ источника жизни Бога.

Посмотрите на святыхъ Божіихъ—они также низошли во гробъ, почивають въ утробѣ земной, кажутся яко мертвы: но кто живѣ ихъ? Изъ гроба они совершаютъ такія дѣла, коихъ не можетъ совершать вся наша мудрость и вся наша сила. А грѣшникъ нераскаянный, хотя бы онъ цвѣлъ здравіемъ и красотою, хотя бы двигалъ мановеніемъ своимъ тысячи полавшихся въ его зависимость,—есть мертвъ въ очахъ Божіихъ и яко трупъ гніющій. Итакъ, еще повторю, единъ Богъ вѣсть, кто изъ насъ истинно живъ и кто дѣйствительно мертвъ.

Одно несомнительно, что вездѣ немало такихъ, къ коимъ со

*) Сказанное въ городѣ Старобѣльскѣ, въ кладбищенской церкви, предъ совершеніемъ панихиды. 20 августа 1844 года.

всею справедливостію должно обратить слова Тайновидца: *иля илаши, яко живъ, а мертвъ еси* (Апок. 3, 1). Въ самомъ дѣлѣ, что сказать о томъ пастырѣ Церкви, который служитъ алтарю для того токмо, чтобы питаться отъ алтаря, а не для того, чтобы хлѣбомъ жизни питать души, алчущія правды и спасенія, который заставляетъ въ таинствѣ исповѣди открывать предъ собою всѣ раны душевныя и ни на одну изъ нихъ не умѣетъ или не хочетъ возложить пластыря, который непрестанно окруженъ свѣщами и оуміамомъ, а самъ въ своихъ дѣлахъ и жизни представляетъ одну тѣму грѣховъ и издаетъ воню беззаконія и смерти? Должно сказать: *иля илаши, яко живъ, а мертвъ еси!* Если бы въ тебѣ, недостойный пастырь, была истинная жизнь; то ты примѣромъ благихъ дѣлъ былъ бы яко свѣтильникъ для пасомыхъ тобою, и слово твое яко свѣща горящая во тьмѣ; паства твояни когда не оставалась бы гладною духомъ, не блуждала бы по дебрямъ неправыхъ мнѣній, добрѣ вѣдала бы, куда итти и чего отвращаться.

Что сказать властелину, который, захвативъ въ свои руки жребій цѣлыхъ тысящъ собратіи своихъ во Христѣ, смотритъ на нихъ, какъ на простое орудіе своихъ выгодъ и расчетовъ, стѣсняетъ ихъ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни и свободы, чтобы самому все имѣть для удовлетворенія самозабвенныхъ прихотей? Должно сказать: *иля илаши, яко живъ, а мертвъ еси!* Если бы въ тебѣ билось сердце человѣческое, то ты не забывалъ бы, что подвластные тебѣ суть люди единой съ тобою природы, что они искуплены не тлѣннымъ золотомъ и серебромъ, какъ ты стяжалъ ихъ отъ другихъ, а безцѣнною Кровію Сына Божія, что ихъ ожидаетъ въ вѣчности таже участь, что и тебя; и что тамъ—не какъ на землѣ, потребуютъ отъ тебя строгаго отчета въ каждой слезѣ, кои ты заставляешь проливать день и ночь.

Что сказать богачу неправедному, который для пріобрѣтенія богатства жертвовалъ всѣмъ, и правдою и совѣстію, и вѣрою и закономъ, а пріобрѣтши сего идола, не хочетъ пожертвовать Бору и ближнимъ ничѣмъ для искупленія неправдъ своихъ, который, имѣя возможность доставить счастье многимъ и столько же спасти отъ бѣдствій, никому не дѣлалъ и не намѣренъ дѣлать добра? Должно сказать: *иля илаши, яко живъ, а мертвъ еси!* Мертвъ ты сердцемъ, ибо тебя не трогаютъ ни слезы, ни вопли бѣдныхъ собратіи; мертвъ ты умомъ, ибо ты не видишь собственной гибели отъ своего богатства; мертвъ ты совѣстію, ибо ея нѣтъ въ томъ, кто, подобно тебѣ, все цѣнитъ однимъ золотомъ и не знаетъ любви къ ближнимъ.

Обратившись съ подобнымъ размышленіемъ къ самимъ себѣ, вникая въ свою жизнь и свои нравы, можетъ быть и каждый изъ насъ найдетъ причину сказать душѣ своей: увы, бѣдная душа моя, я мнилъ, что ты жива: ибо движешься непрестанно по внушенію похотей и страстей; а въ самомъ дѣлѣ ты мертва: ибо въ тебѣ нѣтъ жизни Божіей, нѣтъ истины и правды, нѣтъ любви, смиренія и чистоты, нѣтъ того, что должно быть въ тебѣ, яко въ образѣ Божіемъ, яко въ существѣ разумномъ, предназначенномъ не къ этому суетному и скоропреходящему міру, а къ вѣчному сожителству съ Богомъ на небеси.

А мы, братіе мои, не обращая вниманія на эту ужасную смерть духовную, которая вмѣстѣ со грѣхомъ гнѣздится въ нашемъ сердцѣ все страшимся и трепещемъ токмо одной смерти тѣлесной. Но что значитъ смерть тѣлесная? Ее страшною и лютою дѣлаетъ одинъ грѣхъ. Безъ того она не страхъ, а радость; не казнь, а освобожденіе. Ибо, что дѣлаетъ смерть? Лишаетъ насъ тѣла брэннаго, тяжелаго, многоболѣзненнаго. Но это тѣло не наше; его далъ намъ грѣхъ. Наше истинное, духовное, безсмертное тѣло осталось въ раю и можетъ возвратиться къ намъ не прежде и не иначе, какъ только тогда, какъ рукою смерти будетъ совлечено съ насъ это нищенское рубище тлѣнной плоти, коимъ мы теперь одѣты подобно безсловеснымъ. Что дѣлаетъ смерть? Разлучаетъ насъ съ этимъ нашимъ міромъ, о коемъ люди, даже невѣдущіе Евангелія, говорили, что онъ весь во злѣ лежитъ, ибо въ немъ ложь и неправда торжествуютъ нерѣдко назъ истиною и правдою, сильный притѣсняетъ слабаго, братъ ставитъ ковы брату и сестра сестрѣ. Что дѣлаетъ смерть? Возвращаетъ насъ въ домъ отеческій изъ долгаго и многотруднаго странствованія по мрачной и тернистой юдоли этой жизни, возвращаетъ на лоно Отца небеснаго, откуда мы низпали въ это море житейскихъ попеченій. Престанемъ же бояться смерти, и начнемъ бояться грѣха, который одинъ можетъ сдѣлать смерть дѣйствительнымъ зломъ для насъ. Ибо если мы умремъ во грѣхѣ, то и новое безсмертное тѣло, которое мы получимъ въ день всеобщаго воскресенія, будетъ для насъ источникомъ не радости, а страданій. Если умремъ во грѣхахъ, то новый міръ, куда смерть представляетъ насъ, не смотря на его совершенства, будетъ не по насъ, и мы явимся тамъ яко младенцы, насильственно извергнутые изъ утробы матерней. Если умремъ во грѣхахъ нашихъ, то свѣтлый чертогъ Отца небеснаго затворится предъ нами, мы будемъ отринуты отъ лица Божія, и пойдѣмъ на вѣки во тьму кромѣшнюю.

Многочисленное нынѣ стеченіе ваше сюда, братіе мои, и нынѣ токмо, а и въ другіе дни, какъ слышали мы, показываютъ, что вы помните о своей смерти; благолѣпіе храма сего, украшеннаго вашимъ усердіемъ, свидѣтельствуеетъ, что сіе мѣсто будущаго покоища вашего во утробѣ земной цѣнится вами по надлежащему. Все это, братіе мои, хорошо и похвально. Остается токмо, чтобы и ваше хожденіе сюда, и ваше усердіе ко храму сему не оставались безъ духовнаго плода для васъ. Для сего, бывши здѣсь, не ограничивайтесь воспоминаніемъ токмо почившихъ въ Бозѣ сродниковъ и знаемыхъ вашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ воображайте всегда и собственный конецъ вашъ. Идя изъ града, представляйте себѣ каждый разъ, какъ симъ же самымъ путемъ понесутъ васъ нѣкогда сюда; придетъ на кладбище и ставъ среди сонма почивающихъ братій вашихъ, представляйте, что между ними находится и ваше мѣсто и что ваша могила уже ожидаетъ васъ; вошедъ во храмъ сей, не забывайте взглянуть на средину его, гдѣ будетъ стоять вашъ гробъ; видя и слыша, какъ совершаютъ чинъ погребенія надъ другими, преноситесь мыслию къ той минутѣ, какъ оно совершится и надъ вами. Такимъ образомъ вы будете погребать часть ветхаго челоуѣка вашего, и каждый разъ отъ сего въ душѣ вашей будетъ замирать что либо злое и богопротивное, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживать какая либо благая мысль и чувство.

А иля изъ храма и возвращаясь домой, размышляйте такъ: долго ли еще мнѣ велитъ Господь возвращаться въ домъ свой? Жизнь моя видимо клонится къ концу, и мнѣ уже не много разъ возвращаться отсюда. Для чего же я буду предаваться суетѣ земной и неправдѣ челоуѣческой? Что пользы, если я приобрѣту весь міръ и погублю душу свою? что пойдетъ за мной изъ приобрѣтеннаго? Ничего: нагъ я вышелъ изъ чрева материя, нагъ и отыду. Къ кому? къ Судіи праведному и всевидящему, который взвѣситъ и разберетъ всѣ не только дѣянія, а самыя мысли и слова мои, и воздастъ за каждое. Не буду же болѣе губить себя грѣхомъ и неправдами; начну приготовляться къ смерти и суду страшному. Благо мнѣ, что есть еще время и средства къ тому!

Когда вы, братіе мои, будете посѣщать такимъ образомъ мѣсто сіе: то каждое подобное посѣщеніе его содѣляется для васъ вмѣсто поученія самаго дѣйствительнаго. Ибо не напрасно сказано въ словѣ Божіемъ: *полимай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши*. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ЭПАРХІИ *).

Ѣ то время, какъ вниманіе ваше, христіанскія воины, съ утра до вечера занято звукомъ трубы военной и приготовленіемъ къ познанію опытовъ въ искусствѣ поражать враговъ отечества, мы являемся предъ васъ съ жезломъ и свирѣлю пастырскою; но являемся не для того, чтобы заставить васъ сложить съ себя доспѣхи бранные и расковать мечи своя на рала и копія на серпы. Благословенное, обѣщанное чрезъ пророка, время сіе еще въ будущемъ; и вѣроятно, долго, долго не явится на земли, мятущейся, то тамъ, то тамъ, отъ самолюбія и страстей человѣческихъ. Нѣтъ, мы пришли отъ лица св. Церкви благословить оружіе ваше, принести вмѣстѣ съ вами молитву объ успѣхѣ занятій вашихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить вамъ, что воинъ христіанскій силенъ на брани не однимъ видимымъ оружіемъ, а еще болѣе вѣрою и упованіемъ жизни вѣчной; что онъ употребляетъ мужество свое не на поражение токмо враговъ отечества, а и на низложеніе собственныхъ страстей; что онъ къ перенесенію трудностей званія своего одушевляется не похвалою токмо начальниковъ, не достиженіемъ внѣшнихъ, въ чемъ бы они ни состояли, отличій, а постоянно устремляетъ взоръ къ тѣмъ негнѣннымъ вѣнцамъ, кои на главу побѣдителей возложитъ нѣкогда самъ Владыка неба и земли.

*) Сказанное въ городѣ военного поселенія, новомъ Екатеринославѣ, 25 августа 1844 года.

Излишне ли для кого либо изъ васъ напоминаніе о семъ? Дай Богъ, чтобы оно не было ни для кого нужнымъ! Чтобы всѣ вы такъ же твердо памятовали правила вѣры и Евангелія, какъ твердо знаете и разумѣете правила своего военного искусства! Но, братіе-воины, если при всей опытности и успѣхахъ вашихъ въ дѣлѣ военномъ, не почитается однако же излишнимъ ежегодно упражнять снова неоднократнымъ упражненіемъ силы и способности ваши: то почтете ли необыкновеннымъ, если и мы являемся предъ васъ по временамъ, дабы воззывать васъ отъ воинствованія по плоти къ воинствованію по духу. Дѣло стоитъ того, чтобы вникать въ него, какъ можно чаще. Ибо, какъ ни важно званіе воина и какъ ни необходимы вооруженные защитники для отечества, но вы сами чувствуете, что это званіе, какъ и всѣ прочія земныя званія, лежитъ на каждомъ токмо на время и служитъ для одной земной жизни. Должно быть посему такое званіе, которое полезно навсегда, которое бы никогда не оставляло насъ и переходило съ нами въ самую вѣчность. Таково званіе христіанина! Посему, въ какомъ бы мы ни были состояніи, никогда не должно забывать его перваго и послѣдняго званія, и того, чего требуетъ оно отъ всѣхъ насъ.

Спросите: чего же требуетъ отъ насъ наше христіанство? Того, чтобы мы имѣли вѣру правую, которая намъ открыта въ словѣ Божіемъ и преданіяхъ св. Церкви, — того, чтобы мы жили по правиламъ сей святой вѣры, въ чистотѣ и цѣломудріи, въ трезвости и воздержаніи, въ правдѣ и истинѣ, были челоуѣколюбивы, кротки, смиренномудры и не мстительны, — того требуетъ званіе христіанина, чтобы мы сражались съ своею склонною ко грѣху природою, поспѣвали въ себѣ худыя мысли и пожеланія, искореняли въ своемъ сердцѣ злыя привычки, усовершенствовались и преспѣвали во всякой добродѣтели. —

Вотъ чего требуетъ христіанство отъ всѣхъ насъ, отъ духовнаго и мірянина, отъ воина и поселянина! Можно не выполнять сихъ требованій, можно думать, говорить и жить какъ хочешь, не по-христіански: Церковь не такъ какъ міръ, никого не принуждаетъ къ самой добродѣтели; развѣ токмо пастырь Церкви напомнить иногда о забытомъ нами долгѣ; развѣ только обличительный гласъ Евангелія или Апостола коснется иногда слуха и совѣсти нашей. Но, братіе мои, не мыслите, что такъ будетъ всегда: Царь небесный долготерпѣливъ потому, что Онъ вѣченъ и мы безсмертны. Но, съ нашею кончиною, прекращается это время долготерпѣнія Божія и уступаетъ мѣсто воздаянію.

Лежитъ человѣку улрети, говоритъ Апостоль, *потомъ же судъ* (Евр. 9, 27). Судъ же не такой, какъ судятъ люди, но какъ судитъ Богъ. Кромѣ сего частнаго, такъ сказать, осмотра жизни каждаго тотчасъ по его смерти, насъ всѣхъ, въ концѣ міра, ожидаетъ еще смотрѣ общій, или судъ всемірный. Благо тѣмъ, кои окажутся на семъ судѣ воинами благими и христолюбивыми, ибо ихъ ожидаетъ за сіе награда некончаемая, царствіе небесное! Но, горе тѣмъ, кои явятся вознерадѣвшими въ земной жизни своей о побѣдѣ надъ міромъ и плотію! Ибо таковыхъ ожидаетъ исключеніе навсегда изъ святаго воинства Царя небеснаго, всегдашнее удаленіе во тьму кромѣшную къ адскимъ почищамъ сатаны. Да сохранитъ васъ Господь отъ сего ужаснаго несчастія! Да даруетъ вамъ подвизаться подвигомъ добрымъ, и соблюдши вѣру и любовь, удостоиться вступить въ свѣтлые сонмы воевъ ангельскихъ! —

Се гласъ духовныхъ трубы нашей! Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПИСТВЫ *).

 алъ и низмень домъ сей, но онъ домъ Божій: а домъ Божій всегда важнѣе всѣхъ чертоговъ человѣческихъ. Ибо, что въ сихъ чертогахъ? То же, что и въ хижинахъ — грѣхъ и страсти, болѣзни и смерть, печаль и воздыханіе; а въ домѣ Божіемъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и темень, все противное тому: здѣсь грѣховъ отпущеніе, въ печалѣхъ утѣшеніе, болѣзней исцѣленіе, самой смерти поспраніе. Посему-то святой царь израилевъ говоритъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. 121, 1). Онъ жилъ въ пространныхъ чертогахъ кедровыхъ; а домъ Божій состоялъ изъ скиніи свидѣнія, которая была не больше сего храма: и однакоже при одномъ напоминаніи о томъ, что наступало время идти въ сей домъ на молитву, сердце Давида каждый разъ исполнялось такою радостію, что онъ готовъ былъ лучше лежать во прахѣ у вратъ дома Божія, нежели веселиться и прохлаждаться въ чертогахъ міролюбцевъ: *изволихъ приметатися въ долу Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 2).

Утѣшительно послѣ сего для насъ было замѣтить, и пріятно сказать теперь замѣченное, что и здѣсь есть люди, имѣющіе образъ мыслей не чадъ вѣка сего, а Давидовъ. Вселившись на семь, недавно еще совершенно пустынномъ, мѣстѣ, они тот-

*) Сказанное во временномъ молитвенномъ домѣ Купинскаго уѣзда въ селѣ Араповкѣ 27 августа 1844 года.

часть начали думать не о чертогахъ для себя, а о храмъ Богу живому. Зная, что при всемъ усердіи созданіе его неминуемо продлится не на одинъ годъ, они не могли перенести и сего недолгаго времени безъ мѣста общественнаго богослуженія, и потому воздвигли для сего сей временный домъ молитвы. О, если бы благой примѣръ сей, пришедши въ извѣстность, нашелъ себѣ подражателей по всей странѣ нашей! — Тогда не увидѣли бы мы, по нѣкоторымъ мѣстамъ, пространныхъ чертоговъ для помѣщенія гордости житейской и о страну ихъ — дома Божія, едва не приходящаго въ развалины!

Послѣ сего нѣтъ нужды возбуждать здѣсь въ комъ либо усердіе къ окончанію начатаго храма. И безъ сего не трудно быть увѣренными, что онъ получить не только окончаніе, но и все, подобающее ему, благолѣпіе скорѣе, нежели какъ можно было ожидать.

Но тотъ впалъ бы въ опасное заблужденіе, кто бы подумалъ, что для начатія дѣла своего спасенія нужно ожидать ему, пока совершится строеніе храма. Нѣтъ, великое дѣло сіе ни отъ чего на земли не зависитъ такъ, чтобы уже безъ того, не могло быть начато. Здѣсь же и теперь, очевидно, нѣтъ недостатка ни въ одномъ изъ средствъ къ нашему освященію; ибо еще повторимъ, и въ семъ домѣ молитвы, какъ онъ ни малъ, есть все, чѣмъ благодать Святаго Духа обykle дѣйствовать на насъ.

И пространныхъ ли жилищъ ищетъ для Себя, между нами, Господь и Спаситель нашъ? Его собственное, самое любезное для Него, жилище есть душа наша. *Сыне*, говоритъ Онъ, *даждь Ми сердце твое* (Прит.). Гдѣ обрѣтается сіе искомое Господомъ сердце, тамъ нѣтъ для Него тѣсноты, тамъ пространнѣе вся земля, пространнѣе самаго неба: ибо *небо и небеса небесъ* не довлѣютъ ко вмѣщенію одной славы Его, а чистое сердце вмѣщаетъ Его самого; и какъ вмѣщаетъ? со всею полнотою Божества: *любай Мя*, говоритъ Спаситель, *возлюбленъ будетъ Отецъ Мой, и къ нему приидеть и обитель у него сотворить* (Іоан. 14, 24).

И чтобы мы не подумали, что это благодатное вселеніе въ насъ Господа зависитъ отъ какихъ либо качествъ, кои не можетъ имѣть каждый, смотрите, что поставляется въ условіе къ тому! — Не мудрость какая-либо и познанія земныя, не важность званія и достоинства человѣческой, даже не добродѣтели какія-либо особенныя и подвиги необыкновенныя, а просто — любовь: *любай Мя*.

Кто же способенъ къ любви? И мудрый, и самый простой, и великій и малый, и первый изъ повелителей, и послѣдній изъ слугъ — всѣ и каждый. И кого легче и естественнѣе любить, какъ не Господа, Создателя и Исккупителя нашего? Того, кто Самъ возлюбилъ насъ, еще грѣшниковъ сущихъ, возлюбилъ до того, что умеръ за всѣхъ насъ на крестѣ?

Итакъ, будемъ любить Господа! любить не словомъ и языкомъ, а дѣломъ и истиною, то есть, исполняя все то, что Онъ повелѣваетъ, и уклоняясь всего, что Онъ воспрещаетъ. Такая дѣйствительная любовь замѣнить для Него въ насъ все, приблизить насъ къ Нему и Его къ намъ до того, что мы сами содѣлаемся живыми храмами Его, въ коихъ Онъ будетъ выну обитать своею благодатію. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБОЗРѢНІИ ВЛАРХІИ *).

бращали-и вы, православные воины, когда либо вниманіе на то названіе, которое постоянно даетъ вамъ святая Церковь въ молитвахъ своихъ о васъ ко Господу? — Она могла бы усвоить вамъ при семъ разныя наименованія; могла бы называть васъ воинствомъ вѣрнымъ, воинствомъ храбымъ, воинствомъ побѣдоноснымъ; но минуя всѣ сіи, заслуженныя вами названія, постоянно именуетъ васъ воинствомъ христіолюбивымъ. Не безъ причины избрано для васъ Церковію сіе, а не другое названіе; оно избрано потому, что въ немъ содержится и самая лучшая похвала, и самый назидательный урокъ, и самое сладкое ободреніе и воодушевленіе для воина.

Много можно сказать въ похвалу воинства російскаго, въ похвалу его подвиговъ и поведенія: но все, что можно сказать въ похвалу сію, заключается, какъ часть въ цѣломъ, въ одномъ наименованіи его воинствомъ христіолюбивымъ. Похвала воину, когда онъ вѣренъ своей клятвѣ, послушенъ своимъ вождямъ, далекъ и самой тѣни измѣны: но кто вѣренъ, послушенъ, неизмѣненъ воина христіолюбиваго? Честь воину, когда онъ неустрашимъ, мужественъ, презираетъ опасности и самую смерть: но у кого болѣе и мужества и самоотверженія, презрѣнія смерти и самыхъ мукъ, какъ не у воина христіолюбиваго? Слава воину,

*) Сказанное въ Украинскомъ военномъ поселеніи, въ слободѣ Ново-андреевкѣ, 12 мая 1845 года.

когда онъ среди побѣды великодушенъ, умѣетъ быть львомъ на полѣ брани, и агнцемъ подъ кровомъ бѣдной хижины земледѣльца, способенъ не поражать только врага надменнаго, а простереть руку состраданія ко врагу падшему: но въ комъ скорѣе можно обрѣсти всѣ сіи прекрасныя качества, какъ не въ душѣ воина христіюлюбиваго?

Такъ много выражаетъ одно названіе воина христіюлюбиваго! Это титу самое почтенное и вмѣстѣ самое поучительное! — Для обыкновеннаго воина довольно, если онъ какъ бы то ни было, хотя безъ любви, хотя съ ропотомъ, но исполняетъ то, чего требуетъ отъ него долгъ званія его: воинъ христіюлюбивый исполняетъ все это по совѣсти, отъ души, со всѣмъ усердіемъ и вѣрностію. Обыкновенный воинъ заслуживаетъ уже немалую похвалу, когда съ терпѣніемъ переноситъ разныя лишенія и недостатки, трудности и искушенія: воинъ христіюлюбивый не только поступаетъ такъ же, но и радуется въ самыхъ страданіяхъ, зная, что онъ ими уподобляется святымъ Божиимъ человѣкамъ и самому Спасителю своему. Обыкновенному воину простительно, если онъ силится восхитить награду у всѣхъ своимъ мужествомъ и несусыпностію; воину христіюлюбивому прилично быть первому въ трудахъ и послѣднимъ у награды, подвизаться гдѣ можно и за другихъ, но выставлять по окончаніи подвига не себя, а другихъ. И воинъ обыкновенный рѣшается на смерть, почитаетъ ее однако же зломъ, только неизбѣжнымъ: воинъ христіюлюбивый смерть за отечество и вѣру пріемлетъ какъ даръ Божій, ибо это дверь въ чертогъ Отца небеснаго.

Много, какъ видите сами, требуется отъ воина христіюлюбиваго; но не менѣе заключается для него и ободренія въ любви ко Христу. Не будемъ отнимать силы и у прочихъ побужденій и средствъ, коими вожди обыкли возбуждать мужество и духъ въ воинахъ, располагая ихъ къ чему либо, особенно трудному и опасному. Слава и честь отъ мужества и побѣды, равно какъ стыдъ отъ пораженія, необходимость оградить край родной отъ врага, невозможность отступить назадъ, не поразивъ его, и прочее, на что указываютъ въ такомъ случаѣ, не можетъ конечно не дѣйствовать на душу воина; но сколько случаевъ, гдѣ воинъ не видитъ для себя ни славы, ни почестей? сколько случаевъ, гдѣ нѣтъ повидимому опасности родной землѣ и крову, и гдѣ онъ однакоже видимо долженъ идти на смерть? — Кто вознаградитъ его вполне за потерю жизни, которая для человѣка драгоцѣннѣе всего, и съ коею онъ оставляетъ на землѣ все? Очевидно, уже

не отечество земное; это можетъ сдѣлать токмо Тотъ, въ де-
лицѣ коего не одна жизнь настоящая, а и будущая, — то есть
Спаситель нашъ и Господь. Съ симъ Вождемъ для воина нѣтъ
опасности, нѣтъ потери: награда вѣрна, вѣнецъ неотъемлемъ!
Посему воинъ христілюбивый есть воинъ самый мужественный
и неустрашимый, и св. Церковь, украшая васъ постоянно име-
немъ христілюбивыхъ, симъ самымъ указываетъ на источникъ,
изъ коего вамъ должно почерпать воодушевленіе во всѣхъ тру-
дахъ и опасностяхъ.

Но, братіе мои, чтобы имя Іисуса Христа было для васъ
истиннымъ воодушевленіемъ и утѣшеніемъ, для сего надобно,
чтобы вы принадлежали Ему не по одному имени, чтобы были
на самомъ дѣлѣ воинами христілюбивыми. Ибо сила не въ имени,
а въ вещи.

Итакъ, старайтесь быть на дѣлѣ такими, какъ постоянно
именуетъ васъ Церковь: любите Христа первѣе и паче всего,
любите не языкомъ и словомъ, а дѣломъ и истиною, то есть,
благоговѣя предъ крестомъ Его и Евангеліемъ, исполняя святыя
заповѣди Его, убѣгая невоздержанія, срамословія, лжи, буйства
и притѣсненія. Любите такимъ образомъ Христа; и Онъ возлю-
битъ васъ, и вы, не преставая быть воинствомъ царя земнаго,
содѣлаетесь вмѣстѣ съ тѣмъ воинами Царя небеснаго, станете
яко христіане превыше всѣхъ трудностей вашего званія, выпол-
ните самымъ лучшимъ образомъ все, чего требуетъ отъ васъ
долгъ званія вашего, и, окончивъ подвигъ на земли, примете вѣ-
нецъ славы на небеси. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБОЗРѢНІИ ПРАЗДНЬ *).

Видѣвъ же сотникъ, стояи прямо Ему яко тако возопивъ изаше, рече: воистину чело-вѣкъ сей Сынъ бѣ Божіи (Марк. 15, 39).

ного было людей на Голгоѣѣ; но не много такихъ у коихъ можно было бы научиться чему либо! Въ самомъ дѣлѣ, какой примѣръ найти въ первосвященникахъ іудейскихъ, кои не хотятъ войти въ преторъ Пилатовъ, да не осквернятся на праздникъ пасхи отъ жилища язычника, и въ тоже время влачатся весь день изъ одного судилища въ другое, прибѣгаютъ къ клеветамъ и даже возмущенію народному, только бы достигнуть осужденія на смерть Праведника?—Чему поучиться у римскаго областеправителя Іудеи, необрѣтающаго ни единыя вины, какъ самъ говоритъ, въ Іисусѣ, омывающаго въ знакъ невинности Его даже руки свои предъ народомъ, и въ тоже время предающаго Его на жестокое бичеваніе, а потомъ на смерть мучительную и поносную? Какъ жалки и ничтожны потомъ книжники и мудрецы іудейскіе, кои, почивая всю жизнь на законѣ, зная на-память писанія Моисея и пророковъ, непрестанно толкуя въ синагогахъ о пришествіи Мессіи, не могутъ узнать Его, когда Онъ съ божественнымъ ученіемъ и чудесами видимо стоитъ теперь передъ ними! —

Но, были и на Голгоѣѣ люди, достойные стоять у креста

*) Сказанное въ чугуевскомъ военномъ соборѣ, 1 августа 1845 года.

Спасителя міра. Это—Матерь Ісусова, примѣръ чистоты, смиренія, преданности въ волю Божію и терпѣнія. Это — возлюбленный ученикъ Ісусовъ Іоаннъ, небѣщавшійся, подобно Петру, умереть за Учителя, но дошедшій за нимъ до креста, когда всѣ прочіе оставили Его. Это—Іосифъ и Никодимъ, князья іудейскіе, изъ коихъ первый дерзнулъ потомъ даже внити къ Пилату и просить тѣлесе Ісусова для погребенія. Это — благоразумный разбойникъ, за свою вѣру и исповѣданіе со креста прешедшій въ рай. Это, наконецъ, мудрый сотникъ римскій, стоявшій на стражѣ у креста Ісусова и единъ изъ всѣхъ удостоившійся исповѣдать Его Сыномъ Божіимъ: *видѣвъ же сотникъ, стояи прямо Елу, яко тако возопивъ издше, рече: воистину человекъ сей Сынъ бѣ Божій!*

Предоставивъ прочія лица благочестивому вниманію cadaго, остановимся съ размышленіемъ, христолюбивые воины, на семь послѣднемъ лицѣ и поучимся изъ примѣра благочестиваго сотника, какъ можно и среди воинскаго званія сохранить невреденно страхъ Божій и вѣру въ сердцѣ и достигнуть спасенія вѣчнаго. —

Дѣйствіе, предстоявшее на Голгоѣ Корнилию (такъ назывался сотникъ), само по себѣ было такъ обыкновенно и такъ незначительно, что могло произойти безъ всякаго особеннаго впечатлѣнія на его душу. Ибо, что онъ долженъ былъ тамъ сдѣлать? Присмотрѣть за воинами, какъ они совершаютъ казнь распятія, потомъ присмотрѣть за ними же, какъ они будутъ стеречь распятыхъ на крестѣ до ихъ кончины, то есть, до вечера, даѣе котораго, по закону іудейскому, не позволялось оставлять въ живыхъ повѣшенныхъ на дровѣ. Что могло быть обыкновеннѣе подобныхъ дѣлъ для сотника римскаго? Судя по свойству порученія, оно могло быть даже весьма непріятнымъ для благороднаго римлянина, который любилъ встрѣчаться съ смертію на полѣ ратномъ, а не на лобномъ мѣстѣ. Самая невинность казнимыхъ крестомъ, какъ это было теперь съ Ісусомъ, въ незнакомомъ съ истинною вѣрою язычникѣ могла произвести впечатлѣніе самое мрачное, какъ подтвержденіе господствовавшей во многихъ тогдашнихъ умахъ мысли, что въ мірѣ все зависитъ отъ слѣпнаго случая, что праведникъ можетъ въ немъ погибнуть безвозвратно еще скорѣе грѣшника, и что потому нѣтъ особенной причины стоять крѣпко за правду, тѣмъ паче до смерти. —

Все это легко могло быть: между тѣмъ въ Корнилию произошло на Голгоѣ, какъ увидимъ, совершенно противное: изъ

воина онъ становится здѣсь евангелистомъ; у креста, на коемъ самъ Сынъ Божій доходитъ до послѣдней степени истощанія, Корнилій возвышается до исповѣданія верховнаго изъ Апостоловъ, и въ слухъ всѣхъ восклицаетъ: *воистину Божій Сынъ бѣ сей!*

Что возвело его на сію высоту богословія? Признаемъ съ благоговѣніемъ необыкновенность событій голгоѣскихъ и чудесныхъ знаменій, послѣдовавшихъ за распятіемъ: но сію событія и знаменія совершились предъ лицомъ цѣлаго народа іудейскаго; между тѣмъ одинъ сотникъ только римскій произнесъ это торжественное исповѣданіе Іисуса Сыномъ Божіимъ. Можно ли послѣ сего не спросить: почему благодать креста Христова отразилась въ немъ съ такою силою? Явно, что въ душѣ Корнилія было нѣчто особенное, почему онъ взиралъ на происходившее на Голгоѣ иначе, нежели другіе; потому и ощутилъ въ себѣ то, чего не ощутили другіе. — Что это такое? Неуклонное послѣдованіе своей совѣсти; благочестивое расположеніе мыслей и чувствъ, иначе страхъ Божій и вниманіе къ путямъ Промысла, соединенное съ желаніемъ видѣть во всемъ происходящемъ не случай слѣпой или произволъ человѣческой, а персть Божій. Не зная предшествующей жизни Корнилія, мы не можемъ сказать, какъ образовались въ его душѣ эти драгоцѣнныя качества; но что онѣ были въ ней, за сіе ручаются всѣ дѣйствія его на Голгоѣ и послѣ—до конца жизни. Ибо, посмотрите, какъ онъ поступаетъ на Голгоѣ!

Не безъ причины Евангелистъ Маркъ замѣчаетъ, что сотникъ, во время страданій Господа на крестѣ, стоялъ *прямо* (Марк. 15, 39) лицу Іисусову. Это было самое лучшее мѣсто для благоговѣйнаго созерцанія. И сотникъ предался ему всею силою души, расположенной къ наблюденію въ судьбѣхъ человѣческой путей Божіихъ. Не мало длилось это наблюденіе. — Воины, сошедшіе ризы съ Іисуса, вознесли Его и пригвоздили ко кресту; сотникъ стоялъ, видѣлъ и молчалъ. Одинъ изъ разбойниковъ хулилъ Іисуса, другою Его же молилъ о своемъ спасеніи: сотникъ стоялъ, слышалъ, и молчалъ. Іисусъ преподалъ со креста послѣднее прощальное завѣщаніе Матери и возлюбленному ученику: сотникъ, стоя прямо креста, не могъ не замѣтить сего и безмолвствовалъ. Священники и книжники шумными толпами проходили подъ крестомъ и богохульствовали; сотникъ не могъ не слышать хулы ихъ, и оставался безгласенъ. Даже когда солнце начало сокрывать свѣтъ свой, какъ бы не терпя бытъ свидѣтелемъ происходившаго на землѣ, сотникъ продолжалъ по прежнему стражу свою и не говорилъ ни слова. Но, когда распятый Богочеловѣкъ, вопреки обы-

чаю распятыхъ, возгласивъ гласомъ велимъ: *Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой!* тотчасъ потомъ *преклонь главу, предаде духъ*; то безмолвное созерцаніе сотника кончилось; сердце и уста разверзлись; и они, какъ бы подражая умершему, такъ же громко возгласили: *воистину человекъ сей Сынъ бѣ Божій* (Марк. 15, 39). Почему такъ? Потому что громкое восклицаніе со креста, казалось, обнаруживало еще присутствіе силъ тѣлесныхъ и близкое наступленіе смерти; между тѣмъ Распятый, не смотря на все сіе, какъ только изрекъ: *Отче, въ руки Твои предаю духъ*; то Отецъ небесный немедленно внялъ сей мольбѣ и принялъ духъ Его. Последнее обстоятельство сіе, въ цѣпи прочихъ событій, также неукрывшееся отъ благоговѣйнаго вниманія сотника, окончательно и совершенно убѣдило его въ томъ, что умершій предъ его глазами такою поносною смертію, есть не человекъ обыкновенный, тѣмъ менѣе преступникъ, но величайшій Праведникъ, и даже Сынъ Божій.

Не видите ли вы здѣсь души внимательной къ путямъ Божіимъ, привыкшей смотрѣть на все очами вѣры, не спѣшащей заключеніемъ о происходящемъ, но и не коснящей въ преступномъ невѣріи, не терпящей сокрывать, какъ дѣлали мудрецы Греціи и Рима, познанной истины въ неправдѣ общаго мнѣнія, а готовой возвѣстить ее на кровахъ и стогнахъ? Какъ прежде, не смотря на все дивное въ видѣнномъ, доколѣ не образовалось въ душѣ святой рѣшимости, сотникъ безмолвствовалъ: такъ теперь, освободившись отъ недоумѣній своихъ, онъ сознаетъ истину во всей силѣ и провозглашаетъ ее, не смотря ни на какую опасность отъ того для себя. Ибо сказать громко на Голгоѣ: *воистину Сынъ Божій бѣ сей*, значило сказать, что синедріонъ іудейскій умертвилъ своего Мессію, принесъ въ жертву своей личной ненависти къ Іисусу благо всего народа іудейскаго; сказать: *воистину Божій Сынъ бѣ сей* значило сказать, что начальникъ сотника Пилатъ поступилъ въ дѣлѣ Іисуса не какъ нелюбезный судія и защитникъ невинности, а какъ низкій человеконенавистникъ, ставящій свое благо выше всякой правды, что онъ омывалъ руки не въ водѣ, а въ крови праведника; сказать *воистину Божій Сынъ бѣ сей*, значило сказать, что я не хочу быть даже другомъ кесаря, коль скоро для сего нужно отказаться отъ совѣсти и правды. Сотникъ лучше насъ видѣлъ и зналъ все сіе, вполне понималъ, какая участь ожидаетъ того, кто дерзнулъ такимъ образомъ поставить себя противъ синедріона и римскаго прокуратора Іудеи; но уваженіе и страхъ человеческій, собствен-

ная выгода и опасность для него были ничто въ сравненіи съ познанныю истиною.

Не видите ли, паки спросимъ васъ, не видите ли во всемъ этомъ души мужественной, челоуѣка вѣрнаго своей совѣсти? Корнилій не былъ подобенъ тѣмъ поверхностно добрымъ и мнимо чувствительнымъ душамъ, кои, при извѣстныхъ случаяхъ, не знаютъ мѣры своимъ выраженіямъ удивленія или преданности, и не далѣе, какъ на другой день, забывъ, что говорено ими дѣйствуютъ вопреки прежняго убѣжденія. Нѣтъ, чувство, овладѣвшее имъ у креста Христова, обратилось въ господствующее правило всей его жизни. Не бывъ никогда въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ, онъ, подобно Апостоламъ Его, содѣлался съ сего времени провозвѣстникомъ Его имени и Божества, и подобно имъ же, обративъ на себя за сіе ненависть іудеевъ и Пилата, яко доблій воинъ Христовъ, удостоился пріять за исповѣданіе распятаго Іисуса вѣнецъ мученической, и предначать собою, подобно первомученику Стефану, ликъ страстотерпцевъ христіанскихъ.

Можно ли послѣ сего не признать, братіе мои, что лице сотника римскаго, стоявшаго на стражѣ у креста Христова, есть лице необыкновенное и достойное подражанія для всѣхъ, тѣмъ паче для васъ, кои, подобно ему, носите званіе воина? И этотъ сотникъ былъ язычникъ, невѣдущій истиннаго Бога, незнакомый, подобно намъ, съ упованіемъ жизни вѣчной!—Уѣмъ послѣ сего оправдять себя воинъ христіанскій, если не будетъ умѣть быть вѣрнымъ своей совѣсти и внимательнымъ къ путямъ Божиимъ; если забудеть страхъ Божій и потеряетъ вѣру въ крестъ Христовъ?

Не забывайте же, христолюбивые воины, поучительнаго примѣра Корниліева! Памятуйте, что изъ устъ воина впервые на землѣ распятый Спаситель нашъ исповѣданъ и провозглашенъ Сыномъ Божиимъ; памятуйте, что самая одежда Господа со креста досталась въ наслѣдіе не другому кому либо, а вамъ—воинамъ. Продолжайте, подобно Корнилію, стоять на стражѣ у креста Христова, который доселѣ *іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе*; храните драгоценную одежду Его и не позволяйте раздирать ее ни гордому невѣрію, ни мрачному суевѣрію. Старайтесь соответствовать тому священному названію, коимъ постоянно отличаетъ васъ св. Церковь, именуя воинами христолюбивыми; и воинствованіе ваше подъ знаменами царя земнаго послужить для васъ не препятствіемъ, а ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ ко вступленію нѣкогда въ побѣдоносные легіоны Царя небеснаго.—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПРЯХОЖ ПЕЩОЛИН ГОРОДА АВЕВДИНА *

Между толкимъ множествомъ слушателей, насъ теперь окружающихъ, безъ сомнѣнія, есть душа, и можетъ быть не одна, которая жаждетъ услышать отъ насъ теперь не краснаго слова въ услажденіе слуха и воображенія, а, якоже подобаетъ воистину, слова спасенія. Что и намъ желать возвѣщать съ сего мѣста, какъ не это слово спасенія? и кому, какъ не такому душамъ? Ибо, что намъ до тѣхъ слушателей, какъ бы они ни были мудры и славны о себѣ самихъ, кои слушаютъ проповѣдующихъ только изъ одного любопытства, для того, чтобы послѣ хвалить, или осуждать слышанное. Это—не наши слушатели, а мы—не ихъ проповѣдники! Намъ нужна не похвала, а спасеніе слушающихъ! Таковыхъ ищемъ мы для собесѣдованія, и хотя бы нашлась одна таковая душа, мы готовы раскрыть для ней всѣ сокровища евангельскихъ истинъ, всѣ источники утѣшенія духовнаго во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Что же однако возвѣстимъ мы тебѣ, душа, жаждущая своего спасенія? Чтобы преподать тебѣ теперь то, что именно требуется по твоимъ обстоятельствамъ, для сего надлежало бы знать ихъ намъ, и вѣдать, чего не достаетъ твоему уму, или твоему сердцу. Но мы не знаемъ сего: это довѣдомо единому, всеиспытующему Духу Божію. Къ Нему убо и обратимъ мы вниманіе твое. Ибо для чего Онъ сошелъ нѣкогда съ неба въ видѣ огненныхъ языкъ?

*) Сказанное въ городскомъ успенскомъ соборѣ, 10 августа 1845 года.

Для того, чтобы, занявъ мѣсто возшедшаго на небеса Спасителя нашего, быть для всѣхъ насъ наставникомъ и утѣшителемъ, вразумлять и руководить насъ во всемъ, что необходимо для нашего спасенія.—Для чего и мы всѣ знаменуемся печатію сего Духа при крещеніи и въ таинствѣ муропомазанія, какъ не для того, чтобы имѣть право обращаться къ Нему во всѣхъ нашихъ недоумѣніяхъ, нуждахъ и скорбяхъ?—Итакъ, къ сему всевъдущему Наставнику, къ сему всемогущему Утѣшителю обращайся, возлюбленная душа, и за наставленіемъ во время тьмы и мрака, и за утѣшеніемъ въ часъ скорби: Онъ научитъ всему, утѣшитъ во всемъ, скажетъ и возвѣститъ то, чего нельзя услышать ни отъ кого на землѣ.

А между тѣмъ и мы, по должности служителей слова и таинствъ, дерзнемъ о Его же пресвятомъ имени сказать тебѣ нѣчто.

Если ты, душа, воистину жаждущая спасенія, то ты должна помнить, что мы здѣсь *ходили вѣрою, а не видѣніемъ*; и потому должна стяжевать и хранить вѣру правую, какъ первое и главное сокровище въ жизни. Разумъ для тебя долженъ быть уже вторымъ руководствомъ, а первымъ и главнымъ—Евангеліе. Церковь должна быть для тебя такою матерью, которая выше и почтеннѣ всякаго родства на землѣ.

Если ты воистину душа вѣрующая, то крестъ Христовъ долженъ быть для тебя драгоцѣннѣ всего: ибо въ немъ наше оправданіе и спасеніе. Безъ него мы грѣшники, а для грѣшниковъ Богъ неприступенъ. Посему, чѣмъ бы чада вѣка ни хвалились, и въ чемъ бы ни полагали своего упованія, наша съ тобою похвала—крестъ, наше упованіе—Распятый на немъ!

Если ты воистину душа вѣрующая, то должна твердо знать, что христіанство *не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20), что истина во Христѣ состоитъ въ томъ, чтобы совлечься ветхаго человѣка со всѣми страстями и похотями его, и облечься въ человѣка новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ, преподобіи и истинѣ; что Христосъ Спаситель нашъ долженъ быть въ насъ и мы въ Немъ, что въ Немъ токмо можемъ мы приносить плодъ правды и всякихъ добродѣтелей, а безъ Него—съ одними своими силами, какъ бы онѣ велики ни казались намъ и другимъ, мы—какъ вѣтвь безъ корня и влаги.

Если ты воистину душа вѣрующая, то ты душа, проникнутая любовію ко всѣмъ *братіямъ* твоимъ по плоти, тою любовію, коея правила и образцы берутся не изъ обычаевъ міра, а изъ Еван-

геіія, которая, по свидѣтельству апостола Павла, никому не завидитъ, ни надъ кѣмъ не превозносится, нигдѣ не ищетъ своихъ си, никогда не радуется о неправдѣ, радуется же о единой истинѣ, которая не раздражается, не безчинствуетъ, вся терпитъ, вся уповаетъ, вся покрываетъ, николиже отпадаетъ, и готова положить за спасеніе ближняго самый животь свой.

Если ты воистину душа вѣрующая, то ты вмѣстѣ съ симъ душа уповающая. Ты постоянно ожидаешь вѣка грядущаго и пришествія Господа своего. Знаешь, что Онъ придетъ въ *полунощи*, то есть, въ часъ, о коемъ никто не зналъ и въ который никто Его не ожидалъ, кромѣ рабовъ бдящихъ на своей стражѣ выну, — и потому всегда готовишь себя къ срѣтенію Его, то есть, держишь въ запасѣ не одни праздные свѣтильники, но и елей благихъ дѣлъ, особенно смиренія и милосердія къ бѣднымъ.

Если ты воистину душа вѣрующая, то быть не можетъ, чтобы ты не терпѣла отъ міра и его поклонниковъ, — чтобы правила твои не казались странными, чтобы тебя не сопровождали иногда пересудами, насмѣшками, а можетъ быть и гоненіемъ. Не дивись сему; удивительнѣе было бы противное, то есть, если бы міръ возлюбилъ тебя и твои правила: ибо онъ поступилъ бы въ такомъ случаѣ противъ своей природы и своихъ выгодъ, даже поступилъ бы противъ твоихъ истинныхъ выгодъ: ибо для тебя гораздо полезнѣе ненависть міра, нежели любовь его. Первая, волею или неволею, удаляетъ тебя отъ его соблазновъ; а послѣдняя могла бы усыпить и ослѣпить твой духъ.

Если ты душа воистину вѣрующая, то ты душа смиренная и выну кающаяся. Сколько бы мы ни старались, по примѣру св. Давида, ненавидѣть *всякъ путь неправды* (Псал. 118, 128) и устремляться къ исполненію всякой заповѣди; сколько бы, при помощи благодати Божіей, дѣйствительно ни успѣвали въ томъ и другомъ, все остается въ насъ еще много отъ ветхаго Адама, много, если не дѣлъ прямо худыхъ и богопротивныхъ, то мыслей нечистыхъ, желаній порочныхъ, движеній сердца плотскихъ, много невѣрностей благодати Божіей, хладностей преступныхъ, нерѣшительности нехристіанской, недоумѣній языческихъ. Посему доколѣ живемъ и дѣйствуемъ, дотолѣ должны ежечасно повторять молитву мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* и прибѣгать къ банѣ пакибытія, то есть, слезамъ покаянія.

Если ты душа воистину вѣрующая, то ты душа всегда самоумирающая. Задачею твоей жизни, цѣлію твоихъ трудовъ на земли должно быть не то, что у міролюбцевъ — не достиженіе

славы мірской, почестей земныхъ, богатствъ тлѣнныхъ: нѣтъ, ты должна достигать другаго, высшаго, лучшаго, нетлѣннаго, того, чтобы умереть духомъ и сердцемъ для всего на землѣ, для стяжаній, для почестей, для самой дружбы, для самаго родства, чтобы всецѣло принадлежать Господу, чтобы подобно птицѣ быть свободной отъ всѣхъ узъ и тенетъ и готовой въ каждый часъ воспарить туда, гдѣ Господь Спаситель твой, не озираясь вспять, не неся съ собою сожалѣнія ни о чемъ земномъ.

Если ты душа воистину вѣрующая, то ты пребываешь подѣ особымъ промысломъ Божиимъ. Можетъ быть, Онъ находитъ нужнымъ не являть тебѣ своихъ дѣйствій видимо и ошутительно, да не превозносишься, но тѣмъ не менѣе Онъ хранитъ и будетъ блюсти тебя, яко зѣницу ока, доколѣ ты пребудешь вѣрною Его тайнымъ мановеніямъ. Посему, если бы тебѣ, по Его же премудрому попущенію, досталось идти и посреди сѣни смертныхъ, не убойся зла, памятуя, что Онъ всемогущій всегда съ тобою, хотя бы тебѣ и казалось, что ты оставлена всѣми. Съ другой стороны, можетъ быть, ты изъ числа тѣхъ, отъ коихъ, яко друзей и присныхъ, нѣтъ ничего закрытаго, кои удостоены близости и ущедрены явными дарами благодати: въ такомъ случаѣ *блуди, еже илаши*, за десятью замками: ибо враговъ и татей много, а сосудъ нашъ скудемень, внутренняя клятва наша не крѣпка и не безопасна.

Что еще сказать тебѣ, возлюбленная душа?—Благовари Господа, изведшаго тебя изъ области тьмы, въ коей доселѣ остаются столь многіе,—озарившаго тебя чуднымъ свѣтомъ своимъ, который безплодно свѣтитъ для всѣхъ прочихъ, и удостоившаго тебя даромъ благодати своей, безъ коихъ ты, и поставленная на путь жизни, не могла бы сдѣлать ни одного шага, — благовари и неослабно тецы, дондеже достигнешь, забывая задняя и выну простираясь въ предняя. Трудись и молись; молись и уповай; уповай и терпи; терпи и радуйся. *Еще мало, и Грядый придетъ и не закоснитъ* (Евр. 10, 37). Придетъ и мзда Его съ нимъ. Тогда (не прежде) почіемъ отъ трудовъ, примемъ за все сторицею, узримъ якоже есть; все постигнемъ и за вся возблагодаримъ. Тогда вспомнимъ, можетъ быть, и сію краткую бесѣду нашу и познаемъ другъ друга лицомъ къ лицу, а не въ гаданіи токмо, какъ теперъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПЯСТРЫ *)

Изъ всѣхъ градовъ нашихъ позднѣе всѣхъ увидѣлъ я вашъ градъ, возлюбленная братія. Увидѣлъ позднѣе, но тѣмъ болѣе радуюсь духомъ, находя у васъ въ такой степени усердіе къ вѣрѣ и храмамъ Божиимъ, какъ свидѣтельствуешь о томъ и число ихъ и видъ—внутренній и внѣшній. Такъ и должно быть!—Окрестности ваши славятся обиліемъ хлѣба; худо, если бы для тѣла было у васъ много брашна, а для души мало: ибо душа наша стократъ важнѣе тѣла. А что можетъ напитать ее, кромѣ слова Божія? И гдѣ услышать это слово, какъ не въ храмѣ? Тутъ пріемлетъ пищу всякій: и богатый и бѣдный, и ученый и невѣжда, и старецъ и отроча. Посему горе тѣмъ градамъ, кои процвѣтають торговлею и промыслами, и увядаютъ благочестіемъ! Горе тѣмъ домамъ, кои возвышаются каменіемъ и желѣзомъ, и упадаютъ благими нравами отъ роскоши и нечестія.

Блюдитесь, братіе мои, сего духа сластолюбія и гордости житейской. Тѣмъ паче блюдитесь основывать благосостояніе свое на лжи и обманѣ, на притѣсненіи ближнихъ и слезахъ наемничихъ. По грѣхамъ нашимъ нынѣ многіе увлекаются тлетворнымъ духомъ міра, предаются невоздержанію и сладострастію, доходятъ даже до нарушенія всѣхъ законовъ совѣсти и правды. Какъ бы таковыя ни выселись и ни процвѣтали, по наружности, не соблазняйтесь ихъ примѣромъ! Долго ли на землѣ можетъ благоденствовать грѣшникъ? Придетъ смерть и развѣтъ,

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ, 18 августа 1845 года.

какъ прахъ, все неправедно стяжанное, а бѣдная душа за малое время суетныхъ удовольствій пойдетъ на мученія вѣчныя. Лучше всю жизнь, если Господь такъ дастъ, провести въ нищетѣ и лишеніяхъ, нежели, поправъ совѣсть и страхъ Божій, обогатиться неправдою. Лучше весь вѣкъ страдать отъ гоненій и клеветы, нежели лишиться благодати Божіей. Лучше на одрѣ болѣзни лежать, или въ темницѣ сидѣть, нежели убить грѣхомъ душу.

Не дивитесь, если вы, и поступая во всемъ честно, не будете иногда счастливы въ этомъ мірѣ. Міръ сей, послѣ паденія нашего въ раю, существуетъ уже не для счастья нашего на землѣ, а для приготовленія насъ къ блаженству вѣчному на небѣ. Посему-то въ этой жизни нерѣдко страдали люди самые святые. Даже добрымъ людямъ свойственнѣе иногда лишаться, нежели блаженствовать: ибо радости земныя рѣдко не портятъ человѣка, приводя у него въ забвеніе небо и вѣчность, а скорби напротивъ и скудость служатъ ему во спасеніе, невольно заставляя его помышлять о смерти и ожидать жизни будущей.

Впрочемъ, честность и здѣсь нерѣдко бываетъ награждаема отъ людей и отъ Господа. Есть даже неотъемлемая у вѣры и добродѣтели блага, какъ лучи у солнца. Добродѣтельный во-первыхъ, спокоенъ внутри, въ совѣсти, тогда какъ человѣкъ злоторный, какъ бы ни казался по наружности доволенъ и веселъ, всегда внутри смущенъ и боязливъ. Во-вторыхъ, люди, какъ ни злы, но всегда любятъ больше смиреннаго, нежели гордаго, добротливаго, нежели упрямаго и неуслужливаго, кроткаго, нежели гнѣвливаго, умѣреннаго и воздержнаго, нежели мота и пияницу. Въ третьихъ, добродѣтель ведетъ за собою здравіе и долготѣіе; а порокъ умаляетъ здравіе, раждаетъ болѣзни и ускоряетъ смерть. По этому уже самому лучше быть добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ.

Но еще скажемъ, если бы и довелось ради правды и истины претерпѣть что-либо хотя бы тяжкое; то лучше, призвавъ на помощь Бога, потерпѣть и пострадать, нежели перейти на сторону лжи и неправды. Ибо, за малое терпѣніе здѣсь слѣдуетъ вѣчная награда тамъ; какъ, напротивъ, за временную сладость грѣха угрожаетъ наказаніе вѣчное.

Подобными мыслями ободрите себя, возлюбленные, на пути земной жизни. Взирайте чаще въ будущее, помышляйте о смерти, о вѣчности и судѣ страшномъ; и все земное не будетъ такъ обольщать васъ, вы слѣдуетесь благодушнѣе среди скорбей и лишеній, а въ счастья будете умѣреннѣе и смиренномудрѣе. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПЛАТВЫ *).

Миръ вамъ (Лук. 24, 36)!

ими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ своихъ, когда, явясь имъ по воскресеніи своемъ, нашелъ ихъ въ страхѣ и смущеніи отъ ужасныхъ событій голгоѣскихъ. Сіи же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратитъ нынѣ къ вамъ, жители богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну нашу иноплеменниковъ: *миръ вамъ!* Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога Отца — всемогущаго! отъ Бога Сына — вседержавшаго! отъ Бога Духа Святаго — всеживотворящаго!

И *почто*, скажемъ словами же Спасителя нашего, *почто* такъ *смущени есте*, и столько боязливыхъ *помышленій входитъ въ сердца ваши* (Лук. 24, 37), что многіе изъ васъ готовы, оставить все, искать спасенія внѣ града и страны злѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторгся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ — имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые ли, во время брани, вторгаться врагамъ въ землю Русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣримому пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйти

*) Произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 14 сентября 1854 года, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскіи иноплеменниковъ.

изъ нея, не доставшись въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ... — Не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ за-морья?—Не такіе успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они? совершеннымъ пораженіемъ враговъ и посрамленіемъ ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.— Кто помнитъ 1812 годъ? Тогда колебался не одинъ какой либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія; самое сердце ея — Москва, была въ рукахъ врага; многимъ казалось потому, что уже все потеряно: а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава Русская цѣла и несокрушима;—сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, полчища враговъ, и исчезли какъ призракъ. Подобное тому, дастъ Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили-ль вы, въ какой день враги появились на землѣ вашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ таже горькая участь, коей подверглись они, по занятіи первопрестольной столицы нашей.

Не чаявъ уже почти въ это время врага, мы подобно двамъ въ притчѣ евангельской, невольно предались—было нѣкоему дреманію;—и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно берега наши и стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь. Но, если это вторженіе причинило бозпокойство и смущеніе намъ; то — будьте увѣрены — оно послужитъ не на радость и врагу нашему: отраженный отъ береговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалится бы еще съ великими силами, и потому долго бы могъ изливать ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ изъ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ; и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлялъ насъ своимъ многолюдствомъ; — и у Россіи ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые воины наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, подобно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головою врага. Пройдетъ нѣсколько времени—и весь свѣтъ

увидить, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлился проникнуть нагло внутрь Россіи...

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сообитателей вашихъ въ сей странѣ (вы знаете, кого разумѣю я), имѣли несчастье увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ: но, во-первыхъ, этого нельзя было не ожидать, при ихъ давно извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ оболъщеніяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ,—что въ этомъ такъ важно и страшнаго, чтобы искать уже безопасности себѣ не въ другомъ чемъ, а въ бѣгствѣ? Это—возстаніе злонравныхъ, конечно, и невѣрныхъ отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неуксусныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна самая отеческая опека надъ ними, но кои, при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на главу, тотчасъ готовы пасть на колѣни и просить милости. Съ этими такъ называемыми туземцами, а въ самомъ дѣлѣ жалкими пришлецами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло тоже самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревѣ, кои отстаютъ тогда отъ стебля и падаютъ на землю; тоже произошло, что бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летитъ вверхъ и помрачаетъ собою — на нѣсколько минутъ! — воздухъ. И это ли можетъ отнимать присутствіе духа у истинныхъ сыновъ отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ, и дерево, — безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей, — будетъ свѣжѣе и крѣпче; — и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно — предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если бы, устремившись къ вамъ, я хотя въ половину приложилъ вѣру тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные, и не легковѣрные люди говорили мнѣ объ ожидающихъ меня на пути опасностяхъ; то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться, и отказаться отъ намѣренія посѣтить и утѣшить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь — спытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны нашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая либо опасность, то она со дня на день уменьшается и скоро должна пройти совершенно.

Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель, — искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства

ваши глазомъ обыкновеннымъ: время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего христіанства? — Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю Русскую? — Не за сію ли страну положили душу свою наши приснопоминаемые свящennomученики херсонскіе? И вы попустили себѣ, возлюбленные, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остаться втуне, и крестъ Христовъ уступить здѣсь мѣсто лунѣ Магометовой?!.. Такъ ли, — простите моему дерзновенію и любви къ вамъ, — такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ Церкви православной? — Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣнахъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами? — Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ недостойны того, чтобы Господь слышалъ молитву нашу; то на неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за отечество сильна предъ Господомъ, и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и ночь за Церковь православную, за Царя благочестивѣйшаго, и за его христіолюбивое воинство. А ваши свящennomученики, положившіе души свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоятъ теперь предъ престоломъ Божиимъ, и не повергають себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній? — А великій князь Владиміръ, пріявшій здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, коею нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшитъ ей на помощь противу обьюродѣвшихъ безвѣріемъ пришельцевъ запада? Нѣтъ, если мы любимъ искренно свое отечество, то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не представлять за него у Господа.

А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, низпровергли алтари и престолы, поклонялись богинямъ разума и проповѣдая всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ ближнихъ и знаемыхъ? Не ханы ли крымскіе, кои, завладѣвъ сею странюю, нѣкогда цвѣтущую, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодіи, питааясь и питая полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской,

кои, послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую? Видите, что я хотя и по любви къ вамъ, но ожесточаю слово!.. Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ Церкви православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли Русской.

Вмѣсто безотраднaго и бесплоднаго смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ вамъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, не возможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питье. У васъ будутъ уязвленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалѣйте ничего: ибо стыдъ и горе намъ, если пролившій за насъ кровь свою, принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно, — *своими!*.. А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію: ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій. Коль скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примиримся съ совѣстію своею и Богомъ; то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословить скорѣе Господь всѣхъ насъ! — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ЦАСТВЫ *).

Миръ вамъ (Іоан. 20, 19)!

Не опечалилъ ли я васъ вчера чѣмъ либо, возлюбленные?— По той же любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово св. писанія, что *доставриѣ язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага* (Прит. Сол. 27, б).

Въ самомъ дѣлѣ, лучше ли для васъ, если по разнымъ мѣстамъ отечества будутъ говорить, что вы, сверхъ ожиданія, оказались ниже вашихъ обстоятельствъ, что въ васъ не обнаружилось того великаго духа, той твердости и мужества, коими воодушевлена теперь вся Россія? Ибо не надобно забывать, что на васъ смотрятъ отсюда, о васъ говорятъ, — и долго еще будутъ говорить — вездѣ, что всѣ истинные сыны отечества, самъ благочестивѣйшій Монархъ нашъ, ожидаютъ теперь отъ васъ — не малодушія, даже не одного обыкновеннаго мужества и присутствія духа, а какого либо особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія, сообразно чрезвычайности вашихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ, потому, поступите вы въ это

*) Произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 15 сентября 1854 года, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплемениковъ.

время великаго испытанія, какъ подадите примѣръ: такая вамъ воздана будетъ отъ всѣхъ и честь! Чѣмъ болѣе и чѣмъ чище принесено будетъ на алтарь отечества жертва, тѣмъ вы станете выше въ глазахъ всѣхъ: а если — что да отвратитъ Господь! — вы окажетесь такъ малодушны и недалководны, что предпочтете свои частныя выгоды пользамъ общимъ; то неминуемо подвергнетесь за то всемірному нареканію, и позоръ вашъ — будьте увѣрены въ томъ! — ляжетъ всею тяжестью своею не только на васъ, но и на отдаленныхъ потомкахъ вашихъ...

Посему-то я и говорю съ вами такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ; для сего-то самаго я и прибылъ къ вамъ, не смотря на всѣ трудности пути: мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе... Будьте же, говорю, внимательны, возлюбленные, и взирайте не на одинъ городъ и полуостровъ вашъ, а на всю Россію, которая теперь не сводитъ съ васъ глазъ, мыслить, разсуждаетъ, и молится о васъ, и, безъ сомнѣнія, готова, если бы возможно, летѣть къ вамъ на крылахъ, чтобы раздѣлить съ вами всѣ труды и опасности.

Кратко: предъ вами теперь слава, или стыдъ вѣчный, — благословеніе или укоризна неизгладимая!

Поспѣшите же, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, показавъ, что вы не напрасно живете у самой колыбели нашего христіанства, не бесплодно обитаете на землѣ мучениковъ и святыхъ, что васъ всѣхъ движетъ и одушевляетъ тотъ же самый духъ вѣры и упованія на Бога, который провель безбѣдно отечество наше среди всѣхъ, самыхъ великихъ и вѣковыхъ бѣдъ и искушеній, возвелъ его на крайнюю высоту всемірнаго могущества и славы, и содѣлалъ новымъ, недостижимымъ никакимъ врагамъ, Араратомъ для ковчега православія.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, явивъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ своихъ любовь къ отечеству такимъ образомъ и съ тою силою, какъ любили являть ее въ подобныхъ случаяхъ древніе сыны его, блаженные предки наши, кои не думали спасать себя, когда отечество находилось въ опасности, а забывая всѣ собственныя выгоды, готовы были принести въ жертву для него не только все достояніе, но и самую жизнь свою.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, употребивъ всѣ силы и средства, все искусство и умѣніе ваше на содѣйствіе и помощь христіолюбивому воинству на-

шему, которое, стекшись сюда со всѣхъ концевъ Россіи на защиту страны вашей, въ порывѣ святой ревности, ожидаетъ, какъ праздника, того дня и часа, когда можно будетъ, не щадя своей крови и живота, — за царя и отечество, ринуться побѣдоносно на толпы богопротивныхъ иноплеменниковъ.

Кто можетъ отрицать лютость настоящей войны, тяжесть нынѣшняго вашего положенія? Всѣ видятъ и цѣнятъ это; каждый знаетъ, что намъ должно стоять здѣсь не противъ однихъ изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, а едва не противъ всего лже-христіанскаго запада; каждый увѣренъ и ожидаетъ, что во вредъ намъ будутъ употреблены съ ихъ стороны всѣ средства разрушенія, избобрѣніемъ коихъ такъ жалко прославилъ себя этотъ-же несчастный западъ; — что доколѣ правое дѣло наше, при помощи Божіей, не восторжествуетъ, отъ насъ потребуется еще не мало великихъ и тяжкихъ жертвъ: но въ то же время, сколько имѣемъ мы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе себя, побужденій самыхъ сильныхъ, надеждъ самыхъ чистыхъ и христіанскихъ! вспомните, почему и для чего рѣшились мы на брань настоящую! По самолюбію ли и гордости, ради земныхъ ли какухъ видовъ и приобрѣтеній, какъ это со всею вѣрностію можно сказать о врагахъ нашихъ? Нѣтъ, мы стали за цѣлость вѣры православной и святыи креста Христова, за освобожденіе отъ невыносимаго ига мусульманскаго единовѣрныхъ и единоплеменныхъ собратій нашихъ, за достоинство и величіе Россіи, за собственное, можно сказать, духовное бытіе наше. Что же, скажите, было иначе дѣлать намъ? Развѣ, въ угодность темнаго запада, отказаться отъ свѣтоноснаго востока? Развѣ преклонить вѣнчанную крестомъ главу подъ кровавый серпъ луны Магометовой, исчезающей по закону самой природы?—Вообразите, что это великое дѣло отдано было въ собственныя наши руки: ужели бы нашелся хотя одинъ изъ насъ, кто бы, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, въ какихъ находились мы предъ настоящею бранію, не сказалъ отъ всей души: нѣтъ, Россія, по великодушію, можетъ перенести многое и давно переносить, но она никогда не откажется отъ великаго и святаго призванія своего — быть защитницею вѣры православной; никогда не предастъ ковчега завѣта, ей свыше ввѣреннаго, въ нечистыя руки филистимлянъ!..

Тяжко и трудно положеніе наше, но необходимо и неизбежно; ибо уклоняясь отъ него, мы измѣнили бы не челоуѣкамъ, а самому Богу! — Скорбны, до времени, и горьки обстоятельства наши, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественны и душеотрадны; ибо

дѣлю наше есть не столько дѣло наше, сколько дѣлю Божіе, защищая которое, мы небоязненно можемъ предстать на судъ всему потомству, на судъ самыхъ Ангеловъ небесныхъ. Не мало еще жертвъ потребуется отъ насъ, много еще прольется слезъ и крови; но плоды сего слезнаго и кроваваго сѣянія будутъ неисчислимы — не только для всего православнаго христіанства, не только для величія и могущества Россіи, но и для вашего собственнаго благоденствія!...

Спросите, что же можетъ выйти благотворнаго изъ сей лютой брани? — Это, во всей полнотѣ, довѣдомо теперь единому Богу, но и мы, съ упованіемъ на тогоже Господа, можемъ указать вамъ — на немалое.

Конецъ брани сей долженъ показать, что православная Церковь вселенская основана и стоитъ не на зыблющихся и премѣняющихся подпорахъ человѣческихъ, а на единомъ, несокрушимомъ краеугольномъ камени, иже есть Христось Господь; и врата адовы не одолѣютъ ей; и искренно послѣдующіе матернему водительству ея, не постыдятся во вѣки, не токмо на небѣ, но и на землѣ.

Конецъ брани настоящей долженъ показать, что возлюбленное отечество наше не напрасно, презирая всѣ усѣянныя цвѣтами распутія мірской мудрости, слѣдуетъ неуклонно по пути Божію, какимъ бы онъ ни былъ иногда покрытъ терніемъ: ибо за сіе именно предустановлено свыше, чтобы скипетръ всемірнаго могущества и вліянія оставался не въ другихъ какихъ либо рукахъ, а въ десницѣ Богомъ вѣнчаннаго Самодержца всероссійскаго.

Съ концемъ брани настоящей для самаго полуострова вашего долженъ наступить новый образъ бытія, лучшаго и совершеннѣйшаго. Къ вамъ особенно обратятся взоры и сердце Монарха; за вами послѣдуетъ искренное уваженіе всей Россіи; на васъ проліются новыя благословія отъ самаго Царя и Владыки небеснаго, который не можетъ забыть *труда любви*, подъятаго вами во имя Его, и воздастъ вамъ за него сторицею. Можетъ быть, я предаюсь слишкомъ надеждѣ: но мнѣ кажется, что я какъ бы вижу уже, какъ Таврида сотрясаетъ наконецъ съ себя вретуше и прахъ жалкаго полубытія общественнаго, — несчастный остатокъ прежняго дикаго владычества хановъ татарскихъ, — какъ всѣ части здѣшняго полуострова тѣснѣе и приискреннѣе входятъ въ живой и мощный составъ Россіи, заема отъ него новую жизнь и крѣпость; какъ Херсонесу Таврическому возвращается

вполнѣ его древній характеръ христіанскій, и вѣковыя святыни его подъяются изъ развалинъ;—какъ сама природа здѣшняя, нашедъ наконецъ кому открыть, разкрываетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка.... Тогда мы сами, кои теперь такъ сѣтуемъ и смущаемся, мы сами, возсѣдая въ мирѣ кійждо подъ смоковницею своею, съ радостію и веселіемъ будемъ повторять и прилагать къ себѣ слова св. Давида: *сѣюще слезами, радостію пожнутъ; ходящии хождаху и плакахуся, метяюще сѣмена свои, грядущіе же приидутъ съ радостію, возьмюще рукояти своя* (Псал. 125, 5. 6)....

Отъ слова и бесѣды обратимся всѣ паки къ молитвѣ: ибо хорошо и полезно, въ духѣ вѣры и любви, бесѣдовать человѣку съ человѣкомъ, но еще лучше бесѣдовать каждому — въ сердечной молитвѣ — съ Богомъ; потому что никакое слово и никакая бесѣда не могутъ замѣнить единого глубокаго молитвеннаго воздыханія къ Господу — души чистой или истинно кающейся. — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПЛСТВЫ *).

ри всемъ желаніи моемъ продолжить мое пребываніе у васъ и раздѣлить съ вами до конца чашу постигшаго васъ искушенія, я долженъ разстаться съ вами, дабы посѣтить и другіе грады и мѣста вашего полуострова, кои не менѣе васъ смущены теперъ отъ нашествія иноплеменниковъ. Благодареніе Богу, что я могу оставить васъ съ доброю надеждою на будущее; ибо вчера, собственными очами и въ недалекомъ разстояніи, видѣлъ я и станъ воинства нашего, и мѣсто, занятое врагами. Все показываетъ, что крайняя черта бывшей опасности для насъ уже пройдена; и, благодаря искусству опытнаго военачальника вашего, какъ бы особенно на сей разъ вдохновеннаго свыше, — мы стали теперъ въ такое положеніе, что храбрыя войска наши, угрожая непрестанно врагу, въ то же время непроходимую стѣною заслоняютъ отъ его нападений весь вашъ полуостровъ. Ярость и силы враговъ посему должны истощиться теперъ именно тамъ, гдѣ все уготовано для ихъ отраженія. Еще нѣсколько недѣль, а можетъ быть, и дней терпѣнія, — и кичливый врагъ начнетъ преклонять главу и озираться вспять, залогомъ чего служить уже его нерѣшительность и медленность въ нападеніи на насъ; — кипѣвшая вокругъ васъ внутренняя кра-

*) Произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 16 сентября 1854 года, при отбытіи изъ сего города и оставленіи ему и всему Крыму, на благословеніе, изображенія чудотворнаго образа Богоматери Касперовской.

мола потерять всю надежду и силу; а храброе воинство наше получить возможность обнаружить во всемъ блескъ свое мужество и доблесть. Возблагодаримъ же Бога, возлюбленные, и будемъ тверды и благодушны! явимъ себя достойными сынами отечества и Церкви православной! Да не посмѣетъ сказать врагъ нашъ, что онъ срътилъ въ насъ не прежнихъ россиянь, что мы переродились!—Нѣтъ, все за вѣру, все для отечества! Лишимся всего, но не дадимъ возрадоваться о насъ наглымъ иноплеменникамъ!

Не мыслите, возлюбленные, что вы, какъ мирные жители, не можете сдѣлать ничего для успѣха оружія нашего: нѣтъ; вы можете сдѣлать многое, и въ вещественномъ и въ невещественномъ отношеніи.... Можете сдѣлать многое и важное, вспоминая отъ всей души нашему воинству въ его вещественныхъ нуждахъ; ибо, по самой близости вашей къ мѣсту брани, вы составляете для него ближайшую домашнюю опору и пріютъ. Кто ближе васъ можетъ, въ случаѣ нужды, доставить необходимое продовольствіе? Кто скорѣе васъ успокоитъ и призритъ уязвленныхъ на брани собратіи нашихъ? Уготовьтесь же, немедля нимало, къ симъ подвигамъ любви: ибо время не терпитъ!—Сколько градовъ великой Россіи желали бы теперь быть на мѣстѣ вашемъ! Покажите же, что и вы были на *своемъ мѣстѣ*, и что Россія не будетъ имѣть причины стыдиться за васъ и сожалѣть о томъ, что ея—на это время здѣсь не было!...

А вмѣстѣ съ симъ, какъ я прежде не разъ говорилъ вамъ, обратитесь всемъ сердцемъ и душою къ вѣрѣ, молитвѣ и покаянію! Вмѣсто страховъ человѣческихъ возымѣйте всѣ страхъ Божій! Ибо, если въ какихъ обстоятельствахъ, то въ подобныхъ вашимъ совершаются на землѣ судьбы не человѣческія, а Божіи. Посему-то въ подобные дни и распространяется, какъ видите, на все какъ бы нѣкая таинственная мгла: никто не можетъ сказать, что будетъ завтра, даже нынѣ; но изъ этой мглы и мрака, какъ молнія изъ тучъ, проявляется по временамъ, для *имѣющихъ очи видѣть*,—персть самого Бога, проявляется такъ, что самое невѣріе нерѣдко принуждено бываетъ сознаться въ семъ случаѣ, что кромѣ силъ человѣческихъ есть сила высшая, Божія, единая непобѣдимая и всемогущая, поборающая по своимъ избранныхъ и низлагающая противниковъ своей воли.

Но, чѣмъ другимъ можемъ мы преклонить на свою страну эту помощь Божію, если не вѣрою и покаяніемъ? Молитесь же, возлюбленные, отъ сердца; кайтесь во грѣхахъ вашихъ отъ всей души, дабы Господь былъ не съ супостатами нашими, а съ нами!

Если всевидящее око Его узритъ въ насъ тоже, что узрѣло нѣкогда въ оныхъ древнихъ ниневитянахъ покаявшихся, — то есть дѣйствительную и *нераскаянную* (2 Кор. 7, 10) перемѣну духа и сердца на лучшее; то жребій брани немедля рѣшится въ нашу пользу тамъ—горѣ, и здѣсь—долу никто не будетъ въ состояніи воспрепятствовать исполненію предопредѣленія небеснаго.

Въ знакъ пастырской любви моей къ вамъ о Христѣ и въ залогъ упованія, примите отъ меня изображеніе чудотворнаго лика Богоматери, который, какъ вамъ извѣстно, уже болѣе дванадцати лѣтъ озаряетъ страну нашу знаменіями и чудесами. Водимый какимъ-го предчувствіемъ, я давно мыслить, что этотъ источникъ благодати открылся среди насъ такъ внезапно не безъ особенной цѣли, а предъ какою либо годиною находящихъ на насъ великихъ искушеній, открылся для того, чтобы мы, видя въ семъ событіи особенную къ намъ милость Божію, не потеряли въ это время надежды на счастливое окончаніе постигшихъ насъ бѣдствій. Половина предчувствій моихъ, какъ видите, оправдалась опытомъ; вѣрую, что оправдается и другая половина: возставшая противу насъ ужасная буря скоро пройдетъ, и надъ нами паки возсіяетъ солнце мира и радости, еще свѣтлѣе и краше прежняго. Ибо, если бы Господь восхотѣлъ, за грѣхи наши, отвратить отъ насъ лице свое навсегда: то пречистая Матерь Его не явила бы намъ въ это самое время толикихъ чудесъ и знаменій отъ пресвятаго лика своего.

Примите же изображеніе сего чудотворнаго лика съ такою—же вѣрою и любовію о Христѣ, съ какою оно преподается вамъ теперь отъ меня. Да будетъ св. образъ сей во успокоеніе и отраду душъ вашихъ, въ подкрѣпленіе вашей вѣры и упованія на Бога! — Притекайте къ нему какъ можно чаще, и проливайте предъ нимъ ваши молитвы и слезы, съ полною вѣрою, что онѣ не будутъ презрѣны и отвергнуты.

Мати Божія, Заступнице всѣхъ обидимыхъ и Утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ, прими подъ всемогущій покровъ Твой градъ сей и всю страну здѣшнюю, находящіяся нынѣ въ толикомъ озлобленіи отъ враговъ! Прими и поспѣши на помощь христолюбивому воинству и вождамъ его, да уразумѣютъ всѣ концы земли и самые враги наши, что Ты не вотще именуешься Взбранною-Воеводою воинствъ христіанскихъ и оградою царствъ православныхъ, и что мы не напрасно на Тебе паче всего надѣемся, и Тобою единою хвалимся; Твои до есмь, аще и недостойніи, раби—да не постыдился, Владычице (конд. Богом.)! — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБОЗРѢНІИ ПАСТЫРЯ *).

Миръ вамъ Лук. 21, 36)!

о всему видно, возлюбленные, что вы нисколько не ожидали меня и не думали, чтобы я могъ явиться среди васъ въ настоящее время; а я, по милости Божіей, уже нѣсколько дней странствую по вашему полуострову, и поспѣшилъ бы къ вамъ тотчасъ по нашествіи на васъ иноплеменниковъ, если бы узналъ о томъ прежде. И какъ бы мнѣ, скажите, можно было поступить иначе? — Пастырь, по слову Спасителя, долженъ, — въ случаѣ нужды, *самую душу свою полагать за овцы* (Іоан. 10, 11); а у васъ еще отнюдь не такая опасность, чтобы опасаться уже за свою жизнь. Ибо, не видите ли вы сами, сколько мужественныхъ ратниковъ нашихъ проходитъ ежедневно чрезъ вашъ городъ, съ бодростію поспѣшая на мѣсто брани, для пораженія врага? Но все это еще малая токмо часть нашего христілюбиваго воинства, такъ какъ и путь вашъ не большой: посмотрѣли бы вы, какими многочисленными дружинами покрытъ теперь тотъ царскій путь, который соединяетъ васъ съ великою Россією! И всѣ онѣ устремляются на брань со врагомъ, какъ на нѣкій праздникъ; всѣ онѣ скорѣе положатъ за вѣру и отечество жизнь свою, но не дадутъ врагамъ и иноплеменникамъ утвердиться на священной землѣ вашей. Посему-то внутренняя крамола ваша и измѣна, такъ было поднявшія главу со вторженіемъ

*) Произнесенное въ Карасубазарскомъ соборѣ, 17 сентября 1854 года, во время покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ.

враговъ, уже начали стихать и замирать, при одномъ приближеніи сихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ воевъ.

Отложите же, возлюбленные, тотъ страхъ и смущеніе, кои, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подобно бурному потоку, безотчетно овладѣли многими изъ обитателей страны вашей; успокойтесь духомъ и продолжайте въ мирѣ и тишинѣ заниматься попрежнему дѣлами званія вашего, въ твердой увѣренности, что опасность нашего настоящаго положенія отнюдь не такова, какъ представилась въ воображеніи людей легковѣрныхъ и неопытныхъ. Нѣтъ, Господь не оставитъ своимъ заступленіемъ вѣрную ему Россію, которая, во избѣжаніе кровопролитія, готова была принести столько жертвъ; и если вышла наконецъ на поле брани,—не для нападенія при томъ, а для отраженія враговъ,—то вышла не прежде, какъ совершенно убѣдившись, что нѣтъ болѣе другаго средства спасти не только собственную честь, но и цѣлость вѣры православной по всему востоку.

Поелику же эта брань, какъ сами видите, и по началу и по цѣли своей, есть брань священная,—не за мірскія выгоды, а за святость и честь креста Христова; то и вамъ, возлюбленные, сообразно самому свойству брани, къ обыкновеннымъ занятіямъ вашимъ немедля должно присоединить особенныя дѣла благочестія христіанскаго, коими привлекаются благословеніе и милость Божія. Дѣла сіи, по свидѣтельству самаго слова Божія, суть: усердная молитва, св. постъ, милосердіе къ бѣднымъ и искреннее покаяніе во грѣхахъ нашихъ. Надобно молиться и каяться: ибо, хотя мы, какъ я сказалъ, ревнуемъ въ настоящей брани не по своимъ выгодамъ, а по славѣ Божіей, и посему можемъ надеяться на помощь свыше: но не должно забывать и того, что Господь, по чистотѣ и святости существа своего, отвергаетъ, какъ видно изъ писанія, самыхъ ревнителей славы своей, коль скоро находятъ, что они не оправдываютъ вѣры своей дѣлами благими и въ жизни своей не лучше язычниковъ и невѣрныхъ. Послушайте, что говоритъ о семъ св. Давидъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлещи завѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе и отвергъ еси словеса Моя вспять. Обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Псал. 49, 16—21). Чтобы не сказано было того же самаго и о насъ, и чтобы не поступлено было такъ же и съ нами, не смотря на то, что мы ревнуемъ въ настоящей брани по славѣ Божіей, для сего всѣмъ намъ должно прибѣгнуть къ покаянію; ибо не напрасно говоритъ Апо-

столь Христовъ, яко много согрѣшаетъ вси (Іак. 3, 2). Всѣ согрѣшаемъ; всѣ должны принести и покаяніе во грѣхахъ нашихъ. Тогда, не восплащаемое грѣхами нашими и нераскаянностію въ нихъ, правое дѣло наше непременно восторжествуетъ, не смотря ни на какую силу и искусство враговъ нашихъ: ибо тогда самъ Господь силъ будетъ съ нами и за насъ: а *еще Богъ будетъ по насъ*, скажемъ словами другаго Апостола, то *кто на ны* (Рим. 8, 31)?

Между тѣмъ, возлюбленные, не опустите изъ виду одного, весьма важнаго для васъ обстоятельства, которое можетъ обратиться вамъ въ честь или въ безчестіе. Я разумѣю то, что, не смотря на недалность вашу отъ мѣста брани, будучи заслонены отъ враговъ горами, вы потому самому пользуетесь гораздо большею, въ сравненіи съ другими градами вашими, удобностію оказывать всякаго рода помощь христіанскому воинству нашему, которое по необходимости нуждается теперь во многомъ. Не пренебрегите же симъ рѣдкимъ для васъ случаемъ для показанія вашей любви къ отечеству. Не ожидайте въ семъ отношеніи даже примѣра; а спѣшите подать сами примѣръ другимъ. Время брани быстротечно: пройдетъ, тогда и захотѣли бы сдѣлать что либо для отечества, но уже не будетъ въ томъ нужды. Смотрите же, не подайте повода собственнымъ дѣтямъ вашимъ имѣть право сказать когда либо въ слухъ вамъ: нѣтъ, не такъ поступили бы мы, еслибъ были въ это время на мѣстѣ отцевъ нашихъ....

Еще одно слово, возлюбленные! Между сообитателями вашими не малое число принадлежитъ къ тому племени, которое, по нѣкоторымъ мѣстамъ полуострова, не имѣло твердости устоять противу оболыщенія злохитрыхъ враговъ нашихъ и попустило себя увлечь къ нарушенію священнаго долга вѣрности Монарху и отечеству. Событіе весьма печальное во всѣхъ отношеніяхъ! Но, да не услышатъ сограждане ваши изъ устъ вашихъ горькихъ нареканій и поношеній за своихъ неразумныхъ соплеменниковъ! Въ подобномъ случаѣ каждый долженъ отвѣчать за себя самого; и судъ о происшедшемъ принадлежитъ не намъ, а власти предержавшей, которая отличитъ виновныхъ отъ невинныхъ и воздастъ каждому по дѣломъ его. Помните, что вы христіане; а христіанинъ не долженъ мстить никому, обязанъ прощать самыхъ враговъ, тѣмъ паче не поносить и не оскорблять невинныхъ изъ-за виновныхъ. Тѣмъ-то именно св. вѣра наша и превыше всѣхъ другихъ вѣрованій, что она учитъ никому не воздавать *зломъ за зло*, а побѣждать *благимъ зломъ* (Рим. 12, 17—21). Не лишайте же ее—въ лицѣ

вашемъ—сего наилучшаго ея украшенія! Пусть служители алко-рана познають изъ настоящаго опыта, какъ высоко и благотворно Евангеліе Христово! Такимъ образомъ настоящія печальныя событія послужатъ не только къ величію и славѣ отечества, но и къ чести и къ торжеству св. вѣры нашея.

Прочее же самъ Господь, въ *Него же вѣруемъ и на Него же уповаемъ*, да научитъ васъ, въ настоящихъ тягостныхъ обстоятельствахъ вашихъ, и яже подобаетъ творити и яже оставяти, и да пролетѣтъ въ умъ вашъ свѣтъ, а въ сердца ваши утѣшеніе отъ самого пресвятаго Духа своего, иже есть единъ истинный Наставникъ и Утѣшитель всѣмъ намъ, вѣрующимъ во имя Его и ратующимъ теперь за славу Его. Мы же, какъ теперь и здѣсь молимся съ вами о васъ, такъ не престанемъ молиться усердно о васъ же, и по удаленіи изъ града вашего. Не забывайте, возлюбленные, и вы насъ въ молитвахъ вашихъ; ибо не малъ еще предлежитъ намъ путь и не мало на семь пути предстоитъ намъ труда и заботъ пастырскихъ.—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВѢЩЕНІИ ПЛАТЪНЪ *).

Миръ вамъ (Іоан. 19, 20)!

ступая вчера, возлюбленные, въ городъ вашъ, я пораженъ былъ его пустыннымъ видомъ: казалось, что въ немъ нѣтъ уже никого изъ жителей и всѣ оставили его, кромѣ малаго числа стражи военной. Да, подумалъ я, если кому, то имъ не предосудительно было уклониться отъ нашествія враговъ: ибо не только городъ здѣшній,—по своей крайней близости къ морю, но почти каждый домъ въ городѣ находится прямо подъ ударами орудій непріятельскихъ. Посему-то, говорю, я нисколько не осудилъ въ мысляхъ моихъ вашего удаленія, а только пожалѣлъ отъ души о тяжести вашего положенія и о томъ, что не буду имѣть утѣшенія видѣть васъ и раздѣлить съ вами молитвы и чувства мои. Въ успокоеніе духа служила мнѣ та одна мысль, что для силы и дѣйствительности молитвы о комъ либо нѣтъ необходимости въ присутствіи тѣхъ лицъ, за коихъ совершается молитва; такъ какъ и сама Церковь ежедневно возноситъ во храмахъ молитву не о находящихся только во храмѣ, но и о всѣхъ, *благословною виною отсутствующихъ*. Какая же причина отсутствія можетъ быть благословнѣе вашей, когда вы должны были спастись отъ огня и меча иноплемениковъ самую жизнь свою?

Тѣмъ отраднѣ для меня видѣть теперь весь храмъ этотъ

*) Произнесенное въ ѳеодосійскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 18 сентября 1854 года, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на Крымъ иноплемениковъ.

наполненный молящимися. Откуда, скажите, взялись вы, и какъ появились такъ скоро здѣсь, не зная предварительно нисколько о моемъ посвѣщеніи?—Все это, какъ вижу, сдѣлала ваша любовь о Христѣ: она дала вамъ такъ быстро знать о моемъ прибытіи, она же такъ неукоснительно и собрала васъ сюда на свиданіе и общую молитву. Да будетъ же благословенъ Господь, вложившій въ меня желаніе и рѣшимость, не смотря на всѣ трудности, предпріять путь къ вамъ,—а вамъ внушившій усердіе посвѣшить на свиданіе съ нами! Да будетъ, говорю, благодареніе за все сіе Господу: ибо чистая любовь христіанская происходитъ не отъ земли, а приходитъ съ неба, и изливается, по увѣренію Апостола, въ сердца наши *Духомъ Святымъ* (Рим. 5, 5).

Что же мы скажемъ вамъ, возлюбленные, въ утѣшеніе ваше?.. Скажемъ во-первыхъ, что тяжкому положенію вашему вполне сочувствуетъ весь край нашъ и, безъ сомнѣнія, вся Россія; сочувствуютъ всѣ и молятся за васъ усердно; молятся и готовы оказать вамъ всякую братскую помощь въ нуждахъ вашихъ. Иначе и быть не можетъ; ибо все, что вы ни терпите, терпите не за себя токмо, а за всю Россію. Если бы градъ вашъ и страна посвѣщены были (чего не дай Богъ!) другими какими либо бѣдствіями, напримѣръ язвою, голодомъ, наводненіемъ, пожарами; то положеніе ваше, хотя и тогда возбуждало бы повсюду сожалѣніе о васъ, но для отечества, очевидно, не было бы никакой пользы отъ вашего злостраданія. Но война и нашествіе враговъ есть такое зло, которое, подобно бурѣ, истощая силу и лютость свою на одномъ мѣстѣ, — какъ теперь у васъ,—симъ самымъ содѣлывается безвреднымъ для всѣхъ прочихъ градовъ и весей. Вы посему теперь яко жертва искупительная на алтарѣ отечества. Можетъ-ли оно забыть эту жертву? не возлюбить васъ особенною любовію? не возымѣтъ къ вамъ душевнаго уваженія?—Блюдитесь токмо, возлюбленные, чтобы вамъ самимъ не отнять какъ либо и не умалить цѣны и достоинства сей вашей жертвы,—или малодушіемъ и ропотомъ, или своекорыстіемъ и взаимными распрями, или хладностію и невниманіемъ къ бѣднымъ среди васъ собратіямъ вашимъ,

Что касается до того, какое расположеніе духа и сердца прилично вашему настоящему состоянію, то примите въ руководство тотъ божественный совѣтъ, который самъ Спаситель нашъ преподалъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ, предъ наступленіемъ для нихъ ужаснаго искушенія — по случаю Его креста и смерти. *Бдите*, говорилъ Онъ имъ, *и молитесь, да не увидите*

потому что напасть, хотя была и весьма близко, но еще не наступила; а мы вмѣсто того скажемъ вамъ: *бдите и молитесь, да изыдите отъ напасти*, которая уже давно постигла васъ и доселѣ не проходить! Да, возлюбленные, духовное бодрствованіе и молитва—отъ души сокрушенной и сердца смиренного, растворенная при томъ живою вѣрою и искреннимъ покаяніемъ, есть наибѣйствительнѣйшее средство, какъ къ отвращенію напасти наступающей, такъ и къ удаленію наступившей. Молящійся, по видимому, ничего не дѣлаетъ къ отраженію враговъ; онъ не нападаетъ на нихъ и не отражаетъ ихъ ничѣмъ видимымъ, а токмо воздѣваетъ очи и руки свои къ небу, или падши на землю, проливаетъ предъ Богомъ свои слезы: а между тѣмъ дѣйствіе такой теплой молитвы чрезвычайно сильно и дѣйствительно противу самаго лютаго и могущественнаго врага. Почему такъ? Потому что въ семъ случаѣ дѣйствуетъ противу врага уже не человекъ молящійся, а самъ Господь всемогущій, у коего просятъ помощи и защиты. *Бдите удо, возлюбленные, и молитесь, да изыдите изъ напасти* вашей!

Въ подкрѣпленіе вашей вѣры и въ ободреніе васъ на молитву, мы можемъ и должны сказать, что надъ вами и градомъ вашимъ уже проявилось знаменіе милости Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте.—Пристань ваша славится всюду своимъ удобствомъ и безопасностію отъ бурь; берегъ моря вашего на великое пространство крайне удобоприступенъ для враговъ; градъ вашъ открытъ и подверженъ отъ края до края своего всѣмъ огнямъ непріятельскимъ: не здѣсь ли посему надлежало ожидать самыхъ частыхъ нападеній отъ врага? Но, вотъ прошло уже цѣлое лѣто брани самой ожесточенной, а спокойствіе здѣшнихъ мѣстъ почти ничѣмъ не было нарушено; въ городъ вашъ не влетѣла еще ни одна стрѣла вражія; изъ васъ, обитателей его, ни одинъ не пострадалъ ни отъ меча, ни отъ огня иноплеменниковъ. Что значитъ это? Пусть другіе изъясняютъ сіе, какъ хотятъ, а я скажу, что это милость къ вамъ Божія. Врагъ, не нападая доселѣ на васъ, поступаетъ какъ бы естественно, имѣя на то свои причины: но если бы онъ захотѣлъ противнаго, сколько бы явилось у него къ нападенію на васъ и причинъ самыхъ достаточныхъ и побужденій самыхъ сильныхъ! Но онъ, говорю, не нападаетъ: почему? потому что тамъ—у престола Божія есть за васъ постоянный ходатай и сильный защитникъ. Кто это? Ублажаемый всею Церковію вселенскою, древній пастырь страны вашей, св. Стефанъ Сурожскій! Въ продолженіе всей святой и богоугодной

жизни своей подвизаясь съ особенною ревностію за вѣру и православіе, могъ ли онъ посему забыть прежнюю паству свою въ настоящее время, когда она со всѣмъ православнымъ отечествомъ терпитъ нападеніе отъ враговъ, не за что другое, какъ за чистоту и цѣлость св. вѣры и святость креста Христова?—Священномученики херсонскіе приняли на себя—посрамить нечестіе враговъ сокрушеніемъ гордыни ихъ до конца; и для сего попустили имъ выйти на берегъ и занять мѣсто, орошенное ихъ мученическою кровію: а вашъ святитель и заступникъ взялся—оградить отъ ихъ вторженія край вашъ; и вотъ они, какъ бы связуемые невидимою силою, хотя и нерѣдко приближаются къ вамъ. но не дерзаютъ нанести вреда.

При семъ случаѣ я долженъ принести вамъ, возлюбленные, жалобу на васъ самихъ: ибо, когда же лучше сдѣлать это, какъ не теперь, когда надъ вами рука Божія? Помните ли наше первое свиданіе съ вами, по прибытіи моемъ на паству херсоно-таврическую? Зная священную древность вашу, коюю здѣшній полуостровъ превосходитъ едва на всѣ страны отечественныя, я ожидалъ, что имя св. Стефана, вашего приснопамятнаго святителя, у всѣхъ васъ на устахъ и въ сердцахъ, что вы прибѣгаете съ молитвою особенно къ нему во всѣхъ нуждахъ вашихъ, какъ къ ближайшему и естественному вашему ходатаю предъ Богомъ: что же, къ прискорбію моему, увидѣлъ я? Что многимъ изъ васъ вовсе неизвѣстны его святая жизнь и подвиги, какъ для страны вашей, такъ и для всей Церкви вселенской!... Тому ли слѣдовало быть? Такъ ли православные сыны Церкви чтутъ память своихъ св. угодниковъ? Посему я тогда же возымѣлъ не малое опасеніе за васъ и вашу будущность; и когда вы сѣтовали предо мною объ оскудѣніи прежнихъ источниковъ вашего земнаго благоденствія, я не усомнился указать вамъ, какъ на причину того, на ваше забвеніе вашего небеснаго ходатая и заступника. Тогдашнія слова мои, какъ показаль опытъ, не произвели надъ вами всего желаннаго дѣйствія, и вотъ теперь учить тому же и наставляеть васъ самъ Господь, попустивъ прийти на васъ такому лютому и продолжительному искушенію! Ибо, страшно забывать святыхъ друзей Божіихъ! Въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда всѣ земныя средства оказываются видимо недостаточными, къ кому прибѣгнуть, какъ не къ помощи Божіей? А какъ прибѣгнуть и стать предъ святостію существа Божія со грѣхами нашими? Въ такомъ случаѣ ходатайство и молитвы св. угодниковъ о насъ предъ Богомъ суть единственное средство предложить гнѣвъ Божій на милость

ибо они своею вѣрою и любовію къ Богу, своею чистотою и избыткомъ почивающей въ нихъ благодати, могутъ низводить благословіе свыше на самыхъ грѣшниковъ, только бы, находясь подъ благодатнымъ покровомъ ихъ, мы не продолжали оставаться нераскаянными во грѣхахъ нашихъ.

Уразумѣйте же, возлюбленные, тайну вашей силы и безопасности отъ враговъ вашихъ. Принесши искреннее покаяніе предъ Богомъ, обратитесь съ теплыми молитвами къ заступнику страны вашей, св. Стефану, да продолжитъ онъ свое ходатайство о васъ предъ Богомъ и да будетъ для васъ въ стѣну и забрало противъ всѣхъ нападеній вражескихъ.

А въ вознагражденіе прежней хладности вашей къ угоднику Божію, сдѣлайте слѣдующее:

Когда св. Церковь воспоминаетъ ежегодно по всей вселенной память Святителя вашего, вы чтите день сей особеннымъ празднествомъ, яко день собственного торжества вашего, день вашей славы о Господѣ.

Возлюбите самое имя вашего Святителя и нарекайте его какъ можно болѣе на новорожденныхъ сынахъ вашихъ, ибо такимъ образомъ не только страна и градъ вашъ, но самыя семейства ваши придутъ въ особый духовный союзъ съ вашимъ общимъ заступникомъ небеснымъ.

Изберите, наконецъ,—если хотите вполне загладить свое прежнее невниманіе,—изберите какое либо изъ священныхъ урочищъ, коими такъ богаты ваши окрестности, и устройте на немъ хотя малый храмъ во имя Святителя, куда бы вы и съ чадами вашими, могли приходять по временамъ на молитву и воспоминаніе священныхъ древностей страны вашей.

Мы съ своей стороны готовы употребить всѣ средства на вспомошествованіе вамъ въ семъ благомъ начинаніи; и между прочимъ для сей же цѣли, по возвратѣ домой, не замедлимъ прислать вамъ житіе св. Стефана, начертанное не нашимъ скуднымъ перомъ, а священною рукою св. Димитрія Ростовскаго. Постарайтесь приобрѣсти эту хартію для каждаго изъ семействъ вашихъ и прочитывайте ее и въ день памяти Святителя и въ другія времена, въ назиданіе себѣ и чадамъ вашимъ.

Господь да хранитъ васъ и градъ вашъ своею благодатію! Молитвы св. Стефана да будутъ надъ всѣми вами!—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПІСТВН *).

 о время послѣдняго посѣщенія мною вашего города, подъ конецъ прошедшаго года, я бесѣдовалъ съ вами, если памятуете, хотя отечески, но съ нѣкоторою суровостію, какъ того требовали тогдашнія обстоятельства ваши: и признаюсь, хотя суровость сія была дѣломъ не моего какого либо прозвола, а слѣдствіемъ необходимости; но, не смотря на то, не разъ сожалѣлъ я о ней, и, если бы возможно было, возвратилъ бы назадъ сказанное: ибо кто же, —выразимся подобно апостолу Павлу (2 Кор. 2, 2)—кто же будетъ доставлять вамъ отраду и радовать васъ среди настоящихъ скорбей вашихъ, если мы еще будемъ васъ печалить и сурово обращаться съ самыми ранами вашими? Посему-то, говорю, я пенялъ на себя самого за васъ, и прилежно смотрѣлъ за тѣмъ, что произойдетъ съ вами въ послѣдствіи: не будете ли вы *пожертвы печалію* (2 Кор. 2, 7) и уныніемъ, не придете ли еще въ большее смущеніе; или, опомнившись отъ страха, войдете въ духъ мужества и упованія, который я старался внушить вамъ, и начнете мыслить и дѣйствовать, какъ должно было ожидать отъ жителей города, столь почтеннаго, отъ людей, кои всегда извѣстны были за усердныхъ сыновъ отечества? Благодареніе Богу, надъ вами, —весьма скоро, — произошло послѣднее; и сбылись во всей силѣ слова апостола

*) Сказанное въ Александрс-невскомъ симферопольскомъ соборѣ, 23 іюня 1855 года.

Павла, который говоритъ, что *печаль, яже по Бозѣ*, — а другой мы не хотѣли и производить, — *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. 7, 10).

Воздремавъ, по слабости человѣческой, на краткое время, подобно мудрымъ дѣвамъ въ Евангеліи, вы весьма скоро пробудились, спѣшно наполнили свѣтильники свои елеемъ милосердія, и немедля вышли бодрственно во срѣтеніе жениху. Я разумѣю подъ симъ то, что вы такъ скоро послѣ того начали дѣлать и доселѣ такъ постоянно и усердно дѣлаете для уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Помните ли, какъ я призывалъ васъ къ сему богоугодному подвигу? Какъ указывалъ вамъ на полную возможность и ближайшую удобность для васъ, по самому мѣстоположенію города вашего, отличиться въ семъ родѣ человѣколюбія предъ лицомъ цѣлаго отечества? Теперь вижу, что вы вполне поняли мои слова, и уразумѣли это преимущество вашего мѣстоположенія: уразумѣли и, признаюсь, сдѣлали еще болѣе, нежели сколько можно было требовать отъ васъ. — Что теперь весь городъ вашъ? Это не городъ, а одна пространныя лечебница, у коей почти столько же отдѣленій, сколько въ городѣ домовъ. Конечно, все это представляетъ изъ себя печальное явленіе, свидѣтельствующее о множествѣ жертвъ настоящей брани; но вмѣстѣ съ симъ — съ стороны вашей — это составляетъ умиленное торжество любви христіанской. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь слѣды этой любви. Тамъ напр. было мѣсто главнаго управленія здѣшняго края: теперь тутъ главная лечебница. Тамъ былъ домъ наукъ и образованія юношества: теперь тутъ лечебница. Здѣсь и здѣсь обитали начальники, главные и не главные: теперь во всѣхъ этихъ домахъ помѣщаются болящіе воины. Подобное произошло и съ частными домами: самые лучшіе и удобнѣйшіе добровольно отданы самими хозяевами подъ лечебницы. Гдѣ покоилась роскошь, тамъ успокоивается теперь отъ своихъ ранъ мужество и доблесть. Въ похвалу вашу довольно сказать, что число призрѣваемыхъ въ недугѣ защитниковъ отечества во градѣ вашемъ не разъ равнялось почти числу его жителей.

И какъ хорошо и по-христіански совершается у васъ это святое дѣло человѣколюбія! Какъ будто врачуемыхъ у васъ было не цѣлыя тысящи, а нѣсколько десятковъ! Кромѣ вещественнаго успокоенія страждущихъ и заботы о ихъ немощемъ тѣлѣ, съ ними обращаются у васъ, какъ всегда должно поступать съ людьми и христіанами, то есть, преподавая имъ не однѣ снѣди и

питія цѣлебныя, но внушая имъ терпѣніе и вѣру, возбуждая надежду на Спасителя и Его всемогущество, распространяя надъ одромъ ихъ благоуханіе молитвы, согрѣвая ихъ теплотою любви, напутствуя въ самыя врата вѣчности таинствами св. Церкви и упованіемъ жизни вѣчныя. Достоинъ всякаго одобренія и то, что все сіе дѣлается не для однихъ своихъ, а и для самыхъ враговъ нашихъ, кои жребіемъ войны пали къ намъ въ плѣнъ. Найдя такой, неожиданный для нихъ, призоръ и благотворительность, многіе изъ нихъ благословляютъ свою участь, спасшую ихъ отъ явной смерти.

Смотря на все сіе, я радуюсь сугубо и благодарю Бога не за васъ токмо, но и за себя; ибо союзъ духовныхъ пастырей съ пасомыми таковъ, что они не могутъ ни страдать, ни радоваться порознь, а испытываютъ то и другое вмѣстѣ и нераздѣльно. Теперь вы исполнили свой долгъ любви къ отечеству, какъ подобаетъ истиннымъ сынамъ его; подали прекрасный примѣръ всѣмъ прочимъ городамъ, близкимъ и дальнимъ; вознаградили съ лихвою свое прежнее—не малодушіе, ибо его на самомъ дѣлѣ не было,—а смущеніе и нерѣшительность. Да будетъ же за сіе отъ всѣхъ насъ благодареніе Господу! Ибо безъ Его тайнаго благодатнаго дѣйствія на нашу душу и сердце, мы, какъ свидѣтельствуемъ св. Павелъ, не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить чего-либо истинно добраго (2 Кор. 3, 5).

Послѣ сего, возлюбленные, всѣмъ намъ остается пожелать молитвенно двухъ вещей, — во-первыхъ скорѣйшаго окончанія брани, столь неправедно противъ насъ воздвигнутой, а во-вторыхъ, чтобы священный огонь любви и челоуѣколюбія, разгорѣвшійся у васъ въ такое чистое и яркое пламя, не угасалъ, а горѣлъ въ сердцахъ вашихъ всегда, и производилъ тоже самое, что производитъ теперь, доколѣ въ томъ будетъ нужда. Зная васъ и вашу доброту душевную, мы нисколько не сомнѣваемся, что при помощи Божіей, такъ именно съ вами и будетъ. Ибо, если защитники Севастополя не престанутъ стоять и умирать за насъ, то намъ ли престать служить имъ, чѣмъ только можемъ, и возливать елей на ихъ кровавыя раны? — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТЫМ *).

Во всему лицу земли русской нѣтъ ни одного сына отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслию своею съ вами, мужественные защитники Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостью и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами — и радостнаго и печальнаго.

Посему-то въ прошедшемъ году, не смотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я, — при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ, — немедленно поспѣшилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами самые первые дни опасности; и если при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ того гнѣзда ея, долго странствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города; и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для васъ уже прошла, что всѣ беззащитныя въ вашемъ городѣ мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противу враговъ.

Какъ потомъ дорога была намъ каждая вѣсть о васъ! Съ ка-

*) Произнесенное въ Севастополь, въ лагерной, что на сѣверномъ укрѣпленіи, церкви, 25 іюня 1855 года.

кимъ усердіемъ принимали мы, съ какимъ нетерпѣніемъ слушали всякаго, кто появлялся изъ вашего города! Сколько разъ съ своей стороны покушались мы оставить свое мѣстопробываніе и всѣ дѣла и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобы собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе, и раздѣлить съ вами наше чувство и ваши опасности!

Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ осязать васъ руками нашими! Въ семь случаевъ, прежде всякаго слова, мы желали обнять всѣхъ васъ и облобызать васъ каждаго тѣмъ святымъ лобзаніемъ (Рим. 16, 16), которое ап. Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленніи возлюбленнымъ ученикамъ и братіямъ своихъ о Христвѣ.

Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ, вы давно вышли и вознеслись изъ ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ, — видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ отечества. Вы — слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость св. Церкви, предметъ удивленія для самыхъ враговъ и для всего свѣта!

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога? Какъ не желать вмѣстить всѣхъ васъ въ сердце своемъ?

Посвщая въ прошедшемъ году, предъ наступавшею бурей городъ вашъ, и полагая — предъ лицемъ и въ виду враговъ — основаніе вашего храма св. Владимира, я позволилъ сказать себѣ тогда, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ нашимъ эта колыбель русскаго православія. Благодаря вашему безпримѣрному самоотверженію, слабыя слова мои исполнились, какъ нѣкое пророчество. Уже лице многихъ горъ и холмовъ окрестныхъ измѣнилось совершенно; а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны! Уже цѣлая Галлія и Британія и весь мусульманскій востокъ облеклись чернымъ покровомъ печали о падшихъ здѣсь сынахъ своихъ; а вы одни и тѣже, — тверды и неизмѣнны! Уже врагу ожесточенному не разъ оскудѣвали и люди и оружіе; а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны!

Можно ли во всемъ этомъ, при всемъ вашемъ мужествѣ, не примѣтить съ благоговѣніемъ и знаменія надъ вами силы Божіей и благословенія свыше? Кто, какъ не Онъ поразилъ неожиданно

сѣбною надменную гордыню враговъ нашихъ, да не познають, въ самомъ началѣ вторженія, и вашей неготовности къ брани и слабости вашихъ силъ и стѣнъ? Кто, какъ не Онъ, умудрилъ юныхъ защитниковъ вашихъ въ немногіе дни воздвигнуть и совершить въ защиту града вашего то, на что въ другое время потребовались бы цѣлые годы? Кто, какъ не Онъ, послалъ въ союзники вамъ эту ужасную бурю, которая разразилась надъ врагами губительнѣе всякой битвы? Кто, наконецъ, какъ не Онъ, отнялъ силу у большей части разженныхъ стрѣлъ вражскихъ и заставилъ ихъ праздно и безвредно для васъ падать на землю? Не Онъ же ли подалъ и вамъ тотъ духъ мужества и долготерпѣнія, коему удивляются теперь всѣ и вездѣ? Падемъ же, братіе мои, предъ симъ престоломъ благодати, и скажемъ словами Царя пророка: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Пс. пз, 9): ибо безъ Твоей всесильной помощи какъ могли бы мы совершить то, что совершено доселѣ во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи?

Стойте-жь, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше Церкви и отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ безпримѣрно; помните, что за вами — Россія, предъ вами — потомство, Богъ и Его всесвятый промыслъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпѣнія; еще одна, другая побѣда,—и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ возвратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и воспещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ! Тогда во всей силѣ сбудется надъ вами слово Спасителя: *жена егда раждаетъ, скорбь имать; яко прииде годъ ея: егдаже родить отроча, ктому не полнитъ скорби за радость, яко родися человекъ въ мѣръ* (Іоан. 16, 21).

О, великъ будетъ этотъ, имѣющій родиться среди настоящихъ трудовъ и скорбей вашихъ, человекъ въ мѣръ! И на челѣ его будетъ написано: святая и православная Россія не боится на землѣ никого, кромѣ Бога, единого Бога! — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ЦАСТВЫ *).

Не смотря на эти неумолкающіе удары громовые, мы паки съ радостію исходимъ предъ васъ, братіе, для второго и послѣдняго собесѣдованія съ вами.... Ибо долго ли намъ и быть у васъ? — По самому образу настоящей жизни и роду занятій вашихъ здѣсь, мы должны оставить васъ, дабы дать вамъ болѣе досуга и удобства къ великому дѣлу вашему. А между тѣмъ, можно ли было вчера — за одинъ разъ высказать все, что было у насъ на душѣ?... Послѣ столькихъ опасностей, вамъ непрестанно угрожающихъ, вы — по необходимости — кажетесь намъ такими людьми, кои уже какъ бы не принадлежать нашему міру, и съ коими, по тому самому, нельзя довольно наговориться.

Но о чемъ будемъ бесѣдовать? Найдите, если угодно, для сего предметъ вы сами; только не требуйте, братіе мои, чтобы мы начали учить васъ и наставлять чему либо. Ахъ, теперь, какъ сами видите, время уже не учить и учиться, а творить изученное и дѣйствовать, время — молиться и, если нужно, умирать, какъ подобаешь христіанину и истинному сыну отечества!

Если бы впрочемъ для кого либо потребно было вразумленіе, то мы вѣруемъ, что вашъ наставникъ теперь и учитель — самъ Духъ Святой, который никогда не оставляетъ истинно-вѣрующихъ безъ необходимыхъ для нихъ, тайныхъ озареній въ ихъ сердцахъ, тѣмъ паче не можетъ оставить безъ сего васъ, кои за вѣру и отечество полагаете свои души. Внимайте сему Божественному Наставнику, выну глаголющему въ нашей совѣсти:

*) Сказанное въ севастопольскомъ соборѣ, во время бомбардированія сего города непріятелями, 16 іюня 1855 года.

исполняйте вѣрно внушаемое имъ; и вы, какъ увѣряетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, не потребуете, *да кто учитъ вы* (1 Иоан. II, 27).

Что касается до насъ, коимъ выпалъ рѣдкій жребій — быть свидѣтелями вашего безпримѣрнаго положенія, и коимъ, по всей вѣроятности, не представится подобнаго, крайне важнаго и поучительнаго случая въ другой разъ; то мы погрѣшили бы не только противъ самихъ себя, но и противъ всѣхъ будущихъ слушателей нашихъ, если бы не постарались понять и изучить твердо всю вашу, такъ великую и такъ громогласную проповѣдь севастопольскую.

Да, братіе мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірной*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ. Ибо, кто изъ самыхъ первыхъ и дѣятельныхъ виновниковъ и распорядителей настоящей брани можетъ сказать, что происходящее здѣсь совершается не по другимъ причинамъ, а по его волѣ, и окончится, когда и какъ ему угодно? Нѣтъ, къ вамъ — сюда простираетъ теперь взоры вся вселенная; отсюда ожидаютъ рѣшенія своей судьбы цѣлыя царства и народы; но никто не вѣдаетъ и не можетъ сказать, что выйдетъ наконецъ изъ этихъ молній и громовъ, коими, какъ нѣкогда Синай (Исх. 19, 18), окруженъ столько времени вашъ городъ. Въ качествѣ земныхъ посредниковъ, при семъ великомъ дѣлѣ явятся, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, не одинъ Моисей и Ааронъ; но самыя скрижали новаго политическаго завѣта сойдутъ съ неба, написанныя — *перстомъ Божиимъ* (Исх. 31, 18).

И смотрите, какъ для выслушанія этихъ, новыхъ откровеній небесныхъ — сведены сюда — къ вамъ, какъ на юдоль Иосафатову (Юул. 3, 12), едва не всѣ народы! Что всего неожиданнѣе, — соединяемые общею враждою къ намъ, здѣсь явились, яко братія, тѣ народы, кои доселѣ не могли равнодушно слышать имени одинъ другаго. Никто изъ нихъ нерасположенъ слышать о путяхъ Промысла Божія; тѣмъ паче подчиниться имъ; каждый водится собственными выгодами и дѣйствуетъ по своимъ страстямъ; всѣ подобно строителямъ столпа вавилонскаго, говорятъ громко: *сотворимъ себѣ иля* (Быт. II, 4): И однакоже, посредствомъ всѣхъ сихъ, толь разнообразныхъ и такъ, повидимому, самостоятельныхъ дѣйствователей видимо совершается — и совершится! — чуждое для нихъ, но благотворное для человечества, единое великое дѣло Божіе...

Подробности сего дѣла покажетъ всему свѣту — время; но сущность его видна уже теперь: это окончательное паденіе магометанства! это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства — православнаго Востока! это грозное обличеніе и кровавый урокъ невѣрію и закоренѣлой гордынѣ Запада!

Да, братіе мои, *есть*, какъ замѣчаетъ Премудрый, *есть время всякой вещи подѣ небесемъ* (Екклес. 3, 1)! Было время — за четыре вѣка предѣ симъ, — когда, въ наказаніе неправдѣ челоѣческихъ, солнцу восточнаго православія предлежало — на извѣстное время — сокрыться съ горизонта политическаго и уступить свое мѣсто лунѣ Магометовой; — и ничто не могло остановить заходящаго солнца и восходящей луны. Теперь, когда эти грѣхи и неправды омыты цѣлыми рѣками слезъ и крови, настало время — исчезновенія луны Магометовой и восхожденія снова солнца восточнаго православія; и ничто не остановитъ исчезающей луны и паки восходящаго солнца.

Тщетно Британія, Галлія, Сардинія—явно, и едва не весь прочій Западъ—тайно, по нерасположенію къ намъ—востаютъ противъ дѣла Божія;—и, вопреки самыхъ своихъ выгодъ истинныхъ, вопреки даже всякаго долга и чести, объявляютъ себя защитниками мнимо-гонимыхъ нами мусульманъ. Въ семъ-то и познается и обнаружится предѣ цѣлымъ свѣтомъ глубина премудрости Божіей и немощь и недалковидность мудрованій челоѣческихъ, что, соединенныя противу насъ въ пользу мусульманства, державы будутъ дѣлать одно, а выходить будетъ другое, противное;—потому что ихъ усилія и возбужденныя ими потрясенія къ поддержанію издыхающаго магометанства лишатъ его и послѣднихъ силъ и ускорятъ совершенное паденіе и смерть. Какъ это можетъ быть, подумаетъ кто либо? — Такъ же, возлюбленный, какъ бываетъ съ челоѣкомъ, совершенно истощеннымъ въ силахъ отъ болѣзни или долгихъ лѣтъ: онъ еще продолжаетъ жить и дышать, если его оставляютъ въ покоѣ и не принуждаютъ дѣлать усиленныхъ движеній, или принимать сильныхъ лекарствъ; а въ противномъ случаѣ, отъ самага напряженія силъ, онъ впадаетъ въ безчувствіе и подвергается смерти. Какъ это можетъ быть?—Такъ же точно, какъ бываетъ съ изветшалымъ и доунаклоннымъ зданіемъ: не трогаемое, оно продолжаетъ на удивленіе всѣхъ стоять на своемъ мѣстѣ, а сильно тронутое, хотя бы то было для подпоры или поновленія нѣкоторыхъ частей, тотчасъ теряетъ равновѣсіе, падаетъ и обращается въ развалины. Таково, по суду всѣхъ, самыхъ друзей и защитниковъ ея, нынѣш-

нее положеніе державы мусульманской. Для нея пагубны всѣ усиленные движенія, кои заставляютъ ее дѣлать, — смертоносны самыя врачества, коими думаютъ спасти ее отъ смерти. Подобно разстающимся съ жизнью и кончающимъ свое бытіе, для сей державы необходимъ былъ только совершенный покой и безмолвіе; но, по неразумѣнію или неискренности своихъ друзей, она, — какъ бы въ наказаніе за свою всегдашнюю наглость и необузданность, — будетъ лишена при концѣ своемъ и сего утѣшенія...

Видите теперь, что совершается у васъ и къ чему вы призваны, возлюбленные! Не малое что либо и даже не просто чело-вѣческое происходитъ здѣсь, а выходитъ изъ-подъ печати (Апок. б, 1) вѣковая тайна промысла Божія; приходитъ въ исполненіе надъ царствами и народами единъ изъ великихъ судовъ Божіихъ: рѣшается, надолго рѣшается, судьба Востока и Запада, а можетъ быть, и всего свѣта. Цѣлые вѣка прошли въ ожиданіи настоящихъ событій; и цѣлые вѣка будутъ выражать собою ихъ послѣдствія. О, есть, за что пролить вамъ кровь свою, какъ она ни драгоценна для насъ! Есть, ради чего принести въ жертву свою жизнь, какъ она ни важна и невознагражима!

И примѣтите, съ какимъ благоприличіемъ и съ какою, можно сказать, умиленностію избрано свыше самое мѣсто этой новой борьбы добра со зломъ, этого неожиданнаго спора страстей и злобы человѣческой съ судьбами правды Божіей... Огнь настоящей брани разгорался и могъ разгорѣться въ разныхъ мѣстахъ; но разгорѣлся и сосредоточился во все пожирающее пламя именно у васъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ колыбель нашего православія, на томъ мѣстѣ, гдѣ отечество наше срѣтилось нѣкогда и вступило навсегда въ духовный союзъ съ православнымъ востокомъ!... Симъ самымъ промыслъ Божій явно показалъ, что у него заранѣе все разсчитано и опредѣлено. Этимъ самымъ Россія поставлена, можно сказать, въ необходимость — стоять за сіе мѣсто, какъ за святыню и драгоценность, этимъ самымъ врагу, при всей его надменности, какъ бы заранѣе сказано: до сего, — только до сего! — дойдешь, и не прейдешь далѣе!

Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ распоряженій промысла Божія о судьбѣ настоящей брани, какъ иначе назвать васъ, братіе мои, какъ не ратниками Божіими, какъ не воинствомъ Иеговы, какъ не исполнителями судебъ вышнихъ? Такъ смотритъ на васъ вся Россія: такъ смотрятъ на васъ повсюду всѣ, вѣрующіе въ управленіе нашего міра не случаемъ слѣпымъ, а премудрымъ промысломъ Божіимъ; такъ взгляните, возлюбленные, и вы сами на

свое дѣло, взирайте со смиреніемъ и преданностію, но и съ вѣрою живою и упованіемъ твердымъ.—Если къ кому, то къ вамъ можно отнести во всей силѣ слово Евангелія: *имѣйте вѣру Божію* (Марк. II, 23), *и ничтоже не возможно будетъ вамъ* (Матѣ. 17, 20). Если кому, то вамъ принадлежитъ оное всеуспокоительное обѣтованіе: *вамъ же и власы главнѣи изочтены суть* (Матѣ. 10, 30), такъ что ни одинъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго. Наконецъ, если кто, то каждый изъ васъ всякій день можетъ и долженъ повторять самъ себѣ: *буди вѣренъ до смерти, и далъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10).

Кто не видитъ и не понимаетъ, что вы непрестанно находитесь предъ лицемъ смерти? Не легко должно быть это для чело-вѣка внѣшняго и чувственнаго, облеченнаго въ плоть и кровь нашу. Но для чело-вѣка внутренняго и духовнаго, для дѣла спасенія, такое положеніе, какъ ваше, соединено съ величайшими преимуществами. Сколько бы—обыкновеннымъ путемъ—надобно было идти, чтобы достигнуть до той высоты самоотверженія христіанскаго, гдѣ, какъ заповѣдуетъ Евангеліе, приносится въ жертву Богу и ближнему—все, самая жизнь! А вы за одинъ, такъ сказать, полетъ души вознеслись на эту святую высоту любви и самоотверженія! ибо мы увѣрены, что каждаго изъ васъ поставила въ среду столькихъ опасностей не одна необходимость, такъ именуемой службы, но и любовь къ отечеству. Но поелику предъ вами всегда опасности и смерть, то предъ вами же постоянно отверсты врата рая: надъ вами, подобно какъ надъ древними исповѣдниками вѣры, выну носятся вѣнцы небесные... О, если царь земной умѣетъ награждать заслуги и труды достойныхъ слугъ отечества; то у Царя ли небеснаго не станеть средствъ воздать сторицею за пожертвованіе для Него вашею жизнію?

Но, братіе мои, да будетъ позволено мнѣ привести вамъ на память одно слово Апостола, которое всегда смущало меня и заставляло бояться за васъ. *Аще кто и подвизается, говоритъ онъ, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 5).— Кто можетъ подвизаться и терпѣть болѣе васъ? Это признаетъ весь свѣтъ. Но, изъ словъ Апостола явствуетъ, что можно оказать самыя большіе подвиги — и не быть увѣнчаннымъ вѣнцемъ небеснымъ. Когда и какъ? — Если подвизаются незаконно, — не какъ должно и не какъ угодно Господу. Надобно посему, непременно надобно всѣмъ вамъ узнать, кто въ вашемъ подвижническомъ положеніи подвизается, какъ должно, и кто потому истинно достоинъ вѣнца небеснаго.

Законнымъ образомъ подвизается изъ васъ во-первыхъ тотъ, кто не подвергаетъ себя опасности и смерти, безъ видимой нужды, по единой неразумной отвагѣ, или столь же непростительной безпечности, забывая, что жизнь воина принадлежитъ не ему самому, а отечеству. Законно подвизается тотъ, кто сражается и умираетъ не по-язычески, а по-христіански, то есть, одушевляясь въ принесеніи на жертву своей жизни не однимъ обыкновеннымъ отвращеніемъ къ врагу и желаніемъ себѣ успѣха и отличія, а наиболеѣ чувствомъ долга къ царю и отечеству, тѣмъ паче — къ вѣрѣ и св. Церкви. Законно подвизается тотъ, кто преходитъ на брани въ другой міръ съ чувствомъ смиренія и покаянія, а не съ надменіемъ и безчувствіемъ душевнымъ, не призвавъ на себя, даже въ минуту опасности смертной, милосердія Божія. Законно подвизается наконецъ тотъ, кто, находясь постоянно, какъ вы теперь, предъ лицемъ смерти, заранѣе изгоняетъ изъ своей души всѣ помыслы нечистые и пожеланія плотскія. — А о всѣхъ тѣхъ, кои мыслятъ и дѣйствуютъ противнымъ образомъ, — горько, но должно сказать, — что они, при всемъ ихъ мужествѣ и самоотверженіи, подвизаются незаконно и не какъ должно; а потому не могутъ пріять на главу свою того вѣнца, который былъ уготованъ имъ за ихъ подвигъ.

Хотите ли вы знать причину сего? Она въ томъ, что въ царствіи Божіе не можетъ вниги — *ничтоже скверно* (Апок. 21, 27) Таково именно существо сего царства: и ужели вы первые захотите внести туда за собою что либо нечистое?... Такимъ образомъ оно престоало бѣ быть царствомъ Божіимъ, царствомъ свѣта, чистоты и правды. Напротивъ, имѣя въ виду его святость, вы потому самому потщитесь быть если не совершенно чистыми и святыми, то омытыми и оправданными — чрезъ вѣру и покаяніе.

Когда мы напоминаемъ вамъ о нуждѣ въ покаяніи, то само собою разумѣется, что мы не требуемъ отъ васъ тѣхъ дѣйствій и принадлежно-тей покаянія, коими сопровождается сіе таинство въ обыкновенномъ его видѣ. И ваше покаяніе, какъ и всякое — истинное, должно быть соединено съ неизмѣннымъ отвращеніемъ отъ грѣха и рѣшимостію — вести жизнь праведную и богоугодную: но отъ васъ, среди постоянныхъ смертныхъ опасностей, не требуется ни продолжительныхъ молитвъ, ни обыкновенныхъ въ семь случаѣ пощеній, ни даже церковной исповѣди. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* вотъ ваша молитва! — *Безъ числа согрѣшихъ, Господи помилуй мя!* вотъ ваша исповѣдь! *Пресвятая Богородице, спаси мя!* *Ангеле хранителю, сохрани мя!* вотъ ваши

молебны!—Святителю Христовъ Николае, буди ли помощникъ! Святителю Митрофане, не остави меня! вотъ ваши акаѳисты! Трудно-ли, когда нужно, дѣлать все сіе—для кого либо изъ васъ? а и этого одного, какъ видите—малаго и легкаго, въ настоящемъ положеніи вашемъ, — когда то будетъ дѣлаться отъ души,— предостаточно для всякаго.

Но, говоря такимъ образомъ, я, вопреки сказанному мною въ началѣ, непримѣтно обращаюсь предъ вами въ наставника.... Простите, возлюбленные, сему невольному избытку ревности по вашему спасенію! — и какъ бы не явилась она у насъ теперь? Вы ежечасно подвергаетесь ради насъ крайнимъ опасностямъ и, можно сказать, умираете за насъ каждый день, а мы не примемъ труда подумать и позаботиться о томъ, чтобы эта — великая — жертва, какова жизнь ваша, была вполнѣ благопріятна Господу, и чтобы вы не подверглись опасности лишиться вѣнца небеснаго, предназначеннаго вамъ за ваше самоотверженіе? — О, если бы нужно было, то — Богъ свидѣтель, — мы готовы уступить для сего каждому изъ васъ часть собственнаго спасенія!

За симъ, братія мои, предаемъ васъ и судьбу вашу въ руцѣ Господа и всемогущей благодати Его. О, да будетъ и преизбудетъ она на каждомъ изъ васъ! Съ радостію услышимъ и вдали отъ васъ о каждомъ подвигѣ и преспѣяніи вашемъ; еще съ большею радостію поспѣвшимъ на свиданіе съ вами паки, коль скоро откроется къ тому хотя малая удобность. Если же суждено свыше — не срѣтаться намъ болѣе въ этой земной юдоли; то молимъ Господа о единомъ — да будемъ сподоблены взаимнаго свиданія тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ни печали, ни воздыханій, и гдѣ срѣтившіеся никогда уже не разлучаются. Въ заключеніе, вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова св. Павла: *аще живеть, Господеви живеть, аще же умираеть, Господеви умираеть; аще убо живеть, аще умираеть, Господни есмь* (Рим. 14, 8). — Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПЯТУМЪ *).

ослѣ некраткой разлуки, мы опять теперь съ вами! Между тѣмъ, давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили нашъ многострадальный Севастополь; видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на купину, горящую и нестарающую; слышали громы, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, свнайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ; ибо эти громы не какъ Божию, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе!... Это не городъ, а пространная печь вавилонская, разженная не седмерицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать наша. Представьте дванадцать — нынѣшнихъ — поприщъ земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга простертыхъ отъ одного до другаго края залива морскаго; вообразите, что это протяженіе земли—въ поприще шириною—содѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и ночь извергаетъ изъ себя огонь, жупель и смерть. И подъ этимъ огненнымъ вѣнцемъ нашъ многострадальный Севастополь!... И такое великомученическое положеніе города продолжается не дни и недѣли, а едва не цѣлый годъ!—Подлинно, если есть *скорбь велия*, о коей можно сказать, *яковаже не была отъ начала міра* дослѣ (Мат. 24, 21), то это скорбь и тѣснота

*) Произнесенное въ одесской успенской единовѣрческой церкви по возвращеніи изъ Севастополя, 17 июля 1855 года.

севастопольскія! О если бы и въ семьъ случаѣ сбылись оныя утѣшительныя слова Спасителя: *яко избранныхъ ради прекратятся дніе оны* (Мат. 24, 21)!

И ужели нѣтъ таковыхъ на пространствахъ святой земли Русской? Кто бы и гдѣ бы вы ни были, души чистыя и избранныя, спѣшите на помощь отечеству! Се, ваше время и вашъ часъ!... Не медлите вознести молитвы ваши ко престолу благодати, да пошлется скорѣе на землю Ангелъ мира, имѣющій заключить *студенецъ бездны* (Апок. 9, 1), изъ коего столько времени изходятъ вражда и пагуба!...

По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, братіе мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго града хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощанія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что жена съ срътило тамъ? Терпѣніе—безъ конца, мужество—безъ всѣхъ предѣловъ и условій, самоотверженіе—всецѣлое, упованіе—полное и непоколебимое. Да, братіе мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, не уступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ земли Русской,—такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить не человѣческими токмо бранями, а и *Господними!*... (Сир. 96, 4.). Тамъ есть простые воины, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и духовнымъ, то есть вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность въ волю Божию, что вмѣсто того, чтобы поучать чему либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за вѣру и отечество.

Трогательнѣе всего было для насъ посвщеніе тѣхъ храминъ, въ коихъ возлежать многочисленныя сонмы уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Грустно было смотрѣть на это множество жертвъ вражды человѣческой, на этотъ большею частію цвѣтъ воинства, пожатый и обезображенный огнемъ и мечемъ!... Но, какъ отрадно было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и замѣтить, что эти герои переносятъ свои страданія съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, что на лицахъ ихъ выражаются не скорбь и ропоть, а довольство собою и самоуспокоеніе: каждый самымъ взоромъ своимъ, кажется, говоритъ вамъ: я исполнилъ свой долгъ! Отечество должно быть довольно мною!—Когда я возвѣщалъ имъ, что Севастополь нашъ стоитъ и, Богъ дастъ, устоитъ; что кровь

ихъ посему пролита не напрасно, ибо гордость враговъ унижена; что по всѣмъ краямъ Россіи хвалятъ и прославляютъ ихъ дѣянія и удивляются ихъ мужеству; что благочестивѣйшій Государь готовитъ имъ награды и успокоеніе; что св. Церковь молится за нихъ—живыхъ и умершихъ, и благословляетъ ихъ труды и подвиги: о, какъ свѣтлѣли тогда ихъ взоры, какъ воспламенялось блѣдное лице, какъ порывались они выразить, имъ свойственнымъ языкомъ, чувство преданности Царю и отечеству! Среди тысящей страдающихъ отъ недуга не было ни единого, который пожалѣлъ бы о своей рукѣ или ногѣ, коиъ лишился; но сколько такихъ, кои отъ всей души сожалѣли о томъ, что имъ нельзя снова разить враговъ! И отъ врачующихъ не разъ я имѣлъ утѣшеніе слышать, что, не смотря на ихъ внушенія возставшимъ отъ недуга идти еще на отдыхъ и покой, или даже возвратиться на время къ роднымъ,—выздоровливающіе просили, какъ милости немедленно возвратитъ ихъ подъ стѣны Севастополя для его защиты.

Не удивитесь посему, братіе мои, если мы отъ лица защитниковъ Севастополя предложимъ вамъ одно прошеніе—о томъ, что когда вы услышите о геройской кончинѣ кого либо изъ нихъ, то пожелайте молитвенно вѣчнаго покоя и милосердія Божія почившему; но не смущайтесь духомъ и не приходите отъ того въ горестъ и уныніе: иначе вы возмутите симъ душу почившаго героя, который давно возложилъ земную жизнь свою, какъ жертву, на алтарь отечества. Не тревожьтесь въ подобномъ случаѣ и за судьбу самой брани и отечества: будьте увѣрены, что вмѣсто единого героя явится на его мѣсто нѣсколько подобныхъ, кои были не такъ извѣстны потому только, что почившій долженъ былъ стоять выше ихъ.

Чего же, спросите наконецъ, ожидать намъ въ будущемъ? Скоро ли конецъ брани? Есть ли надежда на успѣхъ? Не слѣдуетъ ли готовиться къ новымъ лишеніямъ и жертвамъ?

Будущее, братіе мои, какъ всегда такъ и нынѣ, въ рукахъ не человѣческихъ, а въ десницѣ Господней, но потому самому что оно не въ рукахъ человѣческихъ, а въ десницѣ Господней; мы можемъ имѣть добрую надежду на успѣхъ. Ибо Господь всемогущъ и праведенъ, а наше дѣло правое, и мы не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ.

Впрочемъ о томъ, что будетъ, мы можемъ гадать и судить уже по тому, что было и есть. Какихъ врагами нашими не употреблено противу насъ усилій и средствъ? И много ли успѣли они

въ своихъ замыслахъ, въ продолженіе столь долгаго времени?— Одинъ, наскоро укрѣпленный, городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца имперіи полуострова, стоитъ доселѣ какъ скала, о которую сокрушаются всѣ силы и всѣ надежды вражіи. Великъ ли былъ бы ущербъ отечеству, если бы и не устояла какимъ либо образомъ сія твердыня? Ибо вмѣсто единой ихъ можетъ быть воздвигнуто десять. Но и сего нѣтъ, и дастъ Господь, не будетъ, какъ показало недавнее отчаянное нападеніе на насъ враговъ. Къ чему готовились едва не цѣлый годъ, то въ нѣсколько часовъ обратилось къ пагубѣ и стыду враговъ нашихъ.

Возблагодаримъ же Господа за то, что Онъ, хотя по недовѣдомымъ судьбамъ своимъ допустилъ возстать на насъ сей неправедной и жестокой брани, но въ тоже время видимо облекъ воинство наше силою свыше и препослалъ ему духа мужества и долготерпѣнія, коимъ невольно удивляются самые враги: возблагодаримъ, говорю, за все сіе Господа и усугубимъ молитвы наши къ престолу благодати Его, да не будемъ и впредь оставлены благословеніемъ и помощію небесною. А чтобы молитвы наши были благопріятны Господу, то присовокупимъ къ нимъ наше покаяніе и смиреніе; ибо не напрасно сказано: *близъ Господь сокрушенныхъ сердець и смиренныя духомъ спасетъ* (Псал. 33, 19)!—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБЗОРѢНІИ ЭПАРХІИ *).

идя, какъ мы не разъ проѣзжали чрезъ вашъ городъ, не останавливаясь въ немъ для богослуженія, вы могли подумать, что мы какъ бы чуждаемся васъ и отдаемъ предпочтеніе другимъ городамъ и мѣстамъ. Богъ свидѣтель, возлюбленные, что у насъ не было ничего подобнаго ни въ умѣ, ни въ сердцѣ!.. Прежняя поспѣшность наша при посѣщеніи вашего города была слѣдствіемъ разныхъ обстоятельствъ, отъ насъ не зависящихъ, и не заключала въ себѣ никакого намѣренія въ отношеніи къ вамъ. Мы никогда не отдѣляли васъ въ мысляхъ отъ всей прочей духовной паствы нашей, и всегда воспоминали о васъ въ слабыхъ молитвахъ нашихъ предъ Богомъ. И вотъ, если угодно, доказательство тому! Мы не останавливались у васъ надолго тогда, когда все среди и вокругъ васъ было покойно и радостно, когда въ городѣ вашемъ, пользующемся такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, можно было провести время съ особеннымъ удовольствіемъ; за то являемся среди васъ и медлимъ теперь, когда весь городъ наполненъ унынія и страха, не только отъ нашествія враговъ, но и отъ губительной болѣзни. Ибо истинное расположеніе и дружество, какъ справедливо замѣчено, познаются не столько раздѣленіемъ съ кѣмъ либо его покоя и радостей, сколько добровольнымъ участіемъ въ его печаляхъ и опасностяхъ. Да будетъ же настоящее посѣщеніе нами васъ свидѣтельствомъ нашей

*) Сказанное въ заштатномъ городѣ Бериславѣ, 10 іюня 1855 г.

искренней любви къ вамъ о Господѣ! Говоримъ это не въ похвалу какую либо и одобреніе себѣ, (что намъ земная похвала? наше похваленіе о Господѣ и предъ Господомъ); но въ огражденіе васъ отъ неправого мнѣнія и подозрѣній; ибо нѣтъ ничего хуже, какъ если между пастыремъ и пасомыми возникаетъ какое либо сомнѣніе въ расположеніи: тогда самыя добрыя и благонамѣренныя дѣйствія представляются не въ благопріятномъ видѣ и не достигаютъ своей цѣли.

Что же мы скажемъ вамъ, среди настоящихъ тяжкихъ обстоятельствъ, въ успокоеніе и утѣшеніе ваше? Отъ себя самихъ не много могли бы сказать вамъ въ семь случаевъ: но, благодареніе Богу за Его святое Евангеліе! у христіанина есть въ чемъ упокоиться и самому и чѣмъ утѣшить другихъ въ самыхъ печальныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ жизни, былъ бы только онъ вѣренъ Богу и своей совѣсти.

И во первыхъ, возлюбленный Спаситель нашъ открываетъ намъ въ своемъ Евангеліи, что надъ всѣми нами простертъ и бдитъ непрестанно всемогущій Промыслъ Божій до такой степени, что у вѣрующихъ во имя Его *всѣ власы главни изочтены суть, и ни единъ изъ нихъ не падетъ безъ воли Отца небеснаго* (Матѣ. 10, 29. 30). Какая отрадная истина! Какое успокоеніе для сердець страждущихъ! Слѣдовательно, никакое зло или бѣдствіе не можетъ коснуться насъ безъ Его всеблагой воли; и если касается, то допущенное Его же волею—для какой либо, истинно полезной для насъ цѣли. Посему, если мы все, случающееся съ нами, приедемъ съ вѣрою и преданностію Промыслу Божію; то что бы ни случилось, рано или поздно, должно обратиться намъ во благое: ибо небесный Распорядитель судебъ нашихъ праведенъ и всемогущъ. Далѣе—возлюбленный Спаситель нашъ, именно въ ободреніе насъ противу всѣхъ страховъ человѣческихъ, рекъ: *не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* (Матѣ. 10, 28). Послѣ сего самая смерть не страшна для истиннаго христіанина, какъ то доказало множество св. мучениковъ. Ибо, для того, кто оставляетъ земную жизнь съ живою вѣрою въ Искупителя и крестъ Его, съ истиннымъ покаяніемъ во грѣхахъ своихъ,—для того смерть есть не лишеніе, а приобрѣтеніе, переходъ отъ низшаго и несовершеннѣйшаго къ бытію высшему и лучшему, отъ трудовъ и печалей къ вѣчному успокоенію и блаженству въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго. Наконецъ—Спаситель, оставляя нашу землю, благоволилъ вѣрующимъ во имя Его дать обѣтованіе даже въ томъ, что всѣ прошенія ихъ, коль

скоро они сообразны волѣ и клонятся ко славѣ Отца небеснаго, будутъ исполняемы непремѣнно: слѣдовательно, мы не осуждены здѣсь на безотрадное терпѣніе, а можемъ съ дѣтскою довѣренностію прибѣгать къ нему во всѣхъ нашихъ нуждахъ, просить всякаго блага, молить объ удаленіи отъ насъ всякаго вида зла; и, если не зазритъ намъ совѣсть наша въ просимомъ нами, то можемъ быть совершенно увѣрены, что Онъ, яко всевидящій, услышитъ насъ и, яко всемогущій, исполнитъ во благихъ прошенія наша и подастъ намъ—въ томъ или другомъ видѣ — потребное душамъ нашимъ.

Вотъ, други мои, въ чемъ для христіанина отрада и успокоеніе душевное среди настоящихъ обстоятельствъ: въ живой вѣрѣ въ Промыслъ Божій, въ упованіи жизни вѣчной, во всемогуществѣ и любви къ намъ Спасителя нашего! Я говорю—для христіанина: ибо, кто не вѣруетъ въ Спасителя и Евангеліе, или и вѣруетъ, но нисколько не старается жить по Евангелію,—въ страхѣ Божіемъ и любви съ ближними,—тому мы не можемъ сказать ничего утѣшительнаго, доколѣ не премѣнитъ образа своихъ мыслей и дѣйствій, о томъ мы можемъ, по долгу пастырскому и по любви христіанской, только жалѣть и сокрушаться: ибо онъ, находясь вмѣстѣ съ другими среди искушеній и скорбей временныхъ, самъ себя притомъ лишаетъ и утѣшенія духовнаго, упованія вѣчнаго. Несчастенъ таковой, безконечно несчастенъ, хотя бы его и не касалось никакое изъ тѣхъ золъ, отъ коихъ страдаютъ другіе, хотя бы онъ обладалъ притомъ всѣми благами міра. Ибо, *какая польза человѣку*, скажемъ и мы словами писанія, *еще мѣръ весь приобрящетъ, душу же свою отщепитъ* (Матѳ. 16, 26)? А кто служить Богу во истинѣ, вѣруетъ въ Спасителя не устнами токмо, а и сердцемъ, кто старается жить и дѣйствовать по своей вѣрѣ и совѣсти, и грѣша иногда по слабости плоти, не медлитъ во грѣхѣхъ, а изглаждаетъ пятна своя совѣсти слезами покаянія; тому мы можемъ и должны сказать о имени самаго Господа: вскую унываешь, возлюбленный братъ! Ободришь, и восклони главу свою! Вокругъ тебя свирѣпствуетъ буря брани и ходитъ ангелъ смерти: но ты не одинъ, съ тобою невидимо самъ Спаситель твой. Имись за крестъ Его всею силою вѣры, предай Ему всецѣло судьбу свою, временную и вѣчную: и ожидай съ терпѣніемъ, что возглаголетъ о тебѣ и что сотворитъ для тебя Господь. Что бы ни опредѣлялъ Онъ касательно тебя въ настоящихъ обстоятельствахъ, хотя бы временной жизни твоей положено было премѣниться на жизнь вѣчную: если ты сохранишь

вѣру и любовь до конца, то ничего не потеряешь и ничто не повредитъ тебѣ. Напротивъ, со всемогущимъ Спасителемъ твоимъ, ты пройдеши безбѣдно среди самой тьмы и сѣни смертной, и выйдешь туда, гдѣ нѣтъ болѣе ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія.—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ЕПАРХІИ *).

Какая великая разность въ городѣ вашемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ немъ, при посѣщеніи моемъ въ сентябрѣ прошедшаго года! Тогда онъ походилъ на пустыню, въ коей не видно живой души: а теперь въ немъ жизнь и движеніе по прежнему, даже многолюдство; ибо, хотя военныя обстоятельства края доселѣ удаляютъ отсюда нѣкоторыхъ изъ жителей, но за то привлекли къ вамъ множество другихъ всякаго рода лицъ.

Что же значитъ эта перемѣна? Не нанесено ли какого рѣшительнаго пораженія врагамъ нашимъ? Не удалились ли даже они съ вашего полуострова, такъ что вамъ нечего болѣе бояться и не отъ кого убѣгать? Нѣтъ, пламень войны, по прежнему, свирѣпствуетъ на концѣ полуострова; даже нѣкоторыя новыя мѣста заняты врагами. А вы между тѣмъ возвратились въ свои дома, занимаетесь своими дѣлами, даже распоряжаетесь на будущее, какъ бы съ краемъ вашимъ не происходило ничего чрезвычайнаго. Вотъ что значитъ мнѣніе! Ибо, кромѣ мнѣнія о врагахъ и опасностяхъ, ничего не перемѣнилось. Начали иначе, то есть, правильно смотрѣть на вещи и событія; и все пошло своимъ путемъ, правильнѣе и спокойнѣе. Въ самомъ началѣ брани, вы вообразили слишкомъ много о силѣ и движеніи враговъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ; преувеличивали происходящую оттуда опасность для васъ; и потому, яко человѣки, смугились до того,

*) Сказанное въ г. Перекопѣ, 19 іюня 1855 года.

что смущенію вашему, можно сказать, не было предѣла. Самые крѣпкіе изъ васъ поколебались въ мысляхъ, и разсѣялись подобно тому, какъ это было и съ Апостолами, предъ наступленіемъ голгоетскихъ событій. Теперь всѣ увидѣли истинное положеніе вещей; поняли отдаленность опасностей; собрались съ мыслями, возымѣли полное присутствіе духа,—и вамъ самимъ кажется странною прежняя поспѣшность ваша въ оставленіи своихъ жилищъ. Теперь, надѣюсь, уже ничто не смутитъ васъ такъ скоро и не колеблетъ до такой крайности. Даже если приблизится дѣйствительная опасность; то вы срѣтите ее съ надлежащимъ мужествомъ и благоразуміемъ, не только сами покажете себя твердыми и непоступными, но подадите и другимъ примѣръ, какъ надобно стоять и дѣйствовать во время бури.

Для приуготовленія себя къ такому дѣйствованію и для огражденія себя на подобные случаи отъ малодушія, не мало у человека разныхъ средствъ и пособій, изъ коихъ каждое можетъ приносить своего рода пользу: таково, на примѣръ, точное понятіе о вещахъ и здравое размышленіе о нихъ; таково живое представленіе себѣ своего долга къ отечеству и возбужденіе въ себѣ любви къ его славѣ и благоденствію; таково взаимное совѣщаніе и подкрѣпленіе другъ друга въ рѣшимости—не унывать и не смущаться, а благодушеествовать и дѣйствовать, и проч. — Но, кромѣ сего, я хочу указать вамъ еще на одно средство къ тому же, которое чрезвычайно просто и близко къ каждому, а между тѣмъ дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ прочихъ. И это средство предлагаемъ мы не отъ себя, а отъ лица величайшихъ и опытнѣйшихъ наставниковъ и учителей, каковы были пророкъ Исаія и св. апостолъ Петръ. Вотъ что говорятъ они на случай обстоятельствъ, подобныхъ нашимъ: *страха ихъ (то есть, враговъ) не убойтесь, ниже слутитесь: Господа силь, Того освятите, и той будетъ вамъ въ страхъ* (Исаіи 8, 12; 1 Петр. 3, 14). То есть, какъ бы такъ вѣщали они: поставьте и утвердите въ душѣ вашей страхъ Божій, и всѣ прочіе страхи ослабѣютъ и исчезнутъ для васъ сами собою.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, давно замѣчено, что кто истинно боится Бога, тотъ никого и ничего не боится, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы для него не было уже ничего опаснаго и поражающаго, а въ томъ, что онъ превыше страха и спокоенъ духомъ тамъ, гдѣ небоящійся Бога и міролюбецъ трепещетъ и не знаетъ, куда обратиться и что дѣлать. И понятно, откуда въ людяхъ благочестивыхъ это святое и возвышенное безстрашіе. Они единожды и навсегда предали временную и вѣчную судьбу свою

Богу; совершенно увѣрены, что Тотъ, кому принадлежатъ они, превыше всего и всемогущъ, что Онъ никогда не оставляетъ безъ промысла и помощи любящихъ Его и уповающихъ на Него: послѣ сего, что можетъ возмутить и утратить ихъ? *Аще пойду*, — восклицаетъ одинъ изъ таковыхъ, — *посреди самыхъ свѣи смертныхъ, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22, 4). А съ небожущимися Бога, по необходимости, происходитъ противное: поелику они живутъ и дѣйствуютъ сами о себѣ, какъ бы Богъ и Его промышля были чужды для нихъ, и они для Него; поелику во всемъ водятся только своимъ умомъ, выполняютъ только свою волю, воодушевляются и движутся однимъ страстями и выгодами: то какъ имъ послѣ того, при находящихъ опасностяхъ, не смущаться и не трепетать?—Посему-то, какъ замѣтилъ древній мудрецъ, *нечестивые бѣгаютъ*, иногда, и *ниединому же гонящу* (Притч. 28, 1), отъ одного, то есть, воображенія опасностей, кои тѣмъ скорѣе и страшнѣе представляются имъ, чѣмъ они себялюбивѣе.

Хотите ли самостоятельность и твердость людей богобоязненныхъ видѣть на какомъ либо примѣрѣ? Изберите, какой угодно, родъ опыта; и мы не затруднимся выставить примѣръ. А между тѣмъ возьмемъ теперь хотя слѣдующій. Отъ вавилонскаго царя Навуходоносора выходитъ повелѣніе, чтобы всѣ жители царства его воздали божеское поклоненіе златому истукану, который имѣеть быть поставленъ на полѣ халдейскомъ: повелѣніе сопровождается угрозою, что если кто не окажетъ повиновенія и не падетъ ницъ предъ истуканомъ царскимъ, тотъ будетъ немедленно ввергнутъ въ печь огненную. Статуя поставлена, и печь седмерицею разжена. Всѣ охотно и неохотно, кланяются истукану; поелику всѣ страшатся печи огненной. Только три юныхъ еврейскихъ отрока нейдутъ къ златой статуѣ на поклоненіе. Почему? Развѣ огненная печь не страшна для нихъ? Нѣтъ, огонь для нихъ, какъ для всѣхъ прочихъ: но они въ то же время видятъ предъ собою нѣчто, еще гораздо страшнѣе огня и печи, видятъ гнѣвъ Божій за то, если измѣнятъ Богу отцевъ своихъ и поклонятся идолу. Страхъ Божій изгоняетъ у нихъ изъ души всѣ прочіе страхи человѣческіе; и они охотно предпочитаютъ самый пламень печный богопротивному поклоненію, будучи твердо увѣрены, что Богъ, коему служатъ они, всегда можетъ, если восхощетъ, защитить ихъ отъ всякаго огня; а если бы и попустилъ пострадать за имя свое въ печи, то силенъ воздать имъ за то сторицею, — то есть, — за временное мученіе наградить ихъ вѣчнымъ блаженствомъ на небесахъ.

Если хотите другихъ примѣровъ, приведите себѣ на память безчисленный сонмъ мучениковъ и исповѣдниковъ, кои въ разныя времена и въ разныхъ странахъ шли за имя Христово на всѣ роды смертей, и не боялись никого и ничего въ мірѣ. Что дѣлало ихъ такими великодушными и непобѣдимыми, и возносило надъ всѣми видами опасностей и страховъ? Страхъ Божій.

Поспѣшимъ же, братіе мои, взяться обѣими руками за сіе всемогущее оружіе противу всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ страховъ! Предадимъ судьбу свою, временный и вѣчный животъ нашъ, Господу; и мы престанемъ быть малодушными. Вспомнимъ, что съ нами возлюбленный Спаситель нашъ, съ нами Матерь Божія и св. угодники Христовы, съ нами молитва и благословеніе святой Церкви; и мы укрѣпимся въ мысляхъ и воскрѣпимся духомъ. Такое настроеніе души и сердца, кромѣ ободренія и успокоенія среди настоящихъ опасностей, доставитъ намъ и другія многія блага. Ибо, боящійся Господа и любящій своего Спасителя, христіанинъ благословенъ на всѣхъ путяхъ и въ дѣлахъ своихъ, благословенъ на землѣ и на небѣ, во времени и въ вѣчности. Аминь.

СЛОВО

"РН ПОСВѢЩЕНІИ ПЛЮТВЪ").

Аще кто подвизается, не вѣнчается, аще
незаконно подвизатися будетъ. (2 Тим. 2, 5).

динъ изъ печальныхъ, но вмѣстѣ съ симъ необходимыхъ уроковъ содержится, братія мои, въ сихъ словахъ апостольскихъ. Урокъ печальный: ибо какъ жалко было бы трудиться, терпѣть, лишаться, страдать и не получить никакого плода отъ своихъ трудовъ, никакого вѣнца за свой подвигъ. А между тѣмъ этотъ горькій случай весьма возможенъ: *аще кто и подвизается, говоритъ Апостоль, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ.*

Что убо значить подвизаться законно и незаконно? Чтобы уразумѣть сіе, надобно прежде пояснить, что вообще значить подвизаться.

Подвизаться значить проходить какой либо подвигъ, или совершать какое либо трудное дѣло, во спасеніе души своей. Кто, напр. обладавъ богатствомъ, роздалъ имѣніе свое бѣднымъ, и избралъ для себя произвольную нищету, тотъ подвизается. Кто жилъ всегда съ нѣгъ и роскоши, потомъ наложилъ на себя воздержаніе и постъ строгій, тотъ подвизается. Кто, бывъ выше многихъ, осыпанъ честями и достоинствами, отвергъ всю славу міра и возлюбилъ смиреніе и послушаніе иноческое, тотъ подвизается. Вообще, тотъ подвизается, кто ради спасенія души своей сражается съ самимъ собою, то есть, съ своимъ плотскимъ человѣкомъ и злою

*) Сказанное въ Ахтырскомъ Святотроицкомъ монастырѣ, 4 августа 1844 г.
Печатано съ рукописи. Ред.

волею, кто, ради сего, подвергаетъ себя различнымъ лишеніямъ и самоумерщвленію духовному.

Таковымъ подвижникамъ самъ Спаситель обѣщаетъ мзду велию въ царствіи. Но для полученія сей награды мало того, чтобы только подвизаться; а надобно, по Апостолу, подвизаться законно: *аще кто и подвизается, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ.*

Кто убо подвизается изъ подвижниковъ незаконно? Тотъ, кто въ подвигѣ имѣетъ цѣлю не святую и чистую любовь къ Богу, не уподобленіе себя Ему въ истинѣ, любви и правдѣ, не соединеніе съ Нимъ чрезъ то самое въ духѣ, а какія либо другія цѣли, плотскія и нечистыя; напр. постится или молится, подобно древнимъ фарисеямъ для того, да видимъ будетъ человѣки. Таковой воспріемлетъ мзду въ животѣ своемъ, то есть суетную славу человѣческую, и не долженъ ожидать вѣнца отъ Господа.

Подвизается незаконно тотъ, кто не хочетъ подвизаться, какъ велитъ Господь, какъ узаконила св. Церковь, какъ опредѣлили и показали своимъ примѣромъ св. Отцы, а суемудренно изобрѣтаетъ для себя новые роды и виды подвиговъ, безъ особенной нужды, не разсмотрѣвъ хорошо дѣла и своихъ обстоятельствъ, а только чтобы угодить своему воображенію и наклонности къ самочинію. Истинный подвижникъ всегда простъ и смиренъ сердечно: онъ боится выставлять себя на показъ чѣмъ либо.

Подвизается незаконно тотъ, кто, вслѣдствіе какихъ либо особенныхъ подвиговъ своихъ, думаетъ уже имѣть право возноситься надъ другими, презирать слабыхъ и, по его мнѣнію, неподвизающихся. Такой образъ мыслей отъемлетъ всю цѣну у подвига; истинный подвижникъ, подобно св. Павлу, почитаетъ себя послѣднимъ изъ грѣшниковъ, и никого не осуждаетъ, а за всѣхъ молится; когда и гдѣ нужно, онъ вразумляетъ брата согрѣшающаго; но дѣлаетъ это всегда съ любовью и смиреніемъ.

Незаконно подвизается тотъ, кто, по самонадѣянности, беретъ на себя болѣе надлежащаго и, не справясь съ своими немощами, взается въ подвиги, превышающіе его силы. Таковыя естественно, подвергаются тяжкимъ паденіямъ, слѣдствіемъ коихъ бываетъ худа на самые подвиги, яко невозможные и вредные: такъ напр. неблагоразумно предавшись неяденію пищи, можно сдѣлаться больнымъ, и чрезъ то въ умѣ людей легкомысленныхъ подвергнуть нареканію св. постъ.

Незаконно подвизается тотъ, кто подъ предлогомъ безмолвія и созерцательной жизни будетъ избѣгать труда тѣлеснаго. Не

такъ поступали св. отцы: у нихъ съ созерцаніемъ и молитвою всегда шель объруку трудъ. Поступающіе противнымъ образомъ рѣдко не подвергаются мечтательности и изнѣженности въ мысляхъ, духовной гордости и удаленію отъ пути царскаго.

По симъ малымъ намекамъ, проразумѣвайте, братіе мои, и о другихъ видахъ незаконнаго подвижничества. Ихъ столько же, сколько можетъ быть разныхъ подвиговъ. Потому-то при всякомъ подвигѣ, каковъ бы онъ ни былъ и въ чемъ бы ни состоялъ, необходимо для насъ духовное разсужденіе. Ибо, для добраго вообще мало того, чтобы оно было само по себѣ добрымъ, но, кромѣ сего, нужно, чтобы оно совершалось для цѣли благой, совершалось притомъ правильнымъ образомъ. Недостатокъ какого либо изъ сихъ качествъ самое благое дѣло можетъ, въ приложеніи къ намъ, сдѣлать недобрымъ.

Не забывайте сего, возлюбленные, и старайтесь обогащать себя не только дѣлами духа, но и духовнымъ разсужденіемъ. А для сего прочитывайте по временамъ одно сказаніе о семъ, находящееся въ Прологѣ подъ 29-мъ числомъ мѣсяца февруарія. Тамъ увидите, что значить духовное разсужденіе и, какъ необходимо оно и для всякаго христіанина, тѣмъ паче для инока.

Богъ же всякія благодати, призавый насъ въ вѣчную славу свою о Христѣ Иисусѣ, и поставивый посредствомъ обѣтовъ, данныхъ нами при вступленіи въ званіе иноческое, на путь особенныхъ подвиговъ духовныхъ, Той самъ насъ, малопострадавшихъ и малоподвизавшихся, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ и да оснуетъ. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСХЫ *).

Предтечево славное усѣкновение смотрѣніе бысть нѣкое Божественное, да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе. Конд. Празд.

Въ священнопечальный день достигли мы до васъ, братіе мои; ибо нынѣ день усѣкновения главы Предтечевой и день поминовения воиновъ, падшихъ на брани за отечество. Но если гдѣ приличнѣе было провести сей день и помолиться о упокоеніи душъ ихъ, то у васъ. Ибо градъ вашъ служилъ, какъ извѣстно, не малое время оплотомъ для всей страны нашей отъ хищныхъ ордъ татарскихъ: въ окрестностяхъ его всего болѣе пролито крови на защиту Церкви и отечества. Гдѣ наиболѣе пролито крови воинами православными, тамъ наиболѣе должно быть изливаемо молитвъ за нихъ. Ибо, чѣмъ другимъ можемъ воздать имъ за ихъ жертву для насъ? Но, молитва важна и нужна и для нихъ; ибо для ней нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы и всѣ едино о Христѣ.

Нынѣшній день избранъ Церковію для подобной молитвы потому, что нынѣ послѣдовало закланіе величайшаго изъ воиновъ Христовыхъ. *Не воста въ рожденныхъ женами*, сказалъ самъ Спаситель, *болій Іоанна Крестителя* (Мат. II, II). Всю жизнь сражался онъ

*) Сказанное въ изюмскомъ Преображенскомъ соборѣ, 29 августа 1844 г.
Печатано съ рукописи.

съ пороками своей страны и своего вѣка. Все преклонялось предъ оружіемъ устъ его; самъ Иродъ страшился праведника; самъ адъ трепеталъ сына Захаріина: но явилось послѣднее орудіе духа злобы—Иродіада;—и глава праведника принесена въ жертву безстыдной страсти. Впрочемъ, торжество порока въ семь случаевъ было токмо по видимости. Іоанну допущено скончать отъ меча Иродова земное теченіе свое не потому, что такъ угодно было Иродіадѣ, а для того, дабы, какъ воспѣваетъ св. Церковь, онъ предварилъ во адѣ приходъ туда Искупителя и предвозвѣстилъ его умершимъ, какъ возвѣщалъ о явленіи Его для живыхъ. *Предтечево славное усѣкновеніе смотрѣніе бысть вѣкое Божественное, да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе.* Безъ сего всѣ Ироды и всѣ Иродіады въ мірѣ не могли бы коснуться и единого волоса на головѣ праведника!

И это не съ однимъ Іоанномъ: всѣ мы находимся подъ управленіемъ всевѣдущаго и всемогущаго Промысла Божія, который *не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняи Израиля.*—У каждаго, какъ увѣряетъ Сынъ Божій, и власи главніи изочтени суть Отцемъ небеснымъ; тѣмъ паче жизнь и смерть наша въ десницѣ Всевышняго, и если токмо мы сами не восходемъ пагубы себѣ и не привлечемъ ее на себя нашими пороками, то никакое могущество человѣческое, никакая злоба ада не могутъ повредить намъ, хотя бы отнята была ими у насъ даже жизнь наша. Ибо что же? Эта жизнь тѣлесная, спустя нѣкоторое время и сама собою не можетъ не прекратиться; а съ другой стороны всемогущій Правитель міра всегда силенъ не попустить прерваться ей иначе, какъ во время самое безвредное для нашего вступленія въ вѣчность.

Утверждаясь на сей вѣрѣ въ премудрость, всемогущество и благость Промысла Божія, мы вполне убѣждены, братіе мои, что и кончина воиновъ православныхъ, хотя произошла отъ руки врага, но допущена была каждый разъ свыше; и поелику допущена свыше, то, безъ сомнѣнія, въ такую минуту, которая была самою лучшею для окончанія жизни. На землѣ, хотя бы и хотѣлъ, никто не можетъ сдѣлать сего; но Тому, въ десницѣ ко-его небо и земля, это такъ возможно, какъ для насъ что либо самое малое и легкое. И не потому ли иной изъ воиновъ, среди самыхъ неизбѣжныхъ опасностей отъ оружія вражескаго, остается какъ бы нѣкимъ чудомъ цѣлъ и невредимъ; то есть, что Промыслъ Божій не нашелъ для него эту минуту благопотреб-

ною на окончаніе жизни, потому и спасъ его изъ челюстей смерти?

Этимъ однако же не предполагается того, чтобы смерть каждаго воина была посему смерть истинно-христіанская; а токмо то, что часть смерти каждаго былъ таковъ, что въ это время лучше было ему умереть, нежели въ другое. Ибо, въ это время онъ умеръ по крайней мѣрѣ, сражаясь за вѣру, Церковь и отечество; а въ другое—онъ, можетъ быть, окончилъ бы жизнь въ плѣну у страстей и пороковъ. Притомъ, вмѣстѣ съ симъ, такъ сказать, преимуществомъ своего званія въ отношеніи къ смерти, воины по сему же самому званію своему подлежатъ и многимъ недостаткамъ касательно приготовления къ смерти по христіански. Ибо гдѣ и какъ совершить это приготовленіе въ лицѣ немолимаго непріятели? Самое мужество воинское въ обыкновенномъ видѣ его (а многіе ли изъ воиновъ въ состояніи возвыситься до геройства христіанскаго?) во многомъ противоположно тѣмъ чувствамъ, кои требуются при кончинѣ христіанина. Сражаясь на смерть со врагомъ, какъ удержать себя въ минуту смерти, не говорю уже въ предѣлахъ любви ко врагамъ, заповѣдуемой Евангелиемъ, даже въ предѣлахъ простой любви къ ближнему? Какъ даже не зайти чувствамъ въ область ненависти? *А всякъ ненавидяй брата своего*, по непреложному глаголу Истины, *въ смерти есть*, и какой смерти? Не тѣлесной, временной, а духовной, вѣчной.

Правда Божія, которая тѣмъ и отличается между прочимъ отъ правды человѣческой, что можетъ видѣть всѣ обстоятельства нашего положенія и судить насъ не по тому только, что мы сдѣлали, а и по тому, что могли или не могли сдѣлать, безъ сомнѣнія, окажетъ всю снисходительность къ положенію воиновъ, падшихъ на брани: но тѣмъ не менѣе духовная нечистота, въ какомъ бы видѣ она ни была въ душѣ, содѣлаетъ ее неспособною войти въ свѣтлый градъ Божій, въ него же, по слову Тайновидца, не видеть ничтоже скверно.

По сей-то причинѣ, при всей надеждѣ на благость Божію въ отношеніи къ воинамъ, положившимъ животъ свой за вѣру и отечество, мы должны какъ можно чаще возносить за нихъ вмѣстѣ съ Церковію моленія ко Господу, да Онъ самъ восполнить въ нихъ недостающее, усовершитъ несовершенное и, имже вѣсть судьбами, подастъ имъ средство содѣлаться способными войти въ свѣтлые лики воинства небеснаго. Иначе, скажите, чѣмъ же мы заплатимъ симъ воинамъ за ихъ смерть за

насъ? Они сдѣлали для насъ все, что могли; положили за свободу и благоденствіе наше самую душу свою. И мы посему должны дѣлать то, что можемъ, то есть, совершать молитву о успокоеніи душъ ихъ. Это единственная благодарность, которую мы въ состояніи воздать имъ. Кто чувствуетъ справедливость сего долга (а не чувствовать можетъ развѣ токмо тотъ, кто не имѣетъ души и сердца), тотъ не ограничится моленіемъ за павшихъ на брани воиновъ только въ нѣкоторые извѣстные дни, а будетъ вспоминать о нихъ въ каждой молитвѣ своей въ церкви и дома, утромъ и вечеромъ. Ибо, судите сами, за кого же и молиться, какъ не за тѣхъ, кои положили за насъ жизнь свою?—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ВЛАРХІИ *).

ъ продолженіе цѣлаго минувшаго лѣта лишены мы были
обычнаго утѣшенія—видѣть васъ, братіе мои, и покло-
няться вмѣстѣ съ вами чудотворному лику Матери Бо-
жіей, святолѣпно украшающему храмъ сей и градъ вашъ. Безъ
насъ совершались у васъ два празднества въ честь Ея; безъ
насъ посѣщала Она новую обитель на древнемъ Фаворѣ вашемъ.
Но удаленные по тѣлу, мы присуши были вамъ въ сіи дни ду-
хомъ: вмѣстѣ съ вами воспѣвали похвальныя пѣсни избранной
Воеводѣ; вмѣстѣ съ вами переходили рѣку и восходили на гору;
вмѣстѣ съ вами возвращались во градъ, во слѣдъ за святынею.
Ибо, человѣкъ бываетъ не столько тамъ, гдѣ его тѣло, сколько
тамъ, гдѣ его духъ: а наша мысль и наше желаніе въ оныя
дни было здѣсь, съ вами, у подножія сего чудотворнаго лика.

Не далеко были мы отъ васъ духомъ и въ другіе дни, осо-
бенно въ тѣ горестныя дни испытанія, когда свирѣпый огонь хо-
дилъ по стогнамъ вашимъ, и обращалъ въ кучу пепла то, что
стяжалось неусыпными трудами многихъ лѣтъ. Вполнѣ со-
чувствуя лишеніямъ и скорбямъ вашимъ, мы возсылали молитвы
ко Господу, да дастъ пострадавшимъ духа вѣры и терпѣнія, а
не пострадавшимъ духа любви и щедротъ на братское вспомо-
женіе нуждающимся. Ибо благодѣя Божія для того между про-
чимъ и попускаетъ подобныя бѣдствія, дабы доставить душепо-

*) Сказанное въ актырскомъ Покровскомъ соборѣ, августа 26, 1845 года.
Печатано съ рукописи.

лезное упражненіе—однимъ—въ терпѣніи, другимъ—въ любви и благотвореніи. Худо, если пострадавшіе не пренесутъ своихъ потерь въ духѣ вѣры и преданности: такимъ образомъ они лишатся мзды своей. Худо, если не пострадавшіе останутся холодными зрителями своихъ бѣдствующихъ собратій: они потеряютъ драгоцѣнный случай къ стяжанію милости Божіей, которая ничѣмъ такъ не привлекается, какъ христіанскимъ состраданіемъ къ нашимъ ближнимъ во время ихъ несчастій. Да уразумѣютъ же свою обязанность и тѣ и другіе, и да совершитъ каждый свое дѣло, какъ должно. То есть, пострадавшіе да вооружатся благодушіемъ и упованіемъ, а не пострадавшіе да окажутъ съ усердіемъ возможную помощь братскую. Тогда постигшее градъ сей бѣдствіе не только не произведетъ никакого существеннаго вреда, но и обратится на пользу общую, подавъ случай всѣмъ — каждому своимъ образомъ — пріобрѣсти успѣхъ въ добродѣтели. О семъ именно въ отношеніи къ вамъ молили мы Господа дома; о семъ молили благость Его и теперь въ семъ храмѣ; о семъ же самомъ будемъ молить и послѣ, доколѣ не изглядятся слѣды опустошенія, произведеннаго огнемъ.

Обратимся, за симъ, ко дню настоящему и поищемъ себѣ въ немъ общаго для всѣхъ наставленія: ибо не напрасно сказано въ словѣ Божіемъ: *день дни отрыгаетъ глаголь, и ночь ночи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. 18, 3). Это вѣрно и въ отношеніи къ природѣ видимой, но тѣмъ вѣрнѣе въ отношеніи къ кругу церковному: здѣсь каждый день представляетъ урокъ, тѣмъ поучительнѣйшій, что онъ изображается не мертвымъ теченіемъ вещей, какъ въ природѣ, а въ живыхъ лицахъ и дѣйствіяхъ.

Что же въ семъ рядѣ представляетъ намъ день нынѣшній?—Представляетъ чудесное спасеніе отечества нашего отъ нашествія Тамерланова заступленіемъ Богоматери. Ничего не можетъ быть разительнѣе сего чуда. Ибо, представьте, что грозный завоеватель, предъ коимъ пало уже полсвѣта, съ безчисленнымъ воинствомъ стоитъ на предѣлахъ Россіи, съ твердымъ намѣреніемъ разгромить всѣ ея грады и веси; представьте, что отечество наше ничего не можетъ противопоставить ему, кромѣ малаго и слабого ополченія ратнаго, что онъ знаетъ нашу немощь и свою силу, и вдругъ, никимъ же гонимый, возвращается вспяты, возвращается не вслѣдствіе какого либо соображенія воинскаго или политическаго, а, какъ самъ исповѣдуется, по грозному мановенію Жены, видѣнной имъ во снѣ съ воинствомъ несмѣтнымъ. Кто не узнаетъ въ сей Женѣ Матери Божіей, предъ

чудотворнымъ ликомъ коей въ это самое время молилась со слезами вся Москва, ожидая отъ Ней спасенія отечеству?—Такъ очевидно явила себя сила вѣры и молитвы! Въ семъ случаѣ надъ нашими предками исполнилось во всей силѣ то, что св. Павелъ говоритъ о праведникахъ ветхаго завѣта, то есть, что они *вѣрою возмогоста отъ немощи, и вѣрою же обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ* (Евр. 11, 34). Безъ сей вѣры и молитвы, подвижшихъ Матерь Божію на заступленіе противъ врага гордаго и жестокаго, единъ Богъ вѣдаетъ, что было бы съ нашимъ отечествомъ!

«А мы», подумаетъ при семъ кто либо, — особенно изъ пострадавшихъ отъ запаленія огненного, — «а мы не удостоились заступленія Владычицы!...» Да, возлюбленный, не удостоились: но что же мы заключимъ изъ сего съ тобою?—То ли, что у Матери Божіей не достало силы къ угашенію огня, отъ коего мы пострадали?—Думаю, что ты самъ не скажешь сего, даже и въ умѣ не будешь держать подобной мысли. Ибо это значило бы, что огонь истребилъ не только твой домъ, но и твою вѣру, и сдѣлалъ изъ тебя язычника. Могла убо, могла Владычица защитить насъ съ тобою отъ напасти, но не восхотѣла; почему не восхотѣла? Не по недостатку ли любви въ Ея сердцѣ? Опять думаю, не дерзнешь сказать сего: ибо гдѣ же послѣ сего будетъ любовь, если ея не стало въ сердцѣ Матери Божіей? Должна быть, значитъ, какая либо особенная причина на то, что мы были оставлены безъ помощи; и эта причина должна скрываться не въ другомъ чѣмъ, а въ насъ самихъ, то есть, въ извѣстномъ состояніи нашей души. Какомъ?—Такомъ, — скажемъ вообще, — что для насъ нужнѣе, видно, и полезнѣе было подвергнуться несчастію, нежели остаться невредимыми. Ибо, какъ Промыслъ Божій вообще, такъ и Матерь Божія, которая есть первая служительница и орудіе Провидѣнія Божественнаго, всегда избираетъ для насъ то, что для насъ полезнѣе, имѣя при томъ въ виду пользу нашу не одну тѣлесную и временную, а паче духовную и вѣчную. Съ сей высоты взгляда на насъ и нашу пользу легко можетъ оказаться, что для души нашей полезнѣе напр. болѣзнь, нежели здравіе, нищета, нежели богатство. Ибо избытокъ здравія и богатства рѣдко не увлекаетъ насъ къ гордости и плотоугодію. Увидѣла, конечно, сію опасность для насъ и Матерь Божія, и попустила огню объять и ислить дома наши, да, огражденные недостаткомъ, спасемся отъ запаленія душевнаго. Нашъ долгъ посему вникнуть теперь въ свою жизнь и свою совѣсть,

осмотрѣть свою душу и сердце, узнать, какія въ нихъ есть язвы и раны. Когда увидимъ свою духовную болѣзнь, то поймемъ нужду и въ лекарствѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ возможность и употребить его, какъ должно; то есть, пренося зло, насъ постигшее, въ духъ вѣры и смиренія, терпѣнія и преданности. Ибо, пожалуй, легко можетъ случиться и то, что по нашему невниманію и неразумію, самое лекарство, намъ посланное, самое испытаніе огненное, надъ нами совершенное, могутъ остаться безъ дѣйствія спасительнаго и произвести даже вредъ. Когда это?—Тогда, если мы, изъ чрезмѣрнаго сожалѣнія къ тому, что потеряли, предадимся не вѣрѣ и молитвѣ, а ропоту и ожесточенію сердечному, если будемъ ожидать вознагражденія своихъ потерь не отъ благословенія Божія, исправленія нашихъ нравовъ и честнаго труда, а отъ своихъ суетныхъ замысловъ, отъ хитрости и неправды. Блюдитесь сего, братіе мои, ибо это значило бы, какъ мы прежде сказали, потерять мзду отъ искушенія, насъ постигшаго. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБЗОРѢНІИ ЕПАРХІИ *).

о устремленнымъ на меня взорамъ вашимъ, братіе, ясно видно, что вы вполне заняты настоящимъ мгновениемъ; а я едва не всѣми мыслями невольно уношусь въ прошедшее. При всей тишинѣ и порядкѣ, здѣсь теперь господствующихъ, никакъ не могу забыть, что нахожусь вблизи тѣхъ ужасныхъ вратъ, изъ коихъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ огромными разливами исходила пагуба на возлюбленное отечество наше. Мнѣ кажется, вижу я, какъ толпы варваровъ, подобно лавѣ изъ жерла, текутъ изъ сихъ вратъ, разливаются по югу, западу, востоку и самому сѣверу Россіи, какъ обширные города пустѣютъ, цвѣтуція веси исчезаютъ, самые лѣса рѣдѣютъ, самая земля чернѣетъ, самый воздухъ стонетъ и теряетъ чистоту. Вижу далѣе, какъ сіи орды, возвращаясь вспять, влекутъ за собою толпы старцевъ и юнотъ плѣнныхъ мѣсть, какъ стада верблюдовъ идутъ обремененныя добычею, какъ святыя сосуды дѣлятся и отдаются на употребленіе постыдное, и все это продолжается не годы, не десятки лѣтъ, а цѣлые вѣка. Если бы собрать во едино всю кровь, здѣсь пролитуя; то, кажется, раздѣленные симъ тѣснымъ перешейкомъ моря соединились бы снова. Какъ послѣ сего не сказать словами древняго Праотца: *страшно мѣсто сіе!* (Быт. 24, 17).

Дадимъ же славу и благодареніе Господу за то, что теперь

*) Сказанное въ Перекопѣ въ августѣ 1848 года.

мы о семъ же самомъ мѣстѣ можемъ повторить и слѣдующія слова тогоже Патріарха: *нѣсть сіе, но доль Божій, и сія врата небесная!* Да, братіе мои, уже болѣе полувѣка, какъ мѣсто сіе престоало быть страшнымъ. На всемъ пространствѣ Россіи нѣтъ пространства земли, гдѣ бы путникъ менѣе былъ теперь подвергнуть опасности, какъ здѣсь. Вступая на землю вашу и встрѣчая глубокую тишину и безмолвіе, трудно представить, чтобы здѣсь нѣкогда все звучало оружіемъ и кипѣло слезами и кровію. *Нѣсть сіе!*

Что же случилось и что видимъ? Противъ самыхъ, прежде ужасныхъ, вратъ—прекрасный храмъ, въ коемъ мы теперь молимся и бесѣдуемъ. Врата остались, но страхъ исчезъ. Остались притомъ не тѣ врата, кои сдѣланы руками человѣческими, на погибель приступающихъ къ нимъ, а тѣ, кои устроила сама природа между двухъ морей, коимъ покровъ не земля и камни, а безграничное небо. *Сія врата небесная!*

Кто произвелъ эту перемѣну? совершилъ это чудо? Пусть, кто хочетъ, переносится за отвѣтомъ на сіе мыслію своею къ тѣмъ ужаснымъ битвамъ, когда грудь русская шла противу стѣнъ и вратъ сихъ, не разъ ниспровергала ихъ и наконецъ сломила навсегда, и подобно Сампсону, возложивъ на плеча, унесла на послѣдніе предѣлы Россіи, и поставила, въ ограду себѣ, противъ тѣхъ же самыхъ враговъ. Мы съ радостію отдаемъ всю честь отечественному оружію и мужеству воиновъ православныхъ: но, подъ покровомъ сего видимаго явленія, не можемъ не примѣтить другаго, еще величественнѣйшаго. У вратъ сихъ была послѣдняя въ странѣ сей брань Магомета со Христомъ: здѣсь крестъ побѣдилъ и затмилъ луну!

Да, братіе, здѣсь, какъ и вездѣ, обнаружилось предъ лицомъ цѣлаго свѣта, какъ истинно вѣрующимъ, по слову Апостола, вся наконецъ обращается во благое. Магометъ искалъ опоры въ одной земной силѣ; сила сія въ началѣ покорила ему обширныя царства; но, не основанная на силѣ духа, наконецъ начала слабѣть, и видимо стремиться вездѣ къ концу своему. Христіанство напротивъ основано на смерти и отверженіи себя: оно вынесло тысячи гоненій и преслѣдованій; но поелику внутри его есть сила и крѣпость духа, то всюду выходило наконецъ съ побѣдою; и теперь видимо принадлежитъ ему господство надъ цѣлымъ свѣтомъ.

Желалъ бы я знать, какъ бы разсуждалъ о подобной судьбѣ христіанства іудей, доселѣ столь же неразумный, какъ отверга-

ющій въ немъ собственное спасеніе. А мы, если бы онъ былъ здѣсь, сказали бы ему слѣдующее: Вотъ, ты, іудей, не приемлешь Іисуса Христа за обѣтованнаго Мессію потому, что Мессія, по мнѣнію твоему, долженъ явиться въ видѣ царя и доставить послѣдователямъ своимъ господство надъ всѣмъ міромъ; а Іисусъ Христосъ явился въ видѣ бѣднаго Учителя, не имѣлъ гдѣ преклонить главы, и умеръ на крестѣ поносною смертію. Такое умствованіе о Мессіи, хотя и ложное, ибо пророки говорили о Немъ другое, могло сильно дѣйствовать на іудеевъ, современныхъ началу христіанства, ибо тогда христіане были всюду гонимы и слабы. Но теперь оно должно потерять всю силу. Ибо, смотри! Кто могущественнѣе всѣхъ народовъ? Племена христіанскія. Кто управляетъ судьбою всего свѣта? Христіане. Въстѣ съ благами духовными, Іисусъ Назарянинъ доставилъ послѣдователямъ своимъ наконецъ и могущество земное, доставилъ не вдругъ, чтобы испытать ихъ вѣрность и безкорыстіе, доставилъ непримѣтно, чтобы оно у нихъ вышло само собою, изъ ихъ внутреннихъ качествъ, но доставилъ такъ, что уже оно отъ нихъ навсегда не отъемлемо.

Съ намѣреніемъ упоминаемъ, братіе мои, о іудеяхъ; ибо они издавна жили на вашемъ полуостровѣ, отсюда приходили прельщать своимъ ученіемъ нашего князя Владиміра и доселѣ не только витають здѣсь по древнимъ ущеліямъ горъ, но и присѣдять поморію. Да видятъ они, какъ въ христіанствѣ, и именно въ нашемъ православномъ отечествѣ, и именно здѣсь въ странѣ вашей, во всей силѣ исполнилось предсказаніе Пророка о временахъ Мессіи, то есть, что тогда раскуютъ мечи своя на рала и копія на серпы, и не навькнутъ къ тому ратовати языкъ на языкъ. Ибо гдѣ прежніе мечи, стрѣлы и копія? все расковано и употреблено на рала и серпы. Народъ, который не могъ года прожить безъ грабежа и набѣговъ на земли чуждой, отъ колыбели, можно сказать, воспитывался не столько млекою, сколько кровію,—этотъ ужасный народъ теперь самый мирный изъ племенъ.

Сего мало: этотъ же народъ, который всюду разносилъ съ появленіемъ своимъ смерть и пагубу, теперь всюду же разноситъ предметы наслажденія, плоды вертоградовъ и трудовъ своихъ. Сюда же, въ страну вашу, о коей прежде и помыслить было страшно мирному обитателю Россіи, ежелѣтно текутъ необозримые ряды колесницъ за первую потребностію жизни и

условіемъ здравія, разумною солію, безъ коей самыя роскошныя трапезы—ничто!

Такъ дивно измѣнилась судьба страны сей! Такъ преславно восторжествовалъ здѣсь крестъ!—Восторжествовалъ такъ, какъ обыкновенно торжествуетъ онъ, то есть, что побѣда его не мѣнѣе благотворна для побѣжденныхъ, какъ и для побѣдителей!

Вамъ, брат. мои, досталось жить именно на главномъ мѣстѣ сей дивной побѣды и торжества. Помышляете ли вы о семь?—А помышлять надобно: ибо отсюда, отъ мѣста жительства вашего, выходятъ новыя, особенныя для васъ обязанности, исполненіе и не исполненіе коихъ важно не для васъ однихъ, а для всего отечества, особенно для Церкви православной. Вы тотчасъ поймете свойство и важность сихъ обязанностей, коль скоро мы скажемъ вамъ, что вы среди поклонниковъ Магомета представляете собою и Россію и христіанство. Какъ, слѣдовательно, много значитъ вашъ примѣръ! Св. Златоустъ не напрасно восклицалъ нѣкогда, что если бы христіане вели себя, какъ должно, по Евангелію, то давно не осталось бы ни одного язычника. Благая жизнь, чистые нравы послѣдователей Христовыхъ есть самая лучшая проповѣдь въ пользу христіанства. Посему мы, подражая Златоусту, не обинуясь скажемъ вамъ, что если вы будете вести себя по-христіански, то съ избыткомъ замѣните собою нашу проповѣдь поклонникамъ Магомета. Не можетъ быть, будутъ они разсуждать сами съ собою, чтобы вѣра ихъ не была лучше нашей, когда они ведутъ себя гораздо лучше насъ. Откуда бы взялась у нихъ эта доброта, эта кротость и честность, это снисхожденіе къ намъ, прежнимъ врагамъ ихъ, если бы Евангеліе не внушало имъ всѣхъ сихъ добродѣтелей, о коихъ не знаетъ ничего нашъ Алкоранъ?—Не забывайте же сего, возлюбленные!—Какая несчастная противоположность была бы, если бы земля ваша, производя соль, снабжала цѣлыя страны залогомъ здравія и нетлѣнія, а вы сами, жители ея, отличались бы порчею нравовъ, душевлѣнными мыслями, словами и дѣлами вреждающими!—Пустынность сего мѣста жительства вашего по необходимости заставляетъ васъ искать, въ облегченіе трудовъ званія, развлеченія душевнаго. Ищите его въ томъ, что чисто, невинно, благородно, что истинно питаетъ, облегчаетъ, увеселяетъ душу и сердце. Всякая прочая забава сладка на время и оставляетъ за собою вѣчную горечь. Истинный христіанинъ въ маломъ кругѣ семейномъ и дружескомъ находитъ то, чего мірлюбецъ не можетъ найти на торжищахъ Тира и Сидона. Не

имѣя другихъ мѣстъ для общественныхъ собраній, собирайтесь чаще въ сей домъ молитвы: онъ замѣнитъ вамъ все прочія мѣста собранія, а его не могутъ замѣнить все они, какъ бы ни были благоустроены. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОБЗОРѢНІИ ЭПАРХІИ *).

ы хотѣли, братіе, явиться къ вамъ утромъ, и могли бы сдѣлать это; а приходимъ подъ вечеръ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ заставили такимъ образомъ ждать насъ. Простите нашей медленности: она имѣла свои причины. Насъ уклонило отъ пути желаніе побывать на вершинѣ высочайшей изъ горъ вашихъ, посмотрѣть на этотъ шатеръ, устроенный не руками человѣческими и не для обитанія смертныхъ. Будете ли осуждать насъ за любопытство?—Ахъ, братіе, вы съ малолѣтства уже привыкли къ этимъ величественнымъ картинамъ, для васъ они не рѣдкость; а мы, кои родились и жили подъ другимъ небомъ, видѣли токмо неглубокія юдоли и невысокіе холмы, мы не можемъ не останавливаться съ благоговѣніемъ предъ подобными явленіями.

Въ противномъ случаѣ мы показали бы равнодушіе стократно не извинительнѣе того, съ коимъ нѣкоторые проходятъ изящныя произведенія славныхъ художниковъ. Если ихъ винять въ такомъ случаѣ за недостатокъ вкуса и чувства, то насъ можно было бы повинить еще въ большемъ. Ибо тутъ, предъ нами особенное произведеніе не земнаго художника, а Зодчаго небеснаго, который хотя во всѣхъ дѣлахъ и произведеніяхъ своихъ дивенъ, но на нѣкоторыхъ положилъ, такъ сказать, особенные слѣды своей длани всемогущей. Для чего положилъ? Конечно не

*) Сказанное въ мѣстечкѣ Алуштѣ, что на южномъ берегу Крыма.
Печатано съ рукописи.

для того, чтобы существа разумныя мимо ходили ихъ съ равнодушіемъ, но чтобы обращали на нихъ особенное вниманіе, восхищались ими, наслаждались и поучались!—И вотъ почему въ исторіи святыхъ людей мы находимъ, что они любили избирать жилища свои среди такихъ мѣстъ, кои ознаменованы величіемъ и красотой природы. Роскоши и изысканнаго убранства городовъ и чертоговъ они бѣгали и отвращались, а великолѣпіе земли и неба любили и стремились къ нему. Такъ древніе праотцы всю жизнь проводили подѣ открытымъ небомъ. Большая часть пророковъ витали въ горахъ и дѣбряхъ, и являлись въ грады и веси для возвѣщенія воли Божіей какъ пришельцы изъ другаго міра. Предтеча былъ воспитанъ и жилъ въ пустынѣ Іорданской. Самъ Спаситель большую часть времени проводилъ внѣ жилищъ человѣческихъ, то на полѣ, среди жатвъ, то у берега озера Тиверіадскаго, то въ вертоградахъ. Горы, кажется, особенно привлекали Его вниманіе. На Оаворѣ преобразился Онъ; на Голгоѣѣ распять, съ Елеона вознесья. Съ горъ произнесены Имъ разительнѣйшія изъ Его проповѣдей, какъ то: о блаженствахъ и послѣднихъ дняхъ міра. И по распространеніи христіанства въ мірѣ, гдѣ образовались общества людей, похожихъ на Ангеловъ? Гдѣ явились всемірныя свѣтила, какъ: Антоній великій, Пахомій, Макаріи, Саввы, Евѡміи?—въ пустыняхъ Оиваиды и Палестины, среди горъ Аравіи и утесовъ Нила. Итакъ, не ставьте намъ въ вину, братіе мои, если мы такъ любимъ природу, если—не скроемъ и это отъ васъ, дабы вы знали насъ не по нынѣшнему только случаю, — нерѣдко готовы бываемъ, оставивъ все, сокрыться навсегда въ какой либо нагорной высотѣ или мрачной юдоли. Ахъ, надобно мало знать міръ, чтобы не желать удалиться отъ него; надобно не быть знакомымъ съ нечистотою страстей человѣческихъ, чтобы не имѣть рѣшимости промѣнять обращеніе съ подобными себѣ на собесѣдованіе съ природою!—Общество человѣческое!—Это собраніе существъ свободныхъ, и потому могущихъ быть обществомъ равноангельнымъ, но коихъ испорченная свобода устремлена на зло, коихъ всѣ силы, всѣ мысли и желанія устремлены на то, чтобы каждому быть выше всѣхъ и владѣть всѣмъ: отсюда вѣчное взаимное недоброжелательство, борьба, обманы, клеветы, явные удары, тайныя козни, то есть, малое, но разительное иногда подобіе ада. Природа!—Здѣсь нѣтъ, по видимому, свободы, все не движно: но это недвижность порядка и правды, это по видимому, мертвая картина, въ коей непрестанно виденъ живой Художникъ. И что мы

говоримъ о недвижности и мертвости? — Не останавливайся на поверхности, углубись мыслию, и откроется море силы, движенія и жизни. Вотъ, горы сошлись съ облаками; вѣтръ восколебалъ рощи и дубравы; молніи рѣжутъ воздухъ и землю, потоки шумятъ и низвергаются рѣками: что можетъ быть величественнѣе? Гроза прошла, и солнце восходитъ паки надъ обновленною землею: все стихло, все свѣтлѣетъ, радуется. Хоръ птицъ звучитъ веселіе и хвалу Создателю! На земли, на небѣ, новый день творенія!

Что же, спросите, представилось взору и уму съ вершины горъ вашихъ?—Представилось, братіе, тоже небо и таже земля (ибо доколѣ мы заключены въ узахъ плоти, доколѣ не можемъ видѣть, кромѣ чувственнаго), но не въ томъ видѣ: небо какъ будто ближе, земля видимо далѣе. Къ небу хотѣлось унестись, а отъ земли удалиться еще болѣе. Не такъ ли бываетъ съ человѣкомъ во время смерти?... Ибо, болѣзнь, какъ гора, отдѣляетъ человѣка отъ земнаго и возвышаетъ надъ всѣмъ.

Опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, мы поверглись предъ Тѣмъ, кто благоволилъ именовать Себя Богомъ горъ и юдолей! Близокъ и великъ Онъ вездѣ; но на такихъ высотахъ какъ будто еще ближе, еще величественнѣе. Вполнѣ чувствуешь, что никто другой, кромѣ Его, не могъ воздвигнуть шатра сего! Естествоиспытатели, какъ извѣстно, сиятся изъяснить происхожденіе горъ—то водою, то огнемъ, то тѣмъ и другимъ. Пришли намъ на мысль всѣ сіи изъясненія; и всѣ онѣ скоро уступили мѣсто изъясненію св. Давида, который говорилъ: *выходятъ горы, и нисходятъ поля въ мѣсто, еже основалъ еси иль*. Примѣтите, братіе, силу послѣдняго выраженія Давидова: *въ мѣсто, еже основалъ еси иль*. Значитъ, въ произведеніи горъ дѣйствовало не случайное устремленіе разъяренныхъ водъ, не сильный взрывъ огня подземнаго, а сила творческая, дѣйствующая во всемъ по числу, мѣрѣ и вѣсу. *Еже основалъ еси иль*. То есть, указалъ, приуготовилъ, опредѣлилъ, какъ слѣдовало по закону творческаго зодчества. Въ составѣ земли, слѣдов., горы произошли такъ же, какъ происходятъ кости и возвышенія въ нашемъ тѣлѣ, по закону внутренняго развитія его, положенному въ основаніе тѣла человѣческаго самимъ Творцемъ.

Вмѣстѣ съ подтвержденіемъ сей истины, мы видѣли на высотѣ горъ и другое поучительное явленіе. Это—слѣды всемірнаго потопа!—Кто могъ взнести въ такомъ множествѣ на такую высоту останки морскихъ животныхъ, кромѣ волнъ потопныхъ? И

были же люди, называвшіеся свѣтилами вѣка, кои поставляли себѣ за честь глумиться безбожно надъ сказаніемъ Моисея о истребленіи водою перваго міра! И есть же столь несмысленные умы, кои доселѣ продолжаютъ вѣрить клеветамъ лжефилософовъ! Земля въ семьъ случаѣ умнѣе живущихъ на ней: она доселѣ вѣрно хранитъ слѣды гнѣва Божія, и это всего виднѣе на вершинахъ высокихъ горъ.

Сказать ли вамъ еще, братіе, о тѣхъ чувствахъ и желаніяхъ, кои рождались въ душѣ нашей при взглядѣ съ высоты на весь полуостровъ вашъ?—Эти чувства, увы, были большею частію печальны!—Страна, гдѣ такъ рано возсіялъ свѣтъ Христовъ, откуда благодать крещенія изнесена св. Владиміромъ во всю землю русскую, въ коей посему уже надлежало быть полдневному свѣту солнца духовнаго, во многихъ мѣстахъ освѣщается только мерцаніемъ луны.... О, братіе, помолимся, да ночь преидеть, и да явится всюду свѣтъ Христовъ! И онъ не замедлитъ явиться, если мы, ходя сами въ семьъ свѣтѣ, будемъ распространять его и вокругъ себя.

Вотъ нѣкая часть того, что мы снесли въ душѣ своей съ горы вашей! Для чего мы открываемъ это предъ вами? Для того, чтобы и вы не были хладными зрителями величія природы, васъ окружающей. Много содержитъ она поученій для васъ не только въ настоящемъ ея видѣ, но и въ судьбѣ прошедшей. Прекрасный видъ горъ да напоминаетъ вамъ о тѣхъ горахъ, о коихъ среди вечерняго богослуженія поется въ церкви: *на горы, душе моя!*—о тѣхъ горахъ, о коихъ св. Давидъ говорилъ: *возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже прииде помощь моя* (Пс. 120, 1)! Аминь.

ПОУЧЕНІЯ
НА КРЕСТНЫЕ ХОДЫ.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ КРЕСТНАГО ХОДА *).

Отверзу уста моя и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царицѣ Матери, и явлюся свѣтло торжествуя!

ими величественными словами св. пѣвецъ Церкви предначалъ нѣкогда пѣснопѣнія свои въ честь и славу преблагословенныя Дѣвы Маріи. Онъ отверзъ уста свои, и они дѣйствительно наполнились Духа; возгласилъ слово Царицѣ Матери, и цѣлыя вѣка и народы съ радостію внимаютъ сему слову и повторяютъ его въ похвалу Преблагословенныя.

И у насъ, братіе мои, по случаю вчерашняго событія и торжества нашего, весьма прилично было бы повториться тому святому воодушевленію, въ коемъ находился сладкопѣвецъ церковный. Яко духовному пастырю града сего, мнѣ первому подобаетъ отверсть уста и возгласить слово Царицѣ Матери, удостоившей насъ своимъ вождѣлѣннымъ посѣщеніемъ.—Но гдѣ взять Духа?—Придетъ ли Онъ наполнить собою уста наши и отверсть я? — Братія и сомолитвенники, мы всегда старались воодушевлять васъ посильнымъ словомъ нашимъ на духовное торжествованіе празднествъ христіанскихъ: воодушевите теперь вашими молитвами насъ самихъ, да не останемся безмолвны среди новаго празднества нашего!

*) Сказано въ харьковскомъ покровскомъ соборѣ, октября 1 дня 1844 года при перенесеніи въ первый разъ чудотворныя иконы Богоматери Озерянскія изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ.

Впрочемъ, о словѣ ли нужно намъ первѣе всего заботиться предъ Царицею Матерію? Слабымъ ли словомъ нашимъ можемъ мы почтить Ту, которая носила нѣкогда во утробѣ, а теперь носить предъ нами на рукахъ своихъ, самое предвѣчное Слово? Не паче ли отъ Ней самой должно ожидать съ благоговѣніемъ всѣмъ намъ слова не только во уста, но и въ сердце наше, того слова, которое не падаетъ бесплодно, подобно словамъ нашимъ, на землю, и не разсѣвается праздно въ воздухъ, а проходить до основанія души и сердца, потрясаетъ страхомъ самаго нераскаяннаго грѣшника и останавливаетъ его на пути беззаконія?— Отъ Тебя, Владычице, отъ Тебя ожидаемъ мы сего живаго и дѣйствительнаго слова. Сама зриши, коль слабы всѣ глашенія наши, и какъ мало возбуждаютъ они и трогаютъ сердца человѣческія. Дѣйствуй убо и вѣщай Ты: а мы готовы навсегда умолкнуть предъ Тобою! Блистай, если нужно, молніями; но просвѣти сѣдящихъ во тмѣ! Греми, если потребно, громами; но возбуди спящихъ сномъ смертнымъ!

И мнѣ кажется, братіе мои, что не только начало, но и сущность слова къ намъ Владычицы изречено уже самымъ пришествіемъ Ея во градъ нашъ. Ибо, думаете ли, чтобы кто либо изъ насъ, чтобы кто либо на землѣ могъ подвигнуть Ее съ мѣста своего, если бы Она сама не восхотѣла оставить его и прийти къ намъ? Ея вседержавной волѣ угодно было посѣтить градъ нашъ и избрать здѣсь мѣсто себѣ для ежегоднаго пребыванія между нами. Что же побудило Ее къ сему? Наши добродѣтели или наши пороки?— Кому бы не желалось быть увѣреннымъ, что градъ нашъ удостоился сей милости за свои добродѣтели? Но, увы, нравы наши не позволяютъ намъ и думать о семъ; все, напротивъ, располагаетъ вѣрить, что Матерь Божія пришла къ намъ, какъ приходятъ издалека врачи на тѣ мѣста, гдѣ особенно свирѣпствуютъ жестокія болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, какого нравственнаго недуга нѣтъ въ насъ? Возьмите любое мѣсто изъ пророка или апостола, гдѣ описываются пороки и страсти человѣческія, и сличите съ ними жизнь нашу. Не смотря на то, что у нихъ изображаются часто пороки людей невѣрующихъ, все то найдется въ ужасномъ изыткѣ и между нами, христіанами. И вотъ, Матерь Божія, видя крайность золь, насъ снѣдающихъ, благоволила, по милосердію своему, прийти въ чудотворномъ ликѣ своемъ на сожительство съ нами. Они являются предо мною и изъ града, рекла Она, но когда являются? Въ то время, какъ и земля, и воздухъ, и воды, окружающія обитель мою, за-

нимають ихъ видомъ своимъ: когда влечетъ ихъ къ мѣсту пребыванія моего самая плоть и кровь ихъ, ищущія удовольствія въ весеннихъ и лѣтнихъ путешествіяхъ. Проходитъ лѣто, и они всѣ сокрываются, оставляя Меня въ забвеніи, якоже не сушу близъ нихъ. За сію неблагодарность надлежало бы забыть и оставить ихъ самихъ; удалиться изъ ихъ страны и пойти въ другую, или на небо—къ ангеламъ и душамъ праведныхъ. Но что будетъ съ ними? Оставленные Мною, они еще болѣе вознерадятъ о своемъ спасеніи, еще невозвратнѣ предадутся похотямъ и страстямъ, еще глубже погрузятся въ чувственность и ожесточеніе грѣховное. Употреблю убо еще единое средство: оставлю мѣсто свое и пойду сама во градъ ихъ; пройду по его стогнамъ и торжищамъ; воззрю на храмы и дома ихъ; посмотрю на мѣста правосудія и наукъ; увижу всѣхъ и все, и сама дамъ видѣть себя всѣмъ и каждому. Какъ они ни примуть Меня — съ усердіемъ и любовію, или невниманіемъ и холодностію, выйдутъ на срѣтеніе Миѣ многочисленными толпами, или въ маломъ числѣ,—для Меня все равно: Я ищу не славы своей, а ихъ спасенія. Посему, не смотря на всю тяжесть пребыванія посреди нечистоты и соблазновъ грѣховныхъ, останусь среди ихъ въ ликѣ моемъ на все то время, въ которое они оставляли Меня въ забвеніи. Можетъ быть, смиреніе и любовь моя тронуть и поражаютъ кого либо. Можетъ быть, гордый властелинъ, видя на рукахъ моихъ Судію живыхъ и мертвыхъ, вспомнить, что и надъ нимъ есть невидимый Господь и Владыка, и престанетъ томить безчеловѣчно подручныхъ своихъ. Можетъ быть, жестокосердый богачъ, усматривая, какъ мое сердце отверсто для всѣхъ скорбящихъ, и самъ не будетъ болѣе затворять вратъ дома своего отъ тѣхъ, кои, страдая отъ глада и хлада, почли бы за милость питаться отъ крупицъ, падающихъ съ роскошной трапезы его. Можетъ быть, высокоумный мудрецъ, вспомнивъ мою вѣру и преданность въ волю Всевышняго, отложить шатанія ума превратнаго и возлюбить благое и легкое иго Сына моего. По крайней мѣрѣ, Я утѣшу тѣхъ, кои не имѣютъ уже на землѣ утѣшенія: покажу всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ, что Я помню ихъ, что они близки къ моему сердцу».

Представляя себѣ все сіе, мы исходили, братіе, вчера во срѣтеніе Матери Божіей хотя и съ радостію—ибо кто не возрадуется пришествію Владычицы земли и неба? — но еще болѣе со страхомъ; ибо что можемъ мы представить на обрадованіе Ей самой? Представимъ ли нашу холодность къ вѣрѣ, по которой мы при-

бѣгаемъ подѣ сѣнь св. Церкви и къ гаинствамъ ея токмо въ случаѣ крайней необходимости; а все прочее время блуждаемъ по распутіямъ міра, якоже язычники, не имущіе упованія? Представимъ ли нашу роскошь, которая поглощаетъ нерѣдко цѣлыя имущества и лишаетъ наслѣдства и способа къ существованію тѣхъ, о коихъ первѣе всего надлежало бы пеѣщись отцамъ и матерямъ, не забывшимъ своей природы? Представимъ ли наше непостоянство и лживость, для коихъ нѣтъ ни слова священнаго, ни обѣтовъ ненарушаемыхъ, ни предѣловъ непреходимыхъ? Представимъ ли такъ называемое искусство жить въ свѣтѣ, состоящее болѣею частію въ томъ, чтобы не имѣть ни своего ума, ни своего сердца, ни своей души и совѣсти? Одно ободряло и утѣшало насъ при мысли о плачевномъ состояніи нравовъ нашихъ, что Матерь Божія яснѣе насъ видѣла всю грѣховную проказу нашу, и однако же возблаговолѣла пріѣти къ намъ;—что у Нея—всемогущей не можетъ быть недостатка во врачествахъ на всѣ недуги и на всѣ язвы, отъ коихъ страдаемъ мы; и что, если мы не останемся безчувственны къ великой милости Ея, намъ явленной, и обратимся къ покаянію: то все пріѣметъ новый и лучшій видъ, и дома и сердца наши.

Итакъ, теперь отъ насъ самихъ зависитъ, во что будетъ для насъ прішествіе къ намъ Матери Божіей въ чудотворномъ ликѣ Ея. Если Она увидитъ насъ готовыми къ исправленію нашихъ нравовъ и жизни и къ пріятію благодатныхъ даровъ Ея; то, безъ сомнѣнія, ущедритъ насъ новыми благословеніями Сына своего. Если же мы, и въ присутствіи Ея, будемъ продолжать свою грѣховную безпечность и предаваться прежнимъ порокамъ: то, вмѣсто даровъ и милости, можемъ привлечь на себя сугубый гнѣвъ и наказаніе. Ибо, когда вы не внемлете нашимъ вѣщаніямъ и словамъ: то мы можемъ тоюко предать васъ суду вашей совѣсти, и ничего болѣе; а у Царицы неба и земли все во власти: речеть—и всѣ стихіи возстанутъ на безчувственного грѣшника; поразить—и никто не защититъ, никто не исцѣлитъ!

Итакъ, подумай и осмотрисъ каждый! Среди насъ Врачъ и вмѣстѣ Судіа! Надъ нами милость и прещеніе! Когда во градѣ нашемъ бываетъ царица земная, тогда умоляютъ по стогнамъ его всѣ безчинные клику. Да умолкнутъ они тѣмъ паче нынѣ, ради Царицы небесной! Да явится весь градъ нашъ чувствующимъ, кто теперь среди его! Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ОБРАТНАГО КРЕСТНАГО ХОДА *).

ончилися свѣтлые дни праздника! окончюся и пребываніе у насъ чудотворной иконы Матери Божіей! — Мы не предполагали такого сочетанія дней: оно вышло само собою, и какъ вышло? Такъ, что еслибъ и долго думать о семъ и соображать, то нельзя бы избрѣсти лучшаго. Видно, что кто-то безъ насъ въ семъ случаѣ думалъ за насъ, и такъ расположилъ дни и мѣсяцы, что первое посѣщеніе насъ Матерію Божією окончилось не прежде и не позже, какъ съ окончаніемъ дней свѣтлой седмицы, дабы сѣтованіе о разлукѣ съ благодатною Посѣтительницею могло найти для себя утѣшеніе въ самомъ образѣ разлуки.

Да вознесется же отъ всѣхъ насъ за сіе благодареніе Тебѣ, невидимый ни для кого, но довѣдомый по своимъ дѣйствіямъ для всѣхъ, верховный Благораспорядителю всяческихъ! Это — твое дѣйствіе и вмѣстѣ знаменіе для духовной немощи нашей! Безъ сего мы продолжали бы недоумѣвать, благоугодное ли Тебѣ дѣло совершили мы, дерзнувъ воздвигнуть Матерь твою въ чудотворномъ ликѣ Ея на небезтрудное шествіе къ намъ и на краткое пребываніе во градѣ нашемъ. Теперь, когда отъ начала до конца сего пребыванія, все такъ благоустроилось, что самыя стихіи видимо содѣйствовали торжествамъ нашимъ, самые дни

*) Сказано въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, въ недѣлю антипасхи, при перенесеніи чудотворной иконы Богоматери Озерянской изъ Харькова обратно въ Куряжскій монастырь.

и мѣсяцы сочегавались по желанію и потребностямъ нашимъ, теперь — конецъ недоумѣній! Намъ остается токмо благодарить и славить твое всесвятое Имя!

Воздвигнись и ты, богоспасаемый градъ Харьковь, и прими новое священное учрежденіе, не какъ плодъ соображеній человѣческихъ, а какъ даръ непосредственной милости къ тебѣ Божіей! Да соединится отнынѣ судьба его съ судьбою твоею, и да содѣлается оно до позднѣйшихъ родовъ памятникомъ — не нашихъ какихъ либо ничтожныхъ именъ и трудовъ, — а нашей общей съ тобою вѣры въ Бога Спасителя, и нашего совокупнаго благоговѣнія къ пречистой Матери Его! Прими и храни учрежденіе сіе въ простотѣ вѣры и чистотѣ совѣсти, какъ наилучшее украшеніе твое и отличіе отъ прочихъ градовъ, тебѣ подобныхъ; или паче, оно да хранитъ тебя отъ всякаго зла, да напоминаетъ тебѣ среди куплей и молвы житейской о единомъ на потребу, да украшаетъ собою твой миръ и твою радость; и, поелику на землѣ нельзя быть безъ искушеній и градамъ, также какъ людямъ: да утѣшаетъ тебя и воодушевляетъ упованіемъ въ тяжкія годы бѣдствій общественныхъ!

Итакъ, братіе мои, Матерь Божія, въ чудотворномъ ликѣ Ея, была теперь свидѣтельницею и нашихъ прошедшихъ постовъ, и нашихъ минувшихъ праздниковъ. Что же узрѣла Она въ насъ, и что речетъ теперь о градѣ нашемъ Сыну своему и Богу? Испроситъ ли намъ сугубую благодать даровъ духовныхъ, яко способнымъ принять и употребить ее во спасеніе души своей? Или найдетъ нужнымъ возгремѣть надъ нами гласомъ прещепленія и суда, да возбудимся отъ сна грѣховнаго, яко нерадящіе о своей совѣсти?

Что бы ни было ниспослано намъ отъ Тебя, всемудрая и преблагая Посѣтительница наша, мы приимемъ съ вѣрою и любовью. Ибо, если мы приедемъ, ничтоже сумняся, совѣты и предписанія врачей на жизнь и смерть нашу, тогда какъ они, яко чловѣки, могутъ не знать хорошо нашихъ недуговъ, или, и зная ихъ, не умѣть избрать врачества благоприличнаго: то отъ Тебя ли усомнимся пріять какое либо врачество, предъ коею открыты всѣ немощи наши, и коей довѣдомо все, могущее служить ко благу душъ нашихъ? Точію оставляя мѣсто сіе, не лишай насъ невидимаго покрова твоего, и даруй утѣшеніе паки и паки срътуть Тебя и поклонитъя святому лику твоему на мѣстѣ семь!

Но, се и знаменіе неоставленія насъ Матерію Божію! — Мѣ-

сто покоища Ея среди храма сего не останется празднымъ; его займетъ, нынѣ же, подобіе того чудотворнаго лика, предъ коимъ съ благоговѣніемъ преклоняется первопрестольный градъ Москва. Изображеніе будетъ другое, но благодать и милость — тѣже. Не прервемъ, братіе, и мы святаго обыкновенія собираться, каждый пятѣкъ, въ храмъ семъ, для возгласенія хвалебнаго пѣнія въ честь Преподобноблагословенныя. Мы будемъ преклоняться предъ Нею долу, а Она будетъ ходатайствовать о насъ горѣ. Излишне ли для кого либо сіе ходатайство? Ахъ, всѣ мы въ напастѣхъ и скорбѣхъ мнозѣхъ! У каждаго есть раны въ душѣ и язвы въ совѣсти; а врачества и пластыря нѣтъ на нихъ у мудрости человѣческой. Врачъ душъ и сердець тамъ — горѣ, и яко безпредѣльный и неописанный, благоволитъ для насъ, обложенныхъ плотію и заключенныхъ въ пространствѣ и времени, являть присутствіе свое въ знаменіяхъ и образахъ чувственныхъ. Будемъ поклоняться симъ знаменіямъ, доколѣ не сподобимся зрѣть лицемъ къ лицу. Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПРОСТУГО ХОДА *

ода многа не можетъ угасити любовь, и рѣки не потопятъ ее (Пѣсн. Пѣсн. 8, 7), говоритъ Премудрый. Вчерашній день какъ бы нарочно былъ избранъ для испытанія сей святой истины и надъ нами грѣшными. Небо и земля, казалось, совокупились на то, чтобы угасить любовь нашу къ чудотворному лику Матери Божіей, во срѣтеніе коего исходили мы. Сама Она явилася предъ насъ не такъ, какъ прежде, окруженная не лучами полдневнаго солнца и тихимъ дыханіемъ вѣтра, а едва не полночнымъ мракомъ тучи и неудержимыми потоками осеннихъ водъ. Но, благодареніе Господу, любовь наша не угасла и среди сего разліянія воднаго, и облака, на насъ дождившія, не будутъ свидѣтелями нашего отпаденія. Говоримъ сіе тѣмъ съ большею радостію, чѣмъ сильнѣе можно было опасаться за противное. Ибо священнодѣйствіе, вчера совершенное, подобно еще младому неукоренившемуся растенію. Для совершеннаго утвержденія его въ нравахъ народныхъ потребенъ не годъ, или два, а по крайней мѣрѣ десятилѣтіе. И вотъ, на сіе юное растеніе вдругъ возвѣяла шѣмая буря! Долго ли было потерять не только листья, но и корни, — пасть и сокрушиться? Но благодареніе Господу, оно устояло; и мы съ радостію можемъ теперъ вслѣдъ за мудрецомъ Израилевымъ, говоритъ: «*вода многа не можетъ угасити любовь, и рѣки не потопятъ ее!*» Пре-

*) Съ чудотворною иконою Богоматери Озеринской, бывшаго наканунѣ среди весьма дождливой погоды. Сказано въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ октября 1, 1845 года.

побѣждена трудность, болѣе коей въ семь случаѣхъ нельзя и ожидать: мы видимо прикоснулись къ послѣднему предѣлу возможнаго неудобства въ семь святомъ дѣлѣ, и чрезъ сіе самое стали ближе въ духѣ къ нашей небесной Заступницѣ. Ибо свойство всѣхъ трудныхъ вещей и дѣйствию таково, что они, если предпринимаются для кого-либо: то по совершеніи ихъ, тѣснѣе связуютъ дѣйствовавшихъ съ тѣмъ лицомъ, для коего переносилась трудность. Уповаемъ, что и насъ вчерашняя туча и потоки не разъединили, а привели въ нѣкое особенное содружество съ тою святынею, для которой мы должны были препираться со стихіями.

Но что значить, что небесная Заступница наша восхотѣла нынѣ явиться намъ окруженною потоками воды? Ибо туча, долго висѣвъ праздно надъ градомъ, какъ будто ожидала Ея пришествія, дабы съ приближеніемъ Ея, тотчасъ пролиться всецѣло надъ нами. Если не дерзновенно въ подобныхъ случаяхъ угадывать причину и цѣль случившагося: то мнѣ кажется, что Богоматерь восхотѣла испытать наше сердце. Мы едва не всѣмъ градомъ исходили прежде во срѣтеніе Ея; такъ же поступили, когда Она удалялась отъ насъ; но тогда все такъ благопріятствовало шествию, что оставаться дома значило бы лишить себя самой занимательной прогулки. Удивительно ли, что въ такомъ случаѣ шель на священнодѣйствіе и самый старый и самый малый? Тутъ нельзя было различить усердія къ Богоматери отъ собственного удовольствія для каждаго. Надлежало испытать насъ; и вотъ Она затруднила потоками воды собственное шествіе, да явится, кто срѣталь Ее отъ вѣры и любви, и кто исходилъ по одному обычаю, для собственного развлечения. Цѣль сія достигнута: не вполне усердное, слишкомъ озабоченное самосохраненіемъ, ищущее во всемъ *своихъ си* (1 Кор. 13, 5), осталось вчера дома; а вѣра и любовь не убоилися трудностей, не усомнились подвергнуться неблагоприятному вліянію стихій, и остались невредимыми. Вода многа не возмогла *угасити* любви: не смотря на всѣ неудобства и опасенія, одинъ градъ нашъ успѣлъ выставить болѣе спутниковъ въ шествіи Царицы небесной, нежели сколько обрѣлось нѣкогда непреклонившихъ колѣна предъ Вааломъ въ цѣломъ царствѣ Израильскомъ. Можно-ли не радоваться сему и не благодарить за сіе Господа?—Что касается до меня, то я не видѣлъ при семь шествіи ни облаковъ, ни дождя, ни грязи, а взиралъ на одно усердіе несущихъ св. икону, и благодарилъ Бога. Не напрасно, думалъ я, надѣялись мы на душевное благорасположеніе нашихъ согражданъ къ святому дѣлу; подобные подвиги

еще незнакомы имъ: но, вотъ, они поступаютъ такъ же, какъ иногда юные ратники замѣняютъ собою опытныхъ воиновъ. Съ такими людьми можно держать на все благое, хотя бы оно было сопряжено и съ трудностями.

Такъ думали мы, и радовались духомъ, и не чувствовали трудности шествія. Тѣмъ паче не могло укрыться усердіе ваше, братіе, отъ зора Матери Божіей. Она, преблагая, не забудеть сего, и, яко всемогущая, не замедлитъ и съ своей стороны ознаменовать свое благоволеніе граду нашему—удаленіемъ отъ него бѣдъ и искушеній.

Даже не въ предвѣстіе ли сего служили потоки водные, Ея окружавшіе? Ибо отъ чего страдали мы въ продолженіе всего лѣта? Отъ засухи, огня и пожаровъ. Въ чемъ имѣли нужду? Въ прохладѣ и орошеніи. И се, при самомъ вступленіи во градъ нашъ Царицы неба и земли, хлябюи небесныя, дотолѣ заключенныя, тотчасъ пролились, какъ бы отверзтыя Ея всемогущею десницею! Не для того ли, да видимъ и разумѣемъ, что въ Ея власти всѣ стихіи,—что Она, какъ вліянію водъ, такъ и пламени огня можетъ рещи: *«до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя»* (Іов. 38, 2)? Если мы, воодушевленные симъ знаменіемъ, прибѣгнемъ съ вѣрою и чистымъ сердцемъ къ Ея всемогущему заступленію; если притомъ, подобясь Ей премилосердой, окажемъ усердную помощь пострадашимъ отъ пламени собратіямъ нашимъ; если, наконецъ, покажемъ любовь не къ ближнимъ токмо нашимъ, но и къ себѣ самимъ—исправленіемъ нашихъ злыхъ нравовъ, воздержаніемъ отъ пагубной роскоши, взаимныхъ пререканій, зависти, гордости, гнѣва и прочихъ страстей: то нѣтъ сомнѣнія, что огненное запаленіе, столько и такъ долго всѣхъ насъ тревожившее, молитвами Ея навсегда мимоидеть отъ насъ, и мы попрежнему будемъ наслаждаться безопасностію, миромъ и тишиною.

Да, братіе мои, безъ исправленія нашихъ нравовъ не можетъ сдѣлать благопотребнаго для насъ сама Матерь Божія. Ибо Ея сила есть сила Сына Ея; а сила самого Сына, въ благотворномъ явленіи своемъ, зависитъ отъ душевнаго расположенія и свойства гѣхъ, кои желаютъ пользоваться ею. *«Не сотвори въ нихъ силу многихъ»* (Мат. 13, 58), сказано въ Евангеліи о нѣкоторыхъ градахъ и весяхъ. Почему? *«За невѣрствіе ихъ»*. Невѣрствіе связало собою, можно сказать, самое всемогущество Сына Божія. Что сказано о невѣрствіи, тоже, и еще болѣе, должно сказать о нераскаянности во грѣхахъ, которая впрочемъ и заключается

всегда въ невѣрствіи, какъ смертоносный плодъ въ ядовитомъ сѣмени. Ни Сынъ Божій, ни пречистая Матерь Его не сотворятъ и въ насъ *силъ многоихъ*, не сотворятъ ни единой, если усмотрятъ въ насъ (а отъ Нихъ ли что можетъ укрыться?) невѣрствіе, нечистоту плотскую и ожесточеніе во грѣхахъ. Таковъ законъ святости Божіей, таково свойство правды вѣчной, что они ни въ какомъ видѣ не могутъ потворствовать въ насъ грѣху и неправдѣ. Посему, если хотимъ, чтобы градъ нашъ былъ градомъ Богоматери и находился подъ Ея особеннымъ покровомъ и заступленіемъ: то должны приложить все стараніе о чистотѣ нравовъ, о искорененіи соблазновъ, о пресѣченіи всего, что можетъ вести ко грѣху и располагать къ удаленію отъ Бога.

Мнѣ кажется, что это самое между прочимъ восхотѣла внушить намъ и небесная Покровительница наша событіемъ вчерашнимъ. Ибо припомните, что означаетъ въ словѣ Божіемъ омовеніе водою: всегда означаетъ покаяніе и измѣненіе жизни на лучшее. Да сбудется же сіе и надъ нами! Да измѣнятся нравы и жизнь наша. Мы невольны приняли вчера внѣшній знакъ—орошеніе водами: усвоимъ же себѣ добровольно и внутренній смыслъ сего знака—раскаяніе во грѣхахъ нашихъ, да примемъ за сіе и благодать сего таинства. Съ увѣренностію называю случившееся таинствомъ; ибо, если о израильтянахъ, бывшихъ съ вождемъ своимъ Моисеемъ подъ столпомъ облачнымъ, говорится посему у Апостола, что они *крестились во облацѣ* — въ *Моисея* (1 Кор. ю, 2); то почему и у насъ, кои, вмѣстѣ съ симъ чудотворнымъ ликомъ, прошли сквозь тучу и потоки водъ, не сказать, что и мы крещены вчера *во облацѣ*—въ *Матерь Божію*? Уразумѣемъ же силу сего крещенія, возлюбимъ Крестившую насъ и, какъ изшедшіе изъ купели пакубыггіа, начнемъ новую жизнь не по духу вѣка сего и требованіямъ плоти, какъ доселѣ многіе жили, а по заповѣдямъ Евангелія и уставамъ св. Церкви. Царица неба и земли, успокоившись теперь на мѣстѣ своемъ отъ труднаго вчера шествія съ нами, ожидаетъ теперь отъ насъ не свѣщей и ошмама (чѣмъ обыкли мы изъяслять предъ Нею усердіе свое), а слезъ покаянія, примиренія со врагами нашими, воздержанія отъ похотей плотскихъ, удовлетворенія обиженныхъ нами, благодушнаго претерпѣнія искушеній, готовности служить, чѣмъ можетъ кто, во славу Божію и на пользу нашимъ ближнимъ. Обрадуемъ матернее сердце Ея, и возблагодаримъ за Ея трудное шествіе къ намъ сими приношеніями и дарами, кои одни достойны Ея благодати и величества, и одни могутъ низвести на насъ и дома наши Ея всемогущее заступленіе. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ СРѢТѢНІИ НА ХОЛОДНОЙ ГОРѢ

ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ОЗЕРЯНСКОЙ *).

И съ радостію и страхомъ исходимъ предъ Тебя, Владычице! Исходимъ съ радостію: ибо вѣруемъ, что въ семъ дивномъ ликѣ твоємъ грядетъ къ намъ благодать Бога Сына твоего. — Исходимъ со страхомъ; ибо знаемъ, что Ты не терпишь грѣховной нечистоты, а мы всѣ покрыты ею. Оставалось бы и намъ, подобно Апостолу Христову, воскликнуть предъ Тобою: изыди отъ насъ, яко чловѣцы грѣшницы есмы! Но что будетъ съ нами, если еще Ты, премилосердая, удалишься отъ насъ? Когда бы Тебѣ угодно было видѣть праведниковъ, Ты бы пошла не къ намъ: но Ты, подобно Сыну твоему, хочешь взыскать и спасти погибшее. И мы исходимъ предъ Тебя, не яко достойные почтить, срѣтить и упокоить Тебя, но яко немощные духомъ и тѣломъ ко врачу душъ и тѣлесъ, яко блуждающіе во тмѣ къ наставнику и руководителю, яко ничтоже имущіе къ подательницѣ всѣхъ благъ. Гряди убо, Мати Божія и Матерь всѣхъ скорбящихъ, и осяни благодатнымъ ликомъ твоимъ градъ нашъ! Гряди и приими его подъ всемогущій покровъ твой! Се, онъ у ногъ твоихъ — вмѣстѣ съ душами и сердцами нашими!

*) Произнесенное во время новоучрежденнаго крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ, сентября 30 дня, 1844 года.

РѢЧЬ

ПРИ ВТОРОМЪ СРѢТЕНІИ НА ХОЛОДНОЙ ГОРѢ

ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ОЗЕРЯНСКОЙ *).

Какъ срѣтаемъ Тебя, Владычице! — срѣтаемъ и радуемся; ибо видимъ, что Ты не оставляешь насъ недостойныхъ. Но что представимъ Тебѣ радостнаго? Надлежало бы въ сей день явиться предъ Тебя съ новыми добродѣтелями; а мы предстаемъ съ тѣми же нечистотами и неправдами. Се, уже и знаменіе гнѣва небеснаго надъ нами! Едва Ты удалилась отъ насъ, какъ свирѣпый огонь началъ ходить по стогнамъ нашимъ и одесятствовать дома и вертоградъ наши. Что и теперь грядетъ во слѣдъ Тебя? не знаемъ; но вѣруемъ и уповаемъ, что грядетъ не судъ и казнь, а милость и спасеніе; ибо Ты Матерь Того, кто сказалъ о Себѣ: *придохъ не да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. 3, 17).

Граждане града Харькова, отверзите дома и сердца ваши для принятія Богоблагодатной! Трудяющіеся и обремененніи, окружите паки Матерь всѣхъ скорбящихъ! Служители алтаря, предначните снова хвалебныя пѣсни во славу Той, юже славословятъ Херувими и Серафими!

Всякъ земнородный да взыграетъ духомъ, торжествуя, и да воспоетъ, радуясь, Тоя чудеса!

*) Сказанное во время крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ, сентября 30 дня, 1845 года.

предъ Матерію всѣхъ скорбящихъ, и предайте Ей навсегда души и сердца ваши!

Благословенъ Господь, пославый намъ въ день сей знаменіе милости и благодати своей столь же великое, какъ и для всѣхъ видимое!

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ КРОВОСТАГО ХОДА,

ВНОВЬ УЧРЕЖДЕННАГО, СЪ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ АХТЫРСКІЯ. ВЪ СВЯТОТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ *).

езъ особеннаго намѣренія у насъ, но конечно, не безъ провидѣнія свыше, такъ вышло, что ежегодное торжественное изшествіе чудотворнаго образа Богоматери изъ храма сего совершается въ нынѣшній день, когда, по уставу святыя Церкви, творится молитвенная память о всѣхъ, отъ вѣка усопшихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ. Вслѣдствіе сего мы отъ хвалебныхъ пѣсней въ честь Богоматери переходимъ къ плачевнымъ пѣснопѣніямъ о смерти и судѣ трашномъ; а отъ нихъ паки возвращаемся на похвалу Преблагословенныя. Можетъ быть, это представляется кому либо умаленіемъ торжества въ честь Богоматери; а въ самомъ дѣлѣ это скорѣе составляетъ его полноту и силу; ибо такимъ образомъ ясно показывается, что покровъ Богоматери, подобно заслугамъ Сына Ея, простертъ не только надъ всѣми живыми, но и надъ всѣми почившими. И кого было намъ лучше взять въ Руководительницу нашихъ молитвъ ко Господу о усопшихъ братіяхъ нашихъ, какъ не пречистую Матерь Его? — Съ Ея всемошнымъ представительствомъ о нихъ и наши слабыя моленія получаютъ силу, и наше косное сердце воспламенится огнемъ вѣры и любви чистой, Посему мы можемъ быть увѣрены съ благонадежностію, что почившимъ братіямъ нашимъ весьма отраднo, что день поминовенія ихъ содѣлался днемъ торжественнаго шествія Богоматери изъ храма сего и града въ обитель Святыя Троицы. Ибо насто-

*) Сказанное въ ахтырскомъ соборѣ, въ субботу предъ пятидесятницею.

ящій день всенародныхъ молитвъ о нихъ есть потому самому какъ бы день ихъ собственнаго годоваго праздника: и вотъ, въ сей самый день, Матерь Божія, въ чудотворномъ ликѣ своемъ, ежегодно будетъ проходить мимо ихъ могиль, будетъ осѣнять мѣсто покоища ихъ своимъ благодатнымъ взоромъ, и безъ сомнѣнія, доставитъ новый покой душамъ ихъ.

Возблагодаримъ же Господа, что новое торжество наше и въ семъ отношеніи доставляетъ всѣмъ намъ новую ограду, и будемъ совершать его съ полнымъ усердіемъ. То есть, какъ совершать?

Посѣщая во первыхъ въ сей день храмъ сей и сопутствуя Богоматери въ Ея шествіи. Нужно напомнить и объ этомъ; ибо есть, кои готовы забыть и это. А забывать не надобно. Ибо какъ же? Ужели Матери Божіей одной идти изъ града? Кто въ такомъ разѣ не осудилъ бы жителей его? И суровость погоды, могущая иногда быть въ это время, не причина оставаться намъ дома. Ибо эта же суровость не препятствуетъ намъ выходить изъ домовъ по своимъ дѣламъ житейскимъ и совершать даже дальнія путешествія. Ужели же для Матери Божіей мы не сдѣлаемъ того, что дѣлаемъ для себя и для другихъ? Опасаться вреда для здоровья нельзя: ибо шествіе бываетъ въ такую пору года, когда и дождь и вѣтеръ безвредны для здоровья, потому что растворены весеннею теплотою. Итакъ, дадимъ обѣтъ никогда не оставлять шествія съ Богоматерію, всегда и сопровождать Ее отходящую и срѣтать приходящую. Да будетъ сіе хотя малою ежегодною данію отъ насъ Ей за Ея, такъ сказать, сожителство и пребываніе между нами, въ чудотворномъ ликѣ Ея.

Еще большее окажется съ нашей стороны усердіе, если мы въ настоящій день въ честь Матери Божіей будемъ совершать какія либо дѣла благія. Тебѣ, напримѣръ, долженъ извѣстною суммою такой-то бѣдный человѣкъ и уплата съ его стороны почти невозможна, а тебя она не можетъ ни обогатить, ни разорить. Скажи ему нынѣ, что въ честь Богоматери прощается ему сей долгъ. Или—тебя оскорбилъ извѣстный человѣкъ; ты можешь, по закону, подвергнуть его за сіе немалому наказанію: вмѣсто преслѣдованія отпусти ему нанесенное тебѣ оскорбленіе и скажи, что это дѣлается тобою въ честь Богоматери. Далѣе, ты знаешь, что въ извѣстной хижинѣ обитаетъ бѣдность, что тамъ, можетъ быть, нѣтъ на завтрашній праздникъ, не только яствъ тучныхъ, но и хлѣба. Возвращаясь съ крестнаго хода, зайди въ эту хижину, оставь тамъ, что можешь, на помощь и

скажи, что это прислано отъ Богоматери. И мало ли способовъ дѣлать добро, только бы захотѣли дѣлать его! А между тѣмъ какъ это будетъ приятно Матери Божіей! Какъ будетъ отрадно для нашего собственнаго сердца! Если мы будемъ поступать и святить такимъ образомъ день настоящій: то, будьте увѣрены, Владычица земли и неба не останется въ долгу у насъ, и испроситъ намъ отъ Бога Сына своего новыя милости и благословенія.

Можемъ и еще оказать одинъ видъ усердія къ Матери Божіей. Чѣмъ? Если будемъ въ честь Ея ежегодно оказывать милость и благодѣяніе самимъ себѣ. Какое благодѣяніе? То, чтобы хотя одинъ изъ тѣхъ дней, на кои Богоматерь оставляетъ здѣсь мѣсто свое, посвятить на размышленіе о своей жизни, на бесѣду съ своею совѣстію, на узнаніе того, въ какомъ состояніи наша душа, куда ближе мы, къ небу или аду. Такое дѣло будетъ истиннымъ и великимъ благодѣяніемъ для насъ самихъ: ибо такимъ образомъ мы можемъ придти въ чувство, отстать отъ многихъ грѣховъ, вообще съ каждымъ годомъ дѣлаться лучше. Хотя это будетъ полезно намъ, но Матерь Божія приметъ сіе за особенный даръ для Ней самой: ибо Ея пища, покой и веселіе—наше спасеніе. Для сего,—то есть, чтобы тронуть ожесточенныхъ грѣшниковъ, подкрѣпить слабыхъ вѣрою, утѣшить изнемогающихъ, для сего Она и благоволила явить Себя здѣшнему граду въ чудотворномъ ликѣ своемъ; для сего, то есть, для нашего покаянія и исправленія, совершила Она всѣ чудеса и знаменія, отъ Ней въ продолженіе цѣлаго вѣка явленная; для сего Она возблаговолила ежегодно совершать и новое шествіе въ обитель Святыя Троицы, пребывать тамъ слѣдующую седмицу и возвращаться сюда въ день всѣхъ Святыхъ.

Поймемъ же цѣль новаго священноторжественнаго шествія нашего, возлюбленные!—Да послужитъ оно не очамъ нашимъ—во зрѣлище, а душамъ—въ пищу и спасеніе. Кто обращался вблизи съ какимъ либо великимъ человѣкомъ, тотъ отъ обращенія съ нимъ всегда заимлетъ нѣчто лучшее, чего въ немъ самомъ не было. Да будетъ то же и отъ шествія нашего съ Матерію Божією; да возвращаемся въ дома наши смиренномудрѣ, богобоязненнѣ и любвеобильнѣ, дабы всѣмъ и во всемъ было ошутительно, что мы находились съ Матерію Божією.—Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ КРЕСТНАГО ХОДА.*)

акъ однѣ и тѣже причины производятъ неодинаковыя дѣйствія! Новый миръ, послѣ упорной и тяжелой брани, какова была прошедшая, естественно для всѣхъ служить въ отраду и успокоеніе; служить къ тому же и для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ радость о мирѣ соединена съ чувствомъ ущерба и лишенія, тѣмъ чувствительнѣйшимъ, что они не вещественны, а духовны. Вслѣдствіе новаго мира, мы должны разстаться съ симъ чудотворнымъ ликомъ небесной Заступницы нашей, къ которому такъ привыкли и очи и сердца наши. Поелику Она пришла къ намъ не навсегда, а на время токмо брани, дабы раздѣлить съ нами опасности; то, по прекращеніи ужасовъ военныхъ, естественно шествуетъ теперь обратно къ мѣсту своего пребыванія.

Вы знаете, что это за мѣсто: — не градъ какой либо, а малая и безвѣстная весъ, но избранная самою Богоматерію, и потому предъ всѣми нашими градами имѣющая преимущество — быть вмѣстилищемъ сея святыни.

Будемъ ли завидовать въ семъ этой малой веси?—Напротивъ, это самое должно поучать всѣхъ насъ смиренію и тому, чтобы мы не возлагали упованія на славу и богатство и на прочія земныя отличія, кои важны и могутъ значить много въ очахъ человѣческихъ, а предъ Окомъ всевидящимъ—суть яко ничтоже. Какъ самъ возлюбленный Спаситель нашъ избралъ мѣстомъ своего рожденія не славный и шумный Иерусалимъ, а малый

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 13 мая 1856 г., при возвращеніи изъ Одессы въ селеніе Касперовку чудотворнаго образа Богоматери Касперовской.

Виоелемъ и въ Виоелемъ не пышные чертоги, а убогій вертепъ и малоуѣбныя ясли; равно какъ мѣстомъ воспитанія и пребыванія Его до тридцати лѣтъ служилъ опять не какой либо изъ именитыхъ градовъ іудейскихъ, а малый и презираемый за свою скудость Назаретъ: такъ и пречистая Матерь Его, минуя всѣ грады страны нашей, благоволила просіять сему лику своему чудесами и знаменіями въ малой, и никому почти невѣдомой дотолѣ, веси Касперовской. Но, какъ Спаситель нашъ избралъ мѣстомъ рожденія и воспитанія своего малыя и неславныя обиталища не для того, чтобы заключить въ нихъ благодатныя плоды своего пришествія въ міръ, а чтобы распространить потомъ изъ нихъ спасеніе и жизнь на всю вселенную: такъ и пречистая Матерь Его явила отъ лика своего чудеса первѣе въ бѣдной веси, но съ тѣмъ, чтобы простерть потомъ благодатный покровъ свой и на всю страну нашу.

Доказательствомъ сему служимъ мы и градъ нашъ. Признаемся и исповѣдаемъ со смиреніемъ, что мы были изъ наименѣе достойныхъ милости Царицы небесной. Ибо, кромѣ грѣховъ и неправдъ нашихъ, когда другіе грады, одинъ за другимъ, спѣшили освятить себя присутствіемъ новаго чудотворнаго лика Ея, мы довольствовались одними слухами о чуждомъ усердіи. Уже когда совершенно нависла надъ нами туча бѣдствій и ударилъ сильный громъ, уже тогда только мы, оставивъ всякія размышленія, воззвали къ Взбранной Воеводѣ о помощи. И, премилосердая Владычица, не памятуя нашего замедленія, вскорѣ услышала гласъ моленія нашего, и не только явилась къ намъ въ семь ликѣ своемъ, но и осталась во градѣ нашемъ на все продолженіе брани, подобно матерямъ, заключающимся ради дѣтей своихъ вмѣстѣ съ ними въ какомъ либо опасномъ мѣстѣ.

Внимательные къ путямъ Божиимъ, съ пришествіемъ во градъ нашъ лика Царицы небесной, тогдаже уразумѣли всеблагіи совѣтъ Божій о насъ и градѣ нашемъ, восклонили главы свои и возымѣли твердую надежду, что Взбранная Воевода силъ небесныхъ не всуе и бесплодно посѣтила насъ, и что съ Нею грядетъ къ намъ безопасность и спасеніе: и упованіе ихъ не посрамилось! — Туча брани, висѣвшая столько времени надъ нами, разсѣялась и исчезла, а мы остались цѣлы и невредимы: другіе, болѣе, по видимому, удаленные отъ опасности, грады должны оплакивать разореніе своихъ жилищъ и потерю имуществъ; и изъ жителей нашего града, когда и удалялись нѣкоторые, то снова всегда возвращались съ миромъ въ жилища свои.

Теперь, когда начинаютъ приходиться въ извѣстность замыслы противу насъ прежде бывшихъ враговъ нашихъ, мы узнаемъ, съ удивленіемъ, какъ одинъ изъ военачальниковъ непріятельскихъ. вообразивъ, что Севастополь держится такъ упорно вліяніемъ и пособіемъ Одессы, неоднократно давалъ повелѣніе своему, праздно стоявшему, флогу, произвести нападеніе на насъ: приказаніе сіе повторяемо было четырёхкратно, и ни разу не пришло въ исполненіе. Почему? Кто воспятилъ это? Какой либо явный или тайный союзникъ нашъ? — Нѣтъ, это сдѣлалъ нашъ первый тогдашній врагъ и противникъ, самъ повелитель галловъ. Ему не менѣе британскаго вождя нужно было паденіе Севастополя, а для сего предварительное разрушеніе Одессы; издали ему еще менѣе видно было, что Одесса нисколько не виновна въ неодолимости твердыни крымской: и однако же онъ, вопреки мнѣнію своего военачальника, и слѣдовательно, вопреки собственныхъ своихъ выгодъ, удерживаетъ четырёхкратно тѣ громы, кои, можно сказать, уже пущены были на насъ. Что удерживаетъ его самого въ семъ случаѣ? Безъ сомнѣнія, не сожалѣніе о насъ, а какая либо другая мысль: но въ чемъ бы ни состояла эта мысль, — это несогласіе на счетъ судьбы града нашего повелителя галловъ съ своимъ военачальникомъ, это оставленіе насъ въ покоѣ, когда такъ близко и такъ долго пылалъ пламень войны и мы почитались причиною его продолженія, — все это такъ неожиданно и неестественно, что невольно приводитъ къ мысли о заступленіи насъ въ семъ случаѣ свыше. Какъ будто кто въ это время невидимо стоялъ за повелителемъ галловъ и — тѣмъ или другимъ образомъ — вложилъ въ сердце его рѣшимость — не разрушать Одессы, почитая то или ненужнымъ, или неудобоисполнимымъ. Кто же могъ сдѣлать это, кромѣ силы высшей? И какая изъ высшихъ силъ была на то время ближе къ намъ и граду нашему, какъ не сила пребывавшей среди насъ Взбранной Воеводы силъ небесныхъ?

Это благодѣяніе къ намъ невидимое: вотъ всѣми видѣнное!

Вспомните о томъ грозномъ седмодневіи, когда едва не вся морская сила враговъ нашихъ внезапно явилась на водахъ нашихъ, и когда многіе у насъ и не изъ малодушныхъ воображали, что наступаетъ послѣдній часъ Одессы. Смущенные страхомъ, ожидаемъ нападенія день, ожидаемъ другой, третій; не можемъ понять причины, что удерживаетъ враговъ отъ нападенія: но они стоятъ праздно! продолжаютъ это непонятное бездѣйствіе цѣлую

седмицу; и потомъ, никѣмъ же гонимые и нимало не воспящаемые въ дѣйствиіи, удаляются невозвратно.

Кто не дивился такому странному явленію предъ нами враговъ нашихъ? Кто не признавалъ неожиданнаго удаленія ихъ за особенную милость Божию ко граду нашему? — Но, чему могли быть обязаны мы сею милостію? Какимъ либо добродѣтелямъ нашимъ и заслугамъ предъ Богомъ? Гдѣ онъ? Не можемъ даже утверждать, чтобы эта милость была слѣдствіемъ нашего покаянія во грѣхахъ; ибо, увы, многого не достаетъ доселѣ къ его дѣйствительности! Одно несомнѣнно, что надъ градомъ нашимъ былъ простертъ въ это время особенный покровъ Матери Божіей, какъ свидѣтельствовалъ о томъ Ея ликъ чудотворный, между нами пребывавшій.

И съ симъ-то священнымъ и спасительнымъ ликомъ мы должны теперь разстаться! — Мысль нерадостная, конечно, для набожнаго усердія къ Богоматери, но нисколько не могущая смутить вѣры истинной, которая, по самому существу своему, любить жить не столько въ видимомъ и осязаемомъ чувствами тѣлесными, сколько въ невидимомъ и духовномъ. Для духа, братіе мои, нѣтъ пространства и разстояній вещественныхъ: онъ тамъ, гдѣ предметъ его уваженія и любви. Посему, если мы любимъ и почитаемъ Матерь Божию воистину, то мы всегда будемъ съ Нею въ духѣ, гдѣ бы ни находился внѣшній ликъ Ея. У насъ сдѣлано Царицею небесною все, что было нужно, по нашимъ обстоятельствамъ: надобно, чтобы Она возвеселила чудотворнымъ ликомъ своимъ и прочіе грады, кои на все время брани лишены были утѣшенія—созерцать его и поклоняться ему. — Чтобы память благодѣяній Богоматери ко граду нашему не охладѣла въ комъ либо, для сего пятокъ каждой седмицы будетъ, по прежнему, посвященъ въ семь храмъ хвалебному пѣснопѣнію во славу Ея, на память и родамъ грядущимъ.

Успокоенные сими мыслями, съ миромъ изыдемъ на сопровожденіе небесной Заступницы нашей, и воздая Ей послѣднее на сей разъ поклоненіе, рцемъ вси изъ глубины души: Мати Божія, Ты защитила насъ отъ нападенія внѣшнихъ враговъ: слава Твоему милосердію о насъ! но, Ты зришь, Всевѣдущая, какими окружены мы врагами внутренними, сияющимися восхитить у насъ самое вѣчное спасеніе наше: не остави убо насъ Твоею благодатною помощію къ побѣжденію ихъ, и, еще благоугодно Тебѣ, прійди и паки посѣти насъ въ семь чудотворномъ ликѣ твоемъ!—Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПРОВОДНОГО ХОДА *).

о прежнему, собрались мы, братіе, вспомнать день рожденія града нашего и освятить его молитвами и крестнымъ шествіемъ по стогнамъ градскимъ, — собрались по прежнему, но какая разность въ обстоятельствахъ настоящаго времени въ сравненіи съ прошедшимъ! Тогда мы всѣ радовались, вспоминая не только начало нашего города, но и начало царствованія Благочестивѣйшаго Монарха нашего; ибо въ этотъ же самый день онъ былъ увѣнчанъ вѣнцемъ царскимъ. Теперь сія послѣдняя радость прешла и никогда уже не возвратится къ намъ болѣе; ибо этотъ Монархъ, или точнѣе сказать тридцатилѣтній Державный труженникъ воззванъ отъ земли для пріятія за труды свои вѣнца небснаго. Прежде море наше въ настоящій день всегда покрыто было кораблями изъ всѣхъ странъ, и каждый изъ плователей охотно принималъ участіе въ нашей радости, свидѣтельствуя о томъ звукомъ своихъ орудій: теперь это море пусто и закрыто для насъ самихъ; видны на немъ только недоброжелатели наши, насъ стрегущіе. Самый городъ представляетъ изъ себя не то, что прежде: нѣтъ этого множества всякаго рода посѣтителей, и своихъ и иноземныхъ; нѣтъ этого непрестаннаго движенія и шума, происходящихъ отъ торговли и промышленности; даже многихъ постоянныхъ жителей города нѣтъ, и дома ихъ стоятъ едва не пусты; ибо благоразуміе заставило многихъ удалиться отъ бреговъ морскихъ и оставить городъ: картина печальная и доселѣ здѣсь никогда невиданная!

*) Произнесенное, по литургіи, въ женскомъ Михайловскомъ монастырѣ, 22 августа 1855 г. въ память основанія города Одессы.

Что же? Ужели и намъ, вслѣдствіе такой превратности обстоятельствъ, надлежало забыть день настоящій и престать освящать его молитвою и благодареніемъ Господу? Да не будетъ! Ибо, это значило бы какъ бы отречься, хотя на время, отъ собственного своего бытія гражданскаго и вознегодовать, подобно Юву, на самый день рожденія града нашего. Это значило бы показать, что наше усердіе ко Господу и наша благодарность за дарованіе граду нашему бытія и существованія были только слѣдствіемъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ коихъ мы доселѣ находились. Нѣтъ, сего не будетъ, никогда не будетъ! Собирались мы въ день настоящій предъ симъ алтаремъ благодати, когда все благоприятствовало намъ; не престанемъ собираться, хотя бы все стало противу насъ!

Сего требуетъ впрочемъ не только долгъ благодарности предъ Богомъ, толико благодарившимъ, но и собственное благо наше. Ибо, въ часы горести и искушеній, какъ наши, куда и обратиться за помощію и утѣшеніемъ, какъ не къ престолу благодати, въ храмъ Господень? Что можетъ скорѣе и вѣрнѣе привлечь на насъ и градъ нашъ милосердіе Божіе и возвратитъ намъ дни безмятежные и благіе, какъ не наше смиреніе и молитва?

«Но, можетъ быть, Господь забылъ и оставилъ насъ навсегда, какъ то сдѣлалось и съ возлюбленнымъ нѣкогда народомъ Божиимъ, за его тяжкія прегрѣшенія?» Нѣтъ, братіе мои, при всѣхъ грѣхахъ и виновности нашей предъ Богомъ, мы, благодаря Его безприкладному милосердію, не можемъ сказать сего: ибо самое разсмотрѣніе обышедшихъ насъ золь и искушеній свидѣтельствуетъ о противномъ, то есть, что мы не оставлены Господомъ, хотя и подвергнуты наказанію; ибо каждое изъ бѣдствій нашихъ видимо растворено утѣшеніемъ свыше. Такъ, мы лишились Монарха мудраго, твердаго, великодушнаго, благочестиваго: но престолъ Его не остался празденъ, какъ это бывало нѣкогда неразъ къ величайшему вреду отечества. Нынѣ онъ немедленно занятъ августѣйшимъ сыномъ его, коего одно имя уже напоминаетъ собою все, что есть великаго и благословеннаго въ исторіи народовъ. Мы окружены и стѣснены врагами: но много ли успѣли доселѣ сдѣлать они со всѣми своими силами, со всѣмъ искусствомъ и мужествомъ? Не наши ли брега видѣли малоуспѣшность ихъ средствъ и ярости? Не одна ли твердыня въ краю нашемъ—только одна—заслонила и заслоняетъ собою уже цѣлый годъ всю Россію, и не даетъ ступать имъ ни шага далѣе? Все

сіе ясно говоритъ, что Господь *наказуя наказа насъ* (и можемъ ли сказать, что не за что было наказать?), *смерти же не предаде насъ* (Псал. 127, 18).

Хотимъ ли ускорить возвращеніе къ намъ милости Божіей и дней мирныхъ? Для сего возревнуемъ объ истинномъ покаяніи и перемѣнѣ нашихъ нравовъ и жизни; ибо Господь нашъ, по самому существу своему, есть Богъ милости и щедротъ, *Богъ приближаяйся*, а не *Богъ издалеча* (Іер. 23, 23), какъ говоритъ Пророкъ; отдаляетъ же Его отъ насъ—вмѣстѣ съ чѣмъ приходитъ къ намъ и пагуба — не что другое, какъ грѣхи наши и особенно наша нераскаянность въ оныхъ. Отнимемъ сіе несчастное сродствѣніе—покаяніемъ; и Господь паки станетъ близъ насъ, а съ Нимъ обыдетъ насъ паки и миръ и благословеніе.

Но, Господи, уязвленные грѣхами стопы наши такъ слабы, свыкшаяся съ беззаконіями воля наша такъ упорна противу закона твоего, что мы, и при всемъ желаніи, не въ силахъ оставить совершенно и скоро путь нечестія и пагубы, и обратиться къ Тебѣ, источнику жизни и блаженства: *хотѣти доброе* еще *прилежитъ* намъ; *еже содѣяти* — не *обрѣтаемъ* (Рим. 18, 18). Самъ убо воздѣйствуй на души и сердца наши твоею всемошною благодатію, и отними у нихъ окамененіе во грѣхахъ! Самъ *обрати ны* къ Тебѣ, и *обратился* (Іер. 20, 18) во истину! Аминь.

ПО СЛУЧАЮ КРЕСТНОГО ХОДА

ИЗЪ Г. ХЕРСОНА ВЪ С. КАСПЕРОВКУ, СЪ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ
КАСПЕРОВСКОЙ *).

же явились два первоверховныхъ Апостола **), для сопровожденія Матери Божіей, при Ея возвратномъ шествіи къ мѣсту своего пребыванія. Явились, говорю, два Апостола: ибо, не думайте, чтобы мы одни сопровождали Богоблагодатную въ Ея шествіи; нѣтъ, вмѣстѣ съ нами, невидимо сопутствуютъ Ей лики ангеловъ и соборы святыхъ. И какъ бы могло быть иначе? Если царицы земныя никогда не являются предъ собраніемъ народа безъ сопровожденія ихъ лицами высокими и всѣми уважаемыми; то Царицу-ли неба и земли оставлятъ едину въ Ея торжественномъ шествіи небожителю, кои въ созерцаніи Ея совершенствъ и въ прославленіи ихъ находятъ для себя неисчерпаемый источникъ радости и блаженства? Посему-то Она и на св. иконахъ изображается большею частию окруженною собораму ангеловъ и святыхъ. Это—не воображеніе живописцевъ, а самая истина, или точнѣе сказать, только тѣнь истины: ибо, въ какой бы славѣ мы ни изображали Ее, никогда не можемъ изобразить, какъ бы слѣдовало, въ Ея пренебесномъ величіи.

Итакъ, мы пойдемъ за Матерію Божію, въ сопровожденіи ангеловъ и святыхъ. Думаю благочестно, что и души усопшихъ братій нашихъ, когда мы будемъ проходить мимо мѣста ихъ

*) Произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1851 г.

***) Обратному ходу крестному изъ Херсона въ Касперовку ежегодно положено было совершаться 29 іюня, въ день св. Апостоловъ Петра и Павла.

упокоенія въ нѣдрахъ земныхъ *), не останутся неподвижны; изыдутъ незримо, кому изъ нихъ то возможно, на срѣтеніе Заступницѣ живыхъ и мертвыхъ и воздадутъ Ей достоюжное поклоненіе.

Все это, братіе мои, не новое ли побужденіе совершать намъ крестное шествіе наше не только со внѣшнимъ приличіемъ, скромностію и благочиніемъ, но и съ духомъ вѣры въ сердцахъ, съ благоговѣніемъ въ душахъ? Да удалятся отъ насъ посему въ сей день (о, если бы и навсегда!) всякая молва и клить, тѣмъ паче всѣ знаки невоздержанія, коими, къ сожалѣнію, обыкли ознаменовываться, или лучше сказать, омрачаться и безобразиться у нѣкоторыхъ дни праздничные! Да познаютъ иновѣрцы изъ самаго образа духовныхъ торжествъ нашихъ, какъ чиста и свята вѣра наша, и тронувшись тѣмъ, что видятъ, да научатся уважать и любить, чего не видятъ. Велика сила примѣра христіанскаго! Она дѣйствуетъ разительнѣе всякаго слова. Если бы христіане вели себя и жили, какъ того требуетъ евангеліе; то давно бы, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, не осталось ни одного еврея и магометанина; ибо всѣ охотно преклонились бы съ вѣрою предъ евангеліемъ и крестомъ, видя, какъ они измѣняютъ человѣка на лучшее.

Не будемъ, по крайней мѣрѣ, показывать въ себѣ худшаго, памятуя, что наше положеніе не похоже на положеніе другихъ градовъ отечественныхъ; что мы окружены иновѣрцами; что посему все, и доброе и худое, наше для нихъ видимо и ими цѣнимо—къ чести или безчестию самого христіанства.

Мату Божія! Благодаримъ Тебя за посѣщеніе града нашего, и да простишь намъ любовь твоя, если взоръ твой не обрѣтаетъ въ насъ теперь всѣхъ плодовъ твоего пребыванія между нами! Но Ты зришь нашу вѣру въ Сына твоего и любовь къ Тебѣ: гдѣ сія вѣра и таковая любовь, тамъ, надѣмся, явится твоими молитвами и добродѣтель. Аминь.

*) Крестный ходъ проходитъ мимо кладбища херсонскаго.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ОБРАТНАГО ПРОВОТНАГО ХОДА

ИЗЪ ХЕРСОНА ВЪ С. КАСПЕРОВКУ, СЪ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ КАСПЕРОВСКОЙ *).

уда идетъ отъ насъ Матерь Божія, и почему не пребываетъ съ нами? Идетъ къ мѣсту первобытнаго явленія своего, которое, по той самой причинѣ, имѣетъ оставаться мѣстомъ и постоянного Ея пребыванія. Какъ во время земной жизни своей, Богоматерь обитала большею частію не въ Иерусалимѣ, или другомъ какомъ либо изъ знатнѣйшихъ градовъ Иудиныхъ, а въ бѣдномъ, незнатномъ и даже презираемомъ иудеями, Назаретѣ: такъ и теперь Ей благоугодно было просіять знаменіями и чудесами своими не въ какомъ либо изъ значительнѣйшихъ градовъ нашихъ, а въ бѣдной и малоизвѣстной веси Касперовской.

Будемъ ли посему завидовать сѣй веси? Напротивъ, это должно научить всѣхъ насъ кротости и смиренію, кои низводятъ на человѣка особенное благоволеніе свыше. *На кого*, говоритъ самъ Господь у пророка, — *на кого воззрю, токмо на кроткаго, и смиреннаго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ?*—Видите, какъ много значить у Господа наше смиреніе! Онъ взираетъ на *человѣка* смиреннаго, какъ на нѣкую драгоценную рѣдкость: радуется о ней и какъбы любитъ ею. А какъ легко, казалось бы, всѣмъ намъ стяжать эту прекрасную добродѣтель! Ибо смиряться постоянно праведнику, можетъ быть, иногда и не такъ удобно, по причинѣ невольнаго сознанія своихъ совершенствъ и добродѣтелей; а смиряться грѣшникамъ,—каковы всѣ мы,—что за трудъ и что за невозможность? Если только въ насъ есть

*) Произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1852 г.
Печатано съ рукописи. Ред.

сколько нибудь чувства и совѣсти, то это и естественно и необходимо.

Съ другой стороны, если какой добродѣтели мы могли научиться отъ самой Матери Божіей, то смиренію: ибо, хотя Она была исполнена всѣхъ совершенствъ, но первѣе и сильнѣе всего въ Ней, какъ нѣкій драгоценный камень въ вѣнцѣ царскомъ, сіяло пресвятое смиреніе. Оно-то и привлекло на Нее всю полноту благодати Божіей; за него-то Она избрана изъ всѣхъ дочерей Адамовыхъ въ Матерь Единородному Сыну Божію: *яко призрѣ*, исповѣдуетъ сама Она въ благодарной молитвѣ къ Господу, — *яко призрѣ на смиреніе рабы своея*.

Пойдемъ же во смиреніи духа и сердца за Преподобную до мѣста Ея явленія и пребыванія, и воздадимъ такимъ образомъ честь сему мѣсту, не взирая на его простоту и незначительность земную. Пойдемъ съ такими же чувствами, какъ шли нѣкогда волхвы изъ богатаго Востока въ бѣдный Вифлеемъ. Кто владѣетъ драмами счастья земнаго, тотъ неси, подобно волхвамъ, въ даръ Пречистой свое золото и ливанъ. А кто самъ алчетъ и жаждетъ, тотъ явись, подобно пастырямъ вифлеемскимъ, безъ даровъ, но съ живою вѣрою и простотою. Въ такомъ случаѣ, за него сами ангелы воспоютъ хвалебный гимнъ во славу Преподобныхъ. Только никто не имѣй дерзости и злаго духа Афѳоніева, того злополучнаго Афѳонія, который, какъ говоритъ преданіе, осмѣлился было возмутить самое пренесеніе апостолами тѣла Богоматери, по Ея успенію, въ Геѳсиманію. Онъ былъ наказанъ за свою дерзость слѣпотою и отъятіемъ рукъ. Тоже можетъ быть и теперь: Матерь Божія есть матерь всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, коль скоро они имѣютъ вѣру и сыновнюю любовь къ Ней; но для невѣрующихъ, безчинныхъ и прдерзыхъ Она въ то же время есть премудрая наказательница и грозная отмстительница. Имѣяй уши слышати сіе, да слышитъ и блюдетъ свою душу! Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ПРВОМУГО ХОДА

ВЪ ПАМЯТЬ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА ОДЕССЫ *).

Разднуя въ прошедшіе годы настоящее, сугубое, торжество наше, въ память священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя нашего и въ память основанія, и такъ сказать, рожденія града нашего, мы всякій разъ по сему случаю обращались мыслию болѣе къ нашему прошедшему; ибо въ немъ преимущественно находили для себя всегда готовый и обильный источникъ для всеобщаго назиданія и духовнаго утѣшенія.

Нынѣ, братіе мои, напротивъ! И мысль и чувство всѣхъ и каждаго невольно останавливаются уже не на прошедшемъ, а въ настоящемъ и будущемъ; и понятно—по какой причинѣ: потому, что не только городъ нашъ, но и все возлюбленное отечество наше находятся нынѣ въ особенныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Нужно ли много объяснять предъ вами, въ чемъ эта особенность и чрезвычайность?—Каждый видитъ, что Россія, со времени приснопамятнаго 1812 года, никогда не находилась въ такомъ враждебномъ облежаніи отъ народовъ чуждыхъ, какъ нынѣ. Правда, противъ насъ теперь не двадцать языкъ, какъ было тогда, а только три народа: но эти языки, по ихъ многочисленности и силѣ, а паче по ихъ злобѣ и ожесточенію противъ насъ, равны многимъ племенамъ и народамъ. Притомъ, если видимо противъ насъ трое, то невидимо и тайно—едва не всѣ враждуютъ противъ насъ и ждутъ благопріятнаго случая, чтобы стать от-

*) Произнесенное въ Михайловскомъ монастырѣ, 22 августа 1854 г.
Печатано съ рукописи.

крыто въ ряды супостатовъ нашихъ. Даже о тѣхъ державахъ, коимъ мы были не разъ во спасеніе отъ явной гибели и отъ коихъ по всему праву могли ожидать если не дружества и помощи, то справедливости и безпристрастія, — даже о такихъ должно, къ сожалѣнію, сказать словами св. Давида, что они *отдалече насъ сташа*, и давно начали *поучаться суетнымъ*.

Все это видимо не можетъ радовать никого.

А когда подумаемъ о томъ, что замыслили противу насъ наши враги и чего хотятъ непременно достигнуть, — во что бы то ни стало, то есть, ослабленія и униженія нашего отечества; а когда представимъ, какого напряженія силъ, какихъ жертвъ и лишеній требуетъ и будетъ требовать отъ насъ эта борьба съ такимъ множествомъ озлобленныхъ противниковъ; когда наконецъ вообразимъ, что все это и для насъ и для всего человѣчества неминуемо должно стоить великихъ потоковъ слезъ и крови: то свѣтлость настоящаго торжества нашего легко можетъ обратиться въ самый нерадостный сумракъ, среди коего мѣсто уже не веселію и радости, а всеобщему сѣтованію, или безотрадному молчанію.

(Не кончено).

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПРОВОТНАГО ХОДА *).

такъ, богоспасаемый градъ Николаевъ, какъ бы водимый предчувствіемъ будущаго, ты не напрасно возжелалъ въ прошедшемъ лѣтѣ видѣть среди стѣнъ твоихъ сіе чудотворное изображеніе Матери Божіей и взбранной Воеводы силъ небесныхъ, и не видѣть только возжелалъ, но и усвоить для себя благодатное посѣщеніе Ея въ каждое лѣто. Предчувствіе твое исполнилось! Жестокая брань обняла уже собою всѣ концы земли отечественной. Цѣлыя многочисленныя народы снова готовы совокупиться противу насъ единыхъ; даже тѣ изъ нихъ, коимъ мы недавно были во спасеніе отъ видимой пагубы, и тѣ отладече насъ сташа и поучишася тщетнымъ.

Противу такого множества видимыхъ враговъ и тайныхъ недруговъ, есть у насъ, благодареніе Господу, немало и естественныхъ средствъ къ защитѣ: имѣемъ многочисленное и храброе воинство, коему не впервые сражаться и побѣждать не считая враговъ; имѣемъ вождей мудрыхъ и опытныхъ, коихъ имена и подвиги уже давно пронеслись со славою далеко за предѣлами отечества; паче же всего есть у насъ на престолѣ такой Вѣнецъносецъ, коему равнаго видимо нѣтъ нынѣ во всѣхъ царяхъ земныхъ, коему за его вѣру и смиреніе предъ Царемъ небеснымъ дано свыше совершить столько важнаго и великаго для блага не только Россіи, но и цѣлаго свѣта, что всякое покушеніе противъ

*) Произнесенное въ г. Николаевѣ, 1 іюля, по принесеніи въ сей городъ чудотворныя иконы Богоматери касперовской.

его чести и величія служить только признакомъ злобы и неразумія.

Но не взирая на все сіе, кто изъ насъ будетъ столько самонадѣянъ и безразсуденъ, чтобы въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ отечества нашего возложить всю надежду свою на собственную нашу силу и собственное искусство?

Благочестивѣйшій Монархъ нашъ первый подаетъ примѣръ упованія не на свои силы и искусство, а на благословіе и помощь свыше, и какъ самъ ищетъ молитвенно, такъ и всѣхъ подданныхъ своихъ призываетъ искать заступника небеснаго.

Кто же между небожителями скорѣе всѣхъ можетъ принять насъ подъ свой покровъ и защиту, какъ не сія взбранная Воевода, которая издревле обыкла быть защитницею рода христіанскаго и особенною покровительницею нашего православнаго отечества? Раскройте лѣтописи отечественныя, и вы увидите, что вездѣ и всякій разъ, когда Россія была въ особенной опасности видимо и разительно открывался надъ нею Покровъ Богоматери Новгородъ осажденъ княземъ Владиміромъ, и нѣтъ у него силы стать противъ его дружинъ многочисленныхъ. Это спасеніе послѣдовало и явилось отъ иконы Богоматери, по сему самому прозванной *Знаменіемъ*. Москва трепещетъ со всею Россією, ожидая нашествія татаръ и Тамерлана, и ищетъ спасенія у подножія св. иконы Владимірской. Тамерланъ, никѣмъ несраженный, поспѣшно отступаетъ самъ; ибо видитъ въ сновидѣніи Желую царственную, грозящую ему своимъ скипетромъ Таже Москва въ тяжкомъ плѣну у ляховъ, почти потеряна всякая надежда на ея освобожденіе;... *) какимъ образомъ? По знаменію отъ св. иконы Богоматери Казанскія. И что укрѣпило воинство русское съ такою непреодолимостію стать и устоять на поляхъ Бородинскихъ противу ужаснаго напора полчищъ Наполеоновыхъ, если не явленіе въ станѣ нашемъ наканунѣ великаго дня битвы чудотворныя иконы Богоматери Смоленскія, которая, воздвигшись отъ мѣста своего ходила вмѣстѣ съ полками нашими, доколѣ не былъ сокрушенъ рогъ врага лютаго?

Такимъ образомъ, прибѣгая къ заступленію Матери Божіей, мы идемъ вѣрно по слѣдамъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, дѣлаемъ то, что дѣлала всегда вся Россія.

И не на сіе ли истое озарился чудесами въ странѣ нашей сей

*) Здѣсь въ самой рукописи пропускъ.

дивный ликъ Богоматери? Не могу сокрыть отъ васъ, братіе, что когда услышалъ я о таковомъ прославленіи его, то, возблагодаривъ Бога за новую Его милость, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно pomysлилъ самъ съ собою, что значить этотъ новый рядъ знаменій свыше? Не наступаетъ ли для страны нашей какихъ либо особенныхъ испытаній и опасностей? Не предвареніе ли это къ тому, чтобы мы, видя надъ собою покровъ Богоматери, неунывали, когда придетъ година труда и бѣдствій? Такъ думалъ я, слагая глаголы событій въ сердцѣ своемъ; и вотъ не прошло и семилѣтія, какъ предположенія мои оправдались на опытѣ: ибо, какъ сами вѣдаете, не одинъ, а нѣсколько народовъ возстали лютою бранію на насъ. По самому положенію нашему у береговъ морскихъ, брань сія особенно всюю тяжестію и опасностію своею должна пасть на страну нашу.

(Не кончено).

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПОКРУЖЕЖДЕННАГО КРЕСТНАГО ПУХОДА

ИЗЪ Г. ХЕРСОНА ВЪ Г. НИКОЛАЕВЪ *).

е видимое ли знаменіе благодати Божіей надъ страню нашу? — Прошедшій годъ поля херсонскія освятились крестнымъ шествіемъ чрезъ нихъ чудотворнаго лика Матери Божіей; нынѣшній годъ воды Днѣпра и Буга сподобились нести на раменахъ своихъ Царицу неба и земли. Въ продолженіе тысячелѣтій много видѣли они событій среди пучинъ и береговъ своихъ, но никогда не видали подобнаго зрѣлища. И если бы не всепревосходящее смиреніе Царицы небесной, бывшее отличительною чертою Ея на земли и не оставившее Ее, какъ видно, и на небеси, то и съ сими водами могло послѣдовать при семъ случаѣ то же, что было нѣкогда съ Иорданомъ во время крещенія Спасителя. *Видѣша, сказано, воды и убояшася, трепетень бысть Иорданъ и возвратися вспякъ.* Наши воды не возвратились вспякъ, а соединившись дружно съ огнемъ, поспѣшили принести сюда ликъ Царицы небесной. Такимъ образомъ можно сказать, что всѣ стихіи взяты Ею у насъ подъ Ея особенное покровительство. Не должно ли посему радоваться о семъ событіи не только граду сему, но и всей странѣ нашей?

Да, братіе мои, довольно уже времени отличалась страна наша именемъ Россіи новой, и не именемъ токмо, но и обычаями и недостатками устройства; время теперъ принять ей на

*) Произнесенное въ николаевскомъ городскомъ соборѣ, іюля 1-го дня 1853.
Печатано съ рукописи. Ред.

себя вполне характеръ Россіи древней, и какъ истинной дщери походить совершенно на свою мать. Но чѣмъ достигнуть намъ такого уподобленія? Первѣе всего духомъ вѣры и дѣлами благочестія. Россія украшается многими качествами и совершенствами; посему много можно усвоить ей прозваній славныхъ и великихъ, не мало и усвоено. Но самое важное, самое отличное отъ всѣхъ народовъ прозваніе Россіи то, что ее одну именуютъ *святая Русь*. Почему святая? Потому, что вѣру свою она всегда ставила выше всего, всѣмъ готова была жертвовать и жертвовала, только бы сохранить православіе своихъ предковъ, и не смотря на всѣ превратности сохранила ее во всей перво-бытной чистотѣ во спасеніе свое и на пользу и употребленіе всѣхъ народовъ, имѣвшихъ несчастье утратить такое сокровище. Чего не отдано за то Россією? Чего не вытерплено? Посему безъ всякой гордости и сомнѣнія, чада Россіи обыкли называть мать свою святою, подобно той землѣ, гдѣ явился во плоти, жилъ, умеръ и воскресъ Спаситель нашъ. Но по той же самой причинѣ и наша новая Россія тогда только вообразить въ себѣ Россію древнюю, когда проникнется тѣмъ же духомъ вѣры и благочестія, когда и о ней можно будетъ сказать—святая новая Россія.

Безъ сомнѣнія, для заслуженія столь высокаго проименованія первѣе всего для сего требуется живая вѣра въ сердцахъ нашихъ и живая христіанская любовь въ дѣлахъ нашихъ, а не одна внѣшность, не одно умноженіе обрядовъ священныхъ. Но и внѣшнее имѣетъ свою важность и значеніе, когда соединяется съ внутреннимъ: оно можетъ вызывать и возбуждать даже внутреннее. Что первѣе является на деревѣ, листья или плоды?—листья; не будь листьевъ, не явятся и плоды. Такъ и въ дѣлѣ благочестія. По свойству плотной природы нашей, мы невольно водимся чувствами. Посему обряды Церкви, благочестивые обычаи всегда служили къ возбужденію духа благочестія. Посмотрите на древнюю Россію: она, кромѣ многихъ другихъ средствъ къ питанію и укрѣпленію чувствъ благочестивыхъ, изъ края до края на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ ея испещрена крестными шестивіями, въ коихъ пастыри Церкви вмѣстѣ со всѣмъ православнымъ народомъ, неудовлетворяясь храмами, исходятъ подъ кровъ небесный, проходятъ стогны градовъ и весей, обтекаютъ поля и лѣса, призывая на всю страну благодать Господню и свидѣтельствуя симъ свою вѣру въ Бога и святыхъ угодниковъ Его. Подъ сѣнію подобныхъ-то благочести-

выхъ обычаевъ воспитался духъ благочестія въ отечествѣ нашемъ и содѣлалъ ее святою Русью.

У насъ, по самой новости страны, не было сего: но должно было быть и, благодаря Господа, начало быть въ такомъ видѣ, какъ только можно было пожелать. Ибо не стогны уже града или веси, не поля токмо и нивы, но цѣлое поморіе содѣлалось поприщемъ для совершенія священнодѣйствія. Не милость ли это Господня? Долго мы пребывали въ скудости, были предметомъ сожалѣнія, едва не упрековъ; и вотъ получили то, чего нѣтъ, можемъ сказать—нигдѣ. Теперь не только братія наши по вѣрѣ, являясь въ страну нашу, но и иноувѣрцы, среди насъ обитающіе, увидятъ, что мы занимаемся не одними житейскими дѣлами, преуспѣваемъ не въ однихъ бранныхъ дѣяніяхъ или въ торговлѣ, а съ радостію посвящаемъ время на дѣла благочестія,—увидятъ и скажутъ—это страна христіюлюбивая, это народъ богобоязненный, это тоже святая Русь!

Вамъ, жители града Николаева, принадлежитъ святая честь доставить радость столь чистую всему краю нашему. Мы не вызывали васъ на сіе; это плодъ движенія собственнаго сердца вашего, или лучше сказать, дѣйствія надъ вами благодати Господней. Ибо мы сами по себѣ, какъ говоритъ св. Павелъ, не можемъ и помыслить добраго. Херсонъ подалъ примѣръ; а у васъ тотчасъ явилось подражаніе, такое подражаніе, которое превзошло самый примѣръ. Въ семъ-то случаѣ должно повторить слова апостола: *добро есть ревновати въ добротѣ*. И безъ сомнѣнія поступокъ вашъ не останется безъ новаго подражанія, не замедлятъ возникнуть новыя священнодѣйствія; и такимъ образомъ кольцо къ кольцу составитъ златая цѣпь, которая обниметъ собою всю страну нашу и приблизитъ ее къ чести именоваться святою Новороссією.

Храни же, градъ Николаевъ, сокровище, тобою стяжанное. Ты носишь имя единое съ именемъ благочестивѣйшаго Государя нашего: посему уже подобаешь тебѣ особенно быть градомъ благочестивымъ. Среди тебя уготовляются пловучія крѣпости въ защиту страны и въ страхъ врагамъ: се, каждый годъ будетъ являться среди тебя Воевода небесная, которая не разъ поборала древле по православному народу противъ полчищъ лжевѣрія. Яви, что ты достоинъ сей чести.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ КРЕСТНАГО ХОДА *).

В третій разъ нынѣ изыдемъ мы, братіе, на крестное шествіе наше. Благодареніе Господу, давшему намъ не только положить начало, но и видѣть продолженіе. Ибо, хотя утѣшительно послужить началу добраго дѣла, но еще отраднѣе видѣть его продолженіе. Ибо сколько благихъ дѣлъ, кои начавшись, не продолжаются! Наше не таково!—Прейдемъ съ лица земли всѣ мы, пройдутъ потомъ столѣтія, а священное шествіе будетъ совершаться, и самымъ совершеніемъ своимъ соединять насъ со всѣми будущими родами.

Да, братіе, вчера вспоминали мы отшедшихъ братій нашихъ; а потомъ будутъ вспоминать и насъ. И въ какой бы части міра мы ни находились, оставивъ землю, это воспоминаніе молитвенное будетъ находить насъ вездѣ и отразится въ существѣ нашемъ; ибо дѣйствіе молитвы такъ же безпредѣльно, какъ безпредѣленъ Тотъ, коему возносятся молитвы. Благо намъ, если молитва о насъ, достигшая существа нашего, найдетъ его способнымъ къ тому, чтобы въ немъ отразилась сила ея во благо намъ! Ибо лучи молитвы, какъ лучи солнца, отражаются въ душахъ смотря по ихъ приемлемости, производя большую или меньшую теплоту и свѣтъ.

Но не утрудился ли уже кто либо отъ сего пути? Да не будетъ! Ибо, если каждый день ходя по путямъ міра, часто стропотнымъ и жесткимъ, мы не утруждаемся, а продолжаемъ хо-

*) Печатано съ рукописи.

дуть по нимъ до конца нашей жизни; то путь ли Господень, благой и легкій, будетъ намъ въ трудъ и печаль, когда мы должны проходить имъ не болѣе одного раза въ годъ? И можетъ ли быть какой либо годъ, чтобы по окончаніи его мы не имѣли причинъ торжественно свидѣтельствовать предъ Господомъ нашу благодарность? Въ доказательство сего взглянемъ на прошедшій годъ: онъ не отличается никакой большою особенностью, а между тѣмъ представляетъ много причинъ для насъ быть благодарными Господу,—посмотримъ ли на собственную жизнь, или на жизнь всего града нашего, или на положеніе всей страны нашей.

Сколько людей, и самыхъ ближнихъ намъ и самыхъ дальнихъ отъ насъ въ истекшемъ году скончали свое земное теченіе; а мы, не смотря на многія опасности, намъ угрожавшія, остались въ живыхъ и можемъ пользоваться еще всѣми средствами къ нашему спасенію. Не милость ли это Божія? И не должны ли мы возблагодарить за сіе Господа?

(Не кончено).

СЛОВА И РѢЧИ

къ

ОТДѢЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

РѢЧЬ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ, ГОСУДАРЯМЪ ВЕЛИКИМЪ
КНЯЗЬЯМЪ

И ПЛОДА И ДУХА И ПЛОДА И ПЛОДА *).

Благовѣрные Государи и Великіе Князья!

стинно великіе, потому что благовѣрные! Что могло подвигнуть васъ на путь къ намъ, столь не близкій и въ настоящихъ обстоятельствахъ не безвѣднѣй, и съ такою внезапностію, подобно жениху въ Евангелии, явиться среди насъ въ часъ глубокой полунощи, — если не желаніе скорѣе раздѣлится съ нами опасности, намъ угрожающія, и возвѣститъ намъ слово утѣшенія отъ лица Августѣйшаго Родителя вашего, нашего общаго отца и защитника?

Вполнѣ чувствуемъ цѣну *труда любви* вашей, и вседушевно благодаримъ Васъ отъ лица града сего, отъ лица всего края нашего, который хотя и продолжаетъ еще, по обычаю, именоваться Новою-Россією, но на самомъ дѣлѣ въ немъ давно таже древняя живая вѣра въ Бога отцевъ, таже непоколебимая и безграничная преданность Монарху, таже чистая и *николиже отпадающая любовь* къ отечеству.

Если бы за симъ, паче чаянія, обрѣлось гдѣ либо и что либо среди насъ малодушное; то съ Вашимъ, столь радушнымъ, появленіемъ среди насъ, оживетъ и исполнится духа; если бы от-

*) Произнесенная при вступленіи ихъ высочествъ, 4-го октября 1854 года, въ одесскій кафедральный соборъ.

крылось, паче ожиданія, гдѣ либо и что либо колеблющееся, то съ Вашимъ присутвіемъ утвердится и станетъ недвижно: — и всюду, смотря на Васъ, Августѣйшихъ ратниковъ земли русской, воспрянетъ съ новою силою духъ русскій; и у всѣхъ, слушая васъ, непосредственныхъ органовъ воли державной, забьется сильнѣе русское сердце.

Видите посему, благовѣрные князи-витязи, во храмъ сей, дабы, первѣе всякаго дѣла и начинанія, раздѣлитъ съ нами усердныя молитвы ко Господу о вашемъ Августѣйшемъ Родителѣ и всемъ царственномъ Домѣ, о возлюбленномъ для всѣхъ насъ отечествѣ, и о Васъ самихъ, его державныхъ подпорахъ.

Архангелы и Ангелы на небѣ исходятъ на исполненіе предвѣчныхъ судебъ—отъ престола Царя славы; а вы, земные архистратиги державы Русской, изойдете на ваши подвиги — для блага страны, изъ сего храма—отъ престола Бога милосердія;— и осѣненнымъ вѣрою, преоруженнымъ молитвою, Вамъ всюду, видимо и невидимо, будутъ сопутствовать миръ и радость, успѣхи и благословеніе свыше.

РѢЧЬ

ВОЙСНАЖЪ 11-И ДИВИЗИИ 4-ГО ПѢХОТНАГО КОРПУСА,

ПО СОВЕРШЕНИИ, НА ОДЕССКОЙ СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ, НАПУТСТВЕННАГО МОЛЕБСТВІЯ, ПРЕДЪ ПОХОДОМЪ ВЪ КРЫМЪ *).

Христолюбивые и побѣдоносные воины!

ристолюбивые, и потому побѣдоносные! Не долго досталось вамъ покоиться отъ вашихъ трудовъ и подвиговъ задунайскихъ! — По гласу Монарха, вы снова должны возстать и идти на полуостровъ Таврической для наказанія и пораженія тамъ кичливыхъ враговъ нашихъ, кои, въ ослѣпленіи гордости и злобы, дерзнули—преплывъ море—вторгнуться въ эту древнюю область нашу, гдѣ пріялъ крещеніе еще великій и равноапостольный князь Владиміръ, откуда вмѣстѣ съ нимъ вѣра христіанская пошла по всей землѣ Русской. Привѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ походомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и благочестивымъ странствіемъ къ колыбели нашего христіанства и православія!—Поклонитесь, съ благоговѣніемъ поклонитесь ей, отъ лица всей земли Русской, и станьте съ свойственнымъ вамъ мужествомъ противу изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета и наглыхъ клеветовъ ихъ, за честь вѣры и креста Христова, за слезы и кровь собратій нашихъ по вѣрѣ.

Если вы, памятуя, за кого и за что сражаетесь, будете вести себя какъ подобаетъ воинамъ христолюбивымъ, отличаясь не однимъ мужествомъ и храбростію, а и вѣрою и упованіемъ на

*) Произнесенная 9-го октября 1854 года.

Бога, благодушнымъ перенесеніемъ нуждъ и трудностей, кротостію къ мирнымъ жителямъ и великодушіемъ къ самымъ побѣжденнымъ: то среди вашего стана будетъ присутствовать самъ Господь, въ рядахъ вашихъ будутъ невидимо сражаться за васъ сами Ангелы небесные — и врагъ, пришедшій *однимъ путемъ*, побѣжитъ отъ васъ *десятію путями*, побѣжитъ и не сможетъ ускользнуть отъ меча вашего. Между тѣмъ, да будетъ вѣдомо вамъ, что онъ, изъязвленный со всѣхъ сторонъ, теперь, безъ сомнѣнія, хотѣлъ бы на крылахъ вѣтренныхъ возвратиться вспять; но, стрегомый храбрыми дружинами нашими, не можетъ подняться съ мѣста. Остается только нанести ему послѣдній ударъ и свергнуть его съ береговъ нашихъ, какъ безобразный трупъ, въ пучину морскую. Честь эта предоставлена вамъ и вашему мужеству: спѣшите же воспользоваться столь рѣдкимъ случаемъ—на радость всей Россіи и къ славѣ возлюбленнаго Монарха нашего, дабы и мы возымѣли утѣшеніе скорѣе видѣть васъ побѣдителями и, вмѣстѣ съ вами, гласомъ радованія воскликнуть благодарственно: слава въ вышнихъ Богу! На земли миръ! въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!

РѢЧЬ

РАЗЪЯВЛЕНІЯ ВОЙСКАМЪ 10-Й ДИВИЗІИ,

ПОСЛѢ НАПУТСТВЕННОГО МОЛЕБСТВІЯ ПРЕДЪ ВЫСТУПЛЕНІЕМЪ ИХЪ
ВЪ КРЫМЪ *)

Христіанскіе и побѣдоносные воины!

Не безъизвѣстно уже вамъ, что злочестивые враги наши, при всемъ множествѣ язвъ, понесенныхъ ими отъ нашего оружія, не смотря при томъ на самый гнѣвъ Божій, открывшійся надъ ними въ ужасномъ крушеніи кораблей ихъ отъ бури, все еще продолжаютъ безумно упорствовать въ злобѣ и ненависти къ православному отечеству нашему, и вмѣсто того, чтобы смириться подъ крѣпкую руку Божию, возмечтали даже утвердиться на землѣ нашей до будущаго лѣта, для чего призываютъ на помощь себѣ изъ-за моря новыя немалочисленныя толпы наглыхъ соотчичей своихъ. Можно ли послѣ сего и намъ не принять новыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ тому, чтобы число храбрыхъ дружинъ нашихъ не умалилось предъ врагомъ, а было въ состояніи наступить на выю его и поразить въ самую главу?— И вотъ причина и цѣль внезапнаго движенія вашего на полуостровъ Крымскій!...

Вполнѣ понимая и чувствуя сіе, вы не поскучаете отъ того, что новый путь вашъ, по самому времени года, явится для васъ по мѣстамъ стропотнымъ и притруднымъ; но какъ истинные сыны сѣвера, съ полнымъ благодушіемъ встрѣтите на пути семъ

*) Произнесенная на одесской соборной площади, 7 декабря 1854 г.

обычныя вамъ невзгоды осеннія и вьюги зимнія, зная твердо, что это—природные союзники наши противъ изнѣженныхъ чадъ запада. Видно, такъ угодно было Господу время и стихій, чтобы и въ настоящей брани, какъ въ незабвенный 1812-й годъ, къ намъ, оставленнымъ всѣми, пришли наконецъ на помощь не люди, а самое время и стихіи, для довершенія надъ врагами нашими того, что такъ благоуспѣшно начато и продолжается надъ ними—огнемъ и мечемъ нашимъ...

Между тѣмъ, да будетъ извѣстно вамъ, что врагъ нашъ забылъ уже прежнюю кичливость свою, и не смѣетъ болѣе нападать на насъ, а только употребляетъ всѣ остальные силы свои на то, чтобы защитить себя отъ нашихъ перуновъ, и для сего браздить и взгромождаетъ предъ собою противу насъ тотъ малый участокъ земли при морѣ, на коемъ онъ, какъ жалкій плѣнникъ, грозно стретается со всѣхъ сторонъ нашимъ воинствомъ. Но, кто и что можетъ защитить тѣхъ, надъ коими, за ихъ безчестную измѣну кресту Христову, видимо простерлась туча гнѣва небеснаго?

Итакъ съ Богомъ, христіанскіе, на брань праведную и святую! Съ Богомъ, побѣдоносные, противу враговъ злочестивыхъ и коварныхъ! Съ Богомъ, братія и други, за вѣру, царя и отечество!—Въ благословеніе на предлежащій вамъ подвигъ и въ залогъ помощи свыше, примите отъ лица сего храма Господня св. икону Вождя и Архистратига силъ небесныхъ—Михаила. Подъ стопами его, какъ видите, лежитъ поверженъ силою Божіею самъ духъ злобы поднебесныя: да повергнутся тою же силою предъ побѣдоносными знаменами вашими и злочестивыя полчища враговъ нашихъ, кои, къ сраму имени христіанскаго, не усомнились выйти противу насъ подъ темнымъ и отверженнымъ знаменемъ Магомета.—Аминь.

РѢЧЬ

ГРѢЧЕВОМУ БАТАЛІОНУ,

ПОСЛѢ НАПУТСТВЕННОГО МОЛЕБСТВІЯ, ПРЕДЪ ОТПРАВЛЕНІЕМЪ ЕГО
ИЗЪ ОДЕССЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛЬ *).

Храбрые и христілюбивые эллины!

 ровожда изъ сего храма съ молитвою и благословеніемъ дружины православныхъ воиновъ нашихъ на полуостровъ Таврической, мы всякій разъ умилялись душою, видя, съ какою готовностію и усердіемъ несутъ они туда самую жизнь свою за вѣру, царя и отечество. Но провождая теперь—туда же и для той же цѣли—васъ, мы, кромѣ прежнихъ, испытываемъ еще особаго рода чувство, которое проникаетъ насъ до глубины души.

Вы не наши соотечественники, даже не наши соплеменники; и однакоже, подобно отечественнымъ воинамъ нашимъ, спѣшно идете на брань, и слѣд. на самую смерть за насъ! Можно ли не преклониться съ особеннымъ уваженіемъ предъ такою преданностію и такимъ самоотверженіемъ, когда само слово Божіе говоритъ, что нѣтъ больше любви, *да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13)?

Вотъ что значитъ единство вѣры, связующее насъ съ вами! Оно-то,—а не что другое,—подвигло великаго Самодержца все-россійскаго, не смотря ни на какія затрудненія и опасности,

*) Произнесенная въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ января 14-го 1855 года.

стать мужественно, едва не противу всего запада, за православіе и единовѣрцевъ нашихъ на востокѣ. Оно-то побудило теперь и васъ, оставивъ свои мирныя жилища, идти за войною, отъ васъ удалившеюся, въ наши предѣлы, и такъ сказать, отыскивать мѣсто борьбы, дабы принять въ ней участіе рука-объ-руку съ русскими.

Вы твердо знаете, что брань настоящая возникла не за мірскія выгоды и не для земныхъ цѣлей, а за вѣру и православіе; вы вполне увѣрены, что плодомъ ея должно быть не какое либо увеличеніе могущества и расширеніе предѣловъ Россіи, безъ того почти безграничныхъ, а единственно свобода совѣсти и защита правъ челоуѣчества для христіанъ восточныхъ: знаете, говорю, и увѣрены во всемъ этомъ и потому спѣшите доказать за себя и собратій своихъ, что вы не ниже, что вы стоите тѣхъ великихъ усилій и жертвъ, кои дѣлаетъ теперь для васъ единовѣрная вамъ Россія.

Да благословитъ Господь путь вашъ! Грядите, возлюбленные, на дѣло, которое, очевидно, есть не наше токмо, а и ваше, и еще болѣе ваше, нежели наше; ибо начало его отъ насъ, а конецъ его всецѣло для васъ и вашихъ собратій на востокѣ. Грядите, и покажите общимъ врагамъ нашимъ и всему свѣту, что для елиина выше и дороже всего вѣра и отечество, и что онъ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ мечемъ въ рукѣ готовъ отыскивать послѣднее на самомъ краю свѣта.

Въ ободреніе на подвигъ, да послужитъ вамъ самое воспоминаніе о священномъ значеніи того мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ теперь пламень войны и гдѣ ожидаетъ васъ борьба со врагами. Вѣдь это, думали-ль вы о томъ?—вѣдь это не другое какое либо мѣсто, а тотъ священоименитый Херсонесъ Таврической, гдѣ за девять вѣковъ предъ симъ Россія пріяла вѣру и святое крещеніе отъ православной Греціи... И вотъ здѣсь-то, на этомъ приснопамятномъ и святомъ мѣстѣ,—въ лицѣ нашемъ — долженъ возобновиться теперь и скрѣпиться древній священный союзъ двухъ великихъ народовъ, россовъ и елииновъ.

Въ первый разъ союзъ сей произошелъ и составилъ, какъ извѣстно, чрезъ крещеніе водою и Духомъ, которое православная Греція, яко мать, преподавала, а Россія, яко покорная дщерь, принимала:—для своего духовнаго просвѣщенія: теперь для скрѣпленія древняго союза совершается тамъ же крещеніе уже не водою токмо и Духомъ, а огнемъ и кровію (Мат. 3, 2), въ комъ потому должны участвовать равно и мать и дщерь, дабы

навсегда обоимъ быть едино и возродиться для новой общей жизни на востокъ. При сей мысли, возлюбленные, кто изъ васъ не ободрится духомъ и не забудеть трудностей подлежащаго подвига?

Въ память настоящаго нашего молитвеннаго общенія и свиданія съ вами, примите отъ насъ эту икону Святителя Христова Николая. Да напоминаетъ она вамъ собою и небеснаго заступника и покровителя воиновъ православныхъ—Архипастыря мурликійскаго, и земнаго архистратига державы россійской и всѣхъ православныхъ христіанъ — благочестивѣйшаго Государя нашего, Николая Перваго.—Аминь.

РѢЧЬ

ОТРАДѢ БОЛГАРСКОМУ

ПОСЛѢ НАПУТСТВЕННОГО МОЛЕБСТВІЯ ПРЕДЪ ВЫСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО
ИЗЪ ОДЕССЫ ОБРАТНО КЪ БЕРЕГАМЪ ДУНАЯ *).

Мужественные и христілюбивые болгары!

е смущается ли кто либо изъ васъ духомъ отъ того, что пламенное желаніе ваше—быть и сражаться противъ общихъ враговъ нашихъ подъ стѣнами Севастополя не исполнилось, и вамъ, съ половины пути вашего туда, должно возвратиться теперь паки къ берегамъ Дуная?.. Но обстоятельство сіе,—не вождѣльное, конечно, для вашего мужества,—само по себѣ должно не столько печалить, сколько радовать и васъ и насъ; ибо, что значитъ этотъ неожиданный возвратъ вашъ къ берегамъ дунайскимъ? — То, что севастопольская твердыня наша не имѣеть уже нужды въ умноженіи числа ея защитниковъ, — то, что угрожавшій ей врагъ потерялъ наконецъ свою силу и дерзость, и престаъ быть опаснымъ. Зачѣмъ же бы послѣ сего продолжать вамъ путь, столь не ближній и такъ притрудный, туда, гдѣ все само собою начало клониться къ желанному для насъ концу?.. На родныхъ вамъ берегахъ Дуная, напротивъ, вы всегда и вездѣ весьма полезны для рати русской, полезны даже безъ оружія вашего, однимъ присутствіемъ своимъ, какъ совершенно знающіе языкъ и всю мѣстность страны родной...

*) Произнесенная въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ, января 17-го 1855 года.

Возвращайтесь посему съ миромъ, куда зоветъ васъ гласъ вождей вашихъ! И не кончивъ настоящаго пути вашего, вы исполнили свой долгъ и достигли своей цѣли, показавъ предъ лицомъ Россіи и всего свѣта, что ваша вѣра и ваша народность для васъ дороже всего, что Россія, пока будетъ угодно Богу, занимаетъ для васъ мѣсто вашего собственнаго отечества, что гдѣ воля и голосъ царя Бѣлаго, тамъ мечъ и жизнь болгарина. Такихъ чувствъ и жертвъ не забываютъ и частные люди; тѣмъ паче не забудутъ ихъ Россія и ея великій Самодержецъ!

Не удивляютъ ли васъ необыкновенный видъ и неожиданныя превратности брани настоящей?—Но, если что, то сіе самое показываетъ, что настоящая брань есть брань не человѣческая, а Божія; потому что пути Божіи, по увѣренію Пророка, отстоятъ—какъ небо отъ земли—отъ путей человѣческихъ. Гдѣ была бы слава небеснаго Самодержца, еслибы еще до окончанія брани, могъ кто либо изъ насъ указать и сказать: вотъ гдѣ и вотъ какъ начали мы свое дѣло; такъ и такъ ведемъ его и продолжаемъ, а вотъ здѣсь и вотъ чѣмъ—мы же окончимъ его?—Нѣтъ, возлюбленные, подобныя, великія и священныя, брани начинаются только людьми, а оканчивается самъ Богъ, ими же вѣсть судьбами и образомъ... Отъ Него посему—свыше—должно ожидать намъ окончательнаго приговора всѣмъ нашимъ трудамъ и подвигамъ, желаніямъ и надеждамъ. Къ ободренію и утѣшенію нашему, должно служить одно, что не мы начали сію брань, что, вступая въ нее неволью, мы не имѣли никакихъ корыстолюбивыхъ видовъ, а только повиновались необходимости, что мы не желали и теперъ не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ, а искали и ищемъ того, что совершенно необходимо для насъ и весьма полезно было бы для нихъ самихъ. Посему, если, какъ говорить Евангеліе (Матѳ. 7, 16), отъ репія не собираютъ смоквъ, и напротивъ отъ смоквъ не произрастаетъ репіе: то поелику мы сѣяли и сѣемъ не репія, а смоквы, — какъ бы и чѣмъ бы ни окончилась брань настоящая, — она должна наконецъ принести для всѣхъ насъ плоды не горькіе, а сладкіе и благословенные.

Я говорю: *наконецъ* — и въ природѣ видимой одни сѣмена всходятъ, даютъ цвѣтъ и плодъ въ тоже самое лѣто; другія выходятъ изъ земли уже по прошествіи зимы и въ продолженіе ея кажутся какъ бы потерянными; иныя наконецъ воскресаютъ къ жизни по прошествіи не одного, а нѣсколькихъ годовъ. Что удивительнаго, если и настоящее наше, слезное и кровавое сѣяніе взойдетъ, дастъ цвѣтъ и плодъ не вдругъ, а современнымъ?

Возвратившись къ соплеменникамъ вашимъ, не забудьте громко возвѣстить имъ, что православная Россія твердо помнитъ, отъ кого пріяла она нѣкогда на родномъ языкѣ своемъ слово Божіе; никогда не забудетъ древняго святаго союза своего со странюю болгарскою; и—во время благопотребно—не пожалѣетъ ничего для уплаты съ лихвою своего долга душевнаго.

Въ знакъ сего союза и въ упованіи на милость Божію, да возгласятся, послѣ обычныхъ многолѣтій, многая лѣта и мужественному и христіюлюбивому народу болгарскому!—Аминь.

РѢЧЬ

СМОЛЕНСКОМУ ОПОЛЧЕНІЮ,

ПРИ ВСТРѢЧѢ ЕГО, ПРЕДЪ СОВЕРШЕНІЕМЪ МОЛЕБСТВІЯ ПО СЕМУ СЛУЧАЮ *).

Храбрые ратники смоленскаго ополченія!

сходя во срѣтеніе вамъ, мы срѣтаемъ въ лицѣ вашемъ не одинъ древній Смоленскъ съ верховьями нашего Днѣпра, а можно сказать, всю древнюю и великую Россію, которая такъ доблестно возстала и подвиглась на защиту Россіи новой. Можете судить послѣ сего, съ какими чувствами исходимъ мы теперь на эту встрѣчу!...

Вы были бы дорогими для насъ гостями, если бы явились среди насъ и по другимъ, не столь важнымъ, причинамъ: а теперь вы являетесь на защиту насъ отъ враговъ, приходите пролить за насъ кровь и положить, если то нужно, самый животъ свой. О, это верхъ братства и сомоотверженія, даже христіанскаго! *Больши сея любви никтоже имать*, сказалъ самъ Спаситель, *да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Да будетъ же извѣстно вамъ, что и между нами нѣтъ ни единого, кто бы не чувствовалъ великости вашей жертвы,—что мы всѣ готовы съ своей стороны доказать вамъ, чѣмъ только можно, нашу къ вамъ любовь о Христвѣ и уваженіе братское.

Если кому, то сынамъ Смоленска должна быть свѣдома вся тяжесть нашествія иноплеменниковъ; ибо ужасы 1812 года нигдѣ не

*) Произнесенная 24 сентября 1855 года.

разражались съ такою силою, какъ у васъ и надъ вами. Посему, если отъ какого, то отъ вашего ополченія ожидаемъ мы живѣйшаго сочувствія настоящему положенію нашему. Смоленскъ никогда не постыждалъ собою Россію; и въ упоминаемую нами минуту искушенія первый подалъ примѣръ и показалъ, что можетъ ожидать врага, нагло вторгшагося въ средину земли русской. А нашъ Севастополь, смѣемъ думать и сказать, показалъ и доказалъ предъ всѣмъ свѣтомъ, что, по прошествіи четырехъ, десяти лѣтъ отъ событій смоленскихъ, грудь русская не разучилась быть живою стѣною для отечества, и что эта стѣна не слабѣе желѣза и гранита. Въ самомъ дѣлѣ, какая жертва всесожженія горѣла когда либо долѣе, чище и ярче нашего Севастополя?

Дадимъ же другъ другу руку и, оградившись знаменіемъ св. креста, станемъ твердо противу врага, который, подобно впадшему въ бѣшенство звѣрю, опасенъ не столько своею силою, сколько слѣпою разъяренностію, устремляясь нагломъ на всѣхъ и на все.

Но, прежде всякаго дѣйствія, обратимся ко Господу съ благодарностію за окончаніе вашего не краткаго пути къ намъ, и съ совершеніемъ благословенія на предстоящіе вамъ труды и подвиги. Ибо — *еще не Господь сохранилъ градъ, все будетъ бояй и стрегий* (Псал. 126, 1)! — Аминь.

РѢЧЬ

Ш О С К О Р С К О Ш У О Н О Д Ч О Н І Ю,

ПРИ ВСТРѢЧЬ ЕГО, ПОСЛѢ МОЛЕБСТВІЯ *).

Христолюбивые ратники московскаго ополченія!

Уть вашъ кончѣнь! — вы стоите уже на берегу Чернаго моря, предъ лицемъ враговъ... Теперь, призвавъ Бога на помощь, остается доказать самымъ дѣломъ, что доселѣ было у васъ только въ сердцѣ и на устахъ... И мы совершенно увѣрены, что ваши мышцы и ваша десница не отстанутъ отъ вашихъ устъ и вашего сердца: вы сдѣлаете въ десять разъ болѣе того, что обѣщали пославшимъ васъ.

Таже св. Церковь, которая благословляла васъ, исходящихъ на путь къ намъ, которая не разъ, какъ ангелъ-хранитель, являлась вамъ на пути, таже св. Церковь исходитъ теперь во срѣтеніе вамъ съ благословеніемъ, при окончаніи вашего странствія, да вѣдаете, что путь вашъ не есть обыкновенный путь ратный, а весь—отъ начала до конца—путь священный, и, можно сказать, крестный, коего концемъ не Одесса или Херсонъ, а Геосиманія и Елеонъ...

Срѣтая васъ нынѣ на такомъ пути, не можемъ не обратить къ вамъ евангельскаго привѣтствія: благословенни вы, грядущіе тако во имя Господне!

Возбуждать васъ послѣ сего къ мужеству противу врага—значило бы забыть, что у васъ изъ дѣтства предъ очами были —

*) Произнесенная 21 октября 1855 года.

Бородино, Тарутино, Мало-Ярославецъ. О, такіе люди не дрогнутъ ни предъ какимъ врагомъ!.. Напоминать вамъ въ настоящія минуты о терпѣннѣи и самоотверженіи воинскомъ—значило бы не помнить о священномъ пеплѣ Москвы, которую ваши отцы собственными руками принесли въ жертву всесожженія за отечество. О, такіе люди скорѣе положатъ жизнь свою, нежели уступятъ врагу въ собственность хотя одну пядень земли русской.

Лучше остановимъ вниманіе ваше на томъ, что не такъ извѣстно. Оставляя первопрестольную столицу и удаляясь отъ Кремля священнаго, вы, безъ сомнѣнія, думали, что вмѣстѣ съ симъ вы удаляетесь отъ сердца отечества. Такъ, оно—въ Кремлѣ... но думали ль вы, приближаясь къ намъ, и въ тоже время къ послѣднимъ предѣламъ Россіи, что вы приближаетесь только къ колыбели нашего православія?.. Вѣдь она у насъ, возлюбленные,—въ нашемъ священномъ Херсонесѣ, гдѣ принялъ вѣру христіанскую и св. крещеніе великій князь Владиміръ, а въ лицѣ его и вся земля русская!..

Итакъ, вотъ за что вы будете сражаться! — не за Гаджибей или Бакчисарай, а за Херсонесъ и Инкерманъ священные! Если при исходѣ вашемъ изъ Кремля, васъ невидимо благословляли на путь святители московскіе и св. Сергіи Радонежскій; то теперь, при окончаніи сего пути, васъ незримо срѣтаютъ здѣсь благословеніемъ своимъ наши священномученики херсонскіе и съ ними равноапостольный князь Владиміръ. При такихъ споборникахъ духовныхъ, подъ такимъ вождемъ, какъ вамъ не совершить своего подвига, какъ должно?

Ратники московскіе! Мы смотримъ на васъ съ особеннымъ уваженіемъ; — и срѣтая дружину вашу, не первую уже по времени, срѣтаемъ ее какъ первую по тому мѣсту, откуда пришла она къ намъ. Отнынѣ между Москвою и Одессою не одинъ союзъ купли и продажи, а и духовный, неразрывный союзъ крестнаго братства по оружію, на защиту отечества. Да подастъ Господь намъ возможность скорѣе воздать вамъ достойно за ваше къ намъ усердіе, только не подобною ратною помощію, въ коей да не будетъ никогда для васъ нужды!—Аминь.

РѢЧЬ

ДУНАЙСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ,

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ЗНАМЕНИ, ВЫСОЧАЙШЕ ПОЖАЛОВАННАГО ЕМУ ЗА ОТЛИЧІЕ *).

Храбрые витязи дунайскіе!

Не напрасно же такъ случилось, что это священное знамя, заслуженное вашимъ мужествомъ и кровію, приемете вы теперь отъ лица св. Церкви и благочестивѣйшаго Монарха нашего не въ другое какое время, а въ день Архангеловъ и Ангеловъ, — и не въ другомъ мѣстѣ, а предъ лицомъ сего храма, посвященнаго имени Архистратига воинствъ небесныхъ.

Это урокъ и напоминаніе, можно сказать, свыше — о томъ, каковымъ вообще подобаешь быть воинству православному, и чѣмъ особенно долженъ украшаться русскій воинъ христіанскій. Это значитъ, что рать земная тогда токмо совершенна, когда на землѣ служить подобіемъ воинства небеснаго.

Ахъ, была нѣкогда брань и на небѣ, брань ужасная, неповторяемая! Явились враги противъ самаго престола Божія, кои въ безумной гордынѣ возмечтали быть равными Всевышнему, — и восколебали собою міръ ангельскій... Въ сію-то рѣшительную минуту, одинъ изъ вождей небесныхъ — Михаилъ воскликнулъ: кто, яко Богъ? — и съ знаменіемъ, которое видите въ рукѣ его на св. иконахъ, сталъ необоримо противъ сатаны и его темныхъ

*) Сказанная послѣ молебствія, на площади предъ Михайловскимъ монастыремъ 8 ноября, 1855 года.

полчищъ. Духи свѣта, вѣрные своему Творцу и Владыкѣ, восторжествовали; а аггелы тьмы низринуты въ преисподнюю...

Такъ должны поступить и вы! Подобно Ангеламъ небеснымъ, вамъ подобаесть всегда и вездѣ твердо стоять въ истинѣ и правдѣ, и смѣло разить враговъ вѣры, престола и отечества. На сіе-то истое и дается намъ это знамя, какъ священный знакъ соединенія вашихъ силъ и устремленія ихъ къ единой, великой и святой цѣли. Для сего-то переходитъ оно къ вамъ хотя изъ рукъ царевыхъ, но чрезъ руки св. Церкви, да вѣдаете, что служа вѣрно царю земному, вы исполняете симъ самымъ волю Царя небеснаго. Св. Церковь, какъ истинная мать наша, сердечно сорадуются вашему преспѣванію на полѣ мужества и чести; какъ мать, благословляетъ васъ на новые подвиги — и вручая вамъ знамя, яко даръ царевъ, васъ самихъ вручаетъ и предаетъ навсегда заступленію воинствъ небесныхъ.

Витязи Дуная! Вы не замедлите исполнить желаніе царево и завѣтъ Церкви! Ваше прошедшее вполнѣ ручается для насъ за ваше будущее! Если какое время, то настоящее есть время героевъ и побѣдителей. Посему-то сыны Дуная, хотя какъ меньшіе братья, но не отстанутъ отъ своихъ старшихъ братьевъ, сыновъ Дона: — и какъ рѣки ихъ сливаются во единомъ морѣ, такъ полки ихъ сольются въ единой любви и преданности престолу и отечеству; — и, при помощи Божіей, покажутъ, что названіе казака не потеряю древняго значенія — защитника отечества и страха для враговъ. — Аминь.

СЛОВО

ЗАЩИТНИКАМЪ СЕВАСТОПОЛЯ,

ПРИ ВРУЧЕНІИ ИМЪ СВ. ИКОНЪ, ПРИСЛАННЫХЪ ИМЪ ВЪ БЛАГОСЛОВЕНІЕ ИЗЪ РАЗНЫХЪ МѢСТЪ РОССІИ *).

вала и благодарность вамъ отъ лица всей земли русской, христолюбивые защитники Севастополя! Благодареніе Богу, твердо и непоколебимо стоите вы здѣсь за отечество, за Царя благочестивѣйшаго и за общую мать нашу Церковь православную! Да будетъ же вѣдомо вамъ, что и св. Русь твердо помнитъ и крѣпко любитъ всѣхъ васъ; да будетъ извѣстно, что и Царь православный сильно радуется вами и прилежно готовитъ вамъ награды за безпримѣрные подвиги ваши; знайте и то, что св. Церковь, какъ истинная мать, обѣими руками благословляетъ ваше мужество, день и ночь молится о васъ ко Господу, молится о живыхъ, да даруетъ вамъ Господь крѣпость и побѣду свыше, тѣмъ паче о умершихъ, да сподобятся они вѣнца небеснаго.

Возрите на сіи св. иконы! Это—священный даръ вамъ отъ всея земли русской! Это — матернее благословленіе вамъ — отъ Церкви православной!..

Вотъ изображеніе Успенія Матери Божіей отъ св. лавры Кіевопечерской, которое святыми строителями ея воспріято нѣкогда на благословеніе для сей обители изъ рукъ самой Царицы небесной! Се образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, предъ коимъ

*) Произнесенное въ Севастополѣ, послѣ молебствія на Николаевской площади, 26 іюня 1855 года.

внезапно дрогнула нѣкогда и возвратилась безъ успѣха вспять отъ стѣнъ новгородскихъ многочисленная рать князя суздальскаго! — Се первосвятители московскіе, — искони неусыпающіе поборники и всегдашніе защитники нашего отечества! А се, изображеніе новоявленного угодника Божія и чудотворца воронежскаго Митрофана, которое да будетъ между вами знакомъ и моего пастырскаго усердія и любви къ вамъ о Христѣ!

Воины христілюбивые! пріимите сіи дары съ тою же вѣрою и любовію, съ какими они препосланы вамъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и вручаются теперь мною, яко залогъ успѣха во брани и знаменіе благодати Господней надъ вами!

Ко врагамъ нашимъ не престають прибывать, въ пособіе злу, темные клеветы съ запада; а къ вамъ, какъ видѣлъ я на пути моемъ, не только спѣшать во множествѣ ваши собратія по оружію, но являются теперь, какъ сами видите, въ ликахъ своихъ, даже угодники Божіи, сама Царица воинствъ небесныхъ. Кто на ны, еще Богъ и святые угодники Его по насъ?.. Доканчивайте же мужественно великое и святое дѣло ваше, столь славно вами начатое! Стойте неустрашимо противъ враговъ, кои, будучи христіанами, имѣли несчастіе безчестно возстать противъ креста Христова—за прелесть Магометову! Пусть въ ослѣпленіи ума и ожесточеніи сердца, возлагаютъ они надежды свои на человѣческую силу, мудрость и искусство: наша сила и крѣпость всегда была и пребудетъ — Богъ Отецъ! наше непреложное упованіе — Богъ Сынъ, нашъ нерушимый покровъ и прибѣжище — Богъ Духъ Святыи!

Троице пресвятая и всемогущая, благослови и укрѣпи рать православную! Защити и спаси землю русскую! Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ БРЮЧЕНІЯ ИКОНЫ СВАТЫТОДА НИКОЛАЯ,

СТРѢЛКОВОМУ ПОЛКУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ, ПРИСЛАННОЙ ДЛЯ ТОГО ОТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

Храбрые и христолюбивые витязи царственнаго дома!

Благословлявъ съ сего самаго св. мѣста столько разъ православныхъ воиновъ, шедшихъ на брань въ Тавриду, мы дождались наконецъ и того душевнаго утѣшенія, что можемъ теперь благословить васъ уже не на брань, а на подвиги мира. Среди ужасовъ войны особенно необходима была вѣра и воодушевленіе свыше: но кто можетъ сказать, чтобы они были излишни и во время мира, который также имѣетъ своего рода труды, и даже опасности?

Не сами о себѣ и не одни мы, въ сей радостный для всего человѣчества день, преподаемъ вамъ новое благословеніе. Къ сему подастъ намъ мановеніе и вмѣстѣ съ нами невидимо благословляетъ васъ великій святитель Мирликійской церкви, купно со св. Героемъ Невскимъ и равноапостольною Магдалиною, кои, какъ бы для посѣщенія васъ на чужбинѣ и въ годину тяжкаго испытанія, явились къ сему празднику, въ сихъ священныхъ ликахъ. Если бы все это произошло и изъ какихъ либо частныхъ рукъ, то и тогда было бы для васъ даромъ священнымъ; но это препослано вамъ отъ лица Дома царственнаго, коему особенно при-

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ. 25 марта 1856 года
Иннокентій. Сочиненія. III.

надлежите вы, препослано самую Матерію отечества. Привѣтствуемъ васъ съ симъ знакомъ державной памяти о васъ! Ликъ Святителя мирликійскаго будетъ напоминать вамъ, между прочимъ, о томъ незабвенномъ Монархѣ, коему ваша новоучрежденная рага обязана своимъ происхожденіемъ; ликъ Героя Невскаго будетъ воззывать васъ къ подвигамъ и мужеству за отечество; а ликъ равноапостольной Маріи будетъ внушать вамъ — соединять это мужество съ дѣлами кротости и челоуѣколюбія.

Нѣтъ ли у кого либо изъ васъ на душѣ соболѣзнованія о томъ, что вамъ не досталось показать своего искусства и мужества противу враговъ отечества? Но видя васъ, мы и безъ того, совершенно урѣнены, что враги, испытавъ вашу руку и оружіе, престали бы хвалиться своимъ умѣньемъ. Уступите-же безъ огорченія имѣвшіеся въ виду успѣхи ваши той радости, которая преисполняетъ собою теперь все отечество, достигшее, благодаря мудрости Монарха, и безъ новыхъ усилій, желаннаго конца брани.

Вмѣсто враговъ внѣшнихъ, на вашу долю выпало другое сраженіе — съ тѣмъ ужаснымъ недугомъ, который обыкъ издавна слѣдовать за войною. Благодареніе Богу, что вы не поникли при семъ духомъ, и умѣли перенести неизбѣжныя утраты съ чувствомъ смиренія и преданности волѣ Божіей. Кто присмотрѣлся къ смерти, какъ вы, на одрѣ тяжелой болѣзни, тотъ не дрогнетъ послѣ предъ нею и на полѣ брани.

Витязи дома царственнаго! По всей вѣроятности, вамъ предстоитъ теперь возвратъ во свояси. Скажите тамъ, кто будетъ вопрошать васъ о семъ, что здѣсь, на краю Россіи, вы видѣли ту же св. вѣру, ту же православную Церковь, и ту же искреннюю любовь къ отечеству, — скажите, что градъ и весь край нашъ глубоко чувствуютъ отеческое попеченіе о нихъ Монарха, въ прошедшую годину опасности, — скажите, что враги наши, кто бы они ни были, всегда будутъ находить въ обитателяхъ Новой-Россіи самоотверженіе и мужество Россіи древней.

А мы навсегда сохранимъ съ любовію память о васъ, не только какъ о доблестныхъ воинахъ, но и какъ о новомъ учрежденіи воинственномъ, коимъ отечество непосредственно обязано дому царственному, и коему предстоитъ, въ свое время, именитая будущность. — Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ ОБЩАЮЩАЯ ГЕОРГІЕВСКИХЪ ПРЕСТОЯ,

ВЫСОЧАЙШЕ НАЗНАЧЕННЫХЪ ВЪ НАГРАДУ ОТЛИЧИВШИМЯ ПРИ
ОТРАЖЕНІИ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАГО ФЛОТА ОТЪ БЕРЕГОВЪ ОДЕССКИХЪ*)

Христось воскрес!

ъ общей радости о защитѣ нашего града отъ буйнаго устремленія на него съ моря враговъ прегордыхъ и звѣронравныхъ не доставало единого — чтобы эта чистая и святая радость отразилась скорѣе въ сердцѣ возлюбленнаго Монарха нашего. Ибо кто болѣе его печалуетъ теперь всѣми печаліями Россіи? Кто глубже его тревожится за всѣ опасности, коимъ могутъ подлежать обширные предѣлы отечества?— Не ему ли посему подобаеть скорѣе и полнѣе приобщаться и радости, если Господь посылаетъ ее гдѣ либо сынамъ Россіи за ихъ вѣрность Богу отцевъ своихъ?— Нашъ край и нашъ градъ, безъ сомнѣнія, были и суть предметомъ особенныхъ заботъ и опасеній для августѣйшаго Монарха, по самой ихъ близости къ мѣсту браней и по беззащитности и неготовности къ отраженію враговъ. Можетъ быть, не разъ ожидалъ онъ увидѣть предъ собою вѣстника съ печальнымъ донесеніемъ, что юная столица Новороссійскаго края, радовавшая доселѣ всѣхъ своимъ необыкновеннымъ преспѣваніемъ въ дѣлахъ торговли и промышленности, поругана врагомъ, истреблена, уничтожена... И вотъ является изъ нея скорѣе, нежели думалось, сей вѣстникъ; и что-же возвѣ-

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 20 апрѣля 1854 года.

щаеть?—Что гордые враги, въ забвеніи всѣхъ правилъ не только великодушія, но и справедливости, дѣйствительно напали со всею жестокостію на Одессу, дерзнувъ возмутить нападеніемъ своимъ спокойствіе дней самыхъ священныхъ для нея; но что эта нечестивая жестокость ихъ не сопровождалась для насъ никакимъ особеннымъ вредомъ, а послужила только къ обнаруженію надъ нами особенной милости Божіей; ибо мы, находясь подъ адскимъ огнемъ врага цѣлый день, остались цѣлы и невредимы, а онъ понесъ отъ насъ не малый уронъ, такъ что, не зная потомъ, что больше дѣлать, сокрылъ позоръ свой въ удаленіи отъ береговъ нашихъ.

Какъ должна была обрадовать собою сердце царево неожиданная вѣсть сія! Силу сей радости являютъ и слова Монарха къ защитникамъ нашимъ, исполненныя отеческой любви и признательности, и эти, лежащія предъ нами, знаки отличія, коими онъ съ такою щедростію спѣшитъ украсить храбрую грудь ихъ.

Какъ послѣ сего и намъ не радоваться, не торжествовать и не благодарить Бога!—Царь небесный явилъ особенную милость свою надъ нами; царь земной особенно обрадованъ и возвеселенъ нами: что можетъ быть для насъ отраднѣе! Теперь остается намъ, благодаря Царя небеснаго и царя земнаго, не изнемогать въ нашемъ подвигѣ, продолжать, какъ начали, доколѣ не будетъ достигнутъ конецъ великой и священной брани настоящей, то есть не приобрѣтеніе какихъ либо земныхъ выгодъ отъ врага,—въ чемъ Россія не имѣетъ никакой нужды, — а освобожденіе единовѣрныхъ собратій нашихъ отъ жестокаго и безчеловѣчнаго ига мусульманскаго.

Что сказать въ частности вамъ, храбрые защитники наши? Повторять ли нашу благодарность за ваше мужество и неустрашимость противу врага? Но отъ кого вы не слышали сего уже сто разъ? Привѣтствовать ли васъ съ этими знаками награды и милости къ вамъ царской? По душевному уваженію нашему къ вамъ, они такъ пріятны для насъ, какъ бы не вы одни, а мы всѣ вмѣстѣ съ вами получили ихъ отъ руки царской. Призывать ли васъ къ новому мужеству, въ случаѣ новаго нападенія отъ врага? Но это мужество такъ сроднилось со всѣми вами, что составляетъ уже не долгъ для васъ и обязанность, а удовольствіе и отраду. Послѣ милостиваго слова къ вамъ царева, намъ можно было бы остаться безъ всякаго слова, съ однимъ благословеніемъ и молитвою о васъ: но, поелику мы, хотя и недостойные, призваны дѣйствовать и вѣщать здѣсь отъ лица Царя

небеснаго; то не усомнимся сказать вамъ нѣчто, — въ дополненіе слова царя земнаго, взявъ изрекаемое нами не отъ своего ума, а изъ духовной сокровищницы побѣдоноснаго царя Израилева, св. Давида. Вы защищали и защитили градъ нашъ; но— *еще не Господь*, говоритъ онъ, *сохранитъ градъ, все бдѣ стрѣгій* (Псал. 126, 1): безъ помощи и благословія свыше все ваше мужество могло бы поникнуть предъ напоромъ силъ и огней вражескихъ. Падите же вмѣстѣ съ нами предъ симъ престоломъ благодати Божіей, и возблагодарите Того, кто въ прошедшій день брани невидимо укрѣпилъ сердце и руцѣ ваши на отраженіе враговъ, — кто въ это же время видимо отнялъ у нихъ опытность и искусство, а отъ оружія ихъ силу и смертноносность,—кто и впредь, при подобныхъ случаяхъ, единъ можетъ препоясать васъ силою свыше и сотворить непобѣдимыми;— возблагодарите, и гласомъ того же боговдохновеннаго царя Израилева воскликните къ Богу Спасителю: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113, 9)! — Аминь.

НАСТАВЛЕНІЕ

СВЪСТРАЖАЮЩЕГО КРЕСТОХОДЯЩЕГО ОБЩИННИКА

ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ ВОИНАХЪ, ПО ИЗРЕЧЕНІИ ИМИ КЛЯТВЕННОГО
ОБЪТА НА СВОЕ СЛУЖЕНІЕ *).

е знаемъ, что теперь на сердцѣ у васъ, по изреченіи вами священнаго обѣта вашего; а мы всѣ, взирая на васъ, радуемся и благодаримъ Господа за то, что въ такое краткое время нашлось у насъ столько душъ, способныхъ, оставивъ все, посвятить себя сердобольному служенію недугующимъ защитникамъ отечества. Кто можетъ не чувствовать ихъ важныхъ и кровавыхъ заслугъ отечеству? Кто не желалъ отъ всей души уврачеванія ихъ ранамъ, облегченія ихъ страданій? Посему-то мы не усомнимся сказать, что многіе изъ зрящихъ теперь на васъ ублажаютъ вашу участь, и готовы были бы тотчасъ стать на вашемъ мѣстѣ и раздѣлить вашъ обѣтъ, еслибы разныя обстоятельства не отнимали у нихъ возможности къ тому.

Отъ васъ Господь устранилъ всѣ подобныя препятствія; вамъ дано достигнуть того, что у многихъ, по необходимости, осталось въ одномъ благомъ желаніи: вы, а не другіе, примете на свои попечительныя руки героевъ Алмы и Севастополя!

Уразумѣйте же, возлюбленныя, святую высоту вашего призванія! Вы исходите на служеніе болящимъ не отъ себя токмо однихъ, а отъ всего отечества; вы должны потрудиться не для обыкновенныхъ больныхъ, а для тѣхъ, кои сами подвизались для отечества до того, что полагали за него, и слѣдовательно за

*) Сказанное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 18 апрѣля 1855 года.

всѣхъ насъ, самую жизнь свою. Покажите же имъ — вашимъ усердіемъ, вашимъ самоотверженіемъ, вашимъ сердоболіемъ, — какъ высоко ставить отечество подобные подвиги, какъ много уважаетъ раны своихъ мужественныхъ защитниковъ, какъ готово къ удовлетворенію ихъ нуждамъ! А между прочимъ при каждомъ удобномъ случаѣ возвѣщайте имъ, что св. Церковь молится усердно и всегда будетъ молиться о нихъ, — живыхъ и умершихъ; — что благочестивѣйшій Государь прилежно печется и будетъ пещись не токмо объ ихъ участи, но о положеніи ихъ присныхъ; — что по всѣмъ краямъ Россіи прославляютъ ихъ мужество и удивляются ихъ подвигамъ; — что наконецъ кровь ихъ пролита не напрасно, ибо гордый врагъ униженъ и началъ уже помышлять о постыдномъ бѣгствѣ изъ земли нашей.

Само собою разумѣется, что на поприщѣ дѣятельности вашей васъ ожидаетъ не радостное зрѣлище. Предъ вами, какъ нѣкогда предъ Пророкомъ, разовьется такой свитокъ бытія человѣческаго, въ коемъ вписано почти одно *рыданіе, жалость и горе* (Иез. 2, 10). Но можетъ ли это удивить васъ и привести въ уныніе? — Развѣ вы не знаете заранѣе, что исходите не на праздникъ и торжество, не на вечерю мира и веселія, а на страшное поле войны, — поле жестокихъ битвъ, гдѣ естественно все обрызгано кровію, все обожжено огнемъ. Ваше уже дѣло будетъ уменьшить, сколько возможно, число страданій, вздоховъ и слезъ; ваше дѣло будетъ внести отраду и упованіе даже туда, гдѣ готово водвориться отчаяніе; ваше, наконецъ, дѣло будетъ пролить капли утѣшенія христіанскаго на самое возглавіе отходящихъ изъ сей жизни.

И если вы успѣете въ семъ святомъ подвигѣ (а при помощи Божіей почему не успѣтъ?), если даже только начнете его какъ должно: то, будьте увѣрены, скоро все приметъ въ очахъ вашихъ другой видъ: мрачныя обители болѣзней и скорбей обратятся для васъ въ священныя мѣста душеусладительнаго служенія Богу и человѣчеству; среди стоновъ болѣзненныхъ начнутъ слышаться умиленные воздыханія молитвенныя; взоры страждущихъ съ невыразимою благодарностію будутъ обращаться къ вамъ; въ собственномъ сердцѣ вашемъ откроется источникъ неизглаголенныхъ утѣшеній и радости о Дусѣ Святѣ, такъ что вы не промѣняете челоуѣколюбивыхъ трудовъ вашихъ ни на какія блага міра. Не такъ ли именно находятъ себѣ отраду, а потому съ такою готовностію нисходятъ съ неба въ нашъ страждущій міръ, Ангелы Божіи, коихъ вы будете подражателями и, можно ска-

затѣ, сотрудницами?—Ибо если гдѣ, то среди подобныхъ мѣстѣ скорби и страданій, онѣ всегда присущи и дѣйствуютъ невидимо.

Что и какъ вамъ дѣлать, уже означено въ самомъ обѣтѣ вашемъ: собственное сердце доскажетъ вамъ то, чего не можетъ обнять никакое наставленіе. Помните, между прочимъ, что у недугующихъ собратій вашихъ не одно тѣло болящее, а и душа, по всей вѣроятности, не свободная отъ ранъ совѣсти. Поелику же бессмертная душа въ человѣкѣ стократно важнѣе его бреннаго тѣла: то, способствуя врачеванію тѣлесному, не оставляйте безъ вниманія и помощи христіанской и души болящей. Оздравѣвшая душа всегда благотворно дѣйствуетъ и на немощи тѣлесныя.

Не забывайте, что изъ находящихся на вашемъ попеченіи не всѣмъ дано будетъ возвратиться съ одра болѣзни къ жизни земной. Да не отыдетъ никто изъ таковыхъ въ вѣчность, безъ оуміама вашей молитвы и безъ упованія христіанскаго, безъ раскаянія во грѣхахъ своихъ и безъ того благодатнаго напутія, коимъ св. Церковь обыкла сопровождать *туда* вѣхъ чадъ своихъ!

Въ подкрѣпленіе собственного духа вашего, взирайте чаще на крестъ Христовъ, который возложенъ теперь на перси ваши, не для украшенія какого либо тѣлеснаго, а именно для того, чтобы, когда нужно, вы тотчасъ могли находить въ немъ укрѣпленіе вашему духу и оживленіе вашему сердцу.

Обращайтесь мыслями своими и къ пречистой Матери распятаго Господа, которая не напрасно именуется матеріею всѣхъ скорбящихъ. Предъ Нею, — въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея, — произнесенъ вами сейчасъ обѣтъ клятвенный: Она такимъ образомъ содѣлалась испоручницею вашей вѣрности и вашего усердія. Можетъ ли послѣ сего оставить Она васъ безъ помощи, и не подать вамъ, когда будетъ нужно, вразумленія и подкрѣпленія, отрады и покоя душевнаго?

Чтобы имѣть вамъ какъ бы нѣкій чувственный залогъ такого благодатнаго союза съ Нею, примите отъ меня по изображенію сего чудотворнаго лика Ея.

А мы не престанемъ сопровождать васъ нашими молитвами и при первомъ случаѣ, если дастъ Господь, поспѣшимъ быть личными свидѣтелями вашихъ трудовъ и соутѣшиться вашею вѣрою и самоотверженіемъ на пользу страждущихъ отъ ранъ своихъ защитниковъ отечества. — Аминь.

РѢЧЬ

СЕСТРАМЪ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ

ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕНЫХЪ ВОИНАХЪ, ПРИ ВОЗЛОЖЕНИИ НА НИХЪ
КРЕСТОВЪ *).

ва чувства рождаются въ душѣ нашей при взглядѣ на васъ, новоизбранныя сестры милосердія! Увеличеніе общества вашего и круга вашихъ дѣйствій естественно заставляетъ предполагать, что и число требующихъ сердобольнаго прирѣнія православныхъ воиновъ нашихъ не умаляется, а возрастаетъ быстро: мысль горькая и потрясающая! За то можно ли не радоваться духомъ, взирая, съ какимъ усердіемъ исходите вы на многотрудное служеніе ваше недужнымъ защитникамъ отечества, по первому извѣстію о нуждѣ въ томъ? Истинно-христіанская готовность ваша на сей подвигъ служить для насъ несомнѣннымъ доказательствомъ той отрадной истины, что если злоба человѣческая неусыпающа въ нанесеніи вреда и ранъ; то любовь христіанская еще не усыпаемѣ въ обязаніи и уврачеваніи оныхъ.

Благодареніе Богу, не разъ уже мы имѣли утѣшеніе слышать, что предшественницы ваши подвизаются усердно, сообразно своему благотворному назначенію, что онѣ, при помощи Божіей, перенесли даже благодушно не малое искушеніе въ посѣтившемъ ихъ недугѣ, и что надъ ними сбылось святое замѣчаніе Апостола: *скорѣнь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же ис-*

*) Произнесенная въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 12 іюня 1855 года.

куство, искусство же упованіе, упованіе же не поспалитъ (Рим. 5, 3—5).

Подобнаго терпѣнія скорбей и происходящаго оттуда благоуспѣшія ожидаемъ мы и отъ васъ, возлюбленныя о Господѣ сестры! И почему бы не ожидать намъ сего? Развѣ въ вашемъ сердцѣ менѣе любви къ Богу и челоувѣчеству? Развѣ вы воодушевлены не тѣмъ же благимъ и животворнымъ духомъ Христовымъ? Развѣ ваши обѣты произнесены теперъ не предъ тѣмъ же евангеліемъ, запечатѣны не тѣмъ же страшнымъ и великимъ именемъ Божиимъ? Развѣ, наконецъ, вы лобызали не тотъ же самый крестъ Христовъ и не его, подобно вашимъ предшественницамъ, воспріали на рамена свои?

О, низпастъ съ сей святой высоты значило бы тоже, что упасть съ неба!.. Да сохранить Господь всѣхъ насъ отъ подобныхъ паденій! Для васъ—предохранить себя отъ нихъ тѣмъ легче и удобнѣе, что вы будете находиться не среди прохладъ и успокоенія, не среди радости и веселія, а среди скорби и слезъ, среди стона и воздыханій.—Если о болящихъ тѣломъ вообще сказано у Апостола: *страдающій плотію перестаетъ грѣшить* (1 Петр. 4, 1); то и о васъ, кои будете служить страдающимъ плотію—и какъ ужасно страдающимъ!—должно сказать, что вы, по самому мѣсту и роду занятій своихъ, далѣе другихъ отъ искушеній и соблазновъ мірскихъ. О, болѣзни и смерть не то, что мы и слабыя слова наши: это великіе и самые краснорѣчивые наставники въ вѣрѣ и добродѣтели!

Скорѣе можетъ угрожать вамъ другой врагъ—уныніе и малодушіе, яко имѣющимъ ходить и дѣйствовать, можно сказать, среди мрака и сѣни смертной. Но, за то сколько и средствъ у васъ, возлюбленныя, противъ всякаго унынія и всѣхъ видовъ малодушія!.. Не со всѣми ли вами молитвы и благословеніе св. Церкви? Не о васъ ли забота и материнское попеченіе августѣйшей Учредительницы христіанскаго общества вашего? Не съ вами ли, надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ челоувѣколюбія, будутъ труждаться и служители здравія тѣлеснаго, то есть, врачи искусные, и служители здравія духовнаго, то есть, духовные отцы и пастыри опытные? Не на всѣхъ ли васъ наконецъ возложенъ крестъ Христовъ—это непобѣдимое оружіе христіанина?—И вамъ унывать?.. И вамъ малодушествовать?..—Нѣтъ, возлюбленныя, укрѣпляемая вѣрою, воодушевляемая любовію, окрыляемая упованіемъ жизни вѣчной, вы будете имѣть столько духа и твердости, чтобы спастись отъ малодушія, ободрять и одушев-

лять всѣхъ вѣренныхъ попеченію вашему, когда они будутъ поникать подъ тяжестію тѣлесныхъ страданій.

Грядите же съ миромъ въ путь вашъ, и дайте намъ скорѣе услышать о благословенныхъ трудахъ вашихъ, дабы мы могли возблагодарить за васъ Господа, который какъ единъ полагаетъ на сердце наше сѣмена намѣреній чистыхъ и благихъ, такъ единъ же даетъ имъ силу расти и приходить въ зрѣлость. — Аминь.

РѢЧЬ

НОВЫЯ СОСТРАДІЯ ПРОВОЗДІЖЕНСКОЇ ОБЩИНЫ

ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ РАНЕНЫМЪ ВОИНАМЪ, ПРИ ВОЗЛОЖЕНІИ НА НИХЪ
КРЕСТОВЪ *).

такъ, внявъ гласу Евангелія и собственнаго сердца, вы, оставивъ все, рѣшились идти на сердобольное служеніе страждущимъ отъ ранъ и недуговъ воинамъ нашимъ?... Знаете ли, что вы поступили въ семь случаѣ подобно тому, какъ сдѣлали нѣкогда Апостолы Христовы, когда, оставивъ все, послѣдовали за своимъ Учителемъ и Господомъ? Да будетъ вѣдомо вамъ, возлюбленные, и то, что дражайшій Спаситель нашъ, во имя коего вы принесли такую жертву, не останется у васъ въ долгу, и никому не дастъ побѣдить Себя любовію!.. Вы будете, ради Его, служить подобнымъ себѣ людямъ, а Онъ премилосердый, вмѣнитъ все это въ заслугу Себѣ самому, и на страшномъ судѣ, въ слухъ всего міра, возгласитъ и къ вамъ: *приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе! яко боленъ бѣхъ, и посѣтите Мене* (Матѣ. 25, 34, 36),—и не только посѣтите, но и *послужите* Ми.

Какъ не возрадоваться такому быстрому полету духовному на высоту любви и самоотверженія? Ахъ, многіе текутъ и труждаются всю жизнь, и не могутъ достигнуть сей святой высоты!

Начало благословенное!

Да будетъ же таково и продолженіе! Да будетъ таково же и

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 14 августа 1855 года.

конецъ! Ибо, если благое начало, какъ говорится, есть уже половина дѣла, то вѣнцемъ для него можетъ служить только одинъ конецъ благой...

«И мы сдѣлаемъ его такимъ», подумаетъ какая либо изъ васъ, при настоящей благочестивой ревности вашей о пособіи страждущимъ защитникамъ отечества. — О, блюдитесь, возлюбленные, подобныхъ мыслей и превозношенія, могущихъ испортить все дѣло! Ибо, ничто такъ не противно Господу и не удаляетъ такъ Его всесозидающей благодати отъ насъ, какъ наша сомонадѣянность;—а безъ Его благодатнаго содѣйствія что значать всѣ наши усилія и весь нашъ трудъ?

Мудруйте паче такъ, какъ мудствовалъ апостолъ Павелъ, и скажите сами въ себѣ, что мы не преминемъ усердно трудиться во имя Господне для болящихъ братій нашихъ, что, служа имъ тѣлеснѣ, не оставимъ служить и духовнѣ, что мы вообще постараемся на избранномъ болѣзнію и приготовленномъ скорбями—полѣ сердце съять добро обѣими руками, и готовы поливать сѣемое нашими молитвами, и, если то нужно, нашими слезами; но возрастить посѣянное и политое, и довести его до плода духовнаго и зрѣлости благодатной, — это дѣло не нашей слабости и ограниченности, а Его всемогущества и благодати...

Памятуя слабость и нечистоту падшей природы нашей, уготовьтесь напротивъ заранѣе на встрѣчу съ искушеніями всякаго рода,—между прочимъ на борьбу съ собственными мыслями и чувствами, кои, вопреки ожиданіямъ, не замедлятъ возникнуть въ душѣ вашей и стать, пожалуй, противъ самаго святаго обѣта вашего. Послѣ сильныхъ порывовъ къ добру, послѣ особенныхъ подвиговъ самоотверженія, духу нашему какъ будто суждено поникать долу, впадать въ какое-то охлажденіе къ тому же самому добру, въ оцѣпенѣніе и мертвенность душевныя. Кромѣ неприятныхъ встрѣчъ и прираженій совнѣ, на васъ, среди служенія вашего, можетъ напасть внутренняя туга сердца и недовольство собою, непонятное расслабленіе силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, нѣкое, вовсе неожиданное, отвращеніе къ своему святому дѣлу, простирающееся до желанія оставить свое поприще и прейти къ другимъ занятіямъ, какъ будто, если не болѣе добрымъ, то болѣе сроднымъ для васъ...

Когда нападетъ на васъ подобная тѣма и мракъ, то во-первыхъ не медлите уразумѣть, что это искушеніе отъ врага, которому вашъ святой обѣтъ, какъ тернъ въ окѣ; за симъ возведите умъ и сердце горѣ, ко Господу — съ молитвою о поданіи

свѣта и помощи; — и ваша ладія не будетъ по крайней мѣрѣ опрокинута внезапно этимъ вѣтромъ и сею бурей. Если вы покажете въ семъ случаѣ вѣру и вѣрность, и Господь узритъ въ васъ рѣшимость скорѣе претерпѣть все, нежели измѣнить своему обѣту: то, будьте увѣрены, скоро небо надъ вами сдѣлается опять чисто, воздухъ свѣжъ и оживляющъ, солнце благодати паки засіяетъ надъ вами, и сердце ваше исполнится той тишины и того мира Божія, кои *превосходятъ*, по выраженію Апостола, *всякъ умъ* (Филип. 4, 7).

Не мало и еще хотѣлось бы сказать вамъ, возлюбленные! Но сколько бы мы ни бесѣдовали съ вами здѣсь и теперь, никогда не можемъ высказать всего нужнаго. Это можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ, когда будетъ потребно, тотъ великій Наставникъ и Учитель, о коемъ Спаситель нашъ умолилъ Отца, да будетъ съ нами во вѣкъ, и да наставляетъ насъ на всякую истину, — Духъ Святой. Къ Нему, всевѣдущему и всепросвѣщающему, обращайтесь молитвенно во всѣхъ вашихъ недоумѣніяхъ; и Онъ никогда не оставитъ васъ безъ свѣта и вразумленія. И мы, какъ подобные вамъ, слабыя чловѣки, можемъ только наставлять и поучать васъ; а Онъ, какъ Духъ истины и жизни, проливая на васъ свѣтъ, въ тоже время подастъ вамъ и свою силу — исполнить внушаемое, подкрѣпитъ и оживитъ исполняющихъ, возселитъ и наградитъ исполнившихъ. — Аминь.

НАСТАВЛЕНІЕ

У Т У Д О Н Т А Я К І Н І Д О Ш І И,

ПО ОКОНЧАНИИ ИМИ КУРСА И ПО ОБЪЯВЛЕНИИ УЧЕНЫХЪ СТЕПЕНЕЙ
И ДОЛЖНОСТЕЙ.

постолъ Павелъ, преподавая нѣкогда ефесскимъ ученикамъ своимъ послѣднее наставленіе, и желая какъ можно болѣе расположить ихъ къ исполненію преподаннаго имъ ученія, между прочими побужденіями употребилъ и то, что имъ преподаны всѣ истины спасенія: *не обинухся*, говорилъ онъ, *сказать вамъ всю волю Божию* (Дѣян. 20, 27). Находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ и имѣя ту же самую цѣль, мы не можемъ однако же, во всей цѣлости, обратиться къ вамъ словъ Апостола; не можемъ сказать, что мы возвѣстили вамъ всю волю Божию. Такъ могъ говорить наставникъ богодухновенный. Для насъ, кои, по необходимости, бесѣдовали съ вами большею частью въ научныхъ человѣческой мудрости словесѣхъ, для насъ довольно и того, что мы—желали возвѣститъ вамъ всю волю Божию, что не желали возвѣщать вамъ ничего, кромѣ воли Божіей. Если и вы не хотѣли слышать отъ насъ ничего, кромѣ сей воли и мы надѣемся, что не хотѣли); если притомъ имѣете твердое намѣреніе (и мы вѣримъ, что имѣете) исполнять на дѣлѣ слышанное: то и для васъ достаточно того, что возвѣщено вамъ. Кто сказалъ: *еще кто хочетъ творити волю Божию, разумѣетъ о ученіи* (Іоан. 7, 17), тотъ самъ уже восполнитъ недостающее.

Сей Божественный, всеобщій Наставникъ, Господь и Учитель нашъ, остается съ вами; всеблагій Духъ Его, могущій настав-

лять на всякую истину, съ вами; слово Его, преподаанное пророками и апостолами, съ вами. Продолжайте сами поучаться, вразумляться, приходите отъ вѣры въ вѣру, отъ любви къ любви.

Я сказалъ—продолжайте. Кругъ обыкновеннаго ученія конченъ: но кругъ истиннаго боговѣдѣнія, разъ начавшись, никогда не оканчивается. Кто возмнилъ бы, что ему не остается ничего знать, тотъ симъ самымъ показалъ бы, что онъ ничего не знаетъ, или все забылъ. Училище человѣческое оставится вамъ, но вмѣсто его откроется новое, высшее, коего учредитель не человѣкъ какой-либо, а самъ Господь — училище жизни и опыта. Уроки продолжатся тѣже, только будутъ состоять не изъ словъ, а изъ событій и дѣйствій. Кто будетъ внимателенъ, тотъ вскорѣ замѣтитъ въ самыхъ обыкновенныхъ событїяхъ жизни человѣческой уроки мудрости божественной, невидимый преподаватель коихъ есть Промыслъ, видимый истолкователь—воля начальства. Благо тому, кто съ сыновнею довѣренностію къ невидимому преподавателю будетъ благодушно слѣдовать за видимымъ истолкователемъ: такой собственнымъ опытомъ узнаетъ, что истинно вѣрующимъ въ Бога все обращается во благое. Горе, напротивъ, высокоумнымъ и продерзымъ, не умѣющимъ, или не желающимъ умъ и волю свою покорять волѣ Промысла, обнаруживающейся въ порядкѣ событій и волѣ начальства. Для таковыхъ самое обиліе земныхъ познаній обратится въ бремя, которое чѣмъ болѣе возрастаетъ, тѣмъ болѣе угнетаетъ.

Продолжая сами быть прилежными учениками Промысла, не забывайте пецись о вразумленіи другихъ. На насъ, по самому рожденію, лежитъ священный долгъ быть провозвѣстниками воли Божіей. Можно ли желать жребія лучше сего? — Щедрота августѣйшаго Монарха подала намъ средства къ удобнѣйшему исполненію нашего предназначенія. Не сугубо ли будемъ виновны, если, употребивъ эти средства для образованія самихъ себя, не обратимъ потомъ нашего образованія на пользу другихъ?—Жатва многа, а дѣлателей мало. Не заставимъ своимъ небреженіемъ жаловаться на насъ Господину жатвы. Онъ правъ; ибо послалъ насъ. Мы будемъ виновны, если не возвѣстимъ слова спасенія, намъ вѣреннаго. Зачѣмъ и восходить на Синай боговѣдѣнія, если не сносить законъ для тѣхъ, кои находятся у его подножія? Иначе и о насъ могутъ сказать: *ввергохоль злато во огнь, и изліяся телець* (Исх. 32, 24). — И трудно ли возвѣщать то, что составляетъ предметъ нашего служенія? Кто позналъ истинно

Христа—а болѣ Его намъ ничего возвѣщать не нужно, — тотъ не будетъ молчать,—возвѣститъ Его на стогнахъ и кровахъ. Кто истинно позналъ своего Спасителя, уразумѣлъ, какъ вѣдѣніе Его необходимо для всѣхъ и каждаго, тотъ, возвѣщая Его, не будетъ имѣть въ виду ничего, кромѣ самаго Христа. Для успѣха въ семъ святомъ дѣлѣ не нужно особенной какой-либо мудрости. И малыя крупицы духовнаго хлѣба, преломляемыя во благословеніи, могутъ напитать тысячи алчущихъ душъ.

Къ назиданію словомъ здоровымъ присовокупляйте примѣры благой. Христіанская жизнь есть самое лучшее поученіе. Самого Бога мы познаемъ изъ дѣлъ Его. И Спаситель нашъ прежде началъ творить, а потомъ уже учить. *Иже сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствіи Отца небеснаго* (Матѹ. 5, 19).

Среди трудовъ на пользу Церкви, непрестанно имѣйте въ виду Іисуса Христа и Его апостоловъ. Наставленіе, данное Апостоламъ, при посланіи ихъ на проповѣдь, почитайте наставленіемъ, данымъ для всѣхъ учителей вѣры (Матѹ. 5, 10). Въ немъ найдете, что намъ всѣмъ должно дѣлать, чего убѣгать, гдѣ искать подкрѣпленія, какъ терпѣть и чего надѣяться.

Да не изнемогаетъ вѣра ваша, если среди благаго и непостыднаго дѣланія въ вертоградѣ Господнемъ, срѣтятъ кого либо искушенія и напасти. Кто не терпѣлъ ихъ изъ истинныхъ дѣлателей Христовыхъ? Только бы не страдать за нарушеніе правды;—а если за имя Христово, за возвѣщеніе истины, за обличеніе неправды постигнетъ кого-либо искушеніе: то такой долженъ не стыдиться, а прославлять Бога за свою участь. Нашъ Учитель и Вождь на Голгоѣѣ. Намъ ли искать покоя? Покой и награда всѣхъ истинныхъ послѣдователей Его, тѣмъ паче провозвѣстниковъ имени Его, — тамъ — на Сіонѣ.

Съ сими благожеланіями *предаемъ васъ нынѣ Богу и слову благодати Его, могущему наиздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ* (Дѣян. 20, 32).

Отче святыи! Соблуди ихъ во имя Твое. Святи ихъ во истину Твою! Слово Твое — только Твое — истина есть (Іоан. 17, 17)!

НАСТАВЛЕНІЕ

ПОВОЛОСТРИЖЕННЫЯ ЮНОШАЯ

ИЗЪ СТУДЕНТОВЪ АКАДЕМІИ, СКАЗАННОЕ ПОСЛѢ ЛИТУРГІИ, ПО ПРО-
ИЗНЕСЕНІИ СЛОВЪ:

Благословеніе Господне на васъ, того
благодатію и челоувѣколюбіемъ!

аче же да будетъ вседѣтельное и всеосвящающее благо-
словеніе сіе на васъ, юные воины Христовы, коимъ пред-
лежитъ упорнѣйшая брань не съ плотію токмо и кровію,
но и съ духами злобы поднебесной! — Благо вамъ, что вы не
уподобились упоминаемому въ нынѣ чтенномъ Евангеліи юношѣ,
и желая наслѣдовать животь вѣчный, не усумнились, подобно
ему, оставить все, дабы ити за однимъ Христомъ: благо вамъ!
Господь не обидливъ забыти настоящаго дѣла вашего и труда
любве вашей (Евр. 6, 10) къ Нему; Онъ найдетъ средства про-
вести васъ безбѣдно среди всѣхъ напастей и искушеній; вознесе-
литъ сердце ваше среди всѣхъ горестей, вознаградитъ сторицею
всѣ ваши настоящія жертвы и лишенія.

Но для чего я называю лишеніемъ то, что должно называть
приобрѣтеніемъ?—Миръ, коего отреклись вы?—Развѣ не его самые
усердные любимцы его называютъ полемъ брани, гдѣ враги че-
ловѣку и домашніе его? Потеря ли промѣнять поле брани на
мирный кровъ дома Божія?—Миръ?—Развѣ не его сравниваютъ
съ моремъ, непрестанно возметаемымъ вѣтрами и бурями? Ли-
шеніе ли — избыть навсегда волнъ и уединиться въ тихомъ при-
станищѣ? Блага міра, подобно плоду эдемскому, кажутся красны
и привлекательны: но спросите тѣхъ, кои всегда наслаждаются
ими, и они скажутъ вамъ, что нѣтъ горечи, которая бы не со-

провождала ихъ вкушенія. Жизнь иноческая, напротивъ, кажется слишкомъ суровою только тѣмъ, кои никогда не проводили оной, какъ должно, и потому не вкушали ея сладостей. Истинные иноки всегда были люди самые блаженные. Такъ и должно быть! Миръ и твари не могутъ наполнить сердце человѣка: одинъ Богъ есть истинное благо его. У отцевъ земныхъ достаетъ нѣжности для тѣхъ изъ дѣтей, кои, оставивъ все, живутъ для нихъ однихъ: у Отца ли небеснаго не достанетъ благословеній и любви?—*Коль многое множество благодати, восклицаетъ одинъ изъ вкусившихъ, яко благодать Господь, — коль многое множество благодати, юже скрылъ еси болящимся Тебе Господи* (Псал. 30, 26)!—Если богатство сіе сокрыто отъ очей міра; то потому, что міръ недостойнъ,—не можетъ видѣть его!

А если бы исполненіе высокихъ обѣтовъ вашихъ и сопряжено было съ какою-либо трудностію, когда бы повременамъ потребовались отъ васъ и подвиги: то отяготимся ли перенести что-либо ради возлюбленнаго нами и стократъ болѣе возлюбившаго насъ Господа?—А сыны міра?—Развѣ они не терпятъ отъ міра? не приносятъ ему жертвъ самыхъ тяжкихъ?—А дѣти нѣги и роскоши? Развѣ не стенаютъ подъ тягостию однихъ приличій? не проклинаютъ нерѣдко сами себя и все ихъ окружающее?—Въ этомъ мірѣ нельзя, никакъ нельзя не страдать. А если надобно страдать, то лучше страдать для Господа, нежели для діавола; лучше терпѣть, чтобы стяжать душу и наследовать животъ вѣчный, нежели терпѣть, чтобы погубить навсегда душу и быть отлученнымъ отъ Бога.

Вамъ угрожаютъ искушенія? Но, юные воины Христовы, вы будете сражаться не одни: всемогущій Спаситель вашъ выну будетъ съ вами и за васъ! Бойтесь единаго— быть не вѣрными Ему и своимъ обѣтамъ. А доколѣ вы вѣрны, Онъ весь вашъ — со всѣмъ своимъ могуществомъ и премудростию; доколѣ вы имѣете право о всемъ просить, всего надѣяться. Одна невѣрность теряетъ все, и на землѣ и на небѣ.

Но, я не хочу заранѣе наполнять воображеніе ваше мыслию объ опасностяхъ и врагахъ.—Нынѣшній день долженъ быть для васъ и для насъ днемъ радости и славословія. Возблагодарите убо, и во всю жизнь не переставайте благодарить Господа, *изведшаго васъ изъ тмы въ чудный свѣтъ свой, и престаившаго въ царство Сына любви своей!* — А мы усугубимъ свои молитвы о васъ, да благословеніе Господне и благодать Его пребудутъ надъ вами нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!—Аминь.

СЛОВО

ИГУМЕННИ АНТОНИИ,

ПО СЛУЧАЮ ВОЗЛОЖЕНІЯ НА НЕЕ ЗОЛОТОГО НАПЕРСТНАГО КРЕСТА *).

Достопочтенная сестра о Господѣ!

ри возложеніи на тебя креста сего я ограничился возглаголаніемъ тѣхъ краткихъ словъ, коими сама св. Церковь привѣтствуетъ въ подобныхъ случаяхъ достойныхъ дѣлателей вертограда Христова. Теперь, думаю, неизбежно будетъ присовокупить нѣчто и отъ себя. — Что присовокупить? — Новое привѣтствіе?—Да, есть въ чемъ и привѣтствовать. Знакъ благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода важенъ для каждаго сына и дщери Церкви православной; знакъ милостиваго вниманія благочестивѣйшаго Монарха многоцѣненъ для всякаго сына и дщери отечества. Благодареніе Господу, что, при помощи благодати Его, мы успѣли заслужить сіе благословеніе, этотъ знакъ высочайшаго вниманія! — Это радуеть и должно радовать не только тебя, но и всю обитель, тебѣ врученную.

И однако же горе намъ, достопочтенная сестра о Господѣ, если мы остановимся на сей радости; если предадимся ей всецѣло, подобно сынамъ и дщерамъ вѣка сего!—Ибо кто мы?—Тѣ люди, кои однажды и навсегда отреклись не только отъ всѣхъ почестей земныхъ, но и отъ всего мірскаго, кои вмѣнили

*) Сказанное въ хорошевскомъ женскомъ монастырѣ, 24 іюля 1843 года.

въ уметы вся, да Христа приобрящемъ! Такимъ ли людямъ опочить, какъ на возглавіи, на какой либо наградѣ земной? Нѣтъ, такіе люди (а мы непремѣнно должны быть таковы), если принимаютъ знаки отличій земныхъ, то не иначе, какъ по уставу св. Церкви и въ знакъ послушанія; принимаютъ не столько какъ награду за труды, а яко побужденіе къ болѣе прилежному исканію почестей небесныхъ; такіе люди (а мы непремѣнно должны быть таковы) смотрятъ на отличія человѣческія даже какъ на нѣкое искушеніе, и потому усугубляютъ, по полученіи ихъ, бдительность и надзоръ надъ своимъ сердцемъ.

Мы увѣрены, что такъ точно и принята тобою награда, тебя постигшая. Съ намѣреніемъ говорю, не полученная, а постигшая. Ибо не ты искала ее, а она обрѣла тебя, и обрѣла тогда, какъ ты, вѣроятно, и не мнила о ней.

Это самое, что полученное не было искомымъ, служить для насъ добрымъ залогомъ того, что полученіе не ослабитъ благочестивой ревности, не умалитъ христіанскаго смиренія, а обратится въ побужденіе къ новымъ трудамъ и глубочайшему смиренію предъ Богомъ и человѣками: ибо у христіанскихъ душъ такое правило, что чѣмъ болѣе возвышаютъ и отличаютъ ихъ, тѣмъ менѣе онѣ начинаютъ отличать самихъ себя.

Если бы слабость человѣческая могла когда либо привести въ забвеніе сіе правило; то самое свойство отличія, тебѣ усвоеннаго, напомнитъ о семъ. Ибо въ чемъ состоитъ это отличіе? Въ видимомъ ношеніи на вышнемъ крестѣ Христова. Кресту ли Христову возбуждать чувства превозношенія мірскаго? Тернами ли увѣнчанной главѣ располагать къ величанію и гордости? Язвамъ ли на рукахъ и ногахъ склонять къ нѣгѣ и покою плотскому? Если древніе израильтяне исцѣлялись отъ укушенія змиевъ, взирая на змія, вознесеннаго на крестъ Моисеемъ; то не тѣмъ ли паче намъ, въ случаѣ нужды, будетъ стоить только воззрѣть съ вѣрою на крестъ нашъ, на Распятаго на немъ, дабы всѣ помыслы земные исчезли изъ душъ нашихъ, какъ дымъ исчезаетъ отъ вѣтра? Да хранитъ убо такимъ образомъ тебя сей крестъ Христовъ! Да служитъ для тебя не только украшеніемъ, но и оружіемъ противъ искушеній видимыхъ и невидимыхъ, и да сопрягаетъ душу твою съ Тѣмъ, Кто положилъ на крестъ за всѣхъ насъ животь свой! Се наше желаніе тебѣ, и се наша молитва о тебѣ! А вы, христіанскія сестры о Господѣ, взирая на крестъ, украшающій настоятельную вашу, усугубьте къ ней любовь и послушаніе, памятуя, что вы повинуетесь въ лицѣ ея не чело-

вѣку, а самому Господу Іисусу, давшему ее вамъ въ мать и руководительницу. А вмѣстѣ съ симъ взоръ на крестъ ея да напоминаетъ вамъ выну о вашихъ собственныхъ крестахъ, кои возложены на васъ св. Церковію. Благо той, которая соблюдетъ его цѣлымъ до гроба! Благо и той, которая, потерявъ его какимъ либо несчастнымъ случаемъ, поспѣшитъ обрѣсти путемъ истиннаго покаянія! — Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПОСТРИЖЕНІЯ ОДНОЙ ИЗ ВОСТОРЖЕК ВЪ ЛОНАКИИ *).

Не разъ случалось замѣчать, что при священномъ обрядѣ, нынѣ нами совершенномъ, большею частію привѣтствуютъ съ какимъ-то духомъ печали и унынія; нѣкоторыя готовы бываютъ даже плакать о лицѣ, воспринимающемъ на себя обѣты, и дѣйствительно плачутъ о немъ, какъ по умершемъ. Благъ ли этотъ образъ чувствъ и дѣйствій?—Благъ, если проистекаетъ отъ печали по Бозѣ; благъ, если въ тѣхъ, кои сами удостоились уже постриженія, происходитъ отъ того, что они, слыша повтореніе обѣтовъ, сознаютъ въ себѣ неисполненіе ихъ и скорбятъ о семъ душевно; благъ, если тѣ, кои не воспринимали монашескаго образа, печалуютъ тѣмъ, что не находятъ въ себѣ по чему либо возможности посвятить и себя Господу, какъ посвящаютъ другіе. Въ обоихъ сихъ случаяхъ печаль и слезы достойны христіанина и благословенны; далъ бы только Господь, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ были и благоплодны, то есть, чтобы пріяхшіе уже ангельскій образъ, возбужденные воспоминаніемъ обѣтовъ, ими неисполняемыхъ, устремились къ исполненію ихъ, чтобы не могущіе пріять сего образа, приложили попеченіе о томъ, чтобы, и оставаясь въ мірѣ жить не по духу міра, а по заповѣдямъ евангелія.—

Но, кажется, большею частію сѣтуютъ, скорбятъ и плачутъ при настоящемъ случаѣ не о себѣ, а о тѣхъ, кои пріемлютъ монашество, и взираютъ на нихъ тѣмъ же взоромъ, коимъ смотримъ на людей, полагаемыхъ во гробъ.

* Сказанное въ никольскомъ женскомъ монастырѣ.

Хорошо ли это и достойно ли христіанина? — Не хорошо и недостойно.

То правда, что обрядъ, нынѣ совершенный, похожъ на нѣкотораго рода погребеніе; почему въ немъ не разъ и говорится, что постриженный долженъ вмѣнять себя, яко мертва: но это, если угодно, погребеніе должно не печалить собою, а радовать и заставлять благодарить Бога. Ибо, что въ немъ погребается? — Ветхій нашъ человѣкъ, этотъ первый и послѣдній врагъ нашего спасенія. О немъ ли жалѣть и скорбѣть?—

Но, постригаемое лице отрекается міра и пріятностей жизни семейной. Что же? слишкомъ великая жертва! — Хорошо разобравъ дѣло, окажется, что это не столько жертва, сколько пріобрѣтеніе. Въ доказательство на сіе, не будемъ нисколько предосуждать жизни семейной, ни отношеній и связей житейскихъ: онѣ имѣють свою цѣну и достоинство уже потому, что суть отъ Бога; не будемъ также отрицать, что съ ними соединено не мало пріятностей и удовольствій: но кто однако же не признается, что съ мірскимъ состояніемъ соединено и множество недостатковъ и огорченій?—Кто отказывается отъ пріятностей мірскихъ, тотъ въ награду избѣгаетъ огорченій мірскихъ. — Но, можетъ быть, награда не равносильна жертвѣ, то есть, огорченій менѣе, а пріятностей болѣе?—Касательно нѣкоторыхъ людей можно согласиться на это; но какъ ихъ мало! А о большей части живущихъ въ мірѣ рѣшительно должно сказать, что у нихъ гораздо болѣе огорченій, нежели пріятностей. Поелику же никто не можетъ рѣшительно относить себя къ первымъ; то, ясно, долженъ поставить себя въ ряду послѣднихъ; а поставивъ себя въ такое положеніе, очевидно, что, уклоняясь отъ міра и жизни мірской, онъ не столько теряетъ, сколько пріобрѣтаетъ; ибо за отказъ отъ меньшаго участка радостей, получаетъ свободу отъ множества огорченій.—

Скажутъ, что и въ жизни монашеской есть лишенія и трудности. Безъ сомнѣнія: иначе почему бы она и называлась подвигомъ? Но за то сколько въ ней утѣшеній, неизвѣстныхъ и, дерзнемъ сказать, почти невозможныхъ въ мірѣ!—

Эта свобода въ употребленіи своего времени на занятіе самимъ собою; эта близость къ дому Божию и удобность находится при богослуженіяхъ Церкви; эта собранность мыслей, невозмущаемыхъ дѣлами житейскими; эта увѣренность, что путь, по коему идемъ, прямо ведетъ къ царствію; это мирное сообщество людей, кои видимо стремятся къ той же святой цѣли: все это — а мы

указываемъ только на внѣшнее—малое ли преимущество инока?—И все это только залогъ большаго. Какого? тѣхъ утѣшешій внутреннихъ, кои предстоятъ сердцу, отрекшемуся міра. Отъ кого? отъ Того, Кому оно посвятило себя, отъ Господа Іисуса.—

Въ самомъ дѣлѣ, если женихи земные, обручившись съ кѣмъ либо, не забываютъ своей обрученной, и доколѣ соединятся съ нею бракомъ, употребляютъ всѣ средства усладить для ней свое отсутствіе: то думаете ли, что Женихъ небесный, Господь Іисусъ, оставляетъ тѣхъ, кои, презрѣвъ любовь земную, предають Ему на всегда душу и сердце свое?—Нѣтъ, если душа остается Ему вѣрною, то она непрестанно находится подъ Его невидимымъ благодатнымъ освѣщеніемъ; выну пріемлетъ отъ Него знаки Его благоволенія; находитъ въ Немъ и наставника, и утѣшителя, и хранителя, и помощника.—

Такое сообщеніе въ духѣ съ Женихомъ небеснымъ какихъ не можетъ замѣнить радостей? какихъ не вознаградитъ потерь и огорченій?—Престанемъ же взирать окомъ печали на тѣхъ, кои въ глазахъ нашихъ отрекаются міра и всего, яже въ мірѣ; они отрекаются отъ того, что само есть неизсякаемый источникъ печалей. Тутъ мѣсто не унынія, а радости духовной; ибо душа видимо паритъ надъ всѣмъ міромъ къ Богу.—

Если есть мѣсто печали, то не о постригаемыхъ, а о самихъ себѣ, какъ мы сказали въ началѣ. Мірянинъ, видя, какъ попураютъ всѣ прелести міра, можетъ по праву скорбѣть о томъ, что онъ самъ не въ силахъ сдѣлать сего. Монахъ тѣмъ болѣе можетъ и долженъ скорбѣть, если давно вступивъ на путь отреченія, произносимаго другими, не шель по немъ доселѣ, какъ должно. Такая печаль, въ томъ и другомъ видѣ, будетъ по Возѣ. Но, и при сей печали все еще есть мѣсто радости о томъ, что если не мы, то братъ или сестра наши дѣлаютъ то, чего не сдѣлали доселѣ, или не можемъ сдѣлать, мы сами. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДОЛЖИВЪ СЛАНІИ, ПО ПОСТРИЖЕНІИ СЯ ВЪ ДОЛЖЕСТВО *).

Возлюбленная дочь и сестра о Господѣ!

Въ святыхъ обѣтахъ, отъ тебя произнесенныхъ, — въ теплыхъ молитвахъ, о тебѣ вознесенныхъ, — въ матернемъ наставленіи Церкви, тебѣ преподанномъ, и, что всего важнѣе, въ таинствѣ Тѣла и Крови Христовой, сейчасъ тобою принятомъ, — столько свѣта и назиданія, столько любви и утѣшенія, столько силы и жизни, что намъ оставалось бы только возблагодарить Господа и сказать тебѣ: радуйся, невѣста Христова, и спасайся о Христѣ! — Но, поелику *отъ избытка сердца* невольно глаголютъ уста (Мат. 12, 34); то и мы не можемъ *возбранить* нашему *духу*, чтобы, при настоящемъ, столь важномъ для тебя, событіи, не сказать тебѣ нѣсколько словъ, могущихъ, благодатию Божіею, послужить на пользу души твоей.

Итакъ, давнее, искреннее и сильное желаніе сердца твоего исполнилось: наконецъ ты удостоена воспріятія ангельскаго образа! — Возблагодаримъ убо Господа за то, что Онъ не презрѣлъ нашего ничтожества и гласомъ невѣстоводительницы — Церкви обручилъ душу нашу Себѣ, яко невѣсту, въ вѣчное наслѣдіе и собственность. Послѣ сего нечего уже болѣе желать намъ съ тобою на землѣ: отнынѣ всѣ помыслы души, всѣ стремленія сердца нашего должны быть преставлены на небо. Ибо, яко

*) Сказанное въ женскомъ никольскомъ монастырѣ, 7 декабря 1845 года.

воспріявшая образъ ангельскій, ты принадлежишь уже не столько къ обществу чловѣческому, сколько лику ангельскому. Если убо и на театрахъ не принимаютъ на себя чьего либо образа всеу, но стараются мыслями, чувствами и словами, самымъ движеніемъ, взглядомъ и всею прочею внѣшностію соотвѣтствовать лицу, на себя принятому; если и тамъ, для успѣха въ семъ дѣлѣ, не жалѣютъ никакихъ трудовъ, учатъ на память цѣлыя книги, повторяютъ изученное, отдаютъ слова и дѣйствія свои на судъ другимъ, лишаютъ для сего нерѣдко себя сна и пищи: то не паче ли, возлюбленная сестра, намъ съ тобою подобаеть употребить всѣ наши способности, всѣ средства и всѣ усилія на то, чтобы не всеу носить на себѣ образъ ангельскій, нами воспринятый, чтобы соотвѣтствовать ему во всѣхъ нашихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, соотвѣтствовать не по одной внѣшности, не предъ глазами только зрителей и не на извѣстное время, какъ на театрахъ, а въ самой душѣ и сердцѣ, поистинѣ и всецѣло, какъ бы мы дѣйствительно преставлены были съ земли въ кругъ небожителей. Ангелы, по свидѣтельству Спасителя, выну зрятъ лице Отца небеснаго (Мат. 18, 10): и предъ очами нашего сердца выну долженъ быть Господь и Спаситель нашъ. Какъ воздухъ питаетъ непрестанно и поддерживаетъ жизнь нашего тѣла: такъ мысль о присутствіи Божіемъ должна питать и поддерживать жизнь нашего духа. Чувство сего присутствія всякое мѣсто будетъ для насъ обращать въ небо и соединять съ Ангелами: ибо гдѣ Богъ, тамъ и небо и Ангелы.

О Херувимахъ и Серафимахъ сказано, что они, окружая престоль Божій, непрестанно взываютъ: *святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваовъ, исполъ вся земля славы Его* (Исаіи 6, 3)! И намъ, яко воспріявшимъ образъ ангельскій, посему подобаеть, какъ можно болѣе и чаще упражнять себя въ славословіи имени Божія, и для сего не только никогда не опущать общественнаго богослуженія во храмѣ, но и самую келію свою, сколько возможно, обращать въ домъ молитвы и наполнять ее не словами праздными, не бесѣдами суетными, а словословіемъ имени Божія, вздохами, колѣнопреклоненіемъ и слезами покаянія.

Ангелы, не взирая на великое достоинство ихъ, по свидѣтельству св. писанія, всѣ суть служebníи дуси, въ служеніе посылаеміи за *хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1, 14). И намъ убо теперь подобаеть если какой трудъ и какая служба: то та, которая имѣеть цѣлію не столько удовлетвореніе собственныхъ нашихъ нуждъ, сколько благо и пользу нашихъ ближнихъ. Вра-

зумить невѣдущаго, утѣшить печальнаго, призрѣть бѣднаго, уврачевать немощнаго — все это должно быть нашимъ первымъ и святымъ долгомъ, который при томъ надлежитъ намъ и исполнять не по-мірски и человѣчески, а по-ангельски, то есть, кротко, благо, терпѣливо, свято.

Ангелы, служа и не своему, а нашему спасенію, терпятъ всѣ недостатки и нечистоты тѣхъ, коимъ служатъ, то есть, между прочими и наши съ тобою: тѣмъ паче мы, трудясь надъ дѣломъ собственнаго нашего спасенія, должны быть терпѣливы во всемъ, что можетъ случиться съ нами горькаго и тяжелаго,—зная, что для насъ, болѣзнующихъ духомъ и сердцемъ, во очищеніе, исцѣленіе и укрѣпленіе наше, нужна не сладость, а горести.

Такое назиданіе, возлюбленная о Господѣ сестра, сокрывается для насъ уже въ самомъ названіи новаго сана нашего! Мы должны достигать того, чтобы каждый, знающій насъ, могъ съ справедливостію сказать о насъ то, что міръ такъ справедливо иногда говоритъ о любимцахъ своихъ: это не человѣкъ, а ангелъ! Мы же сами сколько бы, по благодати Божіей, ни достигли сего, должны говорить о себѣ другое; то есть, что мы не Ангелы, а бѣдные грѣшники, ожидающіе помиловенія себѣ отъ единаго милосердія Господня.

Сказавъ о назиданіи, умолчимъ ли о богатствѣ утѣшенія, которое такъ же заключается въ самомъ новомъ названіи твоёмъ?—Поелику ты воспріяла образъ ангельскій, то отсель всѣ благіе духи, Херувимы и Серафимы суть яко братія твои. Если убо и земные братья и друзья никогда не оставляютъ насъ, а помогаютъ намъ во всѣхъ нуждахъ нашихъ; то друзья и братія небесныя тѣмъ паче никогда не забудутъ своей сестры: они невидимо будутъ окружать тебя, съ тобою будутъ трудиться, съ тобою молиться, съ тобою радоваться и скорбѣть. Отъ ихъ прозорливости не скроется никакое искушеніе и опасность; предъ ихъ силою не устоитъ никакая злоба и лукавство враговъ нашего спасенія; они найдутъ средство провести тебя безопасно среди самой тьмы и сѣни смертной. Престанемъ же, взирая на духовную и тѣлесную немощь нашу, скорбѣть и унывать; воспріимемъ духъ мужества и упованія, подобающій новому образу и сану нашему; начнемъ, ничто же сумняся, дѣйствовать тѣмъ безцѣннымъ всеоружіемъ, въ которое облекла насъ нынѣ св. Церковь. Коль скоро мы будемъ правильно употреблять его; то, будь увѣрена, оно содѣлаетъ насъ неприступными для всѣхъ силъ вражійхъ.—Аминь.

СЛОВО

ВОСПИТАНИКАМЪ ВТОРОЙ ХАРЬКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ *).

Благо есть мужу, егда возметъ яремъ
въ юности своей. Плач. Іер. 27.

сли предъ кѣмъ нужно чаще повторять сіи слова святаго мудреца израилева; то предъ вами, юные питомцы наукъ! Находящіеся въ другихъ — высшихъ возрастахъ, хотя бы и хотѣли исполнить для блага своего совѣтъ, въ нихъ заключающійся, не могутъ сдѣлать сего; ибо время — незворотно: а вы находитесь именно въ томъ возрастѣ, который имѣлъ въ виду святыи мудрецъ, когда произносилъ сіи слова.

Что же совѣтуеетъ онъ? взять яремъ Господень отъ юности, то есть, съ самыхъ раннихъ лѣтъ возненавидѣть всякій грѣхъ и всякое беззаконіе, возлюбить отъ всего сердца законъ Господень и правду, рѣшиться жить и дѣйствовать не по наглому влеченію чувствъ, не по внушенію слѣпныхъ страстей, а по правиламъ совѣсти и Евангелія, имѣя цѣлю дѣйствій не временный прибытокъ, не удовлетвореніе своей гордости и самолюбію, а славу Творца своего, благо ближнихъ и собственное преслѣяніе въ истинѣ и добродѣтели. Вотъ чего желаетъ юношамъ св. мудрецъ израилевъ! Рѣшительное самоопредѣленіе себя на добродѣтель онъ называетъ *взятіемъ ярема*, то есть дѣйствіемъ подобнымъ тому, какъ молодое животное въ первый разъ допускаетъ надѣтъ на себя яремъ, дабы идти на трудъ полевой, и называетъ

*) Сказанное 1844 года.

такъ потому, что обузданіе своихъ страстей, уклоненіе отъ соблазновъ, всегда стоитъ человѣку нѣкоего насилія себѣ, то есть, своей падшей природѣ, которая отъ юности стремится къ тому, что противно закону Божию. *Благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей!*

Можно взять этотъ священный и спасительный яремъ и не отъ юности; можно взять его въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ: и когда бы онъ ни былъ взятъ, всегда это благо для человѣка. Но, какая великая разность начать быть добродѣтельнымъ отъ юности, или послѣ, тѣмъ паче—въ лѣта преклонныя!—Ибо, первое и неизбѣжное въ такомъ случаѣ—сколько будетъ потеряно времени для добродѣтели и нашего совершенства! Все это время, въ которое мы не будемъ жить добродѣтельно, есть чистая потеря для души и вѣчности: мало—потеря, вредъ величайшій; ибо человѣку нельзя, когда не живетъ добродѣтельно, не жить въ тоже время и потому самому порочно: середины нѣтъ для него. Но всякое неправильное и порочное дѣйствіе портитъ природу нашу, отъемлетъ у ней часть богоподобія, безобразитъ и извращаетъ ее. Посему, чтобы, живя порочно, начать потомъ жить правильно, для сего надобно впервыхъ избавиться отъ привычки грѣшить, надобно очищать и укрощать свою природу, надобно выпрямлять для сего каждую способность души, какъ членъ вывихнутый. Сколько тутъ потребно работы, насилія себѣ, терпѣнія, борьбы, пота и слезъ! Вотъ почему такъ трудно брать яремъ Господень послѣ, не взявъ его отъ юности! Вотъ почему такъ рѣдки искреннія обращенія къ Господу въ лѣтахъ позднихъ!

Въ юности, напротивъ, нѣтъ и не можетъ быть подобныхъ затрудненій. Если здѣсь природа наша, растлѣнная грѣхомъ, и проявляетъ въ себѣ нѣкоторыя противозаконныя стремленія ко злу: то сила ихъ еще не велика, и побѣдить ее нетрудно. Съ другой стороны, въ юности гораздо явственнѣе и первобытная наклонность той же природы нашей къ истинѣ и добродѣтели. Тутъ сердце чище, совѣсть живѣе, небо ближе, самая благодать Божія какъ будто намъ роднѣе; и это потому, что въ юности нѣтъ еще предразсудковъ, темнящихъ самый сильный умъ, нѣтъ закоренѣлыхъ страстей, возмущающихъ самое благородное сердце, нѣтъ житейскихъ отношеній, ставящихъ нерѣдко самага опытнаго человѣка въ такое положеніе, что онъ не знаетъ, что дѣлать, какъ согласить требованія совѣсти съ требованіями свѣта. Юношѣ посему тѣмъ непростительнѣе, если онъ предается пороку. Это значитъ,

что онъ не могъ сразиться съ самымъ малымъ врагомъ, отдався въ плѣнь, такъ сказать, безъ сраженія.

Уразумѣйте же, возлюбленные юноши, драгоценно преимущество вашего возраста для добродѣтели, и спѣшите упрочить его за собою, взявши на себя святой и блаженный яремъ Господень, то есть, посвятивъ себя всецѣло и невредимо истинѣ и добродѣтели. И всякій возрастъ не долго длится; а юность, какъ весна, быстротечнѣе всѣхъ: посему не медлите исполнить совѣтъ Премудраго, отъ коего зависитъ благо всей жизни. Если бы это стоило принужденія себѣ; то это принужденіе вознаградитъ себя для васъ сторицею.

Не обольщайтесь ложною и пагубною мыслию, что можно предаться грѣху и потомъ освободиться отъ него и остаться безъ вреда. Нѣтъ, грѣхъ не такого свойства, чтобы уллучивши васъ въ свои руки, потомъ далъ вамъ свободу дѣйствовать, какъ захотите. Это тиранъ, который избодеетъ ваши очи, чтобы вы не могли и помыслить о свободѣ духовной. Не обольщайтесь и тѣмъ, что грѣхъ, который вы позволите себѣ, не великъ повидимому. Нѣтъ, грѣхъ; какъ бы онъ ни казался малъ, всегда пагубенъ: ибо онъ есть ядъ для души.—А изверги чловѣчества—развѣ они вдругъ возрасли въ исполиновъ грѣха? И для нихъ было время невинности, въ которое они, подобно вамъ были чисты и не знали грѣха; когда преступленія для нихъ были такъ ужасны, что они трепетали, можетъ быть, отъ одного имени ихъ. Откуда же возникло ихъ бѣдствіе? Оттого, что они вмѣсто того, чтобы взять яремъ Господень и рѣшиться быть чистыми и добродѣтельными, устремились въ противную сторону, и какъ устремились? безъ сомнѣнія, съ боязнію, робостію, на малое, какъ думали, время, съ тѣмъ именно, чтобы возвратиться, тѣмъ паче не съ тѣмъ, чтобы забыть наконецъ Бога и себя совершенно. Но шагъ за шагомъ, порокъ за порокомъ, и составила привычка; изъ одной страсти возникла другая; узы грѣха многообразились и отяжелѣли, а гласъ совѣсти сдѣлался слабѣе; чувство долга изсякло, разумъ затмился, свобода воли исчезла;—и тѣ, кои позволили себѣ преступленія только самыя легкія, начали потомъ, по выраженію Пророка, пить беззаконія, яко воду,

Да блюдется и каждый подобнаго! Съ грѣхомъ, какъ съ ядомъ, нельзя шутить никому! Аминь.